

ЛИДИЯ ЛАЗОР

Свеча судьбы

Лидия Лазор

СВЕЧА СУДЬБЫ

Роман
Рассказы

Луганск

Издательство «Янтарь»

2003

Свеча судьбы. - Луганск, 2003. - 400 с.

ISBN 966-678-086-0

Роман «Свеча судьбы» - первая книга прозы Лидии Ивановны Лазор. Он глубоко пронизан поэтической тонкостью чувств, что дает возможность многограннее понять психологию действующих лиц. В нем особенно ярко и проникновенно раскрыт образ благородной и целеустремленной главной героини Михайловой Елены Васильевны. Великая любовь матери сформировала в ней трудолюбие, чистые и добрые качества. Стезя жизни простирается к ней терниями, через которые она стремится пройти, ниспосылая свою израненную душу для излечения и ее укрепления в Господнюю Обитель.

Лидия Лазор - широко известный поэт. Ее перу принадлежит тринадцать поэтических сборников. За вклад в развитие литературы и научной деятельности она награждена в 2000 г. - орденом «Рождество Христово», в 2001 г. - орденом «Княгиня Ольга», в 2002 г. - дипломом «Лауреат литературной премии имени Владимира Даля».

Лидия Ивановна является академиком Международной академии информатизации, членом-корреспондентом Академии правовых наук, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Украины, деканом юридического факультета Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля. В 1998 г. она признана женщиной - ученым года. Результат ее научной деятельности составляет около 200 научных работ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Сестры Лена и Тамара сегодня очень устали. Они весь день работали на приусадебном наделе – картофель, который пропалывали и окучивали, теперь ровными зелеными рядами возвышался над поверхностью земли. Сестры спешили пригрести еще влажную от дождя землю к ботве, чтобы, как говорила им мама, осенью нарывать богатый урожай.

Картофель в их доме был основным продуктом питания, поэтому они так старательно мотыгами взрыхляли землю с обеих сторон, пригребали ее так высоко, что видны были лишь макушки ботвы.

Жили они так же бедно, как в основном и все крестьяне 50-х годов XX века. Их село Нарманка, которое находилось недалеко от города Ставрополя, еще не оправилось от тягот Великой Отечественной войны, которая длилась, как известно читателю, около пяти лет. Особенно бедствовали те семьи, где не было работающих мужчин.

После войны многие семьи не встретили своих мужей, отцов, братьев. И дом Михайловых горе не обошло. В 1942 году под Москвой погиб их отец Михайлов Василий Иванович. На руках овдовевшей 33-летней Александры Петровны осталось семеро детей. Самой старшей дочери, Веронике, едва исполнилось тринадцать лет, а младшей, Елене, не было еще и годика.

* С 1964 года этот город называется Тольятти.

Александра Петровна от природы была стройная, красивая, очень деловая, умная, волевая и бесстрашная женщина. Но и она, глядя на своих исхудавших, один меньше другого детей, впадала в отчаяние. Ею овладевал страх, который глубоко проникал в душу и парализовывал ее волю. Слезы горечи покрывали ее измученное страданиями лицо. Александра Петровна больше всего боялась, что ее дети не выдержат голода или холода и умрут.

В это тяжелое время ей никто не помогал. Родственников рядом с нею не было. Помощи ждать было неоткуда. Шла война. Свирепствовала зима. Морозы достигали 45-ти градусов, а дрова в доме были совсем на исходе. Лошади нет, и нечем привезти ни дров, ни соломы, которая служила кормом для животных. В их хозяйстве имелась корова, девятимесячный бычок и три овцы, которых надо было кормить, а кормить нечем. Такая безысходная ситуация загоняла Александру Петровну в тупик, и она не знала, как выйти из такого тяжелого положения. Страх от такой катастрофической картины убивал, но и одновременно заставлял искать выход. Вдова постепенно укреплялась душой; сжав свою волю в кулак, она старалась не давать слабости брать над ней верх.

Чтобы решить тягловую проблему, Александра Петровна стала пробовать вместо лошади запрягать бычка. Бычок невероятно сопротивлялся. Ей стоило больших усилий научить ходить его в упряжке и подчиняться ее команде. Но как бы ни было голодно и тяжело, она не позволяла забить овец или корову, поскольку знала, что если лишится их, то семью ждет неминуемая смерть.

Правда, корова от недостатка не то чтобы сена, но даже соломы, давала мало молока. Его совершенно не хватало на всю семью, но оно хоть в какой-то степени поддерживало жизнь в детских организмах. А с овец кормилица семьи состригала шерсть. Из нее она валяла валенки, вязала носки, варежки, а если шерсть оставалась, то и иную одежду, так как какие-либо вещи взять было совершенно неоткуда, а без мало-мальски теплой одежды в такие лютые морозы выходить на улицу было

нельзя.

И в эту третью военную зиму 1943 года термометр показывал ниже сорока градусов. От таких морозов и скудности одежды многие односельчане отмораживали ноги, руки и замерзали вообще. Но семью Михайловых это несчастье миновало благодаря неимоверно большой работе Александры Петровны. Чтобы как-то выжить и сохранить жизнь своим детям, она трудилась день и ночь. Свою мать дети в эти тяжелые годы практически не видели отдыхающей. Ночью, при свете лучины, она либо изготавливала валенки или выделывала кожу, либо шила, вязала, либо делала иную работу, а днем шла работать в колхоз. Уходила очень рано и приходила, когда уже начинало темнеть.

Казалось, что конца войне никогда и не будет. Многие односельчане пухли от голода и умирали мучительной смертью. Как это было страшно: видеть своих детей, родных и близких в пасти смерти, не имея никакой возможности им помочь. Особенно много людей умирало ранней весной, у кого не было коров и которые не могли выпить в день хотя бы кружку молока, когда из старых запасов уже ничего не оставалось, а до нового урожая было еще далеко. Весной, как только из земли поднималась трава, люди искали в ней дикий щавель, крапиву, пестики, одуванчики и другую пригодную в пищу растительность. И собирали ее, и варили из нее для себя еду. От такой пищи люди пухли, теряли рассудок и умирали.

До Ставрополя враг не дошел, но он был уже недалеко. Немцы вели ожесточенные бои под Сталинградом*. Многие беженцы шли в Казань, Буинск, Ставрополь и другие близлежащие города и деревни. Беженцы были и в Нарманке. Голодные, оборванные, они просили поест. Но что могло дать нищее село? Ничего. Оно само вымирало от голода. Хотя надо заметить, что в Нарманке было небольшое поголовье колхозных коров, лошадей и овец. В колхозе выращивали картофель, лук, чес-

* Ныне Волгоград.

нок, репу, капусту и велись незначительные посевы ржи, овса, гречихи и других злачных культур. Все сеялось и убиралось вручную. Не было ни тракторов, ни комбайнов. Но весь собранный урожай в обязательном порядке отправлялся на фронт. И если кто-то пытался собирать колоски или какую-то горсточку зерна принести в карманах одежды домой, то такого человека арестовывали и применяли очень строгие меры наказания – вплоть до расстрела.

Государство во время войны на население села взвалило непомерный налоговый гнет. Если крестьянин имел корову, то он должен был с нее сдать государству ежедневно большую часть надоя молока, а при ее убое сдавалось до 80 процентов ее веса. Аналогично вопрос обстоял с овцами и домашней птицей. С них государству сдавались шерсть и мясо, с кур – яйца и мясо. Но ни сено, ни зерно на пропитание этих животных законом не предусматривались. Поэтому в доме учитывалось чуть ли не каждое зернышко, яичко либо стакан молока. И все дети непременно работали. Каждый выполнял по своей силе работу: одни рвали траву, сушили, убрали ее под навесы, другие ходили за грибами, третьи делали кизяки для топки, четвертые трудились по дому. Александра Петровна в семье установила строгую дисциплину. Детей она воспитывала так, чтобы они уважали друг друга, сострадательно относились к чужим людям, любили труд, честность и скромность.

И вот наконец кончилась эта ужаснейшая война. Михайлова от чрезмерного труда вскоре после войны стала инвалидом второй группы. Но и в таком состоянии работала, выбиваясь из последних сил, продолжая бороться за жизни своих детей. Не отдала их в детские приюты, окружила их теплом и вниманием. Да и сами дети, впитав любовь матери, ее ласку, относились к ней с большим уважением и почтением и всей душой стремились во всем помочь ей и друг другу.

Старшая сестра Вероника в восемнадцатилетнем возрасте вышла замуж за Александра, и они уехали жить на Украину в город Шахтерск. Как только она устрои-

лась работать, то, чтобы хоть немного облегчить положение матери, забрала к себе сестру Марию, которой вскоре должно было исполниться шестнадцать лет. Несколько позже в Шахтерск уехали Алексей, Татьяна и Андрей. И всем братьям и сестрам Вероника, особенно в первые годы их пребывания в городе, очень помогала.

После того, как уехали из села Алексей, Татьяна и Андрей, с Александрой Петровной остались только двенадцатилетняя Елена и четырнадцатилетняя Тамара. Они все вместе вели хозяйство, выполняли домашнюю работу и заготовливали на зиму корм для скота. К этому времени у них была корова и несколько овец. Для семьи Михайловых очень сложно было заготовить корм для скота и обеспечить на зиму дом топливом, поскольку вдова в колхозе в связи с инвалидностью работать не могла: у нее очень болели ноги и спина, и она фактически не могла ходить. Как только Александра Петровна перестала работать, сельсовет о ней словно забыл. Ей не выдавали ни зерна, ни дров, ни сена, ни соломы – ничего другого, что хотя бы в какой-то степени обеспечивало ей и ее семье необходимые условия жизни. Поэтому Лена и Тамара как муравьи трудились каждый день от зари и до зари. Им изо всех сил старалась помогать и мать. Изможденная женщина могла работать в основном только сидя, поэтому вязала, шила и даже сидя стирала белье. Превозмогая острую боль в ногах и спине, Александра Петровна старалась на коленях пропалывать в огороде грядки или по мере возможности выполнять другую работу. А чего это ей стоило, знала лишь она да дети, когда по ночам от боли слышался ее стон. Но они втроем всей своей железной волей боролись за жизнь и строили планы, и мечтали о будущем.

Вот и сегодня в конце дня они собрались, чтобы обсудить работу на завтра. Все были очень рады, что наконец окучили всю картошку, которой был засажен весь выделенный им за домом земельный участок в двадцать пять соток. У них также был небольшой клочок земли перед домом, где они выращивали чеснок, лук, свеклу, капусту, помидоры, тыкву и другие овощи – все, что

необходимо для пропитания семьи. Сада у них не было, поскольку за каждое дерево были установлены государством налоги, а платить их было не из чего. Поэтому все фруктовые деревья были выкорчеваны. Крестьяне, живя в селе, практически не имели возможности иметь сад и питаться хотя бы какими-то фруктами, которые содержат в себе необходимые для организма человека витамины. Государством в то время были приняты законы никак не в пользу и на благо человека, а скорее всего во вред, словно для истребления крестьянства.

Народ смертельно мучился, но молчал, поскольку даже за неосторожное слово, высказанное в качестве незначительной критики в адрес существующих реформ, политики правительства, Сталина или иных ведущих коммунистических деятелей, грозило страшное наказание. За это не только заключали в тюрьмы и лагеря сроком до 20 лет, но и приговаривали к смертной казни. И в их селе имели место случаи, когда крестьяне среди народа, зачастую в нетрезвом состоянии, нечаянно проговаривались и высказывали совсем незначительное недовольство или рассказывали анекдот про Ленина, Сталина или других политических деятелей. Этим крестьян на следующий же день брали под стражу, и затем они исчезали навсегда. Родные и близкие о них ничего не знали, и им фактически запрещалось о них что-либо спрашивать.

Когда в 1953 году умер Сталин, то жизнь в деревне стала несколько лучше. Но все равно налоги на коров, овец, кур и других животных хоть и были снижены, однако не были полностью отменены. И жизнь крестьян была все еще очень тяжелой. Деньги за работу в колхозе не выплачивались, а проставлялись в ведомостях по выходу трудодни. Работать заставляли каждый день. За трудодни выдавали для пропитания несколько мешков зерна, а на прокорм скотины и отопление домов давали воз соломы или еще что-то незначительное.

Крестьяне от такой тяжелой доли стонали, но девать-ся было некуда. Уехать в город было невозможно, так как паспорта им не выдавали, а без них они не имели

права выезжать в город для проживания. Уезжали только те, кто призывался служить в ряды Советской Армии, а по окончании службы смогли распределиться по комсомольским путевкам на стройки народного хозяйства; или же дети в возрасте до шестнадцати лет, которые выезжали в город к родным и близким и там с великими хлопотами добывали себе паспорта. Паспорт также выдавался девушкам, если они выходили замуж за горожан. Они имели право выезжать по месту жительства своих мужей.

Вот и Вероника, выйдя замуж за Александра, таким образом забрала в город Шахтерск Донецкой области Марию, Алексея, Татьяну и Андрея. Все они уже там работали. Александра Петровна очень скучала по детям, писала им письма, беспокоилась очень о них. Ведь они были еще так молоды, что могли оступиться в жизни и пойти по неправильному пути. Но в глубине души мать верила в своих детей и была рада за них. Жизнь в городе была несколько легче, чем в колхозе. И им там нравилось. В городе они могли позволить себе купить сахара. В эти годы в селе многие из крестьян от нужды и бедности даже не знали его вкуса.

В семье ж Михайловых сахар иногда водился. Его высылала Вероника. Вот и вчера Александра Петровна получила маленькую посылочку в два килограмма. В ней было немного сахара, конфет-леденцов и печенья. Елена и Тамара были невероятно рады и счастливы, когда им в тот же день Александра Петровна дала по кусочку сахара, по два печенья и по несколько леденцов.

Дети настолько были измождены скудной пищей и изнуряющей работой, что были как былинки и выглядели старше своих лет. Мать с тоской и болью смотрела на них, таких жалких, и ей хотелось сразу разделить между ними всю посылку и накормить их сладостями хоть раз досыта. Но она знала и другое: чтобы выжить, надо питаться и завтра, и послезавтра, и следующие дни, а помощи ждать, кроме как от Вероники, неоткуда. Младшие - Мария, Андрей, Татьяна и Алексей - сами

пока нуждались в помощи и еле-еле сводили концы с концами. Вот почему она старалась подольше растянуть эти сладости и хоть чуть-чуть восстановить силы Лене и Тамаре. Сама же она лишь попробовала один леденец, а остальное содержимое посылки постепенно раздала детям. Сердцем матери она чувствовала, что дочери нуждаются в улучшении питания, и знала о том, что им особенно сейчас, в это летнее время, необходима калорийная пища, поскольку предстояло сделать столько разной работы. И девочки ее выполняли. Вот и завтра им придется делать кизяки, а это неимоверно грязный и тяжелый труд.

На следующий день Елена и Тамара встали, как обычно, рано. Солнце только начинало всходить, но было уже видно, что день будет погожим. Утро своей природной красотой словно улыбалось, и от его улыбки как-то теплело на душе, пробуждалось стремление к жизни. Тамара быстренько взяла полотенце, ведро и, наполнив его наполовину водой, пошла доить корову. Помыв вымя, она вытерла его и тщательно выдоила все молоко. Внесла ведро в хату, процедила молоко через кусок марлевой материи, разлила в двух- и трехлитровые глиняные кринки, часть отнесла в погреб, а часть оставила, чтобы сдать в сельский приемный пункт по сбору молока. Так как налоги на корову еще не были отменены, Тамара регулярно носила молоко в этот пункт, который находился от дома Михайловых на расстоянии более двух километров. Но вначале Тамара спешила выгнать корову и овец в общее стадо. На большой, вытоптанной копытами животных, площади, которая находилась на окраине села, два пастуха уже ожидали, когда им с крестьянских дворов стонят скотину.

Тамара во всю ширину раскрыла ворота. Корова и овцы сами охотно направились к месту их сбора. Отогнав животных в стадо, девушка слила из кринки процеженное молоко в десятилитровое ведро и отнесла его в приемный пункт.

А тем временем Лена спешила приготовить нехитрый завтрак. В летнее время пищу готовили на таганке. Таганок представлял собой круглую железную табуретку без крышки на трех ножках. Его ставили на подпечник русской печи, а на него чугунок. Под таганок подкладывали мелкие дрова, т.е. щепки, ломаные прутья или сухой хворост, зажигали и готовили еду. Сегодня Лена варила затируху. Процесс приготовления этого блюда был простым. Лена налила в трехлитровый железный чугунок воды. Когда вода закипела, бросила в нее щепотку соли и, помешивая, засыпала несколько горстей муки. Вся эта масса кипела где-то минуты три-четыре. И затируха была готова к употреблению. Иногда ее делали с добавлением в воду части молока или полностью из молока. Конечно, такая затируха была вкуснее, но молока не всегда хватало. Лена сварила и суп. Он состоял из нескольких картошин и крапивы и приправлялся луком, зажаренным на двух-трех ложках подсолнечного масла, так как масла в хозяйстве было тоже очень мало.

Накрыв на стол, Лена позвала мать и сестру есть. Наскоро позавтракав, Александра Петровна продолжила мять из высушенной конопли кудель. Кудель в хозяйстве использовалась как утеплитель: при постройке деревянных домов ее слоями прокладывали между бревен. Из нее вили веревки, употребляли ее и на другие деревенские нужды. Из семян конопли делали вкусное масло, которое очень ценилось. Здесь уместно отметить и то, что использование конопляного масла как наркотика в 50-е годы совершенно не имело места.

После завтрака Елена и Тамара, быстро помыв глиняные тарелки, пошли изготавливать кизяки. Было уже начало июля, и надо было спешить их делать, а то они могли не высохнуть. Кизяки делались из навоза, который в течение зимы собирали в кучу. При жаркой погоде в нем происходила реакция, он очень нагревался и перегнивал. К концу июня навоз уже окончательно перегорал и был пригоден для изготовления кизяков. Они делались следующим образом: брали часть навоза, на-

ливали в него воды, тщательно вымешивали ногами, затем клали в специальные деревянные приспособления, которые имели форму двух спаренных бездонных прямоугольных ящиков. В них наталкивалась эта навозная масса. После пребывания в этих формах она приобретала вид кирпичиков. Их выносили за двор, клали рядками на землю, и они сохли. После высушенные кизяки складывали в сарай и ими зимой топили печь. Они служили основным топливом.

В первый день работы дело у сестер не очень спорилось. Замес получился неважный. Пришлось его вымешивать еще раз. В навозе было много мелких щепок, и одной из них Тамара поранила ногу. Она приложила к ранке листок подорожника, крепко обвязала ее тряпкой и продолжала месить навоз. В этот день, хотя они и трудились до позднего вечера, сделали чуть больше ста штук. Они наметили себе ежедневный план: делать сообща не меньше двухсот штук кизяков. В целом им на зиму надо было заготовить около двух с половиной тысяч. Зато на следующий день работа у сестер шла хорошо. Девочки наперегонки друг перед другом старались, каждая по-своему, показать свое мастерство и как можно больше сделать этих навозных кирпичиков. Тамара в этот день сделала сто сорок, а Елена - лишь сто двадцать восемь кизяков, и это ее огорчило. Она очень не любила отставать в работе от старшей сестры. Тамара была посильнее, поэтому и сноровку имела лучше, и иногда, чтобы Елена не расстраивалась, в ее рядки тайно клала изготовленные ею кизяки.

К концу недели ноги у Лены и Тамары стали покрываться цыпками. Они их на ночь смазывали кислым молоком. Но это мало помогало, поскольку на следующий день девочкам снова приходилось месить этот ненавистный им навоз. И ноги от мокрого навоза обветривались с каждым днем все больше и больше, кожа на них стала трескаться. Кровь из ранок тоненькими струйками текла по икрам. Но девочки продолжали работать, хотя

было очень больно. Однажды в конце дня, когда Лена мыла ноги, она не выдержала и разрыдалась. Александра Петровна, увидев слезы на лице младшей дочери и поняв причину их появления, намазала ей ноги сметаной, приложила листья подорожника, а сверху еще положила листья капусты и затем аккуратно замотала портянкой. Кожа ног вначале щипала еще больше, так что Елена от боли не знала куда их деть. Но постепенно боль стихла. Мать запретила дочерям на следующий день делать кизяки.

Тогда девочки взяли тележку и пошли к речке, которая находилась в двух-трех километрах от их дома. С большим трудом нарезали серпами траву, которая в основном росла в редких кустарниках на берегу реки, уложили ее небольшим возиком на тележку, стянули крепко веревкой, чтоб он не рассыпался, и поехали домой. Приехав, они разбросали траву, чтобы она сушилась, недалеко от огорода. И на следующий день сестры занимались этой же работой. Через несколько дней ранки на ногах более или менее затянулись и девочки вновь вернулись к прежнему занятию.

Для сестер работа по изготовлению кизяков была самой нелюбимой. Но деваться им было некуда. Эту работу за них никто не мог выполнить. Наконец они ее завершили. Уже наступил август, и их ожидало другое немаловажное дело. У них на сеновале было еще так мало сена, а оно было необходимо. Им поддерживали корову перед отелом и некоторое время после отела, а также и овец в аналогичной ситуации. В сильные морозы сено наполовину смешивали с соломой и давали животным, чтобы они легче переносили холод. Учитывая, что деланки для сенокоса семье Михайловых сельсовет не давал, для них большой проблемой был поиск места, где можно было накопить сена. Сестры, где могли, там косили траву косой, а там, где это было невозможно, жали серпами. Если и это не удавалось, то они ходили в колхозное кукурузное поле и там рвали сорняки, которые могли слу-

жить кормом для животных. За лето они своим усердием и необыкновенным старанием всегда заготавливали сена не менее воза. Взрослые соседи поражались их необыкновенному трудолюбию и терпению. У соседей с одной и другой стороны были мужчины в домах. Они работали в колхозах, им давали делянки для сенокоса. Каждый, выкосив свою делянку, высушив траву, складывал ее, некоторые небольшими стожками, а в основном односельчане сено прятали на сеновалы.

У соседей с правой и левой стороны дома Михайловых также были дети в возрасте Лены и Тамары, но они не ходили за травой, не заботились об обеспечении дома топливом. Эта работа в их семьях лежала на плечах отцов, старших братьев и сестер. Тамара и Лена видели это, и им было обидно от того, что их подруги спали намного дольше по утрам, час-тенько днем играли в разные игры, а по вечерам ходили на танцы, в кино. Сестры, как правило, не только днем, но и вечером никуда не ходили, поскольку они работали до темноты и уставали так, что едва хватало сил на приготовление ужина и умывание. А утром они вставали очень рано, когда слегка начинало светать.

Вдова старалась помочь своим дочкам всеми силами своей души. Дети видели, как мать даже на костылях работает и пытается облегчить их долю. От этого им становилось еще тяжелее, сердце обливалось кровью. Особенно когда мать, опираясь на костыли, пыталась рубить большущие корневища многолетних деревьев. При ударе обухом топора по клинью, забивая их в толщу подземного ствола, чтобы корневища раскололись, Александра Петровна, бывало, падала. Дочки бежали со всех ног к матери, помогая ей подняться. Они очень боялись, что она при падении ушибется, а еще хуже, поломает руки, ноги или ребра. Вот и сегодня, падая, она свезла до крови всю правую руку, которой пыталась хоть как-то защитить свое тело. Увидев мать, лежащую на земле, Тамара и

Лена мигом подбежали к ней, с большим трудом подняли и посадили на специально приспособленный для нее стул. Девочки очень испугались, когда увидели, что по руке течет кровь. Тамара в слезах просила мать о том, чтобы она больше не рубила эти неподдающиеся корневища. Лена бегом принесла воды, Тамара обмыла свезенную кожу, приложила подорожник, который во всех случаях прикладывали к ранам, поскольку других лекарств в доме не было, и обмотала руку куском чистой тряпки.

Александра Петровна, крепясь, молча переносила всю эту процедуру, но слезы помимо ее воли текли по лицу. Увидев слезы матери, Тамара и Лена очень расстроились. Лена была сильнее духом, но и она со слезами на глазах запримечала:

- Мама, ну почему ты нас не слушаешься и делаешь непосильную работу? Мы с Тамарой сами порубим этих чудищ.

- Да как же вы их порубите? У вас еще нет таких сил, чтобы с ними справиться. Вы же сами знаете, что кизяки в печке без дров гореть не будут, а у нас нет больше никаких дров. Зимой мы без них замерзнем.

- Справимся, - уверенно и настойчиво сказала Тамара. - Завтра же пойдем в лес, наберем сухих деревьев, попилим, а они легко колются.

- Дочки, да за эти дрова лесник вас оштрафует и отберет их.

- Тогда мы наберем мелких прутьев, - не сдавалась Тамара.

- Путья, как солома, - грустно заметила мать, - быстро сторят, и кизяки не успеют разгореться.

- Мы, мама, попытаемся нарыть корневищ деревьев помельче и тогда с Тамарой вдвоем сумеем их перерубить. А тебя просим: не руби ты больше. Упадешь и разобьешься насмерть, а как же мы без тебя будем жить?! - в слезах сказала Лена.

Мать, обняв детские головы, прижимая их к груди, молча плакала, в глубокой скорби поглаживая детские плечи, а слезы ручьем текли по ее лицу

и крупными каплями срывались на детей. В голове у нее молниеносно пронеслись одно за другим воспоминания. Михайлова вспомнила время до войны и после войны, когда ее еще не скрутила эта тяжкая болезнь, когда она ходила в колхоз работать, и как бойко жала, вязала снопы, молотила, веяла, сеяла зерно или выполняла другую работу, и все у нее спорилось. Никто из женщин в этой работе не мог с ней соперничать. И при покосе лугов редкие мужчины могли за день сделать столько, сколько выкашивала Александра Петровна. Она косой, как бритвой, под корень срезала траву, укладывала ее ровными рядами. За большие заслуги в работе портрет передовицы многие годы висел на доске почета. Теперь же, когда она стала инвалидом и больше не имела возможности трудиться в колхозе, сельсовет о ней абсолютно забыл, обрекая ее с детьми на голодную смерть.

«И муж же тоже погиб в войну, защищая Родину, а со мной и детьми так вот безжалостно поступают. Что за бессердечное и безумное время?» – сквозь слезы думала она. «Но деваться некуда, надо спасать и поднимать детей. Нельзя расслабляться», – пронеслось у нее в голове.

Утерев слезы, вдова ласково приподняла головы Лены и Тамары, нежно поцеловала их в макушки и пообещала детям, что больше не будет рубить корневища деревьев. Наконец поднялась с их помощью, и они пошли в дом. Уже скоро должна была из стада прийти корова, поэтому Елена пошла ее встречать. Александра Петровна стала пряхать шерсть, а Тамара отправилась готовить что-нибудь на ужин.

Пригнав корову, которую они называли Малинкой, Лена мастерски ее подоила и отдала молоко Тамаре. Та процедила молоко, часть оставила на ужин, а другую часть опустила в погреб. За ужином мать и дети договорились, что завтра с утра Тамара с Леной пойдут с тележкой в лес за дровами.

Наутро, чуть свет, попросив соседку отогнать их корову и овец в стадо, сестры отправились в лес, который был от села за восемь километров. В нем росли разные деревья: береза, орешник, осина, но преимущественно дуб. Лес был очень большой, и в нем легко можно было заблудиться. Но Лена и Тамара шли уверенно. Они уже не раз здесь бывали. Приходили часто по ягоды. В нем зрела малина, земляника, ежевика. Славился лес и грибами. Грибов, если шли дожди, росло много и разных. Тут были подберезовики, подосиновики, сыроежки, опята, синюшки, лиственнички, зеленушки, белые грибы, грузди.

Среди селян большим спросом пользовались белые грибы и грузди. Их в больших бочках солили на зиму, и они служили хорошим подспорьем в скудном питании крестьян. Девочки завернули на поляну и неожиданно для себя увидели целую плантацию белых грибов. Они с большой радостью собрали их все. Грибов получилось много. Сестры не знали, куда же их положить. Тамара вспомнила, что она на всякий случай захватила с собой старую мамину кофту. Сложили их в нее, но все грибы не поместились. Тогда девочки оставшуюся часть высыпали в дырявое рядно, приложив к рваным местам большие листья лопухов. Получился большой узел. Сестры с большим трудом положили его на тележку и поехали в ту полосу леса, где были спилены деревья, чтобы вырыть их корневища.

По пути они встречали много пней, но все они были очень большие. Сестрам не под силу было выкопать их из земли. Наконец Тамара увидела тот пенек, который, как ей показалось, был им под силу. Они взяли лопаты и стали его откапывать. Корневище дуба не очень им поддавалось, но сестры настойчиво все глубже и глубже отрывали его со всех сторон. Когда им попадались боковые корни, отходящие от основного корневища, они их рубили топором, все глубже доходя до основания под-

земной части ствола, раскачивая его то с одной, то с другой стороны. Они уже обкопали корневище глубиной чуть ли ни в рост Лены, а оно все никак не поддавалось. Еще раз по основанию корневища они топором отрубили корни, идущие в глубь земли, затем сестры навалились на него всей своей силой и почувствовали, что оно покачнулось. Окрыленные, они еще резвее заработали топором и лопатой, пока не победили этот полутораметровый дубовый пенек.

Теперь у сестер возникла проблема: как же его из этой ямы достать? Они с одной стороны подкопали яму, сделав ее с пологим подъемом, нашли в лесу толстую палку, под нее положили короткие палки и стали вдвоем выталкивать это неуклюжее, грязное корневище дуба. С большим трудом они вытолкнули его из ямы, подкатили к нему свою тележку, нагнув ее нижней частью до земли, а под верхнюю часть подставили те же палки, которые послужили им стойками, и закатали это чудо лесное на тележку. Затем Тамара и Лена нашли еще один пенек не очень большого дерева. Долго они с ним возились. Вначале сестры первое вырытое корневище крепко привязали к тележке веревкой, чтобы оно не сползло вниз при наклоне ее на землю, и второй вырытый остаток дуба хотя и с большим усилием, но закатали на тележку.

Девочки насобирали валявшиеся на земле сухие ветви, обрубив тонкую часть, а толстую часть сложили на тележку. Нашли сухостой. Пилой спилили тот, за который, они считали, лесник их ругать не будет. И у них получился неплохой возок дров. Чтобы он не рассыпался, сестры в двух местах крепко привязали его веревкой, закрепив ее, словно контргайкой, короткой палкой. Веревка крепко обвила и стянула все находившиеся на тележке дрова так, что они не могли при тряске из-под нее выпасть. На верх возка с большим трудом подняли узлы с грибами, ушло их там укрепили. И, счастливые исходом

дела, сели перекусить перед дорогой. У них еще оставалось по кусочку хлеба, по стакану молока. Поев с большим аппетитом, девочки отправились домой.

Тамара изнутри взялась за перекладину, соединяющую оглобли тележки, и, упираясь в нее грудью, крепко держала руками, а Лена сзади толкала возок. Наконец он поддался и медленно сдвинулся с места. Когда они вышли на более утоптанную дорогу, то тележку везти стало легче. Сестры бойко прошагали большую часть пути. Но им предстоял отрезок дороги с крутым подъемом. Напрягая все свои силы, они пытались, но не смогли сдвинуть возок с места. Долгое время они его безуспешно толкали, не зная от безысходности, что делать. И вдруг Тамара предложила:

– Давай разберем возок? Часть дров и грибы оставим здесь, и возок тогда будет легко идти.

– А если то, что мы разгрузим и оставим, кто-нибудь, пока мы тележку затащим на бугор, украдет? – взволнованно сказала Лена.

– Так что же нам делать? Не сидеть же с этой тележкой, пока не умрем, – сердито ответила Тамара. – Давай тогда будем делать так: станем тележку везти на небольшое расстояние и то, что сгрузили, будем подтаскивать к ней. Все будет у нас на виду, и никто тогда ничего не украдет.

Лена согласилась с сестрой. Но им так не хотелось развязывать хорошо уложенный возок. Потолкав его еще несколько раз, они так и не сдвинули его с места. Тогда сестры развязали возок, грибы и сухостой сняли, а оставшуюся часть дров стянули веревкой. Дернули тележку изо всех сил, и она медленно, но покатилась. Девочки, пройдя метров сто, оставив возок, бежали назад и подтаскивали к нему оставленную часть дров и грибы.

Уже начинало смеркаться, а они все никак не могли преодолеть этот путь. Уставшие до изнеможения, сестры от безысходности сели и расплакались. Но им словно стало стыдно своих слез. Они знали, что мать дома от волнения не находит

себе места от того, что их так долго нет. Собрав последние силы, Тамара и Лена встали и повезли тележку вперед, говоря друг другу:

- Вот приедем, нажарим грибов, наедемся их досыта и отдохнем. Мама будет очень рада, что дрова будут на зиму. Так что, Леночка, не унывай.

- Правда, Тамара, и дрова будут, и грибов на зиму насолим. Глядишь целая бочка будет. Здорово заживем, - вторила ей Елена.

Со словами утешения они прошли значительное расстояние и остановились. Вернулись, за три ходки перенесли оставленные грибы и дрова и осилили последнюю часть подъема. Темнота уже стала гуще. Гонимые страхом, сестры вновь все дрова уложили на тележку, стянули веревкой и, приспособив на возке грибы, двинулись дальше. Тележка под горку пошла легко. И дети пробежали этот путь. Когда они подъехали к селу, темнота уже полностью окутала дома. Но они уже и не боялись. Вскоре девочки добрались и до своей улицы. И им повезло: там бегали их подружки Зоя и Шура. Они помогли Тамаре и Лене довести тележку до дома. Возле ворот на костылях, не находя себе места, вся истерзавшаяся, их поджидала мать. Открыв ворота, возок с дровами общими усилиями закатали во двор.

Поблагодарив подруг, сестры пошли в дом. Александра Петровна зажгла керосиновую лампу. Не поднимаясь со своего приспособленного стула, стала подавать детям на стол еду. Но пока она наливала суп, они на лавке моментально заснули.

Вдова, немного успокоившись, ласковым взглядом окинула своих спящих изможденных детей. С болью подумала: «Ну почему у меня и моих детей такой тяжкий путь в жизни?» И сама же себе ответила: «В этом виновато государство, его неправильная политика. Именно оно лишило их всего: отца, земли, лошадей, которые были в хозяйстве. И не только их оставило в непомерной нужде, но фактически и весь народ страны, проводя

свою политику таким образом, словно люди созданы для государства, а не государство для людей». Но, испугавшись такой крамольной мысли, она встала, сурово сдвинула брови, взяла свои костыли, с трудом передвигаясь, потушила лампу и легла спать.

Утром, проснувшись, мать с детьми пошли во двор и первым делом стали разбирать возок. Александра Петровна была приятно удивлена, увидев, как много белых грибов привезли ее дети. Она тут же стала их перебирать, помыла, сложила в пятиведерную кадуюшку, которая почти заполнилась ими доверху, засолила, положив туда пряной зелени. Немного оставила грибов, чтобы приготовить их к завтраку.

Сестры перебрали привезенные дрова. Сухостой они приготовили пилить, а корневища дубов положили на солнце, чтобы они немного просохли. Мать и дети были довольны, что дров оказалось много.

«Еще шесть-семь таких возков, и дров, пожалуй, хватит вместе с кизяками на всю зиму», — подумала Тамара.

Лена и Тамара в этот же день перепилили весь сухостой, покололи и сложили все поленья в сарай. Назавтра сестры вновь собрались в лес за дровами. Мать очень их просила, чтобы они не набирали так много и засветло явились домой. В течение десяти дней Лена и Тамара через день ездили в лес. Они спешили. Близился уже сентябрь, надо было копать картошку. Сегодня девочки попилили и порубили весь привезенный и оставшийся сухостой. Теперь им надо было поколоть корневища деревьев.

На следующий день со свежими силами сестры стали думать, как же им поколоть эти привезенные ими пятнадцать корневищ, вид которых был устрашающий. Вначале они взяли корневище, которое было привезено в числе первых. Оно немного обсохло, и земля от него отвалилась. Мать посоветовала им сначала отпилить пенек, поколоть его, а затем уже и

остальную часть рубить. Дети так и поступили. С трудом, но отпилили пенек, порубили, а когда стали рубить само корневище, то от него топор отлетал, как от железа - со звоном. Они долго попеременно рубили в одном и том же месте корневища, пока на нем не показалась трещина. Тогда девочки взяли небольшой стальной клин и стали вбивать его в эту трещину. По мере того как трещина расширялась и клин уходил в глубь корневища, вставляли более толстый клин. И эту процедуру сестры проделывали несколько раз, пока корневище не развалилось на две части.

За целый день Тамара и Лена так набили руки, что они у них стали словно ватные, но они до конца не разрубили и одного корневища. Зато немного приобрели опыта с этими клиньями - теперь они шли в дерево более послушно. Затем сестры вдвоем брали кувалду и били ею по клиньям, так как по отдельности ни одна из них не могла ее поднять. Девочки приловчились, и уже на следующий день им удалось разрубить два корневища. Их радости не было предела, когда к концу дня они увидели нарубленную ими целую гору дров.

ГЛАВА II

Наступил сентябрь. Школьники начали учиться, но ни Лена, ни Тамара в школу не ходили. Они спешно рыли картошку. Дочери копали, а мать на коленях ползала и собирала, а затем сбрасывала ее в кучи. Картошка в кучах к концу дня высыхала, и вечером ее, высушенную и перебранную, Лена и Тамара носили в мешках в погреб. За день они нарывали мешков пятнадцать-семнадцать. Этот год на картофеле был очень урожайный, его было много. С пяти-шести кустов набиралось целое ведро. Когда закончили копать, семья Михайловых отборным картофелем заполнила до отказа погреб и яму, предназначенную для его хране-

ния. Такого урожая в селе давно не было.

Александра Петровна подумала: «В этом году, если картофель хорошо сохранится, часть его можно будет продать на базаре и подсобрать денег, чтоб купить детям кое-какие вещи, а то ни у Тамары, ни у Лены нет ни туфель, ни платьев. Зимнее пальто износилось у старшей да и у младшей вот-вот порвется. А сейчас не за что купить им тетради и учебники. Другие дети уже целый месяц ходят в школу, мои же все работают с утра до ночи».

Она вновь ушла мыслями в свою жизнь и жизнь своих детей. Из глубокой задумчивости ее вывел звонкий голос Елены:

- Мама, - кричала она, - в школу когда мы пойдем?

- Вот соберем всю ботву от картошки, снесем ее в поднавес и тогда, наверное, можно идти в школу.

Тамара про себя подумала: «Это будет не раньше второй декады октября. Как же мы с Леной отстанем от других учеников по всем предметам». Но тут же утешила себя ободряющей мыслью: «Догоним».

Закончив работы по подготовке к зиме, Лена и Тамара в конце октября отправились в школу. Лена пошла учиться в шестой класс, а Тамара - в восьмой. С большим трудом они вникали в суть изучаемых предметов. В этом им очень помогала двоюродная сестра, Нина Александровна. Ее после окончания Казанского университета направили в родное село, и она стала преподавать в школе немецкий, русский язык и геометрию.

Нина Александровна очень уважительно относилась к семье Михайловых. Она поражалась нестигаемой воле тети Александры и ее детей. Видя условия, в каких они живут, при инвалидности тети и малолетстве двоюродных сестер, она не могла понять, как они выживают. Племянница с сердечным старанием нашла все учебники для Лены и Тамары, дала им тетради, подарила чернила, и они теперь наравне со всеми учениками имели все необхо-

димые для школы принадлежности.

Поначалу учиться было очень сложно. Тамара и Лена выходили из себя, когда получали неудовлетворительные оценки по точным предметам. Заметив мучения своих двоюродных сестер, Нина Александровна стала по вечерам приходить к ним домой. Допоздна, при керосиновой лампе, они втроем занимались. И вскоре девочки подтянулись по алгебре, геометрии и физике. Они любили учиться и ко всем предметам, которые изучались в школе, относились с большим старанием. Однако следует отметить, что у обеих сестер была любимая дисциплина – литература. Тамара умела настолько красиво читать стихи, что ее постоянно приглашали выступать на разных школьных и внешкольных вечерах. А однажды она стала победительницей на областной олимпиаде по чтению стихов. Лена на сестру смотрела с уважением и часто думала:

«Почему я не умею так душевно и выразительно рассказывать, как Тамара? Почему я такая застенчивая и не могу выражать смысл стихов так, как я их чувствую? Они ж мне так нравятся! Ведь я их знаю намного больше, чем другие ученики, а рассказывать боюсь!»

И Елена однажды не вытерпела и спросила у Александры Петровны:

– Мама, почему я такая застенчивая и не умею красиво вслух выражать свои мысли? Во мне этих мыслей живет целое полчище, но они стройными рядами не хотят идти. Я проглатываю слова или словно их сминаю... И когда излагаю что-то в письменной форме, то у меня на бумаге лучше получается, чем я говорю. И особенно мои мысли, как мне кажется, просторно ложатся, когда я пишу стихи. Но читаю я их очень плохо. А Тамара так хорошо стихи читает.

– Дочка, это зависит от характера. Тамара любит говорить, а ты все больше молчишь. Но ты тоже выговоришься. Нужно тебе просто больше вслух читать и больше рассказывать. Ты по характеру более эмоциональная и чувственная. У

тебя чувства бегут впереди слов. Они и забивают твою речь. Но когда научишься сдерживать свои эмоции, то речь у тебя будет не комканой, а стройной. Всему, Елена, нужно учиться, но ты обязательно в себе робость преодолеешь. Ты девочка волевая, смышленная, настойчивая, придет еще твое время. И ты будешь говорить не хуже Тамары, она ведь постарше тебя. Так что, дочка, не переживай. Почитай лучше мне свои стихи.

- Мама, а какие?

- Какие тебе нравятся, детка, те и почитай.

- Я больше всего люблю вот этот стих:

***Хлеб убрали. Поле черно.
Облетает с веток лист.
Холодок бежит проворно,
Затихает птичий свист.***

***Мышки прячутся в соломе,
Под стогами вьют гнездо.
Медвежонок в своем доме
Закрыв ставнями окно.***

И вот это такое же коротенькое стихотворение. Я тебе его еще не читала:

***Поднялись стеной метели.
Не проехать, не пройти.
В серебро оделись ели,
Прячутся в снегу кусты.***

***Лишь отчаянный мальчонка
В санках рысью побежал
И заснеженной ручонкой
Нос озябший прикрывал.***

- Про Жучку, Лена, еще расскажи.

- Этот стих грустный, но он мне, мама, тоже нравится:

***не не забыть скулящей Жучки
Глаза безумства и тоски.
Средь мусорной огромной кучи***

Горели Жучкины щенки.

**Из дыма вытащив зубами,
На землю жесткую кладя,
Она горючими слезами
Рыдала, сердца не щадя.**

**Лизала жадно и забвенно
Щенка, но был уж мертвым он
И плач тяжелый постепенно
Перерастал в надрывный стон.**

Мама, а вчера я еще одно стихотворение про зиму написала, послушай:

**Воздух чистый и морозный.
Не горит еще вечерняя звезда.
А ледок от холода узорный
Голубеет у пруда.**

**Серебрится иней на деревьях,
И поземка стелется к ногам.
Шейки птицы прячут в оперенья
И пугливо жмутся по углам.**

**Не дают расслабиться морозы
Даже самым ловким воробьям.
Так нависли зимние угрозы,
Что довольны птички сухарям!**

- Красивое, Лена, это у тебя стихотворение. Ты свои стихи пишешь, как дедушка Петр писал. Он писарем до революции в волости работал. И в свободное время стихов сочинил целую тетрадь. Только жаль, их бабушка в печке спалила.

- Мама, а ты тоже стихи сочиняла?

- Да, и я писала, но они у меня не были такими яркими и красивыми, как у моего отца.

- А стихотворение «Плач души» такое у тебя хорошее, я его очень люблю. Ты же его знаешь на память, почитай...

Мать, посмотрев на восторженное лицо дочери, не захотела ее омрачать и тихо начала:

*Чего хочу? Сама не знаю.
Но беспокойство жжет в груди.
Я в этот час душой рыдаю,
А разум бьется взаперти.*

*Хочу я встречному открыться.
И устремиться к небесам.
Я б в них хотела поселиться,
Но быть родимую полям.*

*И видеть мир иной Вселенной,
Войти к ушедшим в хоровод.
Душа моя, как ночь, забвенна,
Чего-то ждет. Чего-то ждет...*

- Какое, мама, ты проникновенное, чистое и нежное стихотворение написала. Я, наверное, такое никогда не напишу.

- Ты, Елена, еще лучше напишешь. У тебя есть воображение. Ты творческая натура. Ты же еще ребенок, а уже стихи неплохие сочиняешь. Я в твои годы никаких стихов не писала. Так что, дочка, у тебя все впереди..

Окрыленная поддержкой матери, Лена настолько увлеклась литературой, что частенько в зимние вечера, напролет до утра, читала и не могла оторваться, не дочитав до конца книгу. Иногда мать, проснувшись и посмотрев на часы, гасила лампу. Девочка в свои тринадцать лет прочла почти всю литературу, которая имелась в небольшой школьной библиотеке. В детские годы Елена прочитала много произведений Пушкина, Некрасова, Кольцова, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Драйзера, Мопассана и других авторов. Детские книги ее не увлекали. Ей было скучно их читать. Она словно не была ребенком, а сразу родилась взрослой. Лена не любила детских игр, была натурой очень мечтательной, поэтической. Она часами, опять-таки ночью, когда мать с сестрой спят, писала стихи. Они настолько ее захватывали, что

в них она словно растворялась всей своей детской душой, не ощущая времени. Уже в этом возрасте стихи ей служили определенной опорой и дарили ей ощущение возвышенности и восторга. Ей казалось, что стихи, как и люди, имеют свое лицо, свое движение, свой характер, свою красоту. Однажды Лена не удержалась и рассказала об этом Тамаре.

- Знаешь, Тамара, я сегодня встретила стихотворение. Оно такое высокое и лицо у него красивое, румяное, чистое, а взор как у сокола. Мне это стихотворение хочется обнять и поселить его к себе в душу, чтобы оно меня согревало, поэтому его выучу наизусть.

- Что за чепуху ты несешь! - ответила ей сердито Тамара. Стихотворение не живое существо, не человек, а представляет собой всего-навсего зарифмованные слова, и оно не имеет души и лица. Не вздумай еще кому-нибудь об этом сказать, а то засмеют тебя или посчитают сумасшедшей и поместят в психушку.

Лена обиделась, молча встала и вышла во двор. Ей неожиданно для себя очень хотелось плакать от того, что сестра не понимает ее. «А если Тамара не понимает, значит, и никто не поймет. И маме не нужно это говорить, чтобы ее не расстраивать», - подумала она.

«Но почему же стихи во мне говорят? И имеют свой язык? Но если они имеют свой язык, то у них есть и свое лицо, свое сердце, свой возраст. Может быть, я и правда сумасшедшая, коль они в моей душе живут и наперебой во мне разговаривают? Просьются наружу, каждый в своей одежде. Как же мне быть?»

Она зарыдала, смахивая слезы подолом своего платья, а они неудержимо бежали из ее глаз. Душа наполнилась невыразимой болью, тоской и одиночеством. И чем дольше она плакала, тем холодней становилось в ее детской душе. Елена словно что-то хоронила в себе и зарывала глубоко-глубоко, подальше от себя и людских глаз. Несколько успокоившись, ее душу опять пронзил вопрос: «Ну почему я не такая,

как все? Почему меня не тянет играть в лапту, в жмурки, в снежки, лепить снежную бабу или поболтать с подружками? Почему мне так скучно с ними? Неинтересно? Наверное, я и впрямь сумасшедшая».

Слезы опять побежали из ее натертых до красноты грубым платьем глаз.

«Что же мне делать? – вновь и вновь задавала себе этот вопрос Елена. – Наверное, мне не нужно больше не только писать стихи, но и читать их».

Лена не помнила, сколько она пробыла в сарае. Было очень холодно, но холод ее словно не брал. Она отрешенно глядела в темноту. На ее детскую душу обрушилась трагедия. И эта трагедия еще больше утвердила ее взрослое мировоззрение, которое в дальнейшем научит ее уходить в себя, зачастую держать свои чувства закрытыми от людских пересудов.

Прошло много времени, пока девочка постепенно оправилась от пережитого удара, который оставил глубокий шрам в ее утонченной душе. Учитель по литературе, Серафима Ивановна, стала обращать внимание на то, что в изложениях Елены, хотя и отражается суть заданной темы, но чувствуется пронизывающая тоска.

Серафима Ивановна была добрым, отзывчивым человеком, чувствовала учеников душой, любила свой предмет и всегда с вдохновением объясняла домашнее задание. Она очень любила произведения Чехова и настолько точно передавала содержание его рассказов, что казалось, она их знает все наизусть. Она наизусть знала много стихотворений и читала их своим ученикам, в том числе и те, которые не входили в учебную программу. Елена особенно любила слушать стихи Ахматовой, Цветаевой, Тютчева, Шевченко, Блока.

Однажды, когда Серафима Ивановна читала стихотворение Некрасова «Несжатая полоса», она увидела в глазах Елены слезы. Ученица так внимательно слушала, погрузившись в тот мир, который раскрывал перед ней учитель, что не чувствовала, как у нее по лицу бегут слезы, сопережи-

вая и разделяя боль крестьян всем сердцем. Серафима Ивановна, заметив слезы на лице Елены, еще больше захотела поговорить с ней. Сегодня ее урок был последним, и учительница попросила Лену остаться после занятий. Когда они остались вдвоем, Серафима Ивановна спросила:

- Лена, почему в последнее время ты такая грустная? Что-нибудь случилось? Ты не заболела? И почему ты перестала ходить в кружок по литературе?

- Все нормально, Серафима Ивановна. Я чувствую себя хорошо, - ответила, потупив взгляд, Елена.

- А почему же ты не приходишь на литературные вечера?

- Времени нет.

- Но раньше же ты приходила?

- То было раньше, а то сейчас, - грубо ответила ученица, резко встала, взяла портфель и пальто и, не одеваясь, выскочила из школы. На дворе стоял февраль. Метель завывала, заметая дорогу, покрывая ее сыпучими волнистыми холмами. Лена надела пальто и, наклонив голову навстречу ветру, словно она хотела, как маленький барашек, бодаться, направилась домой.

Холодный ветер пронизывал до костей ее детское тело, не давая своим порывом идти по заснеженной дороге. Но девочка, еще больше подавшись всем своим корпусом вперед, стремилась идти дальше. Было очень холодно. Однако холод не снимал тяжелого осадка, который терзал ее сердце. Ей было стыдно, и мучили угрызения совести.

«Ну почему я так поступила? Надо было ей рассказать, что меня терзает. Серафима Ивановна такая хорошая учительница, а я ей нагрубилась. Она так ко мне хорошо относится. А вдруг Серафима Ивановна, узнав, что я думаю о стихах как о живых, тоже подумает, что я ненормальная. Расскажет ученикам, и они будут меня дразнить. Нет, наверное, правильно я поступила, не сказав ей, что меня мучает. Просто надо никогда о стихах не думать, меньше их

читать. И стихи тогда, наверняка, отстанут от меня и не будут жить в моей голове и душе. Мне просто надо гулять с подружками больше, тогда они меня и не будут преследовать. Сегодня же быстро выполню свою работу на завтра: натаскаю воды из колодца, принесу кизяков, дров из сарая, убегу навоз из-под коровы, овец – и помчусь с Верой кататься на ледянке с горки», – так подумала Елена, пробиваясь сквозь метель домой.

Придя домой, Елена увидела, что сестра уже дома. Александра Петровна с Тамарой еще не обедали, поджидая ее. Поев, девочки принялись выполнять каждая свою работу. В обязанности Тамары входило сделать нарезку корове: бралась солома и нарезалась в деревянную колоду мелкими кусочками, запаривалась прямо там кипятком, заправленным мелкой вареной картошкой. Такую еду Тамара делала корове утром, в обед и вечером. В ее обязанности также входило накормить овец и ягнят, которым давали нарезанную мелкими кубиками сырую картошку, подоить утром и вечером корову, напоить всех животных специально приготовленным для них пойлом.

Пока сестры наперегонки справлялись со своей работой, Лена почувствовала, что очень замерзла, пока бегала пять раз за водой к колодцу, который находился в овраге, убирала навоз, подметала двор и делала другую работу. Ей как-то уже не хотелось идти к подруге. Она постояла в раздумье несколько минут на улице и, не увидев своих подруг, вернулась домой и села готовить уроки. Поучив географию, выполнив задание по математике, русскому языку, она вдруг увидела на окне завернутую книгу. Лена развернула ее. Это была «Сестра Керри» Теодора Драйзера. Она уже слышала об этой книге, но ее еще не читала. Раскрыв, она тут же погрузилась в произведение и, не отрываясь, с большим интересом читала его до глубокой ночи, пока Александра Петровна в приказном порядке не заставила Лену лечь спать. А ей так хотелось узнать содержание до конца. В школе она все думала о прочитан-

ном, мало слушая, что говорят на уроках. Когда прозвенел звонок с последнего урока, Елена, никого не дожидаясь, побежала домой. Ей все думалось: «Что дальше в книге?» Быстренько переделав всю домашнюю работу, кое-как подготовив уроки, она вновь села за книгу. С большим вниманием, стараясь вникнуть в каждое слово, читала ее почти до утра.

На следующую ночь, когда она окончила читать книгу, в ее душе была растерянность. Лена вначале так сочувствовала героине этого романа – Керри, а в конце романа ее охватило разочарование. Ее симпатии перешли к другу Керри – Герствуду.

«Керри, – думала Лена, – повезло. Она стала богатой, знаменитой актрисой, а Герствуд из-за нее стал нищим и бездомным».

Ей до слез было жаль Герствуда.

«Он был человек с положением, – говорила Лена сама себе. – Его знал чуть ли не весь город Чикаго, но он отказался от всего ради большой любви к ней. Даже сделался вором. Бросил жену и детей, а Керри в конце концов его разлюбила и бросила его на произвол судьбы тогда, когда везение оставило Герствуда. Он стал безработным и нищим. Керри в этот момент не протянула ему руку помощи. И Герствуд, истерзанный неудачами, изможденный холодом и голодом, вынужден был покончить со своей жизнью. А если бы Керри ему помогла, как когда-то ей помог Друэ, то Герствуд, конечно же, не отравился бы газом. И не умер».

В ее голове кружил целый рой разных вопросов, которые требовали ответа. И Елена воспаленными устами задавала их сама себе, пытаясь в них разобраться.

«Почему так складывается жизнь у людей? Почему жизнь такая загадочная? Почему люди такие черствые, жестокие и безжалостные? Жизнь в любой момент может раздавить, растоптать человека, посмеяться над ним. За что? Неужели люди, живя, творят так много грехов и не замечают содеянного? А Господь их за это наказывает еще в этой жизни. Наверное, Гер-

ствуд сам виноват, что жизнь так обошлась с ним. Зачем он воровал? Почему изменял жене и бросил ее? Не выполнял долг отца перед детьми? Неужели любовь, которая ворвалась в его душу, была сильнее этого? Так зачем же такая любовь, если она ведет в ад?»

Лену внезапно охватил невероятный страх от заданных вопросов. Она подумала: а вдруг и она свернет с правильного пути по слабости духа? И, упав на колени перед иконой, она зашептала:

— Господи, спаси меня, не допусти, чтобы я была бесчеловечной, недоброй. Укрепи меня силой, дай мне трудолюбия и терпения. Напои меня крепкой верой в Тебя! Настели мне путь, ведущий к Тебе! Укрой меня от греховности! Господи, услышь меня! Ты же все можешь, Боже! Ты наш Создатель! Миротворец! Помогите нашей семье в такой тяжелой доле, облегчи ее. Господи, Отче наш! Никто нам не помогает! За какие грехи Ты нас так наказал? Посмотри, Господи, как мучается мама! Как у нее болят ноги и спина! Излечи ее, Господи! Сними с нее эту болезнь. У меня, Боже, разрывается душа смотреть, как мама мучается! Она у нас одна осталась на этом свете, без нее мы с Тamarой пропадем. Не оставь Ты нас, Господи! Укажи нам правильный путь. Боже, пособи маме. Я ее очень люблю! Ведь нет у нее мужа, никто ее не жалеет, а мы такие еще маленькие с Тamarой. Отче наш! Помогите! Умоляю Тебя всей глубиной своей души! Не оставь нас на произвол бессердечия, укрой нас Своим спасением, пошли нам благодатный путь, Господи!

От шепота Александра Петровна проснулась и увидела стоящую на коленях перед иконой Елену, шепчущую молитвы. Она ее не окликнула, но удивилась. Раньше она не видела дочку так поздно молящейся, уже было три часа ночи. Мать подумала: «О чем же так убивается Елена? В кого она такая у нас впечатлительная? Не по годам задумчивая и рассудительная? Со своим характером ей тяжелее живется, чем Тамаре. Тамара общительная, жизнерадостная, звенит как ко-

локольчик, хотя и ей несладко. А Елена часто грустит, малоразговорчивая, глубоко прячет свои чувства, но такая же добрая, как и Тамара».

Долго еще Александра Петровна мысленно сравнивала характеры дочерей, пока вновь не забылась сном. А Елена в это время все усердней молилась, прося у Господа спасения и благочестивого пути в жизни для всей семьи Михайловых. Ее глаза излучали такой свет откровения, столько любви к Господу, сколько может вместить глубина распахнутой души детского испрошения. Она в своих сердечных молитвах сливалась воедино с Богом, и в это время для нее ничего не существовало. Был только Бог и ее горячее желание, чтобы Он услышал то, о чем она просит, и помог бы.

Уже забрезжил рассвет, мать вновь проснулась. Увидев, что Елена все еще молится, забеспокоилась. Встала, подошла к дочке и ласково сказала:

- Леночка, пора уже спать. Уже светает, а ты еще не ложишься. Иди, родная. Все образумится, не переживай. Господь поможет, - произнесла Александра Петровна, словно услышав, о чем просила в молитвах Елена.

Дочь встала с колен. Сколько часов она молилась - пять, семь или больше? - но в ногах не чувствовалось боли. Отрешенными глазами она посмотрела на мать, залезла на печку, где спала Тамара, и тут же заснула.

Утром, когда Тамара стала будить сестру, Александра Петровна, посмотрев на крепко спящую дочь, зная, как она поздно легла спать, сказала:

- Не буди Лену, пусть поспит. Она вчера выглядела несколько бледной, уставшей и очень озабоченной. Что-то ее внутри очень мучает. Лена вчера всю ночь напролет молилась.

- А в школу она не пойдет? - спросила Тамара.

- Нет, пусть отоспится и немножко окрепнет, - ответила мать.

Тамара, выполнив по дому всю работу за себя и за Лену, побежала в школу. Каково же было ее

удивление, когда она пришла уже из школы, а сестра все еще спала.

- Мама, а что, Лена еще не вставала? - спросила она.

- Нет, я попыталась ее будить, но она не просыпается, - озабоченно ответила мать.

- Я ее сейчас пойду разбужу.

Старшая сестра забралась на печь, стала тормошить крепко спящую Елену. Но она не подавала ни малейшего признака пробуждения ото сна. Тамара попыталась пощекотать сестренку под мышками и по ступням ног. Но и после этого Лена не просыпалась. Тамара стала переворачивать ее с боку на бок, Елена все равно не просыпалась и была словно бездыханная.

- Мама, Лена почему-то не просыпается! Я ее и толкала и щекотала, а она не просыпается, - взволнованно сказала Тамара. - Что с ней делать?

Александра Петровна и сама не знала, что с ней делать. Такого случая она не могла припомнить и сильно забеспокоилась, на сердце у нее стало тревожно. Страх овладел матерью, она очень испугалась за жизнь дочери, но как помочь не знала.

- Давай ее перенесем с печи на кровать?

- Хорошо, мама. Но только я сама. Ты мне не помогай, а то костыли у тебя могут выскользнуть, и упадем все втроем.

Тамара крепко обхватила Елену обеими руками, дотянула ее до края печки, стала на одну ступеньку, которая была выложена прямо в стенке печи, и, одной рукой держась за поручень, а другой рукой держа Лену, стала на кровать, стоящую возле печи. Затем потянула сестру на себя. Лена безжизненно повисла на теле Тамары.

Взволнованная мать, со страхом наблюдая, все же не удержалась: одной рукой держась за печь, другой стала помогать Тамаре - и с облегчением вздохнула, когда Тамара вместе с Леной удачно повалилась на кровать и выбралась из-под сестры. Тамара положила поудобней подушку под голову спящей, старательно укрыла ее стареньким ватным одеялом. А Лена все же не проснулась, не-

смотря на то, что Тамара так неудобно ее тянула, снимая с печи.

Озабоченная происходящим, Александра Петровна, не находя себе места, сотни раз задавала себе одни и те же вопросы: «Что случилось с Еленой? Почему она уже четверо суток спит непробудным сном?» Она послала Тамару к Нине Александровне, чтобы та помогла привезти для осмотра дочери врача из города, поскольку в их селе врача не было.

Проведя уроки в школе, Нина Александровна пришла во второй половине дня к Александре Петровне. Она обратила внимание на исхудавшее лицо своей тети и спящую безмятежно, как ей показались, Елену и сказала:

- Тетя Александра, да вы не переживайте, с Леной ничего не случилось. Она просто очень устала, вот отоспится и проснется.

- Может быть, и так, - огорченно ответила вдова, - но я очень волнуюсь, и у меня нет больше сил терпеть неопределенность. Давай завтра пригласим врача из Ставрополя?

- Завтра, тетя Александра, не получится. А вот послезавтра у меня нет уроков, я отпрошусь у директора школы и привезу врача. В городе у меня есть знакомый врач-терапевт Федор Иванович.

Мать еле дождалась, когда наступило послезавтра и явился врач. Федор Иванович, врач лет пятидесяти, посмотрел на спящую Лену. При осмотре он не выявил ничего подозрительного, задал несколько вопросов и сказал:

- У вашей дочери, Александра Петровна, летаргический сон. Пульс и дыхание хотя и очень слабые, но прослушиваются. Вы ее не беспокойте, пусть спит, пока сама не проснется.

- Федор Иванович, а когда Лена проснется? Как долго она будет спать?

- Это, Александра Петровна, одному Богу известно. С ней никаких стрессов в последнее время не было? - в свою очередь спросил у матери Федор Иванович.

Михайлова не знала, как ей поступить. Она за-

метила, что Елена в последнее время не писала и не читала ей свои стихи, а перед слухившимся мать видела, как дочка всю ночь напролет молилась и что у нее в душе что-то произошло. Но об этом ей не хотелось говорить постороннему человеку. У нее в голове мгновенно вспыхнула мысль:

«Если он верующий, то сможет понять состояние дочери, а если Федор Иванович далек от Бога, то он никогда не сможет по-настоящему понять состояние души Лены. И еще чего доброго, упечет ее как сумасшедшую в больницу». Поэтому ответила:

– Ничего особенного будто бы не произошло. Лена, как обычно, пришла из школы, покушала, выполнила по дому работу, поучила уроки и, кажется, потом читала книгу.

– Какую книгу девочка читала? – спросил Федор Иванович.

– Драйзера «Сестра Керри», – ответила Александра Петровна.

– А не рано ли ей читать такие книги?

– Да она девочка серьезная. Лена подобных книг много прочитала.

– Но вы, Александра Петровна, все-таки ей больше не разрешайте читать взрослые книги. Всему свое время, – назидательно сказал врач. – Ведь ей только тринадцать лет?

– Да, – с грустью ответила мать.

Федор Иванович посмотрел на вдову. Видя, что она ходит только с костылями, спросил:

– А что с вами? Что у вас болит?

– Спина почти что не сгибается, и ноги не ходят.

– Давайте-ка я и вас осмотрю, Александра Петровна.

Крестьянка, не ожидавшая такого поворота событий, смутилась, но, преодолевая боль, разделась. Федор Иванович долго постукивал своими пальцами по позвоночнику больной, ощупал распухшие ноги и спросил:

– А давно вы так вот уже болеете?

– Больше пяти лет.

- Да... Болезнь запущена. А вы не пытались растереть спину и ноги растиркой, состоящей из капсина, водки, керосина и бензина? Можно и другие взять растирающие средства, как общеупотребительные, так и аптечные. Все их необходимо соединить, взболтать и растереться ими ежедневно.

- Нет, таким составом не пробовала.

- А вы попробуйте, возможно, и поможет,
- настоятельно сказал Федор Иванович.

Александра Петровна ничего не ответила. Ее душа болела о Елене. Федор Иванович, словно поняв, о чем она думает, перестал задавать ей вопросы и стал собираться. Попрощавшись, врач вышел. И Нина Александровна повезла его на лошади в город, который находился в двенадцати километрах от их села.

Мать подошла к кровати, взяла худенькую руку дочери и стала прощупывать пульс. Пульс едва прослушивался. Она долго сидела возле кровати дочери, прислушиваясь к ее почти бездыханному сну. После того, как врач осмотрел Лену и установил диагноз, Александра Петровна еще сильнее сникла. Эта болезнь ей была абсолютно неизвестна. И Федор Иванович мало что ей рассказал об этой болезни. «Похоже, что он и сам не особо много о ней знает», - подумала Александра Петровна.

- А вдруг Лена никогда не проснется? - вслух сказала вдова и расплакалась.

- Мама, не плачь, Лена непременно проснется. Такого не может быть, чтоб она спала вечно. Ты же знаешь, мама, Лена у нас своеобразная. Она просто перетрудилась и переусердствовала в ночном чтении. И сон, наверное, ее лечит. Вот выспится и снова будет как новая копейка, - утешала Тамара свою мать, нежно прижимаясь к ее плечу.

«Вот уже шесть сутки, а она все никак не может проснуться. И почему Лена так расстроилась? Почему она не пишет в последнее время стихи? И мне больше не читает своих стихов? На заданные вопросы не отвечает? И почему перед этим сном дочка так усердно и долго молилась? Мне надо было раньше ее отправить спать, как

только я проснулась. Возможно, ничего бы этого и не случилось», – горестно корила себя мать.

К исходу седьмых суток Елена проснулась. Радости Александры Петровны и Тамары не было конца. Они обняли Лену ласковыми взглядами, боясь ее поднимать и сказать правду.

– Леночка, как ты себя чувствуешь? – спросила мать.

– Ничего, нормально, только немного чувствую, кажется, слабость в теле, – ответила дочка.

– Ты кушать хочешь?

– Хочу.

– Тогда поднимайся, будем есть наш супчик-голубчик, – весело щебетала Тамара.

Лена поднялась, но есть ей почему-то не очень хотелось. Чтобы не обидеть мать и сестру, которые с такой нескрываемой любовью возле нее хлопотали, подсовывая ей молоко и суп, Лена выпила полстакана молока и съела несколько ложек супа. Ей вновь захотелось прилечь на кровать. Боясь, что она опять надолго уснет, Тамара начала бойко рассказывать Лене разные школьные новости.

– Знаешь, Лена, мы вечер в школе готовим ко Дню Советской Армии, и я буду рассказывать стихотворение «Золотистый хохолок». Послушай:

***Прибыл к нам в морскую роту
Молодой такой стрелок...***

– Тамара, да это еще не скоро, – прервала сестру Лена.

– Как, не скоро? Послезавтра, – выпалила Тамара.

– А что, разве сегодня двадцатое февраля? – недоумевающе спросила Лена.

– Да.

– Так сколько же я спала?

– Почти семь суток, Еленушка, ты спала беспробудно, – скороговоркой и с некоторым страхом ответила Тамара, боясь, что от такой новости Лена испугается.

- Да ну тебя. Вечно ты, Тамара, шутишь.
- Не шучу, сестренка.

Лена вопросительно посмотрела на мать, словно прося у нее подтверждения неправоты Тамариных слов. И Александра Петровна, считая, что наступил подходящий момент, сказала:

- Ты, Лена, спала побольше обычного. Но это ничего. Много детей в такие годы так долго спят, - придумывая на ходу последнюю фразу, ответила мать.

- Лена, а тебе за это время что-нибудь снилось? - полюбопытствовала Тамара.

- Да. Мне снилось, что мне будто бы кто-то щекотал ступни ног и под мышками. И я будто бы сплю на печке, а вы с мамой меня с нее снимаете. И когда снимали, я очень ударилась ногами о ступеньку.

- Так это же не сон! Мы с мамой действительно тебя снимали с печки. И я тебя щекотала, чтобы ты проснулась. А еще что-нибудь приснилось? - не унималась Тамара.

Лене еще многое снилось. Она видела необычные картины в небе. В нем Лена увидела много-много очень красивых Храмов. Они так сияли золотом и переливались разными красками, что ей хотелось зайти в них, но какая-то рука ее словно не пускала. И вдруг видит она, что перед ней опускается необычный человек с крыльями и, прижимая ее к себе, забирает и несет в Храм. И она слышит, будто он ей говорит:

- Это ты так усердно молилась и жаловалась Господу, что тебе, твоей маме и сестре так тяжело жить? Я твой ангел. Господь услышал твои молитвы и направил меня к тебе. Я буду помогать вам, если вы будете правильно жить. Сниму с матери болезнь. Она будет ходить без костылей, и у нее не будет болеть спина. Я к ней уже направил врача. Он приписал ей лекарство. Растирай им спину и ноги матери. Спина будет излечена до конца. А ноги за то, что мать охладела к Господу и перестала посещать Церковь хоть и будут теперь ходить, но боль до конца, во искуп-

ление грехов, в них не пройдет. Тебе и твоей сестре на земле уготован тернистый, но светлый путь. И если вы его осилите, то вас ждет Господня вечная благодать. Господь тебе вручает нести слово Божье.

После этих четко произнесенных слов Елена проснулась. И увидела себя лежащей на кровати.

Теперь же она не знала, как ей поступить. Надо ли рассказать сестре и матери эту часть сна или нет, уж очень он взволновал ее душу. Но она подумала: «Поверят ли они мне?» – хотя знала, что мать и сестра так же, как и она, были верующими. Они тайно молились дома, так как в их селе и в других прилегающих деревнях Церкви были закрыты. И вера в Бога в доме не обсуждалась, поскольку коммунисты злобствовали по этому поводу и запрещали верить в Господа. Они ходили по домам и ругались за иконы и смеялись над теми людьми, которые были верующими, говоря, что они забитые и отсталые люди, напоенные опиумом, дурманом и их надо лечить коммунистической идеологией. И Лена видела не раз, что когда кто-то из чужих людей заходил в дом, мать быстро завешивала занавеской кивот, где находились иконы, и прятала от людских глаз Библию. И Лене и Тамаре говорила, чтоб они меньше говорили о своем отношении к Богу и были бы в выражениях, касающихся Господней темы, скромнее. Вероятно, исходя из последнего, Елена и не рассказала вторую часть сна, а лишь обобщенно сообщила:

– Снилось еще. Но это было такое красивое, возвышенное, небесное явление, что я не знаю, как об этом и рассказать, – уклончиво ответила Лена.

Тамара хотела еще что-то спросить у Лены, но мать на полуслове прервала ее, сказав:

– Тамара, хватит тебе уже спрашивать Лену. Она окрепнет и позже сама все расскажет. А сейчас налей Лене еще молока. Лена, попей еще молочка.

Лена от выпитого ранее молока немного окреп-

ла. Ей захотелось поесть, и она попросила еще супа. Съев полтарелки реденького картофельного супа и выпив почти целый стакан молока, Елена встала из-за стола, направляясь на печь.

- Да нет, дочка, ты еще не ложись. Походи по комнате или пойдите с Тамарой во двор, там подышите морозцем минут десять-пятнадцать, - заботливо сказала Александра Петровна.

Дочь, послушав совета матери, пошла с Тамарой немного погулять во дворе. Когда она вернулась, то на подоконнике увидела лист бумаги, который привлек ее внимание.

- Что это за лист? - спросила Елена Тамару.

- Да это врач у нас был и выписал рецепт с разными растирками для мамы, - ответила Тамара.

- Ты купила?

- Нет, это же только в аптеках продается. В нашем селе, ты же знаешь, нет аптеки, надо за ними идти в город. Но я завтра в школе у Нины Александровны попрошу денег на лекарство и в воскресенье сбегая за ним в город. Ты уже к этому времени полностью окрепнешь, за меня и себя подделаешь по дому работу.

В голове Лены пронесся сон. Она вновь припомнила виденное и слова ангела о том, что ее мать от недуга будет излечена, и подумала: «А вдруг этот сон вещий? Поэтому конечно же надо, чтобы Тамара непременно в воскресенье принесла лекарство, а я им с понедельника сразу же начну растирать маме ноги и спину».

Лена еще два дня была дома и в школу не ходила. Но к концу недели она набралась сил, стала чувствовать себя хорошо, и Александра Петровна разрешила ей идти в субботу на занятия. Уроки, как всегда, прошли интересно и быстро. Но Лена почувствовала, что она немного отстала, поэтому усердно позанималась допоздна в субботу и весь воскресный день посвятила урокам.

Тамара в воскресенье принесла лекарство. Александра Петровна сделала все, что говорил врач Федор Иванович: вылила капсин в полуторалит-

ровую стеклянную бутылку, туда же налила еще керосину, бензину, водки и положила еще немного столетника. И получилось этого лекарства почти полная бутылка. С понедельника Лена стала ежедневно вечерами перед сном растирать мать этим средством.

Первые дни спина и ноги Александры Петровны не чувствовали ни прикасания детских рук, ни самого лекарства. Они были холодны, словно лед, как только Елена их ни растирала. Но постепенно спина и ноги начали чуть гореть, делались теплыми. Лена так старательно и долго терла матери ноги и спину, что свои руки растерла до крови. Тогда она руки сжимала в кулачки и ими терла. Тамара ей пыталась помочь, но Лена никак не уступала ей. Зная твердый характер Елены, мать и старшая сестра не стали настаивать, а дали ей волю в лечении. Лена с большим усердием растирала спину матери. Она стремилась прощупать своими чуткими пальчиками каждый позвонок. И тщательно разминала встречающиеся по позвоночнику уплотненные, словно горошинки, места. Помассажировав затем спину, Елена во всю силу начинала растирать ноги и особенно колени. В конце процедуры Лена непременно похлопывала по спине и по ногам своими разгоряченными ладонями. Она радовалась, что спина и ноги матери начинали больше гореть и становились красными, поскольку в начале лечения эти части тела были абсолютно холодными. Но потом Александра Петровна начинала чувствовать тепло в ногах и спине. Окончив растирать, Елена хорошо укутывала мать ватным одеялом, затем сверху укрывала тулупом и просила ее полежать так часа два-три.

Мать, видя такое неопишное старание дочери, которая к концу этих растирочных процедур сама становилась вся пунцовая и с нее градом лился пот, хотя в доме было не очень тепло, подчинялась ее просьбам и терпела, как ей казалось, все ее детские чудачества. Но недели через две вдова почувствовала, что у нее начинает стигаться спина, опухоль с ног стала спадать. Она начала пы-

таться ходить без костылей. А к концу месяца в спине Александра Петровна совершенно не чувствовала боли. Она теперь поднималась с кровати. А ведь раньше, чтобы подняться, она скатывалась с кровати на пол, затем, держась за стенку, с великим трудом вставала с пола, поскольку спина у нее не стибалась.

С большой благодарностью мать смотрела на свою спасительницу, как часто она стала называть Лену. Елена, ободренная исходом дела, так же старательно продолжала растирать со-держимым бутылка ноги. Опухоль спала, но ноги в коленках все же болели и плохо стибались. Однако Александра Петровна теперь по двору ходила без костылей, опираясь на клюку, которую ей подарила Нина Александровна. Жизнь в доме Михайловых стала радостней и легче.

На дворе уже близилась весна. Март вступил в свои права. Наступила оттепель, на крышах домов и различных сараев стали появляться огромнейшие сосульки от таявшего снега, который свисал с крыш большими белыми шапками. Но зима вдруг раздумала отступить и отдавать власть весне и завьюжила снегопадами. Разразились небывалые метели, снегу навалило столько, что в некоторых местах он доходил до крыш домов. Крестьяне за свою бытность давно не видели столько снега в своей деревне. Уже и март был на исходе, а зиме все не было видно конца. У Михайловых наступил кризис с кормами. Нечем было кормить корову и овец, на сушилах оставалось всего несколько охапок сена. Александра Петровна очень расстраивалась от сложившейся ситуации, но выхода не находила. На помощь пришла Тамара и предложила:

- Мама, давай мы завтра с Леной пойдем в поле и принесем с заброшенных колхозных стогов соломы?

- Ты что, дочка! Посадят! - испуганно сказала мать.

- Да ну, мама, чего там посадят. Мы пойдем

засветло в поле, а оттуда уже будем идти, когда будет темнеть. Нас никто не увидит. Без корма корова и овцы погибнут, — грустно заметила Тамара.

Вдове некуда было деваться, и она согласилась. На следующий день, одевшись поудобнее, взяв веревки, Тамара и Лена пошли далеко по сбитому, покрытому сверху ледяной коркой, снегу. Они подошли к стогу, который находился на пригорке километрах в четырех от села и хорошо просматривался.

Девочки сноровисто надергали из стога большие кучи соломы, расстелили в два ряда сученные конопляные веревки и стали умело раскладывать на них солому. Крепко стянули ее петлей веревки и завязали. Вязанки получились очень тугие, аккуратные, но довольно тяжелые для их возраста. Сестры мастерски, с раскату по снегу, мигом водрузили вязанки, каждая себе на плечо, и спешно зашагали домой.

К дому они подошли, когда в избах уже начинали зажигать лампы. Мать с опаской и страхом, не в силах усидеть дома, пошла встречать и поджидала их в конце своего пазьма. Бесконечно была рада, когда наконец услышала в темноте хруст снега. Она сразу поняла, что это идут Тамара и Лена. Встретив дочерей, Александра Петровна попыталась помочь им. Но ни Тамара, ни Лена не отдали ей своих вязанок. Зайдя во двор, развязали веревки. Старшая дочь целое беремея соломы отнесла в конюшню, чтобы сделать корове нарезку, а остальную часть занесли на сушило.

Дети бегали за соломой в поле уже шестой день подряд. Думая, что соломы, наверное, уже хватит, чтоб дотянуть скотину до весны, они решили, что сегодня сходят последний раз. Но в этот день им не повезло. Только они навязали вязанки, как увидели вдалеке уполномоченного, который направлялся прямо к ним. Они бросили все и вихрем помчались в противоположную сторону. Уполномоченный ехал за ними. Увидев, что это сестры Михайловы, хотел было уже объехать их спереди, поса-

дить на сани и отвезти в сельсовет, как вдруг с гужа слетела оглобля. Обьездчик остановился и стал затягивать кожаную петлю в хомуте, которой прикреплялись оглобли к упряжке. Пока он ремонтировал гуж, Тамара и Лена убежали далеко и скрылись из виду. Уполномоченный, не найдя их взглядом, повернул назад, сложил вязанки сестер на сани и поехал в сельсовет. Там он рассказал о случившемся председателю сельсовета, выразив желание составить протокол и вызвать Михайлову, чтобы ее оштрафовать.

- Как же ты будешь ее штрафовать? Во-первых, ты ее детей не задержал, а во-вторых, может быть, это и не Александры Петровны дети. Что-то очень уж большие вязанки. Давай их взвесим, - предложил председатель сельсовета.

Уполномоченный взвесил и оказалось - одна вязанка весила сорок килограммов, а другая - сорок семь.

- Да нет, - обращаясь к уполномоченному, сказал председатель сельсовета, - ты, Иван Кузьмич, что-то путаешь. Дети не могут такие тяжелые вязанки носить, они сами-то весом не больше тридцати-сорока килограммов. Поэтому не вводи в заблуждение ты народ. Ничего не надо делать. Кроме того, эту солому мы все равно будем весной сжигать. Она колхозу не нужна.

- Да нет, Анатолий Леонидович, это точно были дети Михайловой. Тамарка и Ленка ходят к моим Верке и Маньке. Они дружат. Я их хорошо разглядел. Это они, безотцовские каналы. И какая разница, будем мы сжигать солому или нет, она же все равно колхозная, а не частная. И растягивать государственное добро никому не позволительно. Детей надо по-коммунистически воспитывать. Акт непременно надо составить, - геройствовал Иван Кузьмич.

В разговор вмешался член сельсовета Павел Игнатович, хорошо знающий тяжкую долю семьи Михайловых:

- Дети же пошли к стогу не похулиганить, а

принести соломы, чтобы корову накормить, колхоз же Михайловой не помогает. В этом году, сами видите, какая зима затяжная. Им нечем кормить корову, погибнет ведь она. Тем более, Александра Петровна была же у нас передовиком столько лет, да и отец-то этих детей погиб на войне. А сейчас они живут в великой нужде. Без коровы совсем будет им худо. Нехорошо ее вызывать, а тем более штрафовать. Надо бы этой семье пособить, дать соломы, ведь все равно стог сжигать будем.

- Какой ты добрый, Павел Игнатович, за чужой счет! Возьми да и отвези им свою солому, - не унимался Иван Кузьмич.

- Завтра же отвезу, - порывисто ответил Павел Игнатович.

- Вези, а я все равно акт составляю. Я не такой мягкотелый, как ты. Я коммунист твердый и непреклонный. Поэтому хоть она и инвалид, а я ее привлеку к полной ответственности за то, что она детей своих распустила и они разбазаривают колхозное имущество.

Часов в одиннадцать следующего дня Иван Кузьмич явился к Михайловой и сразу с порога начал:

- Александра Петровна, почему это твои дети такие нехорошие? Почему ты их так плохо воспитываешь? Вчера я видел, как они воровали солому на колхозном поле. Я вот составил акт, в котором ты оштрафована. И детей твоих надо забрать в сельсовет и посадить в подвал. Он у нас темный. Посидят там ночи две-три - поуменют. И кроме этого надо их постыдить в школе перед учениками, а то чувствуется безотцовщина, и они становятся совершенно неуправляемыми. Надо им горячих розг отвесить да похлестать покрепче.

Сказанные слова так больно, обидно и оскорбительно подействовали на мать, что у нее начался нервный тик. Она впала в состояние аффекта. Пунцовая, с горящими глазами бесстрашия, Александра Петровна резким движением схватила Ивана Кузьмича обеими руками за грудки и стала его трясти так сильно, что от его шубы летели оторванные клочья. И в то же время она гневно кри-

чала :

— Ах ты подлец! Это ты-то учить пришел?! Мой Василий погиб в войну, а ты в первые же дни, чтоб не идти на фронт, отрубил себе на руке три пальца. И отсиделся в деревне, разъезжая объездчиком по полям. А я, как вол, работала, от чрезмерного труда стала инвалидом. Теперь мои дети вынуждены работать день деньской, чтоб не умереть от голода. Твои дети не работают, целыми днями шляют по улице да в кино ходят. А ты, вместо того, чтобы их заставлять работать, пришел меня и моих детей истязать?! Сажать их в подвал захотел да позорить в школе?! Только коснись моих детей и пикни — убью, подонок!

И при этих словах так тряхнула Ивана Кузьмича, что у нее в руках остались борта его шубы. Вырвавшись, Иван Кузьмич от испуга вихрем выскочил из хаты, позабыв на столе не только акт о наложении штрафа, но и собственную шапку. Боясь возвращаться и чтобы не попадаться людям на глаза, он огородами в порванной шубе и без шапки побежал домой, не посмея после этого случая поднимать вопрос в правлении сельсовета о привлечении Александры Петровны и ее детей к ответственности.

Этот казус не остался тайной в деревне. Его же жена в тот же самый день, не удержавшись, рассказала соседке Фаине Ивановне. И сарафанное радио быстро разнесло эту новость по всему селу. И частенько крестьяне при удобном случае потешались над Иваном Кузьмичом, лукаво улыбаясь, посылали его повоспитывать Михайлову и ее детей. Только Александра Петровна после такого нервного срыва еще долго и тяжело болела.

Наступила уже вторая декада апреля, а снег еще толстым покрывалом лежал на полях. Но уже всюю чувствовалось теплое дыхание весны. С гор целыми днями бежали потоки талой воды, которая ночью подергивалась в ложбинках легкой, еле заметной, морозной паутинкой. С каждым днем солнце прогревало снег все сильнее и сильнее, пока не растопило его весь до основания. Вскоре нача-

лась и посевная. Ворвался долгожданный май. Кругом зазеленела сочная трава, зацвела черемуха, издавая невероятное благоухание. Настроение у крестьян становилось радостнее, май раскрывал объятия нежности, мечтательности и определенной уверенности в завтрашнем дне. Деревня зашумела весенне-летней работой.

И семья Михайловых трудилась весь световой день, спеша все посадить в огороде и на пазыме. После того как посадили на наделе картофель, мать с дочерьми перебрали в погребе оставшуюся часть. У них осталось его еще изрядное количество. Обрадовавшись таким исходом дела, решили несколько мешков картошки продать на базаре.

В воскресенье, раненько утром, положив четыре мешка на тележку, сестры отправились в Ставрополь на базар. День был солнечный, дорога стлалась хорошая, и девочки быстро дошли до места назначения. Разложив свой товар, начали торговлю. Но спрос был не очень высок, хотя Тамара весело зазывала горожан отведать нарманской картошки. Было уже два часа дня, а у них было еще целых два мешка не распродано. Сестрам не хотелось везти ее назад домой. Они когда-то слышали, что в порту картошку берут хорошо. И девочки решили ехать туда.

К порту вели две дороги: одна пологая, но длинная, вторая короткая, но крутая. Сестры решили идти по крутой дороге, по которой, как правило, ходили только пешеходы и груз по ней не возили. Вначале они ехали спокойно, тележка сама бежала вперед, дети ее без труда везли. Но постепенно уклон становился все больше и больше. Лена уже стала сзади ее придерживать, а Тамара впереди, но она все же становилась неуправляемой. Она их безудержно тянула за собой, набирая скорость. Елена, видя, что повозка может задавить Тамару, крепко вцепилась в тележку и стала изо всех сил упираться ногами в ухабистую дорогу. Вдруг ноги ее соскользнули, возок резко наклонился вниз

и Лена стукнулась ягодицей о каменистую дорогу, а тележка стала ее волочить по земле. Елена свезла всю кожу на ягодице до крови, но все же не бросала повозку, а та, мчась неудержимо вперед, предвещала вырваться из детских рук и кануть в Волгу. Лена, преодолевая боль, пыталась найти ногами точку опоры, но сила тележки была весомее, чем вросшие в дорогу кочки и камни, в которые она упиралась. Они выламывались или полностью выворачивались из земли и катились из-под ног вниз. Эту бедственную ситуацию увидел мужчина. Он быстро подбежал к девочкам, схватил колесо, не давая ему прокручиваться, и тележка остановилась. Сказал Тамаре, чтоб она подложила камни под колеса, что она и сделала. Тележка стала прочно стоять.

Перепуганные сестры посмотрели на мужчину, не зная, что делать. А он сердитым голосом стал их ругать:

- Почему вы поехали по этой дороге? По ней никто не ездит! Не подоспей я, размозжила бы вас тележка насмерть. Кто это вас только надоумил по ней ехать? Откуда вы?

- Из Нарманки, - виновато ответила Тамара.

- Что, вы эту тележку двенадцать километров везли сами? - уже мягче спросил незнакомец.

- Да.

- А что у вас в мешках?

- Картошка.

- Для чего тогда вы везете картошку в порт?

- Чтоб продать.

- Так для этой цели есть же базар.

- Мы были на базаре, да там ее сегодня плохо покупали, поэтому мы и решили везти ее в порт. Может быть, здесь продадим, - уже смелее ответила Тамара.

- А отец есть у вас? - все продолжал задавать вопросы незнакомец.

- Нет. Он на войне погиб.

- Плохо, что погиб, - приглушенным голосом, словно разговаривая сам с собой, ответил мужчина.

Он по-отцовски посмотрел на сестер. Вытянул из брук ремень, закрепил им колесо тележки к оси так крепко, что оно перестало прокручиваться, убрал из-под колес камни и тележка вновь стала послушной. Мужчина взял тележку за перекладину, свез до самого низа и, развязав ремень, передал ее сестрам. Девочки душевно поблагодарили незнакомца за оказанную помощь, свернули к понравившемуся им месту, сняли мешки с тележки и начали продавать картофель. В порту торговля у них пошла бойко. Сестры повысили цену. Но и по этой цене их товар быстро раскупили. Все распродав, они поспешили домой.

Пройдя несколько метров, Лена, обращаясь к сестре, сказала:

- Тамара, я не могу идти. У меня очень болит попа. Посмотри, что там такое?

Сестра, откинув платье, ахнула. Вся кожа на ягодице была свезена, и из ранок сочилась кровь. Тамара, чтобы не расстраивать сестру, не сказала об увиденном, а только сердобольно предложила Елене забраться на тележку и лечь на живот. В таком положении она везла ее все двенадцать километров, вплоть до дома. Когда они подъезжали к деревне, начинало уже темнеть. Мать в волнении уже давно их поджидала. Увидев дочерей, она открыла ворота, и Тамара вкатила тележку с Еленой во двор. Когда Елена встала и пошла, то Александра Петровна заметила, что она идет как-то не так, как всегда. Ей показалось, что Лена очень осторожно стигбает и переставляет ноги, идет как натянутая струна.

Поставив тележку на место, мать стала приглашать детей к ужину. Вымыв руки, Тамара села, а Лена, встав возле стола, садиться отказалась. Почувствовав неладное, Александра Петровна спросила:

- Лена, что случилось? Почему ты не сядишь-ся?

Лена не хотела волновать мать, и они с Тама-

рой договорились не рассказывать ей о случившемся, поэтому она не призналась и не сказала правды, а лишь уклончиво ответила:

- Я всю дорогу на тележке насиделась и теперь немножко ягодицы болят, поэтому я хочу постоять.

Поужинав, Тамара отдала матери все деньги от продажи картофеля. Их оказалось немало. Все втроем порадовались успеху, обсудили, на что деньги будут тратить, и, довольные, пошли отдыхать. Но Елене не спалось. Кожа на ягодице невыносимо пекла. Она горела, словно на нее насыпали раскаленного угля. Когда Александра Петровна пришла будить детей, то увидела, что младшая дочь не спит, а лежит на животе, вытирая слезы рукой.

- Елена, что случилось? - тревожным голосом спросила мать.

- У меня очень болит кожа на попе, - в слезах ответила дочь.

Мать, обнажив Лене ягодицу, от увиденного пришла в ужас. Кожа была багрово-черного цвета, притом свезена. Левая часть ягодицы очень опухла, зияя глубокой раной. Александра Петровна, придя в себя, стала осторожно обмывать народным средством воспаленное и израненное тело дочери. Лена от невыносимой, саднящей боли стонала. Мать, сочувствуя ей, скорбно и с глубокой нежностью говорила:

- Потерпи, моя ненаглядная, потерпи, родимая. Знаю, что больно. Но надо же вымыть грязь из ранок и продезинфицировать свезенную кожу. Моча уничтожит все болезнетворные микробы и тебе, деточка, будет легче. Потерпи, моя спасительница.

От ласкового обращения матери Елене стало легче, слова Александры Петровны умиротворенно, как обезболивающее лекарство, действовали на нее. Лена перестала плакать и рассказала матери о случившемся: как они с Тamarой в городе по крутой дороге с груженой тележкой съезжали к порту и как их выручил незнакомый мужчина.

Александра Петровна заочно сердечно поблагодарила доброго мужчину за оказанную ее дочерям помощь и печально сказала:

- Если бы не мужчина, исход мог бы быть куда хуже. Вы могли бы расшибиться насмерть. Вы же видели, что не справляетесь с тележкой и она начинает вас давить. Надо было ее завезти поперек дороги или бросить вообще - пусть бы себе летела в Волгу.

- Ну что ты, мама, бросать нельзя. Там столько картошки было. Да и где бы мы взяли тележку, без нее мы пропадем, а поставить ее, когда нас заносило, поперек горы мы не догадались. Ну, слава Богу, все обошлось, - повеселевшим голосом ответила Елена.

- Да, слава Богу, что так обошлось, - вторила ей мать. - Господь даст, и раны твои заживут. Потерпи только, дочка, раны не бери, - просительно сказала мать.

И Лена терпела. Лежала только на животе и не стонала, когда Александра Петровна ей периодически промывала раны народным средством. Кожа постепенно начала заживать, и к концу июля Елена полностью окрепла и вновь могла выполнять всю работу по дому. Мать и старшая сестра были рады ее выздоровлению. На домашнем совете они приняли решение отпустить Тамару к старшим сестрам и братьям в Шахтерск, чтоб она там смогла получить паспорт, поскольку в сентябре ей исполняется шестнадцать лет. Тамаре очень хотелось уехать в город, но в то же время она переживала за мать и сестру.

«Как они будут жить вдвоем в деревне? Лена едва достигла четырнадцатилетнего возраста, а мама вся больная. Без меня им не справиться», - думала Тамара.

- Мама, я одна не поеду в Шахтерск. Без меня вам с Леной не выжить. Давайте уедем все вместе, - сказала Тамара.

- Нет, дочка, нам пока уезжать нельзя. Мы с Леной сможем выехать лишь через год, а ты поезжай и за нас не переживай. Мы с Леной зиму, Бог

даст, переживем, пораспродаем все свое хозяйство. Ты за это время устроишься работать. Пока поживешь у Алексея, а вшестером там жить невозможно. У него же всего одна маленькая комнатка. В апреле обещают Андрею квартиру дать. Вот тогда мы и приедем, — успокаивающе ответила мать.

Через неделю Александра Петровна с Еленой проводили Тамару в Шахтерск. На душе у матери и младшей сестры было тоскливо, тревожно и печально. Но надо было продолжать жить. Работы у Лены добавилось. Она старалась как могла, и мать ей по мере сил помогала. С большими трудностями они пережили зиму. Весной от Андрея им пришло письмо, в котором сын сообщал о том, что ему дали квартиру и он приглашает их жить к себе. Александра Петровна продала дом, подворье, корову, овец, и летом с Еленой они выехали в Шахтерск.

ГЛАВА III

Июльский день вторника уже забежал за полдень, когда дочь с матерью приехали на железнодорожный вокзал города Шахтерска. Их пришли встречать Тамара, Вероника и Андрей. Все были очень рады встрече. Расцеловались горячо, по-родственному. Особенно Елена радовалась встрече с Тамарой: они не виделись почти целый год. У каждой за это время накопилась масса новостей. Тамара уже месяцев девять как работала. Она устроилась швеей на трикотажную фабрику. Сестры, как птички, неугомонно щебетали, переполненные счастьем встречи.

— Лена, мне кажется, что мы с тобой не виделись целую вечность. Я так по тебе и маме скучала. И вот, наконец, вы явились. Теперь вновь заживем все вместе, — сказала Тамара.

— Я тоже дни считала, все никак не могла дождаться, когда мы с мамой справимся со всеми де-

лами и приедем к вам, - ответила ей Елена. - Тамаара, тебе нравится работа?

- Да! Ты же знаешь, я люблю шить.

- А что тышьешь?

- В основном платья.

- Тамаара, а меня на эту фабрику возьмут работать?

- Не знаю. Тебе ведь только пятнадцать лет. У тебя же еще паспорта нет.

- Что же я тогда буду делать? - тревожно спросила Елена.

- Не переживай, сестренка! Город большой, без работы не будешь. Если не найдешь работу, то ничего страшного нет. Ведь я работаю. Мне хоть и не очень много, но платят, так что с голоду не умрем, - утешающе сказала Тамаара.

Пока шли, Лена внимательно рассматривала город. Дома в нем в основном были двух-трехэтажные. Встречались и пятиэтажные, но все они были на одно лицо. Не таким она представляла себе этот город. Он ей увиделся серым и непримечательным.

- Тамаара, а институты здесь есть?

- Нет. Институты только в Донецке. У нас зато есть торговый техникум, кинотехникум, педагогическое училище. Тебе, сестренка, об этом думать еще рано. Сначала тебе надо закончить среднюю школу, а потом уже думать о высших учебных заведениях, - наставительно заметила старшая сестра.

За разговорами они не заметили, как дошли до улицы Николаевской, где стоял двухэтажный дом из белого силикатного кирпича, в котором Андрею, Алексею и Татьяне выделили двухкомнатную квартиру. Зайдя в нее, Лена увидела, что она очень маленькая. В квартире всего-навсего было две небольшие смежные комнаты, кухня с печкой, которая отапливалась углем, и совмещенная с санузелом ванная. Лена не выдержала и спросила:

- Мама, а как же мы здесь, восемь человек, разместимся?

- Для всех места хватит, - опередив мать, ответил Андрей. Моя жена, Полина, невзыскательная особа, да и дочка Светочка наша в садик ходит. Что же касается Алексея и Татьяны, то это вопрос времени. Алексей собирается жениться, да и Татьяна, глядишь, замуж выйдет. А пока ты, Лена, будешь спать с Тamarой на одной кровати. Эту кровать мы завтра же достроим, сделаем ее двухэтажной. На втором этаже будет спать Татьяна. И для мамы смотри какую я кровать смастерил! Правда, в ней не совсем новая сетка. Но ничего, спать можно. А в следующей комнате мы будем спать вчетвером: Алексей на полу, а мы втроем на стареньком диване. Вот так-то, Елена Прекрасная. Все тебе понятно? Сейчас давайте будем накрывать на стол, - засуетился Андрей.

Он раздвинул раскладной стол, застелил его цветной клеенкой. Вероника разогрела голубцы, которые Андрей в больших тарелках поставил на стол, а также отварную картошку. К ней подали селедку, нарезали полосатый, красный, как мак, арбуз, хлеб, подготовили стаканы для вина - и праздничный стол был готов.

Не успели они сесть за стол, как пришли с работы муж Вероники, Александр, невестка Полина с трехлетней Светочкой, дочь Мария с мужем Валентином, Татьяна и Алексей. Все они с восторженной радостью расцеловались с Александрой Петровной, Леной и тесным кольцом разместились вокруг стола.

Праздничный обед длился долго. Дети задавали матери много вопросов, касающихся их родного села Нарманки и односельчан. Мать на все вопросы отвечала обстоятельно, но в ее голосе чувствовались грусть и потаенная тоска. Дети поняли, что ей не хотелось уезжать из села. Оно дорого ее сердцу, да по воле судьбы она вынуждена была выехать на Украину. Уже было далеко за полночь, когда Вероника и Мария с мужьями пошли домой. Точнее, это был одноэтажный барак. В этом бараке у них была комнатка в двенадцать

квадратных метров, где они и жили.

Проводив детей, Александра Петровна пошла спать. Но ей не спалось. Она была возбуждена от множества впечатлений и радовалась тому, что дети опять вместе и она с ними со всеми рядышком.

Однако ее мучила мысль: «Как же мне жить? Ведь пенсии мне никакой не выплачивают. Значит, на чьем-то иждивении я должна быть. А дети сами так бедно живут, в такой нужде. Как быть с Еленой? Ей надо учиться. А кто ее будет кормить?» – такие волнующие вопросы огорчали ее. От этого она долго не могла заснуть.

Рано утром Андрей, Алексей и Татьяна стали спешно собираться на работу. Братья работали забойщиками, а Татьяна в этой же шахте трудилась ламповщицей. Вскоре ушла Тамара на фабрику, за ней – Полина со Светланой. Полина работала воспитательницей в детском садике, который посещала и ее дочь.

Оставшись в квартире вдвоем с Леной, Александра Петровна не знала, за какую работу браться. Лена вымыла посуду, полы, заправила постели. И для нее тоже не было больше никакой работы. Ей стало нудно и скучно. Она под села к матери, сказав:

– Мама, я завтра тоже с утра пойду искать работу.

– Ой, дочка, кто тебя возьмет? У тебя нет паспорта. Ты такая еще маленькая.

– А я все же попытаю счастья, – настойчиво ответила Елена.

На следующий день, когда братья, сестры и невестка ушли на работу, Лена вслед за ними тоже ушла искать применения своим силам. Она пошла на центральную улицу, где располагался ряд учреждений, в которых, как она думала, сможет найти работу. Шла медленно, читая на зданиях все надписи. Увидев большой одноэтажный гастроном, решила зайти в него. В гастрономе было много народу и продавцов, которые бойко обслуживали покупателей. Она стала в стороне, терзаясь мыслью, как же ей поступить и у кого спраши-

вать работу.

Ее охватило глубокое стеснение. И не хватало сил к кому-нибудь обратиться за разъяснением. Она долго простояла в нерешительности. Очередь, что вислась длинной вереницей за вареной колбасой, давно разошлась, а девочка все одиноко стояла возле окна, не решаясь кого-либо спросить. За ней продолжительное время наблюдала пожилая продавщица, которая заметила на ее лице тревожное томление. Она не выдержала и, обращаясь к ней, сказала:

- Вам что нужно?

- Мне? - растерянно переспросила Лена.

- Да, вам. Что вы хотите?

- Я... Я... Хочу работать.

- Работать? Да здесь колбасу продают, а не работу, - состригла продавщица, глядя в открытое лицо девочки. Вдруг ей стало стыдно своих слов и она сказала:

- Федоровна, присмотри за отделом, а я к директору на минутку схожу.

- Хорошо, Надежда Ивановна, присмотрю.

Надежда Ивановна повела Елену к директору, кабинет которого находился в пристройке этого гастронома, а по дороге спросила:

- Как тебя зовут?

- Лена.

- А кем же ты хочешь работать?

- Не знаю.. Кем-нибудь...

Дойдя до кабинета директора, Надежда Ивановна постучала в дверь. Изнутри послышался голос:

- Войдите!

- Николай Сергеевич, я привела вам работницу! - обращаясь к директору, сказала Надежда Ивановна.

- Кем вы раньше работали? - спросил Лену директор.

- Никем. Я из села приехала. Но умею делать все, - робко ответила девочка.

- Сколько классов вы закончили?

- Семь.

- А еще что-нибудь заканчивали?

- Нет.
- Лет вам сколько?
- Пятнадцать.

- Пятнадцать? - медленно, нараспев произнес Николай Сергеевич, затем, несколько помолчав, добавил: - Для такого возраста у нас нет работы. А вы пойдите на швейную фабрику. Возможно, там вам предложат какую-либо работу.

Елена вышла из кабинета директора. На душе было нехорошо, но все же теплилась надежда. Понуро идя домой, она подумала: «Возможно, меня трудоустроят на трикотажной фабрике, где работает моя сестра». Не откладывая, она на следующий день вместе с Тамарой пошла на фабрику. Но и там по той же причине на работу ее не взяли. Лена побывала на обогатительной фабрике, в строительном управлении, нескольких шахтах, хлебокомбинате, пивоваренном заводе, однако ни одно предприятие из-за ее малолетства не предложило ей никакой работы.

Изо дня в день вот уже в течение месяца Елена ходила на разные производства, ища, где бы ей трудоустроиться. И все было безуспешно. Рыдая по ночам от неудач, утром она вновь отправлялась искать работу. В ее поисках Елена несколько раз вдоль и поперек исходила весь город. И сегодня она вновь пришла на край города, где находился ремонтно-механический завод. У его входа висело объявление: «Нужны токари, фрезеровщики, шлифовщики и ученики по этим специальностям». Елена имела смутное представление о специальностях. Она долго думала, что выбрать, и решила проситься учеником токаря.

Превозмогая стеснение, девочка постучалась в дверь отдела кадров. Женский голос ей предложил войти. Войдя, она скороговоркой сказала:

- Я хочу у вас работать учеником токаря.

Женщина лет сорока строгим взглядом окинула Лену и ответила:

- Мы учениками токарей берем только юношей.

- А я чем не подхожу? Я тоже справлюсь.

Голос ее задрожал. Она замолчала. По ее лицу потекли слезы, срываясь с детских щек крупными каплями и падая на воротник старенького ситцевого платья. Начальник отдела кадров Вера Николаевна, сердечная женщина, увидев слезы в глазах девочки, спросила:

- Сколько тебе лет?

- Шестнадцать... - прибавляя себе год, ответила Елена.

- Ты в городе где-нибудь работала?

- Нет. Я месяц тому назад с мамой приехала из села.

- Давай паспорт.

- У меня его нет, - зарыдав навзрыд, ответила Елена. - Тетенька, возьмите меня. Я уже все места в городе обходила. Из-за того, что мне только пятнадцать лет, меня нигде не берут. Тетенька, я умоляю вас, возьмите меня, сжальтесь надо мной, не прогоняйте, дайте работу. Я буду очень стараться, не подведу вас. Я способная... - сквозь слезы просила Лена.

Вера Николаевна по-матерински посмотрела на девочку. Ей было жаль подростка. Она подумала: «Боже, видать, тяжело ей живется, что она так слезно просится на работу, поэтому надо бы как-то ее трудоустроить». Она встала из-за своего рабочего стола и вместе с девочкой пошла к начальнику второго цеха Борису Сергеевичу. Увидев его в цехе, просяще сказала:

- Борис Сергеевич, возьми дивчину учеником токаря работать. Уж очень она горит желанием быть токарем.

Борис Сергеевич окинул взором худенькие руки Елены и спросил:

- А сумеет она быть токарем?

- Сумеет, Борис Сергеевич! Она смекалистая. Правда, ей до шестнадцати лет не хватает около десяти месяцев, - сказала Вера Николаевна. - Ну это ничего. Сделаем исключение из общего правила. А то они с матерью из села приехали. Им жить не на что.

- А почему мать не работает? - спросил Борис Сергеевич.

- Она инвалид второй группы, - дрожащим голосом ответила Елена.

- Отец где?

- Его убили на войне... Мама больная, не может работать. Меня нигде не берут. Мы же не можем вдвоем сидеть на шее брата и сестер. Они из-за нас не могут жениться. Не откажите, Борис Сергеевич, - умоляюще просила девочка, - Богом прошу, возьмите.

У Бориса Сергеевича, глядя на эту наивную, милую, хрупкую девочку, просящую с такой нуждой и болью работу, сердце екнуло от жалости, и он сказал:

- Ну ладно, Николаевна, отвечать вместе будем, в нарушение же берем. Но рискнем. Авось пронесет. Приходи работать с понедельника, к семи часам утра, - обращаясь к Елене, добродушно сказал Борис Сергеевич.

- Пойдем в отдел кадров, я тебе дам направление в больницу для медицинского обследования, - сказала Вера Николаевна.

Получив направление, Елена с легкой душой побежала домой. Матери она на одном дыхании рассказала, что ее берут работать учеником токаря на ремонтно-механический завод. Александра Петровна была рада, что дочка наконец будет работать.

В понедельник Лена встала чуть свет и в шесть часов она была уже на заводе. В цеху, кроме Бориса Сергеевича, никого еще не было. Затем постепенно стали приходить работники. Без десяти семь цех уже загудел как улей. Рабочие начали включать станки и работать. Когда пробило семь, начальник цеха пригласил в свой кабинет Лену и мужчину лет тридцати.

- Николай Иванович, вот тебе ученицу даю, будешь учить на токаря, - сказал Борис Сергеевич.

Снегирев, посмотрев на Елену, вспыхнул:

- Да вы что, Борис Сергеевич, издеваетесь? Какой из нее токарь. Ей в куклы играть, а не за стан-

ком стоять! Не буду я ее учить. Все равно с нее никакого толку не будет. Да и не детское это дело.

– Не шуми ты, Николай, присмотришься к ней. Если через месяц она ничему не научится, тогда подыщем ей другую работу. А сейчас идите и присмотрите за ней.

Они вышли из кабинета. Николай молча включил токарный станок. Елена встала возле него сбоку и неотрывно смотрела за его действиями. Он взял короткую болванку, крепко зажал ее стальными кулачками в патроне, подвел резец, и стружка завитками полилась из-под резца. Лена, как завороженная, не отрываясь следила за работой Николая, пока не наступил перерыв. На перерыве он пошел пообедать в столовую, которая находилась на территории завода. Лена осталась стоять возле станка. Она подошла поближе к нему, погладила суппорт, где был закреплен резец. Девочке так хотелось включить станок, но она побоялась, что ее будут ругать. Пока Николай отсутствовал, ученица замела возле станка металлическую стружку, сложила в ящик детали, которые наточил учитель, и стала внимательно рассматривать лежащие на железной тумбочке резцы.

После перерыва Николай увидел проделанную Еленой работу и на душе у него несколько потеплело. И он подумал: «Ишь какая труженица. Токарь из нее, может быть, и получится, коль работы не боится». Но ей ничего не сказал, подошел к станку, включил его и продолжил точить детали, не обращая на нее никакого внимания.

Когда закончилась смена, Снегирев сказал своей ученице, чтоб она шла домой. Так продолжалось несколько дней, пока Елена не набралась храбрости и не попросила Николая разрешить ей самой включить станок и поработать за ним.

– Ты знаешь, малявка, если я с тобой буду возиться, то плана не выполню, – грубо ответил учитель.

– А вы настройте мне вот этот станок, за

которым никто не работает, и дайте мне сделать какие-нибудь детали, – робко попросила Елена.

Николай ничего не ответил. Пошел в кладовую, взял плашку и заготовки. Зажал трехметровый прут в железные кулачки, настроил резец и стал ей показывать и рассказывать, сколько надо сточить лишнего металла, на какую длину нарезать плашкой резьбу и на какую длину отрезать готовую деталь. Елена слушала очень внимательно. Когда она взялась за ручку суппорта, ею овладел страх, но, видя, что учитель стоит рядом, она несколько успокоилась и плавно подвела резец к металлу. Сточив на заданную длину деталь, Лена резко отвела резец, чуть не сломав его об кулачки. Заметив растерянность и боясь, что девочку затянет в станок, Николай вместе с ней, держа ее руки под своими, учил ее, как заводить и отводить резец. Затем он взял ее руку, разложил на ней плашку и, поддерживая своей рукой, нарезал резьбу, повторяя эти операции вместе с ней несколько раз.

– Теперь деталь полностью делай сама, – строго сказал Елене учитель.

Ученица в точности проделала показанные операции. Снегирев померил размеры изготовленной ею нехитрой детали и остался доволен. Елена сделала болтик без брака. Учитель еще несколько минут постоял возле нее и, видя, что она успокоилась и ритмично проделывает все операции, отошел. Елена самостоятельно начала изготавливать пятидесятимиллиметровые болтики. И к концу смены их сделала большое количество. Николай, подойдя к ней и увидев так много болтов, спешно стал мерить, боясь, что ученица допустила брак. Но все обошлось: все детали соответствовали заданным размерам.

С каждым днем Николай усложнял задание для Елены. Она старательно его выполняла, почти не допуская брака. К концу второго месяца учебы Елена самостоятельно затачивала резцы. Учитель радовался за способную ученицу и стал ей доверять изготавливать

более ответственные и точные детали.

Когда наступил сентябрь, Елена пошла учиться в восьмой класс вечерней школы. Ей очень хотелось получить аттестат о среднем образовании. Девушка занималась с большим интересом и не пропускала занятий. Все свободное время она использовала для подготовки уроков. Заниматься дома было негде. И Елена часто прямо в школе до уроков выполняла домашние задания.

Александра Петровна видела тесноту в квартире, и ей казалось, что она и ее дети – Алексей, Татьяна, Тамара и Елена – очень стесняют своим присутствием невестку и сына. Понимая, что они не желают так жить, все чаще стала приходить к мысли о необходимости приобретения хотя бы маленького домика. Обсудив этот вопрос с детьми, собрав все деньги, какие у них были, она стала подыскивать небольшой домик по приемлемой цене. Совсем рядом, где проживали Вероника и Мария с мужьями, продавался невзрачный флигелек. Он состоял из двух комнат и кухоньки. Полов не было, стены обшарпаны. Флигель для проживания совершенно был непригоден. Но больших средств у матери не имелось. Поэтому она решила купить хотя бы его. Приобретя этот флигелек, дети собрались стали ремонтировать. До зимы они настелили досками пол, набили дранки на потолки, поштукатурили стены, восстановили на кухне печку и все побелили. И в ноябре Александра Петровна с Алексеем, Татьяной, Тамарой и Еленой перешли в него жить. Во флигеле им жилось несколько уютней. Елена и Тамара стали готовить уроки дома. Девочки вдвоем в кухоньке могли заниматься по ночам столько, сколько им было необходимо. Горящий свет в кухне не мешал спать в комнатах, и потому на них никто не шумел.

Сестры так же, как и прежде, доверяли друг другу свои сокровенные тайны. Выучив уроки, они подолгу тихо шептались. Особенно под выходной или праздничный день. Иногда они вдвоем отправлялись в кино. Алексей и Татьяна тоже любили

посещать кинотеатры, но в них как брат, так и сестра ходили со своими избранниками.

Алексей уже давно встречался с Екатериной, и они решили пожениться после Рождественских праздников. Двадцать первое января приходило на воскресенье. В этот же день наметили сыграть свадьбу и Татьяна с Романом. До желанного числа оставалось несколько дней. В доме тщательно чистили посуду, вымывали полы, делали лавки. Во дворе убирали снег, в срочном сбитый ящик соби- рали разбросанный уголь. Молодые бегали по базарам и стояли в большущих очередях магазинов за продуктами. Одним словом, в семье Михайловых все активно готовились к свадьбам.

И вот наступило двадцать первое января... Алексей с Екатериной и Татьяна с Романом, сопровождаемые Вероникой, Александром, Андреем и Полиной, отправились пешком в городской ЗАГС. Там молодые зарегистрировались, сфотографировались на память и к двенадцати часам явились домой. Александра Петровна, Тамара и Елена торжественно встречали молодоженов у ворот дома. Здесь же находились соседи, которые были приглашены на свадьбу, приятели жениха и невесты. Среди них толпились дети с этой улицы и другие любопытные граждане.

Все они нетерпеливо поджидали молодых. Наконец молодые вышли из-за угла, направляясь к дому. К ним навстречу с хлебом-солью вышла Александра Петровна. Родственники, соседи осыпали их конфетами и различными монетами, которые дети в один миг соби- рали. Перед входом в дом постелили для молодоженов полотенца, следя, кто из них первый встанет на них. По поверью считалось: кто первый наступит на полотенце, тот и будет главенствовать в семье. Проворливей оказались Екатерина и Роман. Они первыми смогли стать на полотенца. Им присутствующие дружно поаплодировали. Для счастья, удачи, благополучия и богатства молодые пары осыпали зернами пшеницы, риса, пшена. Сквозь строй свадебного церемониала молодые прошли

в дом и сели на почетные места к столу.

Александра Петровна стала приглашать всех гостей в дом рассаживаться. Возле стола с обеих сторон в длину стояли, издавая запах сосны, лавки. В ширину стола на стульях сидели Екатерина и Алексей, а напротив них с другого конца стола восседала другая молодая пара – Татьяна и Роман. Когда все поусаживались и наполнили стопки кто вином, а мужчины большей частью водкой, Александра Петровна, подняв свою стопку, сказала:

– Дорогие дети Татьяна, Екатерина, Алексей и Роман! Я рада поздравить вас с созданием семей. Крепкая семья может быть только тогда, когда в ней есть дети. Поэтому я желаю вам иметь много детей, жить в нежности, согласии и взаимопонимании. Пусть вас не коснутся ложь, измены, беды, разочарования, а обнимет вас своим цветущим благоуханием вечная любовь, даруя глубинность чувств, распахнутых созвездием милых ласк, полета души, несущей в себе веру, терпение, милость друг к другу и к окружающим вас людям. Дорогие дети! В добрый путь, вытканый волей ваших сердец, благословенной радостью родителей.

Растроганные таким поэтическим поздравлением, новобрачные и гости несколько секунд после речи Александры Петровны молчали, затем, словно опомнившись, гости подняли наполненные рюмки и начали громко и дружно кричать:

– Роман и Татьяна! Горько!.. Екатерина и Андрей! Горько!.. Горько!.. Горько!..

Молодые растерялись, засмутились. У них не хватало смелости обнять и поцеловать на виду у всех своих любимых. Но со всех сторон все сильнее и настойчивее доносились возгласы: «Горько!.. Горько!.. Горько!..», призывающие молодоженов поцеловаться. Краснея от внимания гостей, превозмогая стеснение, первыми поднялись со стульев Алексей с Екатериной, а за ними и Татьяна с Романом. Молодые робко обняли друг друга и стыдливо поцеловались. И довольные гости бурно зааплодировали.

Громче всех, не жалея своих ладоней, хлопал друг Алексея Михаил, сидящий напротив Тамары. Девушка обратила внимание, что этот молодой человек несколько раз с любопытством рассматривал ее. Она в свою очередь пронзительным взором посмотрела на него. От этого взгляда Михаил загорелся ярким румянцем и повергся в смущение. Но время от времени он вновь продолжал украдкой поглядывать в сторону Тамары. Ему не терпелось встать из-за стола и расспросить у Алексея, как зовут эту девушку, откуда она и почему оказалась на свадьбе. Но тамада и не думал делать перерыв. Один за другим произносились тосты в адрес молодых, сопровождающиеся шумными возгласами гостей: «Горько!.. Горько!.. Горько!..»

Начинало уже темнеть, когда тамада объявил:

– Курящие могут покурить, а некурящие подышать свежим воздухом.

Увидев, что Алексей с Екатериной поднялись со стульев и куда-то собираются идти, Михаил, протискиваясь через плотную толпу гостей, приблизился к ним и спросил:

– Алексей, а как зовут эту девушку, которая сидела напротив меня?

– А как она выглядит? Напротив тебя сидело четыре девушки: Тамара, Настя, Вера и Елена.

– Алексей, да Настю и Веру я знаю.

– Ну, если ты Настю и Веру знаешь, тогда рядом с ними сидели мои сестры: старшая – это Тамара, а что поменьше – Лена.

– Тамаре сколько лет?

– Семнадцать.

– Кем и где она работает?

– Швейей на трикотажной фабрике. А что это ты, Михаил, так разлюбопытствовался? Не влюбился ли? – пошутил Алексей.

Михаил, потупив взор, ничего не ответил своему другу, только спросил:

– Вы не передумали? Квартировать у меня бу-

дете? Ко мне с сегодняшнего дня пойдете?

– Нет, не передумали. У тебя пока поживем.

Довольный разговором, Михаил стал искать глазами Тamarу. Она вместе с Леной убирала со столов грязную посуду и ставила на них новые тарелки с холодцом, картошкой, огурцами и капустой.

Освежив и дополнив яствами столы, Александра Петровна и тамада стали приглашать гостей. Захмелевшие гости не заставили себя долго упрашивать. Сев на свои места, они вновь принялись поздравлять новобрачных, есть, пить и кричать весело и задорно молодым парам: «Горько!.. Горько!..» Натешившись смущеньем молодоженов от неоднократных поцелуев, гости принялись за песни. Пели они и веселые, и задумчивые, и шуточные песни, которые лились сплошным потоком свадебного песнопения.

Молодые тем временем незаметно поднялись и пошли: Алексей с Екатериной к Михаилу, который жил в другом конце города, а Татьяна с Романом отправились к брату Андрею. Гости долго еще веселились и лишь далеко за полночь порасходились по домам. Однако утром, чуть свет, некоторые гости, которые не шли в этот день на работу, уже поприходили, чтоб опохмелиться. Позже, ближе к обеду, к Александре Петровне пришли обе пары молодоженов. Они помогли матери убрать, разнести занятую у соседей посуду, помыть полы. Затем, разогрев оставшуюся со свадьбы еду, сели за стол. Во время обеда между детьми и Александрой Петровной завязался серьезный разговор по поводу их дальнейшего проживания. И они обоюдно решили, что Алексей с Екатериной пока поживут у Михаила, который жил в собственном просторном и благоустроенном доме один. Его родители год тому назад трагически погибли. Он имел лишнюю жилплощадь, поэтому и предложил пожить в своем доме другу с молодой женой. Татьяна с Романом временно решили остаться в доме матери, пока не получат квартиру. Им мать выделила одну комнату, а в другой она разместилась вместе с Тamarой и Леной. И

жизнь пошла у новобрачных уютным, размеренным шагом...

ГЛАВА IV

В гармонии семейных отношений незаметно пробежала зима... Легкокрылая весна стучалась в окна домов благоуханным цветущим маем. Город, как и все государство, готовился к Первомайскому празднику – Международному дню трудящихся. В этот день праздничные колонны с красочными шарами, портретами вождей страны, флагами, транспарантами шли по центральной площади, где была установлена временная трибуна для городских руководителей. С нее они кричали торжественные лозунги в адрес руководителей ЦК КПСС и проходящих колонн, сформированных из трудящихся всех предприятий, учреждений и организаций города, шедших непрерывным многокилометровым потоком. В него влилась и колонна от швейно-трикотажной фабрики, которая возглавлялась директором. Как только колонна поравнялась с трибуной, из уст секретаря горкома громкогласно зазвучало:

– Да здравствуют труженики швейно-трикотажной фабрики! Ура!.. Да здравствует наш Генеральный Секретарь товарищ Никита Сергеевич Хрущев! Ура!.. Да здравствует Ленин! Да здравствует Сталин!

– Ура!.. Ура!.. – хором кричали из колонны.

Тамара тоже шла в этой колонне справа от трибуны и кричала вместе со всеми «Ура!.. Ура!..» Повернув голову к трибуне, она на ней вдруг увидела Михаила, который стоял рядом с секретарем Шахтерского горкома партии Украины. Заметив Тамару, он помахал ей рукой. Девушка, неожиданно для себя, тоже ответила ему приветствием. Михаил был горд и счастлив тем, что именно на трибуне его увидела Тамара, по-

скольку в 50-е годы это было очень почетно. Для участия в президиуме парада Михаила избрало рабочее собрание шахты, где он был бригадиром забойщиков. Его бригада ежедневно перевыполняла план и к Первому мая уже выполнила годовичную норму, потому его и выдвинули в почетные представители на трибуну. Он был рад такой почетной миссии. Но в данный момент ему больше всего на свете хотелось сбегать с трибуны, подойти к Тамаре и все ей объяснить. Рассказать, как все нелепо получилось...

Михаил сосредоточенно смотрел на Тамару до тех пор, пока она не затерялась в колонне демонстрантов. В его голове одна за одной всплывали картины их знакомства. Он вспомнил, как на следующий день после свадьбы, под предлогом помочь молодоженам перенести вещи к нему домой, он явился в семью Михайловых.

Уже было темно, когда Михаил постучал в дверь. На стук вышла Тамара, спросив:

- Вам кого?

- Мне Андрея. Я Михаил... Я... вчера был у вас на свадьбе. Алексей с Катей у меня ночевали. Они сказали, что будут у меня жить. Вот я и пришел помочь, может, нужно вещи какие перенести, - сбивчиво ответил Михаил. - А вы Тамара, сестра Алексея, да? Он мне вчера об этом сказал, - поспешил сообщить бригадир, боясь, что Тамара закроет перед ним дверь.

- Проходите. Я вас узнала. Но Алексея и Кати нет. Они уже ушли к вам, - сухо ответила девушка.

Шахтер от такого тона еще больше растерялся. Топчась на месте, не зная, что делать, он в нерешительности посмотрел на Тамару.

- Ну, что вы стоите? Проходите! А то вы меня заморозите! - нетерпеливо сказала Тамара.

Михаил наконец увидел, что девушка перед ним стоит в одном платье. Он спешно протиснулся мимо нее в дверь коридора и неуверенным шагом прошел в комнату, где сидели Александра Петровна, Вероника с мужем, Мария и Елена.

Михаил смущенно поздоровался и объяснил причину своего визита. Александра Петровна пригласила его к столу и предложила поесть. На столе стояли отварная картошка, соленые огурцы, холодец, хлеб и начатая бутылка водки. Вероника налила Михаилу водки, дополнила стоящие стопки и призвала всех присутствующих выпить за здоровье дорогой матери. Михаил в нерешительности взял стопку и выпил из нее все содержимое.

От волнения, которое сковывало его движения и речь, есть ему совершенно не хотелось. Парень сидел, понутив голову, и молчал. Александр вновь ему налил водки и выпил с ним за компанию. После второй стопки у Михаила заблестели глаза, загорелся на щеках румянец и исчезло чувство неловкости. Он встал и, обращаясь к хозяйке дома, смело спросил:

– Александра Петровна, можно, я с Тamarой сегодня схожу в кинотеатр «Аврора»? Там показывают фильм «Девчата».

– Можно, – ответила мать. Но надо дочь спросить, хочет ли она идти.

Тамара несколько растерялась, но, быстро справившись с волнением, с улыбкой на устах ответила:

– Конечно. Мы с Леной давно собирались посмотреть этот фильм. И поэтому мы сегодня втроем сможем пойти. Правда, сестричка?

Лена недоумевающе посмотрела на Тамару и своим сердцем поняла, что сестре очень хочется не столько посмотреть фильм, о котором она от нее слышит впервые, сколько вместе с Михаилом пойти погулять. Она еще вчера обратила внимание, как Тамара несколько раз задерживала свой взор на лице этого молодого человека, и поэтому добродушно сказала:

– Пойдем тогда сейчас же! А то билеты все разберут и нам не достанется.

Они дружно встали из-за стола, оделись и пошли в кинотеатр. Возле кинотеатра толпилось много молодежи. Михаил подошел к кассе. Билеты на центральные места были все распроданы.

ны. Он взял билеты на боковые места предпоследнего ряда. Вскоре должен был начаться фильм. Тамара, Лена и Михаил зашли в фойе кинотеатра. Через несколько минут прозвенел звонок, сообщающий зрителям о том, что необходимо занимать места в зале.

Люди стали заходить в зал и рассаживаться. Отыскивали свои места и сестры с молодым человеком. Тамара села между Леной и Михаилом. В помещении было не особенно тепло, но терпимо. Горело несколько старых некрасивых люстр. В каждой люстре не хватало от трех до пяти лампочек, поэтому в зале было мрачно. Прозвенел последний звонок, свет выключили и начали показывать фильм.

Лена внимательно следила за развитием сюжета, чего нельзя было сказать ни о Тамаре, ни о Михаиле. Старшая сестра чувствовала в груди необъяснимое волнение, которое не давало ей сосредоточиться и понять суть фильма. Она украдкой посматривала в сторону Михаила. Аналогичное состояние испытывал и забойщик. Ему хотелось коснуться руки Тамары, взять ее в свою руку. Но страх быть отвергнутым сдерживал смелого и находчивого бригадира. Через некоторое время он все же плечом коснулся плеча Тамары и через пальто почувствовал тепло, которое может излучать только любимое и желанное явление девичьей красоты. Михаил и ранее ходил с девушками в кино, на танцы, обнимал, целовал их, но такого щемящего, яркого ощущения, вздымающегося беспредельным разливом чувств, не испытывал. И это снова повергло его в смятение и робость. Он сидел как пригвожденный к спинке стула, боясь шевельнуться. Мысли его рассеивались, Михаил не мог сосредоточиться и осмыслить увиденное. Он был изумлен, когда на экране появились слова: «Конец фильма». Ему показалось, что фильм совсем недавно начался, а тут, на тебе, уже и конец.

По окончании сеанса в зале включили свет. Открыли боковые двери, которые вели сразу на ули-

цу. Народ стал медленно выходить. На улице было темно и холодно. Мороз моментально пробирався к телу, вводя его в дрожь. Выходящие из кинозала люди поднимали воротники и спешили домой. Лена, прижавшись к Тамаре, к резкой перемене температуры пока не адаптировалась и тоже дрожала. Поэтому, чтобы хоть как-то согреться, Тамара предложила пробежаться.

Молодой человек и сестры, взявшись за руки, побежали, словно наперегонки. Промчавшись метров пятьсот, они запыхались, но зато согрелись. И остальную часть пути шли ускоренным шагом, мало разговаривая. Никак они не могли найти общую тему, разговор не клеился. Михаилу очень хотелось задать главный вопрос, но он стеснялся и боялся, не зная, как на него отреагирует Тамара.

Наконец, почти уже у самого дома он предложил:

– Тамара, Лена, давайте и завтра пойдем в кинотеатр? В нем будет демонстрироваться новый фильм.

– Нет. Мне нужно идти вечером в школу, – сказала Елена.

– Я тоже не могу, поскольку и я учусь в школе. У нас завтра будет контрольная работа по алгебре, и я не хочу пропускать занятия, – ответила Тамара.

Огорчившись, Михаил предложил сходить в воскресенье на танцы, которые организовывались в зимнем клубе. На них в воскресные дни приходило всегда много народа. Лена, сославшись на занятость, идти на танцы отказалась, а Тамаре очень хотелось пойти повальсировать, и она сказала:

– А я пойду, если меня мама отпустит.

– Тогда можно я к вам приду в воскресенье в пять часов вечера? – спросил бригадир.

– Приходи, – смущенно ответила Тамара.

До намеченного дня должна была пройти чуть ли не целая неделя. Дни тянулись медленно. Впереди еще была среда и все последующие за ней дни. Михаил несколько раз перебирал в памяти все ска-

занные Тamarой слова. Ему нравилось, как она говорит. В ее произношении слышался волжский акцент, который так нежно звучал в ее речи. По его мнению, Тамара – исключительная девушка. Он подумал: «Я, наверное, не достоин ее. Какая она стройная и красивая. Ее волосы необыкновенного цвета – золотисто-медные, волнистые. А глаза такие выразительные, живые и голубые, как море. Личико словно нарисовано, губки макового отлива, горят рубином, щечки румяные, как яблочки. А кожа как на лице, так и на руках такая нежная, с матово-розовым оттенком – так и хочется ее коснуться. Да... Таких невероятно красивых я еще не встречал. Но вдруг она передумает и не пойдет? Я, кажется, ей не очень понравился. Меньшей, это точно, я совсем не приглянулся. Вдруг младшая сестра отговорит Тамару, и она не сдержит слова? Может быть, завтра мне к ней сбегать? Но куда бежать? Она же на занятиях. Можно пойти ее встретить из школы, но опять не знаю, в какой школе она учится. Почему я об этом не спросил Тамару? Вот растяпа!.. Вот несмышленьш!.. Вот мямля!..»

Шахтер еще долго корил себя за свою, как ему казалось, несообразительность, мучаясь сомнением от того, встретятся ли они с Тамарой. Он боялся, что за неделю Тамара забудет его и не захочет с ним идти на танцы. Он извел себя разгулявшейся фантазией, поэтому так особенно мучительно медленно тянулись для него дни, которые он разрисовывал такими черными красками. У него не было сил больше ждать. В нем разыгралась паника, которая развеивала уверенность и вселяла страх. Михаил непрестанно думал о встрече. Сделался молчаливым, потерял аппетит и сон. На шахте был рассеянным, плохо работал.

Но ничего не бывает вечным, все течет и все изменяется, а тем более дни в неделе: четверг сменился пятницей, пятница – субботой, суббота – воскресеньем. Михаил с утра побежал на базар, что-

бы купить букет цветов. В связи с тем, что погода в этот день была очень морозная, цветы на рынках не продавали. Напрасно молодой забойщик в поисках цветов бегал от одного рынка к другому – результат был неутешительным. Огорченный, без цветов, во втором часу дня он явился домой. Но вдруг вспомнил, что есть цветочный магазин. И он, не раздумывая, взял такси и поехал. Зайдя в магазин, он увидел розы различных цветов и оттенков. Они ярко-красными бутонами гордо взирали на него, издавая еле уловимый запах весны. Молодой человек попросил завернуть потеплее семь необыкновенно красивых роз. Расплатился и, сияя радостью и счастьем, приехал домой.

Дома он не стал разворачивать цветы, а положил их аккуратно на диван и стал гладить брюки, которые, как ему показалось, измялись в машине. Тщательно их выутюжил, умело навел ровные стрелки, повесил на стул. Достал белоснежную рубашку из шкафа и ее подутюжил. Затем начал одеваться. Одевшись, подошел к зеркалу посмотреть на себя. Себе он понравился, только не знал, как быть: галстук надевать или нет? У него их было три. Михаил поочередно прикладывал каждый к своему костюму и наконец решил, что галстук все-таки надо надеть. И надеть именно коричневый, в зеленую полоску, под цвет своего костюма.

После костюма у него возникла проблема с обувью. Бригадир вновь задумался, что ему обуть – туфли или сапожки? Туфли были лакированные, на тонкой кожаной подошве и явно были не по сезону. Мороз на улице трещал во всю мощь. Термометр показывал 32 градуса ниже нуля. Сапожки были меховые, теплые, но в них нога выглядела неуклюже, брюки мялись. И Михаил подумал: «Никакой изящности в них нет. Они как кирзовые сапоги. Нет, я их не обую, а обую туфли. В них хотя и холодновато, зато красиво. И танцевать, если Тамара согласится, легко в них будет».

Прифрантившись, Михаил взял цветы и от-

правился к Тамаре. Транспорт туда, где жила семья Михайловых, ходил очень редко. Прождав минут десять на автобусной остановке, он решил идти пешком. Ноги стали мерзнуть. Михаил прибавил шаг, чтобы согреться, немалую часть пути пробежался трусцой. К дому Тамары он подошел раньше назначенного времени чуть ли не на час. Постучать он не посмел. Чтобы убить время и не замерзнуть, бригадир стал подпрыгивать, приплясывать на обледенелой дорожке, не забывая периодически посматривать на наручные часы. Но часы словно заупрямились и минутная стрелка перемещалась так медленно, что у Михаила промелькнула мысль: «Они, наверное, поломались, потому так медленно и идут».

Встревоженный, он подошел к проходящему мужчине и спросил:

– Скажите, пожалуйста, который час?

– Шестнадцать сорок, – ответил басистым голосом прохожий.

«И мои точно такое же время показывают. Значит, они не отстают. Ой! Еще мне вытанцовывать на морозе целых двадцать минут. А может быть, пойти и постучаться? Нет, неудобно. Долго мерз, еще чуток позябну, зато, как полагается, вовремя войду», – утешал себя шахтер.

Ровно в пять часов вечера он постучал в дверь дома семьи Михайловых. Услышав стук, Александра Петровна открыла ее со словами:

– Михаил, входи! Какой же ты инистый! Замерз?

Действительно, воротник пальто, шапка, брови, ресницы бригадира были покрыты тонким снежным слоем и при свете отливали серебром, придавая ему несколько необычный вид.

– Проходи и снимай пальто. Может, тебе чайку дать, чтоб согрелся? – участливо спросила Александра Петровна.

– Нет, спасибо. Я не замерз, – снимая пальто и шапку, ответил молодой человек и сел на стул.

В это время из противоположной комнаты вышла Тамара. Она явно получила от Александры Пет-

ровны разрешение идти с ним на танцы. В ней все об этом свидетельствовало: и нескрываемая радость, и ее внешний вид. Тонкая как березка, Тамара была одета в шерстяное расклешенное темно-синее платье с круглым белым воротником и белыми манжетами, которое так ей шло, оттеняя белизну шеи и нежность лица. Михаил, увидев ее, не мог отвести от нее глаз, отчего Тамара смутилась и, чтобы как-то выйти из положения, неожиданно сказала:

– Меня мама отпустила на танцы.

Услышав эти долгожданные и дорогие для него слова, Михаил засветился счастьем. Он встал и начал одеваться. Тамара тоже стала одеваться. Александра Петровна, окинув дочь взглядом, строгим голосом сказала:

– Морозец к ночи будет еще больше, поэтому, Тамара, обувай валенки.

– Мама, да я же на танцы иду. Как я в них буду танцевать?

– Возьми туфли, там переобуешься.

Тамаре не хотелось идти в валенках. Она видела, что Михаил сверкает такими красивыми туфельками, но послушаться матери не посмела. Девушка обула валенки, и молодые люди пошли в зимний клуб, который находился от дома Михайловых через пять улиц.

В клубе было тепло. Танцы уже шли полным ходом. Пары бойко исполняли «Полечку». После «Полечки» зазвучал вальс. Галантно обратясь к Тамаре, Михаил пригласил ее на танец. Они легко и плавно закружились по залу. Бригадир умело вел девушку, и Тамара свободно исполняла предложенные им различные коленца. По окончании без перерыва зазвучал «Краковяк». Михаил, не раздумывая, пригласил Тамару на этот польский национальный танец быстрого темпа. И на этот раз они слаженно и красиво танцевали, находясь в центре внимания присутствующих.

Затем объявили «белый танец». К Михаилу, стоящему с Тамарой, подошла девушка и, попросив разрешения Тамары, увела его танцевать. Та-

мара не захотела никого приглашать, она отошла и села отдохнуть. Но не долго наслаждалась она отдыхом. Вскоре к ней подошел молодой человек и сказал:

- Разрешите пригласить вас на танец?

Тамара от стеснения не смогла ему отказать. И они закружились среди танцующих. Молодой человек неплохо танцевал. Он вывел Тамару в центр, где неподалеку от нее находился и Михаил с пригласившей его девушкой. Тамара обратила внимание, что та возбужденно и, как ей показалось, с давно ответной любовью между ними что-то рассказывала. И вдруг она увидела, как девушка поцеловала Михаила. В ответ и он чмокнул ее в щеку. Поднимая голову, он неожиданно для себя заметил Тамару, смотрящую на него широко раскрытыми глазами. Ее словно жаром обдало. Она загорелась нервным румянцем, попросила незнакомца прервать с ней танец, сославшись на то, что ей стало нехорошо. В угнетенном состоянии Тамара пошла в раздевалку, оделась и ускоренным шагом поспешила домой.

Когда окончился танец, Михаил заметил, что в зале Тамары нет. Он стал искать ее в фойе, в буфете, но ее нигде не было. Бригадир вновь вернулся в танцевальный зал, внимательно просмотрел всех танцующих, но Тамары в нем не обнаружил. У него в голове промелькнула мысль: «Она, наверное, ушла домой». Одевшись, он побежал в надежде догнать ее. Запыхавшись, вспотев, Михаил через несколько минут оказался возле Тамариного дома. Но все-таки по пути он так ее и не встретил, возле дома ее также не было. Молодой человек осторожно стал заглядывать в окна, которые не были плотно зашторены занавесками, и увидел Тамару, сидящую на диване. В первую минуту Михаил обрадовался, увидев ее, но тут же озадачился: как же ее вызвать? Он подумал: «Вот влип. Как мне все ей объяснить? А если постучать в дверь? Вызвать? Может быть, выйдет? И тогда все ей рассказать».

Михаил несколько раз подходил к двери, но каж-

дый раз смелость его покидала. Постояв, он отходил, подавленный робостью. Но наконец желание одержало верх, бригадир прерывисто постукал. Через несколько секунд он услышал в прихожей шаги. Дверь отворилась, перед ним стояла Тамара.

– Тамара, выйди на минутку, я тебе все объясню. Это моя...

– Я ни слышать, ни видеть тебя не хочу! И к нам ты больше не приходи! – сердито ответила девушка и резко закрыла дверь.

От услышанных слов Михаилу сделалось не по себе. Он был близок к обмороку. Сердце в груди забилось так сильно, словно хотело вырваться наружу, кровь стремительно запульсировала в жилах. Появился сильный шум в голове и удушающая тошнота. Забойщик не помнил, сколько времени он простоял у дверей. В доме Михайловых уже давно выключили свет и легли отдыхать, а он все стоял на морозе, обдуваемый ветром. Постепенно начал отходить от такого удара. Постояв еще несколько минут, побрел домой.

Утром он почувствовал резкую боль в голове. Тело горело, появился кашель. Молодой человек взял термометр, померил температуру. Термометр показал около сорока градусов. Пригласил соседку, поскольку Алексей с Катей уже ушли на работу, она побежала в больницу и привела врача. Врач осмотрел больного и сказал:

– Его срочно надо везти в больницу. У него воспаление легких.

В этот же день его положили в первую городскую больницу. Состояние больного было крайне тяжёлым. Температура не падала, голова кружилась. Ночью он бредил, говорил во сне бессвязно:

– Тамара, Тamarочка, я тебя очень люблю. Почему ты убежала?... Почему не поговорила со мной?... Я перед тобой не виноват. Тamarочка... Не прогоняй меня... Я тебе все объясню...

Соседка, видя состояние Михаила, вызвала его бабушку Ирину Васильевну. Она приехала. Узнав,

что Михаил пустил квартирантов, предложила им съехать в недельный срок. Алексей и Катерина, обескураженные таким решением Ирины Васильевны, не знали, что делать, что делать. Пошли к брату просить разрешения, чтоб он временно взял их к себе. Андрей с Полиной вняли их просьбе. И на следующий день они переехали к ним жить.

Алексея угнетало, что он стесняет своего брата. Он пошел в шахтком в надежде, что ему выделят хоть какую-нибудь комнатенку. В разговоре с председателем шахткома Иваном Ивановичем он узнал, что в Горловке открывается новая шахта и под нее сдается в эксплуатацию семейное общежитие.

Не откладывая в долгий ящик, Алексей поехал к директору открывающейся шахты. И ему повезло: директор согласился взять его работать к себе на шахту забойщиком и выделил ему одну комнату в семейном общежитии. Довольный результатом разговора, Алексей рассчитался с предыдущей шахты, и они вместе с Катей выехали из Шахтерска в Горловку.

На новой шахте у Алексея ладилось. Бригада шахтеров сформировалась удачно. В нее в основном входили молодые ребята. Алексей теперь, как и Михаил, работал бригадиром. Он часто терялся в догадках: «Почему это мой друг Михаил так нехорошо поступил с нами? Выселил меня с Катей среди зимы без предупреждения. Явно бабушка выставила нас с согласия Михаила. Да еще трусливо куда-то уехал на это время», – думал Алексей.

Но, как уже знает читатель, Михаил никуда не уезжал. Он лечился в больнице. Здоровье шахтера постепенно улучшалось. Однако из больницы его выписали лишь в начале апреля. Бригадир был очень огорчен, когда узнал, что Алексей с Катей от него съехали. Он не знал о том, что бабушка их фактически насильно выселила.

Все это время Михаил очень переживал о случившемся и скучал по Тамаре. О ней он не имел никаких сведений. И вот сегодня он вдруг заметил ее на параде. Ему показалось, что девушка обрадо-

валась, увидев его. У Михаила вновь в душе затеплилась надежда на встречу с ней.

ГЛАВА V

Для Тамары это время проходило тоже нерастовно. Она грустила. Часто вспоминала Михаила, чувствовала вину за то, что не стала выслушивать его объяснений и так грубо захлопнула перед ним дверь. Но эта картина его поцелуя с девушкой на танцах вселила в ее душу глубокую печаль. Все это время Тамара на танцы не ходила ни разу. Иногда вместе с Еленой она в выходной день отправлялась в кино.

От младшей сестры не ускользнула печаль, которая часто покрывала лицо Тамары. Елена поняла, что Тамара полюбила этого «донжуана», как она его называла, хотя сестра ей в этом и не признавалась. Лена, как могла, отвлекала Тамару от грустных мыслей. Каждый день рассказывала ей новости. Особенно она делилась с ней своими мыслями о работе. Лена находила большое наслаждение в труде. Токарное дело у нее получалось. На четвертом месяце работы Лена могла точить сложные и трудоемкие детали. Ее строгий, не веривший в нее учитель совершенно по-иному стал к ней относиться, хотя иной раз, как бы между прочим, за глаза, в его речи в отношении нее и звучало слово «малаявка». Однако в обращении к ней он после случившейся между ними перепалки старался не называть ее таким именем. А произошло это при следующих обстоятельствах.

Однажды Николай, обращаясь к Елене, сказал:
– Малаявка, иди в кладовую, принеси мне плашку диаметром шестнадцать миллиметров и сдай детали.

В ответ девушка отпарировала:

– Я вам не малаявка, а Елена Васильевна. Будь-

те добры так меня называть. И я вам не служанка. Вам хвосты заносить не буду. Если вы меня учите, то это не говорит о том, что я ваша собственность. Не хотите меня учить, скажите об этом Борису Сергеевичу. Пусть меня учит другой учитель. От вас такого оскорбления я больше терпеть не намерена. Вы старше меня на пятнадцать лет, но это не дает вам права так говорить со мной. Вы мне ни отец, ни брат. Кстати сказать, ни мама, ни братья, ни сестры так оскорбительно меня не называют. И от вас я не намерена терпеть такое неуважительное отношение ко мне. Вы грубиян и неотесанное бревно.

Она демонстративно отошла от него и включила пустующий станок, за которым ей начальник цеха разрешил работать. Николай не ожидал, что Лена так дерзкоотреагирует. Он был не то что недоволен, а в какой-то степени раздражен и мысленно произнес: «Видал, яйца кур стали учить. Не называйте ее малявкой, а величайте Еленой Васильевной. Далеко пойдет, если не остановят. Я ее остановлю сегодня же, не буду больше ничем помогать. Посмотрим, как эта Елена Васильевна будет справляться с заданием. Наверняка брака наделает столько, что ученических не хватит, чтобы уплатить за брак. Тогда сразу поймет, малявка ершистая, как дерзить учителю. Пойду сейчас прогоню ее от станка. Но какое я имею право отстранять? Борис Сергеевич ведь ей разрешил за этим станком работать».

Елена раскaiвалась в своей несдержанности, но в то же время она считала, что права и, рассуждая сама с собой, думала: «Почему он так меня называет? Какая я ему малявка? Мне уже скоро исполнится шестнадцать лет, а он все малявка, малявка. У меня что, имени нет? Грубиян! А еще на доске почета висит! В институте учиться. Ему со своей грубостью не в институте учиться, а только быкам хвосты крутить. Зазнайка! Я вот тоже школу закончу и в институт поступлю. Подумаешь, учитель... Не буду к нему подходить.

Мир не без добрых людей. Вон дядя Володя, какой он знающий, а не задается, как этот пажон, хотя шестой разряд имеет».

Девочка еще долго мысленно ругала учителя за нанесенное, как ей казалось, оскорбление, не останавливая станка и не прекращая точить детали. Изготовив десятка три медных втулок, Лена решила их померить. Высота, длина соответствовали заданным параметрам, а расточка внутри оказалась на десять миллиметров меньше положенного. Ученица очень перепугалась. Ругала себя за то, что не измеряла детали. Она знала, что на этом станке их исправить невозможно, так как железные кулачки в патроне были изношены и допускали погрешность. «Что же делать? Как мне их исправить? Вот учитель, наверное, позлорадствует! Верно, я и вправду малявка. Какая же я беспечная! Снегирев ведь говорил, что каждую третью деталь надо мерить. А я, безумная, столько понаделала! Хорошо, что хоть не большим, а меньшим размером расточила. Если б больше сняла стружку, то был бы уже брак, который невозможно исправить».

В течение всей смены Лена очень переживала, терзаемая мыслью об исправлении брака. Ей не хотелось, чтобы Николай Иванович узнал о ее промахе, поэтому она продолжала работать, внешне не подавая вида и думая о том, что когда закончится смена и он уйдет домой, она встанет за его станок и исправит брак.

Бракованные детали Лена незаметно сложила в коробок и спрятала в тумбочке. В конце смены нужно было сдать все детали. Она уже доделывала заданное количество, а смена все никак не заканчивалась. Последние детали она стала делать медленно, чтобы как-то объяснить мастеру свою задержку и получить разрешение закончить их после смены. Стрелки часов подбирались к четырем, тем самым показывая конец смены. Рабочие спешно убрали у станков, мыли руки и собирались домой. А Лена все трудилась. Заметив, что Михайлова еще работает, мастер подошел к ней

и спросил:

- Почему ты до сих пор не выключаешь станок?

- Я... вот сейчас закончу точить втулки, мне их осталось пять штук сделать, и тогда стану убирать станок, - ответила ученица.

Мастер взял измерительный прибор, посмотрел в чертежи и замерил втулки. Убедившись, что детали соответствуют заданным параметрам, сказал:

- Михайлова, как закончишь, сдай их в кладовую Марии Анисимовне.

- Хорошо, Иван Петрович, сдам.

Заметив, что Николай вышел из цеха, Лена открыла тумбочку, достала свои бракованные втулки и под них начала настраивать станок. Вначале она втулки пыталась рассверлить сверлом до заданного размера, но нужного размера не получилось. Тогда Лена достала расточной резец, выставила его по центру детали и начала точить. Заданный размер опять не получился. Померив, она чуть прибавила диаметр расточки, но вновь не достигла ожидаемого результата. Провозившись много времени, вконец измучившись, чуть не плача, Лена вновь и вновь настраивала резец. Однако деталь в соответствии с чертежом она не могла сделать.

Уже темнело, в цехе включили свет. Ученица загнала две втулки в окончательный брак, исправлению они уже не подлежали. Боясь еще допустить брак, она достала справочник по токарному делу и стала внимательно искать ответ на интересующий ее вопрос: как ей в данном случае исправить брак. За этим занятием ее и застал начальник цеха Борис Сергеевич.

- Лена, это почему ты еще работаешь? Иди домой немедленно!

- Борис Сергеевич ... Я виновата... Я допустила брак, но никак не могу его исправить. Вот бьюсь уже четыре часа, а дела нет, - печально-извинительным тоном ответила девочка.

Начальник цеха подошел к ученице взял черте-

жи, замерил детали и сказал:

– Брак подлежит устранению, пойдем только найдем более точный станок. И ты пойми, что доводку детали делать на соответствующий размер всегда намного сложнее, чем изготавливать ее с нуля. Особенно, если она делалась на одном станке, а затем ее снимали и доделывали на другом. Точности можно в этом случае добиться лишь тогда, когда идеально расточены сами металлические кулачки, находящиеся в патроне, и нет в них «биения», то есть смещения одного из них от центра, или в детали есть большой припуск. А у тебя припуск на устранение почти одинаков с «биением» кулачков. В этом и вся проблема. Поэтому надо идеально точно выставить расточной резец с центром втулки, а затем уже снимать лишний слой. Поняла?

– Поняла, Борис Сергеевич, – повеселев, ответила ученица.

Это она и сама все знала, о чем ей сказал руководитель, но не думала, что у токаря пятого разряда, Николая, такой неточный станок. Вот почему она никак на нем и не могла устранить свой брак.

Начальник цеха подвел ее к новенькому токарному станку. Настроил его, выставил соответствующие размеры и расточил одну втулку. Втулка вышла точностью не только почти миллиметр в миллиметр, а, словно после шлифовки, микрон в микрон. Ученица посветлела от радости, сердечно и тепло поблагодарила Бориса Сергеевича за оказанную помощь и продолжила растачивать под этот же размер оставшиеся втулки. Работа у нее наладилась. Она быстро закончила их делать. Убрала стружку со всех трех станков, вытерла их, сдала детали в кладовую и уже в десятом часу вечера отправилась домой. Елена шла очень уставшая, но довольная, что все-таки брак устранен и ей не придется завтра краснеть перед своим наставником. И в то же время она подумала: «Как хорошо, что я ничего не сказала Борису Сергеевичу об инциденте с Николаем Ивановичем».

Когда она пришла домой, то там находилась

только Александра Петровна. Татьяна с Романом были в отпуске, они уехали погостить к тете Шуре в Астрахань. Лена с аппетитом поела, вымыла за собой посуду. Рассказала матери все новости рабочего дня. Александра Петровна пожурела дочь за несдержанность, сказав:

– Дочка, ты не права. Почему ты так демонстративно поступила? Он твой учитель. Он тебя учит, а не ты его. Работай так, чтоб твой учитель к тебе с уважением относился. Если этого нет, то, значит, ты виновата. Николай бросает тебе мосты, быть может, в будущее всей твоей жизни. Ты же мечтаешь в политехнический институт поступить. А с таким подходом, если даже выучишься, кому ты будешь нужна? Нервы надо сдерживать. Ты же не на свидании с молодым человеком, а на работе. На работе должны быть рабочие отношения. Тебя не только учат, но и деньги платят. За тебя отвечают, тебе помогают сформироваться как человеку, отыскать свой путь. Тебя в исключение всех правил взяли на работу, тебе поверили, а ты возомнила себя чуть ли не равной учителю. Поживи с него, научись делать то, что он умеет делать, возможно, и будешь иметь право выражать свое недовольство. Ну что тут такого, что он назвал тебя малявкой? Малявка, выражаясь другими словами, означает ребенок. Но ты и есть ребенок. Тебе же только еще пятнадцать лет. Совершеннолетними становятся в восемнадцать лет. Через некоторое время тебе исполнится только шестнадцать, а ты уж такой себя возомнила взрослой, так себя полюбила. А что будет дальше? Запомни, Елена, добрые слова должны о тебе говорить посторонние люди, и они же должны оценивать тебя, а не ты себя. Ты же живешь в обществе, а не вне его. Без его поддержки ты ничего в жизни не добьешься. И никому не будешь нужна: ни обществу, ни, в конечном счете, самой себе. Не бойся в жизни людям делать добро, быть отзывчивой. Добро растет от добра, но никак не от зла. Совершенное зло бумерангом настигает в жизни и обрушивается бедой

и болью даже в тот момент, когда как будто бы все обстоит хорошо. Вот приведу тебе твой же пример. Ты сегодня загордилась, подумала, что будто бы достигла больших высот в токарном деле и чуть ли не поставила себя выше своего учителя. В тебе выиграло пустое самолюбие, которое ласкало твое сердце. Ты в плену своей гордости взвилась так высоко, что забыла, по сути, и о своей работе. Не послушала наставлений учителя, который тебе говорил, что каждую третью деталь нужно мерить. Но ты о себе слишком много возомнила и не стала слушать Николая, который, в любом случае, вкладывает в тебя не только часть своих знаний, но и души. А ты так высокомерно к нему отнеслась. И если бы не добрый человек, Борис Сергеевич, то из-за своей гордыни и себялюбия тебе два месяца пришлось бы работать только на то, чтобы заплатить за брак. Достоинство и самолюбие человеку необходимо иметь, но эти качества должны проявляться в других отношениях. Например, не позволять себе сидеть сложа руки, ничего не делая, и быть паразитом за счет других. Если тебе Господь дал руки, ноги, ум, то надо идти вперед изо дня в день, не останавливаясь, не досадуя на обидчиков, на обстоятельства, а выбирать высокую и благородную цель. И стремиться к ней путем своего труда без корысти и причинения вреда людям. Цель должна быть чистой, прозрачной и в своей сути нести заботу о народе. Иначе достигнутая цель не принесет удовлетворения, того глубинного зова, который заложен в каждом человеке в подсознании. Накопленное богатство, если сложилось из слез нищих, обездоленных, никогда не даст счастья, радости жизни и покоя душе. Помни, дочка, человек ест столько, сколько ему природой определено, богатый он или бедный. Все богатство тленно. После смерти в загробный мир человек ничего не забирает. Он остается сам с собой: его тело и спрятанная в нем

душа, которая в нас является вторым «я» и свидетельницей дел наших. На смертном одре второе «я» становится на первое место, вытесняя тело, которое, как и богатство, тленно. А вот душа раскрытой книгой будет явствовать о всех наших делах. И ее будут согревать, давать радость во второй жизни, определять ее уровень нахождения в вечном мире только по добрым, совершенным с любовью к людям, делам. Зло же, гордыня, порочное самолюбие болью отразятся на жизненном пути души. Вот поэтому, дитя мое, я хочу чтобы ты правильно все поняла, что я тебе сказала, сделала вывод и извинилась перед своим учителем.

Елена очень любила свою мать, ее мудрые наставления, которыми она питала своих детей. Дочь поражалась и часто задавала себе вопрос: «Откуда мама так много всего знает? Институт она не заканчивала. Закончила всего четыре класса, а все умеет делать и рассуждает, как великий философ и психолог».

Лена так любила беседы с матерью, что готова была слушать ее часами. После них дочь словно очищалась, становилась ровнее, ласковее. Мать это замечала, поэтому не жалела времени для беседы с Леной. Среди детей Лена особенно внимательно слушала ее. Хотя она была моложе всех, Александра Петровна чувствовала, что именно она глубже других детей понимает ту суть, которую она пытается изложить. Вот и сегодня при беседе мать заметила, как дочка внимательно слушала, боясь пропустить хотя бы одно ее слово. В зависимости от содержания, в ее глазах отражалась то стыдливость, то печаль, то ласка, то раскаянье. Александра Петровна готова была сегодня и долгие продолжать беседу, но в дверь постучала Тамара, которая после вечерних занятий забежала к Андрею с Полиной узнать о здоровье Светочки и их жизни.

Рассказав вкратце матери и сестренке свои впечатления от проведенного дня и новости от посе-

щения брата с невесткой, Тамара, Александра Петровна и Елена отправились отдыхать. О беседе по поводу проступка Лены ни мать, ни сестра Тамаре не сказали.

Однако не видя сестры в школе, Тамара, ложась спать, у нее спросила:

- Лена, ты почему это сегодня в школе не была?

- Задержалась на работе. Подробности я тебе завтра расскажу. Сейчас давай будем спать, а то уже около двенадцати ночи, а вставать мне в шесть. Хорошо тебе: в семь часов утра подниматься.

Мартовское утро выдалось на редкость солнечным. Хотя морозец еще давал о себе знать, все равно по дыханию природы уже чувствовалось приближение весны. Сквозь расписанные морозными узорами стекла пробивались солнечные лучи. В цехе было от этого и светлее, и приятнее. Лене мастер дал изготовить не очень сложный штамп. Она настроила станок, выточила под шлифовку ось, стала делать анкерное колесо, но ей не работалось. Ученице хотелось извиниться за вчерашнее перед учителем, ее мучили угрызения совести и терзающий ее душу вопрос: «Как же извиниться перед Николаем Ивановичем?» Лена то и дело посматривала на него. Но он на нее не обращал никакого внимания, работал, не поднимая от станка головы.

Уже скоро должен был наступить перерыв, а Лена все никак не могла улучшить момент, чтобы подойти и извиниться. Изнывая от переживания, не в силах больше терпеть, Елена подошла к учителю и с ходу, без передышки, волнуясь, срывающимся голосом сказала:

- Николай Иванович, простите меня, пожалуйста, за вчерашнее, я была не права.

Николай впервые услышал, что она его назвала не «вы», а по имени отчеству и, не ждавший от девочки такого глубокого раскаянья, посмотрел на нее умиленно, улыбнулся и ласково, по-родственному ответил:

- Да что там! Я сам тоже не прав. Нельзя тебя называть малявкой. Правда, Елена Василь-

евна? – похлопал по плечу девочку. – И ты меня извини... По рукам?.. Вот и хорошо. Иди работай...

С души Елены словно груз сняли. Она с веселым настроением принялась за работу, думая: «Учитель на меня не сердится и так хорошо мне ответил. А я о нем вчера так плохо подумала. И мама оказалась, как всегда, права. Точно, если с добром обратишься, то добром и ответят – вот как с Николаем Ивановичем. Я извинилась, и он не только простил меня, но и сам извинился. И на душе у меня от этого стало радостно и светло. А до этого было так тревожно, тягостно и печально. Теперь учителя я буду звать только Николаем Ивановичем. Он, оказывается, прекрасный человек. Слава Богу, что так все хорошо закончилось».

Лена, довольная, пошла на перерыв в столовую. Поела. После перерыва в приподнятом настроении закончила сменное задание и, счастливая, побежала в школу. Там увидела Тамару, сияя от радости, подошла к сестре, залпом выпалила ей то, что ее беспокоило, и они разошлись по классам.

Для обеих сестер в этом году приближалась ответственная пора. У младшей заканчивался срок обучения на токаря. Квалификационная комиссия должна была в апреле экзаменовать Елену и присвоить ей разряд. Лена очень волновалась, читала справочники по токарному делу. Наряду с другими аттестуемыми учениками она на экзамене выглядела более знающей, поэтому ей, как и парнишке Дмитрию, присвоили, как исключение, третий разряд. А всем остальным – второй.

Теперь она самостоятельно работала по соседству с ее бывшим учителем. Он был горд и рад, что его ученица получила на комиссии такой высокий разряд. И Лена старалась оправдать оказанное ей доверие. Она ежедневно выполняла нормы выработки. Но бывали дни, когда у нее не ладилось, тогда на помощь приходил Николай Иванович.

Надвигалось еще одно событие: в апреле Елене

должно исполниться шестнадцать лет. И она наконец получит долгожданный паспорт. В этом же году Тамаре исполняется восемнадцать лет. Лена завидовала, что сестра станет совершеннолетней, а ей этого дня ждать еще почти два года: «Всему свое время, – утешала она себя. – Сейчас, главное, надо хорошо подготовиться к экзаменам».

Поэтому они вместе с Тамарой до глубокой ночи засиживались за учебниками. Лена заканчивала восьмой класс, а Тамара – десятый. Но сегодня они больше шептались друг с другом, чем учили билеты. Младшая сестра все больше допытывала старшую, почему она совершенно не хочет идти на свидание к Михаилу, который вот уже больше месяца пытается с ней поговорить.

– Лена, ну что ты с этим Михаилом, как репей, прицепилась ко мне?! Он несерьезный человек: брата выгнал с квартиры. Ну его..

– Что касается брата, то это не он его выселил, а бабушка. Да нет, Тамара, мне кажется, он нормальный парень. И я же вижу, тебе хочется к нему бежать, только ты себя не пускаешь. Что между вами произошло? Скажи!

– Тебе, сестричка, все надо знать. Да он просто бабник! – вдруг вырвалось у нее. – Тогда, помнишь, я с ним ходила на Рождественские праздники на танцы? Он меня там опозорил.

– Как опозорил?!

– Очень просто. Танцевал со мной, а потом пошел танцевать с какой-то девицей, и прямо среди танца они целовались, – и неожиданно Тамара расплакалась чуть ли не навзрыд.

Елена поняла, как сильно Тамара любит Михаила. «И он ее любит. Если бы не любил, то не околачивался бы вечерами перед нашим домом, – подумала Лена. – Здесь что-то не так. Надо как-то его пригласить и все выяснить. А что, если я сама Михаила приглашу, как будто к себе? Пойдет он или нет?»

Лена о своем плане Тамаре ничего не сказала, а стала все высматривать Михаила. Она его выслеживала вот уже три дня, но, как на грех, нигде не

видела. И в четверг, после работы, когда Лена зашла в магазин, чтобы купить макароны, она увидела в очереди Михаила. Елена, не раздумывая, подошла к нему и сказала:

- Михаил, мне с вами нужно поговорить.

Бригадир, не ожидавший увидеть младшую сестру Тамары, несколько удивился. Растерянно посмотрел на Лену, но подчинился ее воле. Вышел из очереди и пошел за девушкой, которая направилась к выходу. Они стали недалеко от входа в гастронном.

- Слушаю вас, что вы хотели? - приглушенно спросил молодой человек.

- Я хочу знать, что произошло между вами и сестрой?!

- Леночка, будь мне другом, помоги! Получилось недоразумение, а Тамара не хочет слушать мои объяснения, избегает меня. Я весь извелся! Спаси меня! Объясни ей, что я..

- Нет, объяснять за вас я ничего не буду, - прервав Михаила, сказала Лена, - но помочь попытаюсь. Приходите завтра в восемь часов вечера к дому и ждите меня там, может быть, я выйду с Тамарой. Но ей не вздумайте что-нибудь говорить, поскольку я делаю это втайне от нее. До свидания.

Лена резко развернулась и ушла, не оглядываясь, быстрым шагом. Михаилу хотелось еще многое сказать Лене, обсудить этот план подробнее. Но в душе он и этому был безмерно рад.

К дому Михайловых на следующий день вместо восьми часов вечера Михаил, очень волнуясь, пришел, когда еще не было и семи. Лена тоже тревожилась, боясь, что у нее ничего не получится. Угнетаемая неизвестностью, она выглянула в окно и увидела Михаила, стоящего возле раскидистого могучего тополя, растущего недалеко от дома. Она стала думать, как ей выманить сестру из дома на улицу. И от незнания то и дело посматривала на Тамару. Тамара, почувствовав на себе беспокойные взоры сестры, спросила:

- Лена, что ты хочешь?

- Ты знаешь, Тамара, у меня что-то голова болит. Давай выйдем на улицу, подышим свежим воздухом. А потом билеты будем учить...

Тамаре не хотелось идти на улицу, но не хотелось и огорчать Елену, у которой, действительно, от напряжения разболелась голова. И она сказала:

- Пойдем.

Они вышли за калитку и сели на небольшую деревянную, выкрашенную голубой масляной краской, скамейку.

Увидев сестер, Михаил вышел из своего укрытия. Очень волнуясь, он направился к ним. Подойдя, дрожащим голосом сказал:

- Добрый вечер, сестрички. Можно к вам подсесть?

- Можно, - ответила Елена. - Смотрите, какой вечер июньский - тихий и теплый. У нас в деревне, бывало, в это время пригоняли корову домой из стада. Я вот уже целый год как из деревни уехала, скучаю по ней. Там такая красивая природа: леса, Волга. Вы, Михаил, были на Волге?

- Был. Плавал по ней на теплоходе. Мы с другом, кстати сказать, с вашим братом Алексеем, вместе плыли. Только он в Ставрополе сошел на берег. Вы в то время еще там жили. А я поплыл дальше, в Казань. Действительно, там очень красивые места. А где сейчас Алексей? - неожиданно спросил Михаил. - Когда я выписался из больницы, то увидел, что ни его, ни Кати нет. Бабушку спросил, а она сказала, что им якобы не понравилось, и они уехали. Я побежал на шахту, где он работал, но там сказали, что Алексей рассчитался и выехал будто бы в Горловку. Я туда поехал, обратился в паспортный стол, но мне там ответили, что такие в Горловке не проживают.

- Так ты в больнице был? - спросила Лена. - А что с тобой случилось?

- Да ничего особенного. Простыл. Вырядился в летние туфли в рождественские морозы. Помнишь, Тамара, мы с тобой тогда ходили на танцы? Видать, когда шел домой, то перемерз. Наутро проснулся с высокой температурой. Соседка вызвала

врача. Оказалось, что у меня воспаление легких. Вот меня и положили в больницу. И пролежал я там около двух месяцев. Я там от тоски чуть не умер. Спасибо Вера, двоюродная сестренка, ко мне каждый день приходила, помогала коротать время. Тамара, вы ее видели. Это та девушка, которая подходила ко мне на танцах и пригласила меня на белый танец.

Последняя фраза молниеносно прояснила и разогнала все печали и обиды Тамары. «Так это была двоюродная сестра? А я то думала...» – пронеслось у нее в голове. Она не слышала, что говорил дальше Михаил. Ее жгли угрызения совести: «Это Михаил из-за меня, наверное, заболел. Я его своей обидой заставила стоять в трескучий мороз на улице в туфельках. Из-за глупой ревности сбежала с танцев, а он под окнами меня ждал, пока к нему выйду. А я не вышла и не пустила его хотя бы в коридоре погреться».

От услышанного сердце Тамары учащенно забилось, ей было очень стыдно, что она такая эгоистка и безмерно ревнивая натура, но в то же время на душе у нее было светло и радостно. Ей от счастья хотелось обнять и целовать не только сестричку, но и весь мир. От разлива набежавших, таких противоречивых, чувств, она витала сама в себе, бичуемая стыдом и согреваемая радостью любви.

– Тамара, – вдруг услышала она голос Елены, – что ты молчишь? Я уже к тебе несколько раз обращаюсь, а ты словно не слышишь, – несколько озабоченным тоном сказала Елена. – Я забыла совершенно, что мне надо срочно подготовить к завтрашнему дню перечень вопросов по литературе, которые я обещала принести Варваре Дмитриевне. Поэтому я побегу домой их готовить.

– Иди, Лена, а я еще немножко здесь побуду. Сообщи маме, чтоб она не беспокоилась, хорошо?

– Хорошо, не волнуйся, я маме скажу.

Когда Елена ушла, Тамара и Михаил почувствовали в себе разлившееся стеснение. Между

ними возникла затянувшаяся пауза. Чтобы хоть как-то выйти из этой ситуации, Михаил спросил:

- Тамара, правда, сегодня такой красивый вечер? Звезды как алмазы горят, отражая синеву неба.

- Да. Тепло, тихо. И месяц среди звезд, как страж, наблюдает за ними, - в унисон речи бригадира, ответила Тамара.

После этих слов они вновь не находили, что сказать друг другу. Михаил молча подошел к Тамаре. От волнения у него дрожали руки. Он боялся, что Тамара сейчас поднимется и уйдет, и он ей не сможет сказать, что так угнетает его сердце. Он, превозмогая свой страх, прошептал:

- Тамара, почему вы меня избегаете? Я чем-то вас обидел? Если я перед вами в чем-то провинился, то простите, пожалуйста.

У Тамары от этих слов вся кровь бросилась в голову. В голове зашумело, сердце учащенно и тулко застучало. Она не знала, как ответить Михаилу. Нахлынувшие чувства поглотили весь ее словарный запас, и она растерянно сказала:

- Скорее я виновата перед вами, чем вы передо мной. Я тогда на танцах, когда вы танцевали с сестрой, подумала, что вы намеренно хотите меня оскорбить, целуя ее на виду, чтоб показать какой вы...

- Да что вы, Тamarочка! Я вас и не видел, а увидел уже после, когда поцеловал сестру. Конечно, мне не следовало этого делать. Но Вера очень хорошая сестра, она добрая, отзывчивая. Я ей рассказал о том, что встретил вас на свадьбе у Андрея. Она впервые увидела меня с вами на танцах, не могла скрыть своего восхищения относительно вашей красоты. Поэтому и пригласила на танец, чтобы сказать мне об этом.

У него в одно мгновение в голове всплыл тот разговор.

- Миша, где ты такую красавицу отхватил? Какая она статная, синеокая, ну прелесть, как сказка. Поздравляю тебя, братец, авось тебе счастье улыбнется, - и она по-родственному поцеловала его. И брат, светясь счастьем, поцеловал ее в

ответ.

Прервав свои воспоминания, Михаил продолжал:

- Я после танца хотел вас познакомить с сестрой, но не нашел вас в зале. И быстренько примчался к вам домой. Помните?

- Да, помню, - виновато сказала Тамара.

Стена, которая разделяла их, постепенно таяла, становясь прозрачной, переливаясь радугой раскрытых чистотой отношений. Михаилу очень хотелось признаться Тамаре в великой своей любви к ней, прижать ее к груди и никогда с ней не расставаться. Но страх потерять ее не давал ему этого сделать. И он лишь стеснительно сказал:

- Тамара, пойдете завтра на танцплощадку.

- Ой, Михаил, не могу. Послезавтра я сдаю последний экзамен - по химии. И хочу завтра побольше позаниматься. У меня еще много не до конца изученных вопросов. Мне хочется аттестат получить с отличием. И сейчас мне пора идти домой, а то мама, наверное, уже очень волнуется.

- Тогда послезавтра давайте встретимся, - настаивал Михаил.

- Ну, послезавтра можно, - ответила Тамара.

- Я приду послезавтра к дому в семь вечера.

- Хорошо. Приходите.

Затем Тамара встала со скамейки, сказав до свидания, и быстро скрылась за калиткой.

Дома ее поджидала Елена. Она вся извелась от мысли, помирились они или нет. Ей так хотелось, чтобы между Тамарой и Михаилом сложились добрые отношения. Пообщавшись и посмотрев на бригадира через призму состоявшегося разговора, Лена почувствовала, что Михаил неплохой парень. Она боялась, что они не помириятся.

Наконец послышался шорох. Лена поняла, что это идет сестра. Не включая света в коридоре, Тамара тихо прошла на кухню, где поджидала ее Елена. Посмотрев на Тамару, Лена догадалась, что они с Михаилом помирились, - такая радость светилась на лице старшей сестры. «Можно и не спра-

шивать», – подумала Лена.

Александра Петровна тоже еще не спала. Она уже начала волноваться, что так долго нет дочери. И с облегчением вздохнула, услышав, что Тамара пришла и говорит с Еленой на кухне. И особенно слышалось, как взахлеб Тамара рассказывала сестренке о своем счастье, которое затерялось и лишь через шесть месяцев нашло ее вновь.

Тамара еще долго восторженно рассказывала Елене о сегодняшнем вечере, где красной нитью в ее разговоре проходили рождественские танцы и ее ревность Михаила к двоюродной сестре, пока Елена не сказала Тамаре, что пора отдыхать. Но Тамаре не хотелось спать. Она села, начала читать учебник по химии. Однако прочитанное совершенно не воспринималось ее мышлением. В ее голове витали мечты юности, объятые любовью, отчего на душе было сладко, упоительно и мило. И лишь под утро сон ворвался в ее грезы, принося умиротворительный покой, благодаря которому человек способен в себе более активно производить смену чувств: погашать импульсивность или, напротив, даровать энергию и четкость мысли. Так произошло и с нашей Тамарой, проснувшейся утром свежей, жизнерадостной, способной работать и побеждать. Она сумела после сна сконцентрировать свои мысли и осмыслить глубоко тот материал по химии, который вчера ей был не под силу.

Просидев весь день напролет за учебником по химии, Тамара сдала экзамен на «отлично». После экзамена она как на крыльях летела домой, чтобы обрадовать мать своим успехом. А впереди ее ожидала уже другая, более сложная задача, которая требовала своего решения, – поступление в Шахтинский технологический институт. Но об этом потом. А сейчас, дорогой читатель, расскажем о встрече, на которую спешила Тамара, где ее молодой человек поджидал возле дома.

В назначенный час выпускница, радостная, подошла к Михаилу. Он поздравил Тамару с отличной оценкой, вручив ей целую охапку сиренево-красных роз, которые она отнесла домой и подарила

часть матери, а часть своей любимой сестренке. Возвратясь к Михаилу, с взаимной радостью и зовом сердец они отправились на танцплощадку.

Танцплощадка не блистала красотой. Она представляла собой большущий круг метров на семьдесят пять, находящийся под открытым небом и обнесенный высоким металлическим забором, состоящим из прутьев, которые были приварены на расстоянии десяти сантиметров друг от друга к поперечной железной пластинке, расположенной сверху на уровне полутора метров и внизу на уровне пятидесяти сантиметров. И чтобы удалые ребята и подростки не лазили через забор, к прутьям наверху были приварены пики. По кругу танцплощадка освещалась мощными электрическими лампочками. Пол был деревянный, не крашенный, как и скамейки, которые размещались по всему кольцу танцплощадки.

На танцплощадке в теплые дни всегда было много молодежи. Молодежь в пятидесятые-шестидесятые годы любила танцевать вальс, краковяк, полечку, фокстрот. У кого танцы получались лихо, а кто танцевал и плоховато, сливаясь в общей волне танцующих, зачастую мешая хорошо вальсирующим парам. Как уже знает читатель, наша пара – Тамара и Михаил – хорошо и легко танцевала. Вот и сегодня, вальсируя, они грациозно, словно лебеди, плыли по всей танцплощадке. В этот раз у них прошло без приключений. Михаил ни на шаг не отходил от Тамары в перерывах между танцами, и, чтобы другие не успели ее пригласить, он стремился первым выйти с ней на предлагаемый оркестром танец. Поэтому этот вечер на танцплощадке у них прошел весело и дружно, хотя Михаил неоднократно видел желающих отбить ее в танце.

Натанцевавшись вдоволь, не дожидаясь окончания вечера, Тамара пожелала идти домой. Провожая ее, Михаил всю дорогу без умолку рассказывал Тамаре о своей шахте.

– Михаил, – перебив его, спросила Тамара, – если так любите шахтерское дело, почему же тогда

вы не постигаете знания глубже, то есть не поступаете в институт?

- Ой, Тамара, я не поступлю в институт. Да и учиться не смогу. Тяжело же очень. У нас в Шахтерске и нет горного института.

- Зато есть в Донецке политехнический институт. Наверняка там есть горный факультет. Давайте в этом году будем поступать вместе: я в Шахтинский технологический институт на заочное отделение, а вы в Донецкий политехнический.

- Я как-то над этим не думал.

- А как вы в школе учились?

- Школу закончил без троек.

- Тогда вы свободно, без труда будете учиться, - уговаривала его Тамара. - Пока еще есть время, надо собрать документы и отправить их в институт. Я завтра пойду фотографироваться на документы и медкомиссию пройду, чтобы на этой неделе успеть их выслать в ВУЗ. Пойдемте со мной! У вас же завтра выходной!

Михаил такой напористости от Тамары не ожидал. Растерялся, не знал, что ответить, но страх потерять девушку заставил его согласиться с ее предложением. И он сказал:

- Хорошо, Тамара, я попытаю счастья. Тогда завтра с утра пойдем в больницу, а затем отправимся фотографироваться.

Подготовив документы, Тамара и Михаил отправили их в высшие учебные заведения. Михаил закончил школу семь лет назад и многое забыл, поэтому очень переживал, что не сможет достойно выдержать экзамены в институт. Стал все свободное время посвящать изучению сдаваемых предметов. Тамара радовалась, что Михаил так упорно стремится познать программный материал. По физике и математике они готовились вместе. Михаил поражался глубоким знаниям, которые показывала Тамара по этим предметам. Он ничуть не сомневался в том, что она поступит. Ему было стыдно, что в знаниях он так сильно отстает от нее. Поэтому ночами напролет Михаил продолжал заниматься, чтобы не выглядеть, как ему казалось, таким ник-

чемным.

В начале июля им прислали вызовы на вступительные экзамены. Сдав экзамены, они с нетерпением ждали результатов из приемных комиссий институтов. Первому сообщение из вуза о зачислении пришло Михаилу, а через три дня счастливое известие получила и Тамара. Их ликование не было предела. Особенно радовался Михаил, поскольку он в себя не очень верил и, как сам считал, поступил в вуз только благодаря стараниям Тамары. Теперь их обоих ждала интересная, но в то же время трудная студенческая жизнь.

В семье Михайловых тоже очень радовались, что Тамара преодолела в своей жизни такой высокий барьер. Лена сияла так, словно это она поступила. В нее успех Тамары вселил надежду и веру в достижение своей цели.

ГЛАВА VI

С сентября Лена стала усердней заниматься в девятом классе. На работе у нее тоже спорилось. В коллективе ее уважали. Она подросла, угловатость исчезла. На первый взгляд Елене можно было дать все восемнадцать лет. В ней ярко вырисовывалась девичья красота, которая расцветала, как сад весной. Еле заметная округленность в ее словно выточенной фигуре придавала ей свежесть и изящность. В лице смешивались черты подростка с красотой манящей женщины, умеющей, как бриллиантом, осветить окружающих, подчеркнув свое достоинство, красоту и нежность раскрывающейся розы. А глаза, выдавая природную детскую чистоту поэтической натуры, светились разноцветьем чувств, пылкости, сердечной глубины, томления, непостижимой легкости и, в то же время, печали и грусти в разлив синеокой дали распахнутой души. Все в ней было гармонично: глубина мысли и внешняя красота, которая звала неординарно-

стью созвучия оттенков царственного цветка.

В цехе на нее стали обращать внимание не только молодые люди, но и мужчины. Однако Елена еще не ведала силу своей чарующей красоты. Она никому не открывала своего сердца. Зов любви, постижения природного бытия мужчин в ней еще молчал. Пока что он замещался большим желанием научиться токарному делу, желанием впитывать знания по различным дисциплинам, преподаваемым в школе, и из книг. Гулять она мало ходила. Тамара продолжала дружить с Михаилом. Елене уже с ними было не совсем уютно, поэтому вначале она под разными предлогами отказывалась с ними вместе ходить гулять, а позднее они привыкли к Лениным отказам и перестали ее приглашать. Когда была возможность, Елена очень любила общаться с матерью. Вот и сегодня они вдвоем, и Елена просит мать рассказать о своем детстве. На дворе поздний зимний вечер.

– Мама! А как у тебя проходило детство?

– По-разному, дочка, а в целом, как у всех детей. Когда произошла Октябрьская социалистическая революция, мне было восемь лет. Семья наша состояла из четырех человек. Кроме меня еще было две сестры – Анастасия и Таисия – и брат Василий. Я в семье была младшая. Любил с Василием ходить на Волгу рыбачить. Отец меня очень любил и единственную из семьи брал удить с ним рыбу. Брал, наверное, из-за того, что я была бойкая, увертливая и не боялась воды, дралась с мальчишками наравне и выходила победительницей. Часто заступалась за Василия, хотя он был старше меня на два года, но драться не любил и не хотел. Ему всех было жалко. Хорошим он был парнем, да в войну, как и твой отец, погиб. В память о нем тебе случай расскажу. Однажды по моей просьбе мы с Василием решили напугать одинокую соседку, которая напрасно нажаловалась матери, что мы с подружками у нее в огороде повыдергивали морковь и по-срывали помидоры. В доказательство она принесла маме мою косынку, которую нашла на огороде и, не разобравшись, меня мама от-

стегала ремнем. К слову сказать, я до сих пор не могу понять, как эта косынка очутилась у нее на огороде. Ведь я действительно у нее не была. Мне было очень обидно, что мама мне не поверила и из-за соседки я стала как будто воровкой. Поэтому я разработала план и попросила, чтобы брат мне помог в его осуществлении. Мы ночью в двенадцать часов сорвали несколько тыков, срезали верхнюю часть, сделав каждую в виде головы. Вырезали в тыкке глаза, зубы, рот, нос, повставляли в эти места гнилушки, которые взяли у себя в погребе. Гнилушки в темноте очень светятся, как огоньки. И когда мы вставили их в тыкву, то она, будучи сама по себе желто-красной, с гнилушками в темноте стала похожей на что-то совершенно необъяснимое. Выглядела устрашающей, в ней было что-то жуткое. Так вот мы эти тыквы поставили на подоконник и плотненько прислонили прямо к стеклам. Взяли булавки, и на всех окнах, там, где примостили тыквы, вонзили их в рамы и привязали в кольца булавок нитки. Отойдя метров на пять, легли на землю и стали дергать за эти ниточки, от чего в окнах послышался звонкий, необыкновенный стук. Соседка проснулась, взглянув на стекла и увидев, как ей показалось, дьяволов, стала неистово кричать:

- Люди, помогите, дьяволы!.. Спасите, умоляю!..

Да так громко, что соседи с одной и другой стороны стали просыпаться и раскрывать окна, думая: «Что же это с нашей соседкой, бабой Верой?» А мы с Василием все это время дергали за эти ниточки, продолжая ее пугать. И прекратили только тогда, когда услышали, что в нашем дворе скрипнула калитка и раздался шум шагов нашего отца, который бежал спасать бабу Веру. Мы молниеносно схватили с подоконников эти тыквы, отползли с ними в сторону, и отец нас не заметил. И пока он был у соседки, «спасая» ее от мнимых бесов, незаметно прошмыгнули в дом и притворились спящими. Мы слышали, как через некоторое время пришел отец и стал рассказывать матери:

- Анна, что с нашей бабой Верой? Кричит, что

бесы за ней приходили, чтобы в ад ее забрать. Дрожит вся. Свечу я ей зажег. А она все горланит: «Петр! Петр! Глянь, они целой шайкой в окнах сидят и тарабанят когтями в стекла, меня выманивают из дома. Спаси меня!.. Не покидай!.. Нет ... ты лучше свою Анну пришли. Пусть она эту ночь со мной поспит. Но вначале в окно посмотри, может, они еще там сидят». Я посмотрел на окна. Там никого и ничего нет. С ума, что ли, старуха сходит? Но все же, Анна, пойди к ней и эту ночь поспи в ее доме. Успокой старушку.

- Да нет, Петр, я не пойду, - ответила мама. - Я боюсь.

- Тогда пойдем вдвоем. Ты с ней на одной кровати поспишь, а я на полу.

- Если так, то пошли.

Когда родители ушли, мы с Василием встали, пошли в кухню, поели хлеба с молоком. Но на душе у меня было скверно. Василий меня ругал:

- Вечно ты, Санька, куда-нибудь влезешь. На этот раз и меня втравила. Перепугали мы вусмерть бабу Веру. Как теперь быть?! И все из-за твоей обиды. Подумаешь, отлупцевали тебя. Ты того и стоишь. Я пойду утром и все ей расскажу.

- Ты что, Васенька?! Отец узнает - мало что отпорет, но и не станет на рыбалку брать.

- Отдубасит... И поделом. Того мы и стоим.

- Умоляю тебя, братец, не говори. Хочешь, я тебе отдам книгу, что мне крестный подарил?

- Не нужна мне твоя книга. Помнишь, она тебя с Валея просила, чтобы ты с ней ночевала? Тогда баба Вера жаловалась, что ее по ночам домовый щиплет, а если с ней спит ребенок, то он ее не трогает.

- Хорошо! Я согласна. Буду ходить к ней ночевать, только никому не говори.

На следующий день я пошла к бабе Вере и сказала, что буду к ней приходить ночевать. Обрадованная соседка не знала, чем меня от радости угостить. Дала жареных тыквенных зерен. Я поделилась ими с братом... Как жаль, что Василия убили! Какой он был сердечный! С ним

я дружила больше, чем с сестрами. Господи, помяни его в Царствии Своем, – молитвенно попросила Александра Петровна.

Елене очень хотелось долгие послушать рассказ матери. Но, видя скорбную грусть на лице Александры Петровны, дочь не решилась, подумав: «Наверное, мама также любила своего брата Василия, как я Тамару... Скоро уже должна приехать с сессии. Как у нее там дела? Все сдала или нет? Должна, по идее, сдать».

Первая сессия как у Тамары, так и у Михаила прошла сложно. Вначале они толком не могли разобраться с расписанием, порядком проведения зачетов, экзаменов, размещением аудиторий в корпусах института. С великим волнением они постигали тропы, которые вели к знанию путем заочной формы обучения. Но их желание, согретое волей, принесло им успех в познании глубины сдаваемых предметов. Они сумели сдать все экзамены и зачеты зимней сессии и ощутить счастье победы.

Приехав домой, Тамара волнительно и несколько упоенно рассказывала, как она сдавала сессию, объясняя понятие сессии, вводя в разговорную речь новые вузовские научные термины, которые ранее в семье Михайловых не звучали. Жизнь, наполненная новым осмыслением, становилась интересней, многогранней, светящейся зарей зовя в просторы науки будущих дней, обласканных волей самосознания ежедневного бытия, где можно было бы почувствовать сладость ощущения веры в себя. И это, в первую очередь, ощутила на себе Елена.

Елена через Тамарины результаты вдохнула воздух победы, который на нее подействовал как сладко-винный напиток, пьянящий ее зовом своей мечты, а именно: быть инженером. Если ранее она сомневалась и думала, что это удел только мужчины, то теперь девушка почувствовала в себе веру, которая поведет ее сквозь тернии неизведанных дорог. Она стала внимательно присматриваться к своему бывшему учителю Николаю Ивановичу, оканчивающему в этом году Донецкий политехнический инсти-

тут, в который она мечтала поступить. Елена видела, что Николай Иванович значительно отличается от других рабочих. Он умеет красиво говорить. Речь его была плавной и, как ей казалось, очень умной. Он употреблял такие слова как сопромат, начертательная геометрия, гидравлика, теоретическая механика, гидродинамика и множество других слов, о значении которых она имела смутное представление, а ей хотелось их познать в полном содержании.

Елена частенько подходила к Снегиреву, гонимая любопытством постижения его сильного и волевого характера. И бывший учитель к ней относился небезразлично, поэтому их частенько можно было увидеть вместе. Вот и сегодня в перерыв они вдвоем пошли в столовую. В столовой было много народа, который выстраивался плотной вереницей к раздаточному прилавку, где отпускалась пища, но они в беседе не замечали томительно тянувшегося времени. Их обоих увлекал разговор о проблемах завтрашнего дня. Николай Иванович не переставал удивляться серьезности и стремлению Елены понять и постичь жизнь, бурлящую далеко за пределами их родного завода. В его сердце стал пробиваться зов, который ранее он к ней не чувствовал. Николаю частенько хотелось поухаживать за своей бывшей «малявкой» или, как он еще ее называл, «гадким утенком», превратившимся теперь в роскошную лебедушку, способную воспарить и взвиться высоко над серостью будничного дня и дать волю раскрылиться розовой мечте, озаренной чистотой ее сердечного зова. От этого бывшему наставнику становилось волнительно и тревожно не только за Елену, но и за себя.

Он боялся увлечься этой необыкновенной девушкой, сулящей своей красотой и нестигаемым характером неординарный подход к окружающей жизни. Вот и сейчас, стоя в очереди, он непроизвольно залюбовался ею. Она ему увлеченно рассказывала о философе Канте, его взглядах на жизнь, но он ее не слышал. Его сознание было заполнено ею и анализом своей жизни, мысли о

которой помимо его воли всплыли и бунтовали в нем. Николай Иванович неожиданно для себя подумал: «Зачем я так рано женился? Но почему рано?! Мне ведь уже тридцать два года. Имею сына Вадика, которому скоро уже тринадцать лет, семилетнюю дочку Людочку. Но, стоя перед этой семнадцатилетней девушкой, я чувствую себя, с одной стороны, равным ей по возрасту, слушая мудрость ее рассуждений, а с другой стороны, в силу возраста – глубоким стариком». Ему стало грустно, взор подернулся потаенной печалью.

– Николай Иванович, вам нездоровится? Вы почему-то, как мне кажется, не очень слушаете меня, – услышал он голос Елены.

– Да нет. У меня со здоровьем вроде бы все в порядке. Скоро последняя сессия, государственные экзамены, а там и защита диплома, вот я и задумался. Страшновато стало, выдержу ли испытания, – уклончиво ответил бывший учитель.

– Да что вы, Николай Иванович! Я в вас ни капельки не сомневаюсь. Если вы не выдержите эти испытания, то кто же тогда их выдержит?! – обнадеживающе-весело прощебетала Лена.

Но почему-то и в ее душу закатилась грусть. Ей не хотелось продолжать беседу. Остаток времени они были малоразговорчивы. Пообедав, Снегирев галантно подал руку Елене. Она, как птичка, легко вспорхнула из-за стола, и они пошли в цех.

Встав за станок, Николай машинально его включил и продолжил работу. Но работа у него совершенно не ладилась. Один за одним ломались резцы, детали не соответствовали десятому классу чистоты, которая была предусмотрена чертежами. Он пытался ее после резца выводить наждачной бумагой. Кое-как доработав смену, Николай, не заглянув к Елене, ушел домой. Дом его находился не очень далеко от завода. Его жена Ирина из-за болезни временно не работала. Она радостно встретила мужа. Накрыла на стол, села возле него, глядя на своего Коленку влюбленными глаза-

ми. Но он сегодня словно не замечал ее внимания и не ответил ей, как обычно, ласковым взглядом.

- Коленька, ты сегодня очень устал? День был тяжелый? А может, ты приболел? - заглядывая ему в глаза, участливо спрашивала жена.

- Да не сказать, чтоб заболел, но на душе как-то скверно.

- Это, наверное, мой дорогой муж, из-за погоды. Видишь, какой пасмурный день? Так и давит дождем. А ты иди, мое солнышко, полежи, отдохни, от сердца боль и отойдет, - заботливо говорила Ирина.

Николай, не раздеваясь, прилег на диван. В голове у него путано бродили разные мысли. Он не знал, на какой остановиться. Они противоречиво начали точить его, изгоняя из него уверенность и вселяя неясность и потаенную душевную боль, в которой он никому не смел признаться, даже себе, но сегодня внутренняя воля покинула его. В сердце пробрались мысли, которые нещадно бичевали и расстраивали его внутреннее равновесие. Сжав крепко голову руками, желая вытеснить эти давящие навязчивые мысли, Николай стремился остановить их. Но они взяли над ним верх и бурлили половодьем чувств, вызревших в его сердце новой гранью любви, любви тридцатидвухлетнего мужчины к семнадцатилетней девушке. Когда он признался себе в этом, ему как будто стало легче. Но другая мысль убивала его, попирала самолюбие и злобно кричала: «Ты что возомнил? Ты же по отношению к Елене старик! Ты уже сделал выбор - у тебя жена, двое детей. Кроме того, жена тебя любит, в тебе души не чаает. А ты от жира за девчушками решил приударить, которым ты в отцы годишься. Остепенись и не срами ни себя, ни свою семью».

Другой же голос нашептывал: «В жизни все течет, все изменяется, изменяются и чувства. Одни умирают, на их месте возникают новые, созвучные зову твоего сердца. Почему любовь следует считать позором?» «Да потому, - ворвался следующий голос, - что все прекрасно только в единении

зова любви. А какое может быть единство чувств и порывов в разности лет? Кроме того, Елена, похоже, и не замечает твои буйствующие чувства».

Эти мысли молниеносно вытеснили все другие. Николай совершенно потерялся, думая: «Действительно, Елена ко мне относится как к своему учителю. Других чувств она ко мне совершенно не питает. А как же мне быть? Это, наверное, к лучшему... Возможно, я переболею и все встанет на свои места. Мне бы только суметь не выпустить свои чувства на волю и не показать их перед Еленой и, тем более, перед женой и народом».

От борющихся противоречий у него сильно разболелась голова. Он выпил анальгин, оделся, вышел на улицу и закурил. Долго стоял, обдуваемый свежим потоком ветра, но в душе покоя не было, хотя боль в голове несколько поутихла. Зайдя в дом, чтобы заглушить разгулявшуюся душевную тоску, Николай налил полный стакан водки и выпил. Вмиг теплота побежала по всему телу. Стало легче, боль утихала. Он даже подумал: «Что это я так себя извожу? Моей фантазии нет предела. Какие чувства? Какая любовь? Все это бред разгулявшейся фантазии. Я примерный семьянин. У меня прекрасная жена, дети, которых я безмерно люблю. И всю эту блажь из головы насчет Елены надо выбросить. Так я и сделаю. Больше с ней говорить не буду, в столовую стану ходить с ребятами. Больше начну уделять внимания детям, жене, да и на сессию скоро ехать».

С этими мыслями Николай и уснул. Придя на работу, он старался быть верным себе. К Елене не подходил и в столовую ее не пригласил, только сердце продолжало мучительно ныть, но он держался изо всех сил и Елену в цехе словно не замечал. Девушка, почувствовав охлаждение в их отношениях, решила выяснить это, поэтому подошла к нему и спросила:

– Николай Иванович, вы в столовую сегодня пойдете?

– Пойду, а тебе-то что? Нечего за мною тебе бегать! Не подходи больше ко мне! И не цепляйся

за меня своими мудростями! Не строй мне глазки! Уходи и не стой на моем пути! Малявка несносная!

– Николай Иванович! Да что сегодня с вами? – вспыхнув, растерянно спросила Елена. – Я уже не малявка, мне уже восемнадцатый год. Если я вас обидела, извините меня.

– Ничем ты меня не обидела! Но видеть тебя я не хочу. Христом Богом прошу, не подходи ко мне, – вдруг дрогнувшим, но не злым, как вначале, голосом сказал Николай.

Елена отошла, не зная, обижаться ей на своего учителя или нет. Ей показалось, что очень уж странно он повел себя с ней нынче. Сначала злобно кричал, а потом чуть ли не умоляюще просил, чтобы к нему не подходила. А почему? «Наверное, с женой поругался или что-то в институте стряслось, вот нервы и сдали», – подумала она.

Через несколько дней Николай уехал в институт. Это была его последняя сессия. Елена не то чтобы скучала по нему, но разговор, то ли жесткий, то ли молящий и необъяснимо с чем связанный, она так и не поняла. Это не давало ей покоя, поэтому ей хотелось обратиться к матери и попросить у нее разъяснения. Но она все никак не находила удобного случая. А вот сегодня он предстал, и дочь, несколько волнуясь, сказала:

– Мама, месяц тому назад я подошла к Николаю Ивановичу и пригласила его в столовую, а он так грубо мне ответил, стал кричать, чтобы я не стояла на его пути, не бегала за ним, а потом стал мягким голосом Христом Богом просить, чтобы я к нему не подходила. Почему это он так вел себя? Я все передумала, а ответа так и не могу найти. Может, ты объяснишь?

– А ты, дочка, никому ничего про него не рассказывала?

– Нет. Такого особенного ничего. Разве только то, что он добрый, порядочный, очень умный человек и с ним интересно общаться. Но это я говорила давно Дмитрию, когда мы вместе с ним сдавали на разряд. Перед тем днем, как накричать на меня, мы были с Николаем Ивановичем в столо-

вой, и он ко мне был очень внимателен: и разнос мне принес, и руку подал. Я ему не грубила. Наоборот, мы славно поговорили. Да и в цехе частенько он сам подходил ко мне, помогал настраивать станок. И вдруг на меня обрушился как ураган.

Александра Петровна по разговору дочери поняла, что виной тому не она, а Николай. Вероятно, он симпатизирует Елене. И боясь, что эта привязанность перерастет в нечто большее, решил так поступить, чтобы не разжигать чувства. Но как дочери это объяснить, Александра Петровна затруднялась. И начала свой ответ вести издалека, не решаясь говорить Елене правду, не желая пробудить чувства, которые, как ей показалось, в ней безмятежно спят.

- Знаешь, дочка! Жизнь такая сложная, и отношения в ней бывают разные. Николай Иванович значительно старше тебя. Пока ты была его ученицей, это было одно, а когда стала самостоятельной, то это уже другое. Мне кажется, нельзя сказать, что он тебя стесняется или ему неинтересно с тобой разговаривать. Просто иной раз надо себя отвести от злых языков. Похоже, он этого и боится и не хочет, чтобы о тебе говорили недоброе. Тебя он хочет таким образом защитить. Ты же у нас девушка интересная, красивая, а на красоту всегда найдутся злые языки, чтобы опорочить ее. Да и прав Николай Иванович, что ты к нему все ходишь? Люди разное могут подумать. Разве мало тебе своих ровесников? Не надоедай ты ему. Если он посчитает нужным, то сам тебя найдет. А ты сторониться не сторонись, но и навязчивой не будь.

Елена долго размышляла над словами матери, но сегодня ей показалось, что мать как-то не так, как всегда, объясняет. Она словно что-то не договаривает, и речь у нее не так лилась как обычно.

«Да и что такого, - рассуждала Елена сама с собой, - что я с Николаем Ивановичем разговариваю, на перерыв вместе хожу? Да я и к дяде Ване подхожу. Тогда что выходит, и к нему нельзя? Ну

да ладно. Раз мама считает, что мне больше надо дружить с молодыми, а не с людьми старшего возраста, пусть будет по ее. Буду с Дмитрием в столовую ходить».

Дмитрию было восемнадцать лет. Он хорошо трудился и тоже учился в вечерней школе. Слыл воспитанным и добросовестным молодым человеком. Он был удивлен, когда Елена пригласила его вместе идти в столовую. Парнишка очень стеснялся девушки. Не знал, как к ней обращаться – на «вы» или на «ты». На помощь ему пришла сама Лена.

– Дмитрий, ты чего это ко мне обращаешься на «вы», я же по годам такая, как и ты, поэтому нечего и выкать.

В столовой Дмитрий по-молодецки занял стол, положил на него ложки, винегрет, хлеб, встал впереди Елены, заказал множество блюд себе и ей и хотел за обоих заплатить. Но девушка возразила:

– Ты что, Дмитрий? Я так же, как и ты, работаю, небось даже больше тебя зарабатываю, поэтому платить за меня не нужно. Это не тот случай. Понял?

– Так точно, Елена Прекрасная! – вырвалось у него помимо воли. И он стушевался, покраснел, подумал, что она обиделась на него, но увидел, что Елена и не думала обижаться, а весело засмеялась. Он был безумно рад и тоже расплылся в довольной улыбке. Молодой человек был горд тем, что с ним стоит такая девушка, как Лена, по которой вздыхали очень многие хлопцы завода.

Поев за одним столом с Леной, Дмитрий быстро собрал пустую посуду, не только свою, но и ее, поставил на разнос и отнес в конец зала столовой, где находилась мойка. Догнал Елену и, сияя радостью, зашагал с нею в цех. В нем душа ликовала от избытка чувств, которые вдруг с такой силой заявили о себе. Ему очень захотелось пригласить Лену в кино. Но он знал, что девушка занятия в школе ни за что не будет пропускать. И только это сдерживало его. И лишь после занятий Дмитрий

набрался смелости и попросил разрешения про- водить ее до дома. Елена его отговаривала, ссылаясь на то, что он живет очень далеко от нее и ни к чему зря терять время, что идти домой одна она не боится и что завтра в цехе они непременно увидятся.

Дмитрий сник, ему так хотелось пройтись с Еленой по шахтерским улицам и поговорить с ней. Хотя они уже почти три года вместе работают, он фактически ничего о ней не знает. Но Елена на сегодняшний день была сыта общением с Дмитрием, ей хотелось быстрее убежать домой, уединиться, поразмыслить. Ведь ей скоро исполняется семнадцать лет. Впереди ждут выпускные экзамены в школе и поступление в Донецкий политехнический институт, о котором она так давно мечтает. И у нее все мысли, все желания были направлены на то, чтобы, как Тамара, закончить школу с отличием и тогда двери в него будут ей открыты. Она хотела быть похожей на сестру, которая хотя и встречается с Михаилом, но усердно и успешно занимается в технологическом институте. Михаил также старательно вторит ей. Он несколько меньше Тамары занимается, но сессии сдает так же успешно. Они уже оба стали студентами третьего курса. И Лене не терпелось ощутить на себе это неизведанное понятие «студентка». И чтобы лучше подготовиться к экзаменам, она на работе взяла отпуск.

В течение отпуска Елена очень упорно готовилась и, как результат большого труда, сдала выпускные экзамены в школе и вступительные экзамены в институт на «отлично». В семье Михайловых отмечали вторую победу. И кто больше радовался успеху Лены, сложно было сказать, наблюдая за счастливыми лицами матери и детей. По этому поводу организовали праздничный обед. Поздравить сестру с поступлением в высшее учебное заведение пришли Андрей с Полиной и Светочкой, Вероника с Александром и сыном Владимиром, Алексей с Катей и недавно родившейся Любочкой, Мария с мужем. В адрес младшей сестры было высказано много

светлых и добрых слов. Поздравительное слово сказала и Александра Петровна:

- Дорогие дети, сегодня в наш дом вновь поступался праздник! Наша Елена, так же, как и Тамара два года тому назад, поступила в институт. Мы видим, что Тамара много отдает времени изучению предметов, которые преподаются в институте. Это большой труд и сложный путь. И преодолевает его, безусловно, только сильный и волевой человек. Наша Елена обладает этими качествами. Будем надеяться, что она, как и сестра, сумеет хорошо учиться и будет иметь знания, которые необходимы для избранной специальности. Я подчеркиваю, именно специальности, а специальностей у нас множество. Одни работают шахтерами, другие - строителями, третьи - металлургами и так далее. Но всех объединяет единое - знание того, что человеку доверили, и его отношение к своему делу. Конечно, чем больше доверяют человеку, тем выше его ответственность перед людьми. Выбранный род занятий диктуется волей избирающего человека, но результат всегда оценивается народом. И поэтому я хочу, чтобы Тамара и Елена поняли, что не счастье быть инженером по форме, а надо стараться быть им по содержанию и знать, какими качествами необходимо наполнять это содержание. Если его основу формировать корыстными побуждениями, то кому они тогда нужны, коль нет в них радости народа? В любом труде должен прослеживаться интерес не только работающего, но и окружающих людей. Мир на земле, так Богом устроено, взаимосвязан. И если нет в этом отношении гармонии, то человек будет раб своей работы, которая, возможно, и принесет ему большое богатство, но он никогда не будет удовлетворен самой жизнью, поскольку его жизнь опосредствуется жизнью народа. И только радость ведущего через взаимную радость ведомых принесет умиротворенность и наслаждение жизнью руководителя. Именно ведомые способны дать покой душе ведущего через его открытость,

чистоту отношений, любовь к ним, умение подставить свое плечо без страха ответственности за порученное дело, сердоболие к чужой беде и дарование им свободы рассуждения; ведущий должен не бояться критики, а уметь ее услышать и извлечь из нее пользу, опять-таки ради пользы общих интересов, то есть того, что лежит в основе содержания, а не в возвеличивании собственного Я. Поэтому, Тамара и Елена, я хочу, чтобы вы, выбрав путь, всегда помнили и стремились всеми фибрами своей души обогащаться знаниями, которые вам, одной уже даются, другой будут даваться для пользы народного дела и никогда не ставить себя над ними; и знали, что Бог в каждого человека вдвинул индивидуальное чувство человеческого достоинства, так как каждый человек имеет глаза, уши, руки и так далее. Только человеческое достоинство не имеет физического воплощения, но оно составляет стержень человеческой души. И если вы оскорбите или унижите человека, следовательно, вы посягнете на самое утонченное качество в человеке и самый значимый элемент его души, без чего человек в последующем станет безликим или возненавидит вас, как Каин возненавидел своего брата. И в заключение, ненаглядные мои дети, я всем вам желаю людской любви к вам, наслаждения жизнью в любом ее проявлении. Чтобы каждый день светился радостью, поддержкой друг друга, чтобы никто не познал чувства зависти, поскольку это качество способно увести человека только в пекло. А мне очень хочется, чтобы для вас всех полыхала весна любви, нежности, благополучия, чтобы крыло Господней благодати поднимало вас к Небу, в его любвеобильный Божий простор, где светит вечность благоуханием продолжения и расцвета жизни в райском ее измерении.

Дети, как всегда, с большим вниманием выслушали речь матери, по ее окончании взорвались бурными аплодисментами. Старшая дочь Вероника,

со слезами умиления на глазах от такой речи, подошла к матери и с нежностью поцеловала Александру Петровну, предложив выпить за ее здоровье. Все присутствующие встали и, сияя любовью к матери, осушили наполненные бокалы до дна. Дружная семья Михайловых в этот вечер допоздна светилась радостью победы младшенькой Елены, которую все очень любили. По ее просьбе пели народные песни, которые Лене очень нравились. Наторжествовавшись вволю, лишь под утро дети разошлись по домам, зная, что за этим вечером последует выходной день и утром не нужно будет идти на работу, поэтому они и позволили себе так надолго задержаться у матери.

Как знает читатель, Елена уже около двух месяцев не была на работе, поскольку она сдавала выпускные, вступительные экзамены, а за них предоставлялись оплачиваемые отпуска. К ним же она присоединила и часть своего ежегодного отпуска. Когда она пришла в цех, то ее с нескрываемой радостью встретили на рабочем месте и поинтересовались ее успехами. Узнав, что она поступила в институт, поздравляли. Дмитрий по этому поводу побежал в перерыв за проходную завода, купил целый букет цветов и, весь сияя от счастья, вручил с галантной речью:

— Глубокоуважаемая Елена Васильевна, весь цех и я лично поздравляем вас со знаменательным событием в вашей жизни. Вы теперь не только у нас классный токарь, но и стали студенткой. Желаем, чтобы вы закончили вуз с отличием, но никогда не забывали, куда бы вас судьба ни занесла, о нашем цехе и обо мне в первую очередь.

Закончив речь, Дмитрий под аплодисменты вручил Елене цветы. Она обратила внимание, что среди присутствующих не было Николая Ивановича, однако в цехе девушка его видела. Это ее огорчило. Лене хотелось расспросить бывшего учителя, как он сдал сессию, на какую оценку защитил диплом, поздравить Николая с окончанием высшего учебного заведе-

ния, но, посмотрев в сторону, где стоял его токарный станок, наставника своего Лена там не увидела. Чуть позже от Дмитрия она узнала, что Николай Иванович теперь у них в цехе работает мастером вместо Ивана Ивановича, уволившегося по собственному желанию в связи с уходом на пенсию.

В течение смены Дмитрий, находя различные поводы, подбегал к Елене, пока наконец не уговорил ее сегодня вместе с ним пойти погулять. Снегирев во время работы так к ней и не подошел, не поздравил ее, не поинтересовался, что она делает. По окончании смены он вымыл руки и ушел домой. А Елена с Дмитрием отправились созерцать прелести города Шахтерска. Послоявшись бесцельно по улицам часа три, Лена сказала, что она уже устала и хочет отдохнуть. Напрасно ее Дмитрий упрашивал пойти в кинотеатр на последний сеанс фильма «Веселые ребята».

Дома Елена чувствовала себя не совсем уютно, ее мучили вопросы: «Почему Николай Иванович ко мне не подошел? За что же на меня он так сердится? Да ему же теперь и по роду работы надо ко мне подходить. Ведь Николай Иванович теперь мастер. Стало быть, мой начальник, а он бегаёт вокруг меня кругами. Как же мне себя вести? Наверное, завтра к нему мне самой нужно подойти, а то как-то нехорошо получается. Пусть он меня отругает, но я все же его поздравлю с окончанием института, ведь он мой бывший наставник и учитель».

Утро следующего дня было жарким. Август не жалел тепла. В цехе к обеду от солнца и работающих станков было очень душно. Рабочие то и дело бегали к бидону с квасом, и Лена решила пойти попить квасу. Зачерпнув полную кружку, она с наслаждением утоляла жажду. В этот момент к ней подошел Николай Иванович. Девушка от неожиданности чуть не поперхнулась. Прекратив пить, она сказала:

– Здравствуйте, Николай Иванович! Поздравляю вас с окончанием института и назначением

на должность мастера!

- Спасибо. Я знаю, и у вас дела идут хорошо. Говорят, ты в институт поступила?

- Да, Николай Иванович, поступила, на тот же факультет, на котором и вы учились.

- От души поздравляю вас, Елена Васильевна, с поступлением и исполнением заветной мечты, - полуиронично сказал Николай Иванович и отошел от девушки.

Елена набрала полную кружку кваса и направилась к своему рабочему месту. Она не успела до конца доделать деталь, как к ней подошел Дмитрий.

- Леночка, можно попить твоего кваску? - задорно спросил молодой человек.

- Конечно, можно, - выключая станок, ответила девушка.

- Елена, ты вчера отдохнула. Давай сегодня пойдем в ресторан, отметим твое поступление?

- Ты что, Дмитрий, какой ресторан? Нет, в ресторан я не пойду.

- Тогда пойдем в драмтеатр.

- Туда я идти согласна, - улыбаясь, ответила Елена.

После работы Дмитрий с Леной отправились в Шахтерский драматический театр. Взяв билеты, они решили пойти в столовую. Поели, но так как времени было еще много, они побрели в парк. В парке покатались на каруселях. Но там никаких развлекательных программ больше не было, и они сели на скамейку. Недалеко от них сидело еще несколько пар. И вдруг Елена увидела Николая Ивановича, который играл с девочкой, а рядом с ним стояла женщина. Этой женщине на вид было лет двадцать девять - тридцать. Она была хороша собой. Темные волосы были зачесаны назад и заплетены в тугую косу, которая эффектно украшала затылок головы. Темно-голубое платье, пошитое умелым мастером, подчеркивало ее стройную фигуру.

Дмитрий, заметив направленный взгляд Елены, сказал:

- Это Николая Ивановича жена, а это его доч-

ка .

Девочка с курчавой головкой и смеющимся миленьким личиком носилась возле отца, подбрасывая и ловя ярко-красный воздушный шар, и кричала:

– Папа, лови, а то шарик улетит, папа!

И счастливый папа слушал приказы своей любимицы, подхватывал шар на лету, направляя его в ручки своей малышки. Поймав шарик, девочка на высоте своей руки сильно по нему ударила, и шарик полетел по направлению к скамейке, где сидели Лена с Дмитрием. Николай Иванович, наблюдая за шариком, бежал по его направлению. Он не успел схватить шарик на лету, и тот упал прямо в руки Елены.

Николай Иванович только в этот момент заметил сидящих на скамейке Лену и Дмитрия. Несколькo смутившись, он взял из рук Елены шарик и передал его своей дочке, сказав:

– Ну хватит, Людочка, наигрались, пойдем уже домой.

– Папочка, давай еще чуть-чуть поиграем! Мне так тут нравится! Мама, попроси папу, я не хочу еще идти домой, – умоляла родителей девочка.

Но Николай Иванович нервно дернул дочку за руку и пошатал, не слушая, что ему вслед говорила жена. Ирина, прибавив шаг, догнала мужа с дочкой и недовольно спросила:

– Николай, что с тобой? Почему ты так вдруг решил идти домой? Людочка еще не наигралась. Да и вечер смотри какой чудный. Глянь-ка на небо, какое оно необыкновенное. Тучки словно в свадебное платье одели его.

Но Николай, продолжая держать дочь за руку, стремительно шел не сбавляя шага. Девочка едва успевала за ним. И, не выдержав быстрого темпа, заплакала. Отец словно пробудился, взял малышку на руки и нежно зашептал:

– Ну что ты, моя красавица, плачешь? Домой уже пора. Мы же давно уже гуляем. Завтра еще придем.

Лена смотрела вслед уходящему Николаю Ивановичу с дочкой на руках и его жене, и ей расхоте-

лось идти в драмтеатр.

- Дмитрий, давай не пойдем в драмтеатр, а побудем на воздухе.

- Как скажешь, любовь моя, - театрально продекламировал Дмитрий. - Может быть, на танцы пойдем, Лена, или в кино?

- Не хочется, Дмитрий, - грустным голосом ответила девушка.

- Лена, ну что ты так сникла? Тебе неинтересно со мной? Скучно, да? А я по тебе очень скучал. Эти дни твоего отсутствия тянулись для меня так долго. Меня этой осенью заберут в армию. Ты мне будешь письма писать?

- Буду, Дима, буду. А в каком роде войск ты хочешь служить?

- Я непременно хочу быть десантником. Научусь с парашютом прыгать. Силу воли в себе воспитаю, а отслужу, то поступлю, так же, как и ты, в Донецкий политехнический институт, - мечтательно сказал призывник.

Дмитрий долго еще рассказывал Елене о своих планах. Она слушала и не слышала его. Ее мысли носились в потоке хаоса шумного вечера, ложившегося тенью на прогретую теплом землю, унося ее мечтательную натуру в мир грез. Там она чувствовала простор, свободу своих мыслей, согретых чистотой ее воображения.

ГЛАВА VII

Мечтательность была составной частью Лениной натуры, отчего характер под ее воздействием становился восковым, поддающимся лепке. Но вместе с тем мечтательность хотя и одевала ее душу в необъяснимо прекрасную одежду, в которой были не только все цвета радуги, но в них виднелась и серебряная нить. Она в ней была как струна и, когда ее касались, то в зависимости от чувств, она издавала разной силы звуки. Вот та четко пронизывающая

серебряная нить и придавала легкокрылую прелесть и в то же время стойкость, строгость, а порою даже и суровость ее возвышенной душе. Сама Елена об этом и не догадывалась. Но именно это непостижимое качество являлось двигателем доброго и дерзкого воплощения идей завтрашнего дня, которые ни минуты не давали покоя и заставляли ее идти вперед.

Работая под пронизывающими косыми лучами солнца, которые врываются через стекла окон, Елена в этот миг была особенно прекрасна. Белая как снег косынка оттеняла ее пшеничные волосы. Большие глаза, обрамленные густыми черными ресницами, светились огнем желаний и счастьем улыбающегося дня, притягивая к себе чистотой горных вод, от которых трудно было отвести взор, чтоб не окунуться в безбрежность созерцаемого ими мира.

Стоя возле Елены, Дмитрий залюбовался ее красотой, ему захотелось сказать девушке нежные, ласковые и милые слова, которыми было так богато его сердце. Но он не смел да и чувствовал, что Елена в них не очень нуждается. Но его к ней все с большей силой влекло. Ему неустанно хотелось сделать для Елены что-то возвышенное и быть ею замеченным. Не зная, как заглушить переполненные чувства, он то и дело подбегал к ее станку.

После перерыва он вновь явился к Елене с букетом цветов, помещенных в оригинальную вазу, которую он поставил возле девушки на тумбочку. Увидев это, Николай Иванович, обезумев от ревности, подскочил к стоявшим вместе Дмитрию и Елене и грубо начал отчитывать токаря:

— Это почему, Дмитрий, ты не работаешь, а все бегаешь сюда? Тебе что здесь, медом намазали? Что ты, как муха, все липнешь? Цветочки все носишь! Тебе что здесь, дом свиданий?

Он схватил вазу с цветами и бросил на цементный пол. Ваза разбилась, и осколки полетели во все стороны. Один осколок отлетел и ударил Лену по руке, оставив глубокую рану. Увидев кровь, Дмитрий со всего размаху влепил пощечину Нико-

лаю Ивановичу. Мастер, побелев, схватил Дмитрия и вытолкал его из-за станка, крича:

– Если еще хоть раз увижу тебя здесь – уволю! Понял, паршивец?!

Щеки у Лены от стыда горели кумачом. Кровь тонким ручейком лилась по руке, стекая на пол, но она от волнения не чувствовала боли.

– Чего ты стоишь, как статуя?! Не видишь, что кровь из руки течет? Иди руки помой! И перевяжи! Больше не смей позволять, чтобы к тебе этот ловелас подходил! Бегаешь с ним по столовым да по паркам! Цветочки принимаешь! Скоро целоваться начнешь?! Или уже целуешься? Студенточка!..

Рассвирепевший Николай Иванович гневно посмотрел на Елену и, не сказав больше ни слова, резко повернулся и ушел в комнату мастеров.

До конца смены от стыда Елена не знала куда деться. Слезы обиды и непонимания теснили ее грудь. Она сотни раз задавала себе одни и те же вопросы: «Что случилось с Николаем Ивановичем? Почему он так несправедливо со мной поступил? Что здесь плохого, если Дмитрий подарил мне цветы? И почему я не могу с ним пойти в столовую или парк?»

Но ответы на поставленные вопросы она так и не нашла. Завершив работу, девушка убрала инструменты в тумбочку. Вымыв руки и переодевшись, направилась к проходной завода. Там ее уже ждал Дмитрий. Увидев Лену, он подошел к ней и сказал:

– Что это сегодня наш Снегирев как с цепи сорвался? А может, он белены объелся? Ты, Лена, извини меня, что так получилось.

– Зачем, Дмитрий, ты ударил его? – в ответ спросила Елена. – Ты не прав. Я заплачу тебе за разбитую вазу.

– Ты что, Елена? Не нужна мне никакая оплата! Ты этим меня оскорбляешь. А ударил я его за то, что он причинил тебе боль. Кстати, как рука? Болит? Я вижу, ты ее забинтовала.

– Да нет, не болит. Но мне очень стыдно, что

так получилось.

- Тебе стыдно?! Это ему должно быть стыдно! Жаль, что я ему не очень сильно вмазал. Надо было покрепче.

- Ты что?! Он же тебе в отцы годится! Пойди лучше завтра перед ним извинись.

- Ни за что на свете перед ним я извиняться не буду. Пусть он извиняется. Пойдем, я провожу тебя.

- Не нужно, я хочу побыть одна, - ответила Елена и медленно побрела домой. Когда она подошла к калитке дома, то внезапно услышала, что ее окликнул Николай Иванович.

- Лена, вас можно на минутку?!

- Я вас слушаю, Николай Иванович, что вы хотели? - сухо спросила Елена.

- Давайте присядем на скамейку.

Девушка, не отвечая, направилась к скамейке и села. Рядом возле нее сел и мастер.

- Лена, извини меня, пожалуйста, за случившееся. Я очень виноват... Я не смог сдержать себя. Я... Я... Я очень вас люблю.

- Меня?! Да вы что, Николай Иванович, вы же женаты! У вас дети! Вы мне в отцы годитесь, - взволнованно сказала Елена, встала и хотела уйти.

Мастер умоляюще просил:

- Леночка, не уходи, выслушай меня, пожалуйста. Я не могу без тебя. Вот уже скоро год, как я полюбил тебя. Я и сам не знаю, как это произошло. Но мое сердце все изболелось по тебе. Я не могу без тебя жить. Это случилось еще давно. Помнишь, когда я просил тебя не подходить ко мне? Я думал, что переболею тобой. Но не смог. Ты для меня стала смыслом жизни. Где бы я ни был, всегда думаю о тебе и только о тебе. Ты мой свет и моя единственная радость на всем белом свете. Когда я находился в Донецке, то не мог выдержать, чтоб не видеть тебя. Я тайно приезжал и стоял здесь под окнами, выглядывая тебя. И для меня выше моих сил видеть, как ты разговариваешь с Дмитрием, улыбаешься ему, принимаешь от него цветы, гуляешь с ним в парке. Поэтому я сегодня сорвался и

так нехорошо поступил. Прости меня, Леночка.

Снегирев дрожащими руками взял руку Елены и стал пылко покрывать ее поцелуями, затем обнял и крепко поцеловал ее в губы. Девушка резко освободилась от рук Николая Ивановича, отступив несколько назад, и сердито, строгим голосом воскликнула:

– Не подходите ко мне! Что вы себе позволяете?! Как так можно? Я вас уважаю как учителя, но не больше. У вас есть жена и дети, вот их и любите! А меня оставьте в покое!

Блеснув негодующим взглядом, девушка отвернулась и намерилась идти домой. Николай Иванович в один момент оказался у ее ног и, обхватив их, безумно зашептал:

– Леночка, не покидай меня! Ответь на мою любовь хоть маленькой надеждой. Я все сделаю, чтобы ты была счастлива. Не отталкивай меня. Потерпи. Я сумею добиться твоей любви. Я зарабатываю много денег, ты ни в чем не будешь нуждаться. Мы будем оба счастливы, а без тебя я не смогу жить! Я на себя наложу руки. Леночка, спаси меня..

Николай Иванович, словно обезумев, стоя на коленях перед Еленой, в глубоком волнении продолжал:

– Леночка, ты моя нежность, ты моя юность, ты мое очарование, ты мое солнышко, которое лишь мне сможет светить и согревать мое сердце. Я люблю тебя! Я ощущаю тебя всею глубиной своей души. Мы созданы друг для друга. Ты мой ангел, ты моя пылкость. Я никогда ни к кому не питал такого волнительного и сладкого чувства. Ты своею красотой и умом всколыхнула во мне море любви, которое разливается своей безбрежностью и готово смыть все препятствия, встающие на пути. Я сумею обласкать тебя наслаждением бездонной радости, только не гони меня, Леночка! Тебя никто никогда так не сможет любить, как я полюбил. Любимая, услышь мои слова своим сердцем и ответь мне взаимностью. Я буду ласкать тебя нежнее,

чем мать ласкает детей своих, и согреть твою душу с пылкостью, которая на крыльях благодатного утра умоет тебя свежестью в неге чудных грез. Я буду умиротворять твою душеньку сиянием светозарного солнца в устах твоих. Не гони меня, Леночка, ненаглядная моя! Простри мне навстречу красоту свою, благоухающую первозданностью живоносного источника, дарующего вечность.

- Прекратите! Николай Иванович! Я вас прошу! Встаньте! Встаньте! Что вы себе позволяете?!

Но Снегирев словно не слышал звящего серебряном голоса девушки, а лишь крепче обнимал руками ее ноги и, стоя на коленях, продолжал:

- Ты моя...

Лена, не дослушав фразы, резко нагнулась к Николаю Ивановичу, схватила его за плечи и с силой оттолкнула от себя. Освободившись, девушка рванулась к калитке дома, моментально открыла дверь и, зайдя во двор, закрыла ее на щеколду.

Придя домой, Елена не захотела ужинать. Разделась и легла на кровать. Ее душили слезы. Слова, произнесенные бывшим учителем, на девушку подействовали неоднозначно. Разные мысли пробуждали в ней противоречивые чувства, которые приводили ее то в отчаянье, то в жалость, то в гнев, а то повергали в стыд, который пульсировал в каждой клетке ее тела. Ее сознание не могло понять и не хотело слушать пробивающийся голос души, который робко шептал:

«Лена, какая ты бесчеловечная! Николай Иванович поведал тебе самое сокровенное и самое дорогое – свою любовь. И ты прекрасно знаешь, что любовь является вершиной жизни. Без нее человек пуст, мертв в достижении возвышенного и, следовательно, он мало чем будет отличаться от животного. Ты оскорбилась, что он непрошено ворвался к тебе со всею глубиной своей любви, которая не знает границ и рыдает неразделенностью. Ты потерпи, быть может, он постепенно освободится от ворвавшей-

гося в него такого буйства чувств, которые размели в нем его самолюбие, волю, достоинство. Любовь поглотила его, ослепила в восприятии нормальных отношений. Страх быть отвергнутым породил в нем ревность. Любовь – это добро, а ревность – зло. Они схлестнулись друг с другом, но яблоко раздора и поле брани – это ты. Николай Иванович сбросил с тумбочки цветы с вазой не из хулиганских побуждений, а с целью изгнать чувства Дмитрия, которые он проявляет к тебе. Любовь Николая Ивановича к тебе в данном случае хотя и выразилась негативно, но она своей глубиной чувств стремилась к адекватному ее отражению в ней самой без восприятия волеизъявления других. Вот в чем вина великой любви. Ты, Елена, сейчас рыдаешь не от стыда, который родился вследствие увиденной картины и слов, сказанных Николаем Ивановичем, а от перенасыщения. Если бы тебе он свою любовь выдавал в том же объеме, но по частям, то ты бы не оскорбилась. Ты бы постепенно ее выпитывала и переваривала. А приняла бы ты ее или нет – это другой вопрос, но не была бы так потрясена, как сейчас. Твой учитель не хотел говорить о своей любви к тебе. Он долгое время молчал, стремясь удержать ее в себе. Но любовь к тебе день за днем все накапливалась и, как вода в сосуде, стоящем под каплями дождя, достигнув краев, неожиданно для тебя и его выплеснулась. В нем чувства достигли своего апогея. Так виновен ли он?»

«Конечно же виновен! – взбунтовалось сознание. – Лена совершенно молоденькая девушка, которая относилась к Николаю Ивановичу как к учителю с уважением, вниманием, не давая ему никаких надежд и оснований ухаживать за ней. А он – женатый человек, имеющий двоих детей, будучи старше ее на пятнадцать лет, позволил себе растить к ней чувства любви. И сегодня, нарушив все нормы морали, объяснялся в любви, сжигая Елену пылкостью жена-

того человека, познавшего ранее любовь в ее кульминации. Делать ей такое признание — это пошло, стыдно и безнравственно. Роза не может расцвести, не набрав бутон. Но Николай Иванович, зная это, позволил себе так недостойно вести себя с ней. Человеку на то и дается разум, чтобы управлять собой, воспитывать волю и не распускать свои чувства. Во всяком случае, свою боль нечего взваливать на чужие плечи. Николай Иванович же раскис как кисейная барышня и стремился показать свою слабость для достижения своей цели. Хорошо, что Елена оттолкнула мастера, вырвалась и убежала. Его безумство могло привести к непоправимому исходу. Снегирев думает только о себе. Он эгоист. Как можно объясняться так пылко в любви девушке, едва достигшей восемнадцатилетнего возраста! Ведь у него своя семья, которая в нем видит весь белый свет! И как ты, душа, могла сказать, что ее учитель невиновен?!»

А ее внутренний голос вновь приводил множество доводов, которыми оправдывал великую любовь Николая Ивановича, граничащую с безумством, цветущую зовом пламенеющих чувств, рождающую боль, угрызения совести, тоску и печаль.

Придя на смену, Елена не знала, как ей себя вести. Но молодость и веселые рассказы Дмитрия помогли девушке настроить ее внутренний мир на лад погожего дня, который был полон солнечного сияния и жизнеутверждающей силы. Включив станок, она глазами стала искать мастера. Николай Иванович ходил по цеху, понуро опустив голову, боясь посмотреть в сторону Елены. Однако работа требовала выполнения намеченного плана, который составлялся на каждую смену. На каждого работника версталось определенное задание, и мастер должен был донести его до исполнителя. Поэтому Николаю Ивановичу необходимо было подойти к Елене. Обеспечив всю смену работой, он подошел и к ней. Поставил для нее ящик с заготовками на тумбоч-

ку и сухо сказал:

- Извини меня за вчерашнее, - и тут же зашагал прочь.

На душе у него было нехорошо. Он чувствовал себя виноватым перед Еленой, перед самим собой. Его мучили стыд, неопределенность и непомерная сила любви, которая взяла над его волей верх и диктовала ей свою власть. У него невыносимо защемило сердце, когда он увидел, что Дмитрий вновь общается с Еленой и они вдвоем пошли в столовую. Николай Иванович еле удержался, чтобы не подбежать к Дмитрию и не побить его. Зайдя в кабинет мастеров, Николай сел на стул и устремил свой задумчивый взор на фотографию Елены. Вдруг скрипнула дверь и в кабинет зашел мастер с другого участка, Евгений Леонидович.

- Пойдем в столовую, - предложил он.

Николай Иванович мгновенно вложил фотографию в записную книжку и, по-воровски спрятав ее в боковой карман серого пиджака, растерянно ответил:

- Что-то мне не хочется. Я сегодня воздержусь, Евгений Леонидович.

- Ну, как знаешь, а я пойду борщика поем.

Снегирев с большим трудом дождался конца смеяны, чтобы уйти домой.

Но и дома он не находил покоя. На душе было тоскливо, мысль о Елене не покидала его. Ему с неудержимой силой хотелось видеть ее. Ночь прошла без сна. На работу он явился очень рано с единственной мыслью увидеть поскорее Елену. Но напрасно мастер ждал девушку. Она на работу сегодня не вышла. Ей в профкоме дали «горящую» путевку, и Елена уехала в Славянск. Узнав об этом, Николай Иванович пошел к председателю профсоюзного комитета завода и стал его просить, чтобы он выделил ему путевку в Славянск. Однако путевок на этот период больше не было, поэтому председатель отказал Николаю Ивановичу. Разобиженный мастер пошел к начальнику цеха и стал проситься у него в отпуск.

- Борис Сергеевич, дайте мне отпуск.

- Ты что, Николай? У тебя же по графику отпуск в ноябре.

- Борис Сергеевич, мне очень нужно съездить к сестре. Она серьезно заболела, - слукавил мастер. - Если не можете дать оплачиваемый отпуск, то дайте дней десять за свой счет. Я вас очень прошу. Мне крайне нужен отпуск.

- За свой счет тем более не могу предоставить, - ответил начальник цеха.

Николай Иванович не сдавался и настойчиво упрашивал Бориса Сергеевича до тех пор, пока начальник цеха не пообещал походатайствовать за него перед директором завода.

Через неделю, получив отпуск, мастер, не мешкая, уехал в Славянск. Разыскал профилакторий, в котором поселилась Елена, с великим трудом приобрел в него курсовку и через два дня вечером за ужином неожиданно для девушки предстал перед ее очами.

- Здравствуйте, Елена Прекрасная! Как вам отдыхается? - несколько иронично спросил бывший наставник.

- Николай Иванович! Как вы здесь оказались? - удивилась девушка.

- Как и все люди, - не меняя тона, ответил мастер.

- А где вы поселились?

- Через дорогу, видите, стоит белый кирпичный дом? Вот в нем я и живу.

Лена, исчерпав свои вопросы, смущенно замолчала. В свою очередь и Николая Ивановича покинула показная удаль, и он робко предложил:

- Пойдемте прогуляемся. Вечер такой теплый...

Девушка пугливо посмотрела на мастера и, не зная, что ему ответить, потупила взор. Он, словно поняв ее внутреннее состояние, успокаивающе сказал:

- Не бойтесь. Я больше вас своими признаниями допекать не буду. Давайте встретимся через час возле беседки.

Елена ничего ему не ответила. Быстрыми шагами направилась в свою комнату. В ней боролись

два чувства: страх и радость. Она рада была видеть его и в то же время боялась, что он вновь будет домогаться ее любви. Противоречие, закравшееся в душу, не давало ей покоя. Лена мучительно ходила по комнате, садилась на стул; чтобы отвлечься, брала книгу, несколько раз начинала читать, но, не осмысливая прочитанного, закрывала ее. Вновь вставала и начинала нервно шагать. Прошло уже около двух часов. Девушка несколько успокоилась. Вдруг она услышала стук в дверь. Открыв, увидела Николая Ивановича.

– Лена, ну почему же вы не выходите? Пойдемте... Такой чудный вечер.

– Нет, Николай Иванович, извините. Не могу. Я неважно себя чувствую, – стальным голосом ответила девушка и захлопнула дверь.

За ночь она столько разного передумала, но душа не освобождалась от горьких мыслей. Ее теснили стыд, разочарование и боль. Не желая встречаться с Николаем Ивановичем, рано утром Лена уехала в Славяногорск. Посетила Монастырь, Храм, украдкой помолилась. На душе стало спокойнее. Побродив по улицам незнакомого города, устав, она поздним вечером вернулась в Славянск. Зайдя в комнату, на своей кровати Лена увидела письмо от Дмитрия. Прочитав и не найдя в нем ничего нового, положила его в книгу и легла спать. Сон быстро в эту ночь укрыл ее безмятежным спокойствием. Отдохнувшая, окрепшая духом, Елена поспешила на завтрак. За столом она увидела Николая Ивановича. Не обращая на него внимания, девушка села за другой столик.

Увидев Елену, Николай Иванович незамедлительно подсел к ее столу и срывающимся голосом спросил:

– Лена, почему вас вчера не было в профилактории целый день?! Где вы были? Я весь испереживался! Что случилось?

– Ничего не случилось. Я ездила в соседний город. Познакомилась с достопримечательностями Славяногорска, – ответила девушка.

- Могли бы и мне сказать. Я бы тоже поехал. Лена, почему вы меня избегаете? Не прячьтесь от меня. Мне от вас ничего не нужно. Я только хочу быть рядом с вами, смотреть на вас. Больше я ни на что не претендую. Видеть вас здесь мне стоило больших усилий. Какой же вы безжалостный, бессердечный человек. Все делаете мне назло. Игнорируете меня. Узнав о том, что я вас люблю, злоупотребляете этим, обращаетесь со мной как с собачонкой. Я учил вас, часть своей души вложил в вас, а вы такой «добротой» платите мне, - срывающимся голосом сказал мастер.

От этих слов Елена вспыхнула. На душе вновь стало неуютно. Она почувствовала свою вину перед учителем. Но в ней проснулось то чувство, которое способно было понимать недосказанность взрослого женатого мужчины. Она боялась, что не справится с собой и сможет увлечься им. Он был видным и красивым мужчиной. Его пышные черные волосы роскошно обрамляли белое, с правильными чертами, лицо. Большие голубые глаза светились глубиной мысли, притягивая к себе бездонностью морской синевы. В его фигуре чувствовалась молодецкая выправка. Он был выше среднего роста, стройный, как свеча, привлекал к себе внимание окружающих гармонией красоты ума, лица, фигуры и изящества движений.

- Николай Иванович, зря вы сюда приехали. Я вас уважаю как учителя! Спасибо вам большое, что научили меня токарному делу. Но умоляю вас, не ходите за мной. Вы женатый человек. У вас дети, прекрасная жена. Найдите в себе силы. Оставьте меня в покое.

- Леночка, я хочу тебя оставить в покое, но никак не могу. Моя любовь к тебе выше моих сил. Помогите мне переболеть тобой. Обещаю, я ничего не сделаю с тобой. Но дай мне надежду на твою дружбу. Не избегай меня, я буду стараться относиться к тебе как к сестре. Пойдем сейчас покатаемся на лодке или просто погуляем, а? Здесь такие чудесные

места.

– Хорошо. Я согласна пойти в зону отдыха и посидеть там на скамейке, – не очень довольным тоном ответила Елена.

Они вышли и пошли по центральной аллее парка, находящегося на территории профилактория. Небо было чистое. Ласковый ветерок веял благоуханием цветущих роз. Красота чаровала взоры окружающих своей помпезностью и в то же время необычайной утонченностью явления природного дара, его могущества, заложенного в первоисточнике сотворения мира.

Елена своей поэтической натурой вдыхала всю красоту, отчего на душе становилось сладко, умиротворенно, и ей хотелось обнять весь мир и быть самой обласканной нежностью полей, взвиться в небо, раствориться и быть частицей осязаемого мира. Она очень тонко и проникновенно чувствовала дыхание природы, ее неугасимый источник любви, запрятанный в лепестках цветов, в хвойных иголках стройных сосен, в травах, разостлавшихся ковром ярчайшей органичности неповторимых рисунков. Все это действовало на девушку пьяняще, возвышенно и очищающе.

Николай Иванович от природы тоже был наделен поэтическим восприятием. Он любил поэзию, пытался сам тайно писать стихи. За последние два года учитель посвятил Елене очень много стихов. Ему хотелось их почитать ей. Но Николай Иванович не осмеливался своей ученице в этом признаться. Прислонившись к роскошной сосне, он неожиданно для себя начал:

***Как виновен, мой друг, пред тобою,
Что так многих нелепо любил.
К ним взвивался я кной краскою,
А тебе свою осень явил.***

***Хоть она разноцветьем играет,
Пестротой своих красок горя,
Только листья уже увядают,
С тихой грустью на землю летя.***

*Но тебя, дорогая певунья,
Среди всех столько лет я искал.
Ты – мой свет и удачи колдунья,
Да на горе, видать, повстречал.*

*Ах, сорвать бы мне грусти томленья,
Своей цветью тебя целовать.
Дай мне, Боже, и сил, и горенья,
Чтобы осень я смог оседлать.*

*Виноват и невинен душою,
Что так многих любил не любя.
Шел в раздор со своею судьбою
И так поздно вдруг встретил тебя.*

– Какое прекрасное стихотворение. Кто его автор? – восторженно спросила Лена.

– Мое это стихотворение, – грустно ответил Николай Иванович.

– Ваше?! – изумилась девушка. – Сколько в нем печали и внутренней глубины, песенной мелодичности. Никак, Николай Иванович, не предполагала, что вы имеете такую утонченную душу и так возвышенно и проникновенно можете чувствовать и видеть свой внутренний мир.

– Так вам понравилось?!

– Очень. Если можно, почитайте еще, пожалуйста.

Ободренный хорошей оценкой прочитанного стихотворения, Николай Иванович с упоением читал Елене много различных стихов, в которых звучала боль, откровенность, надежда, любовь к возвышенному, к родителям, к девушке. Но все они были пронизаны потаенной тоской несбыточности, увядания и безвозвратности ушедших лет. Елена как замороженная слушала стихи. Ее сердце наполнялось красками вдохновенной поэзии. В тот момент ей хотелось плыть по волнам задушевной песни, стать чище, человечнее, нежнее, смиренней. Свет стихов, который проник к ней в душу, перенасыщал ее.

Душе было тесно находиться в груди. И душа словно стремилась вылететь из нее и взвиться над миром зовом непостижимого счастья, расстелиться над землей цветением яркокрасных чувств.

Елена совсем по-иному взглянула на Николая Ивановича. В нем она увидела совершенно другого человека, такого беззащитного, израненного грубостью жизни. Ей безудержно захотелось обласкать его, вдохнуть в него радость, взять его за руку и взвиться с ним в лазурную небесную даль. И быть там вечно, дыша упоением возвышенности, органичной гармонии природы, земли, неба и Господнего Рая.

Николай Иванович уже закончил читать стихи, а она мысленно вторила ему своими ответными стихами, которые лавиной бушевали в ней и искали выхода из души.

— Лена, вы слышите меня? Почему вы молчите?! Я, наверное, вас утомил?!

— Нет, Николай Иванович! Напротив. Вы своими стихами встревожили мою душу, наполнили ее новым восприятием окружающего мира. Я ведь и сама пишу стихи. Мне так понятен ваш плавный стиль изложения. Спасибо вам большое за такие великолепные стихи. Через них я увидела вас в новом свете, в зареве восхода, проникающего в мир, который так мало кому доступен. Я должна осмыслить все вами прочитанное. Проводите меня. Я хочу побыть наедине.

Николай Иванович послушно проводил девушку до комнаты. Елена, опьяненная от проснувшихся чувств, рухнула на кровать и долго лежала, устремив свой взор в невидимое пространство. Ей сделалось в своих мечтах как-то по-новому светло и грустно, радостно и печально, желанно и неожиданно, ощутимо и недостижимо осуществление своих грез.

Пролежав всю ночь с открытыми глазами, Лена многое передумала, переосмыслила весь свой короткий жизненный путь. В эту ночь она словно приостановила счет времени. В ее душе произошел раскол целостного восприятия мира.

Она неожиданно для себя прозрела и поняла, что на земле есть не только черный и белый цвет, но есть и их оттенки, которые приобращают свою индивидуальность в зависимости от ситуации, личности и времени. От пронизывающей мысли ей хотелось плакать и одновременно остаться вне этого закона жизни. И не подчиниться грозovým тучам, а впитать в себя нестигаемую волю и идти своим путем, пусть даже через муки и боль. Но суметь не потерять себя и не делать зло другим из-за своего интереса и слабости ближних.

Она поймала себя на мысли, что Николай Иванович дорог ей, желанен. Он сумел пробудить в ней не только любопытство и интерес к себе, но и любовь.

«Сегодня, - подумала Елена, - он так магически передо мной раскрылся и как незаурядная личность, способная вести за собой, и как рыцарь сердца с открытым забралом взглянул в меня глубиную чувств и оставил во мне неизгладимый след».

Однако помня о его детях и жене, девушка решила: пока ее любовь к нему не пустила глубокие корни, ее необходимо вырвать. Это, как ей казалось, будет более безболезненно для нее и для него именно сейчас.

Предупредив Николая Ивановича о своем намерении, Елена стала готовиться к отъезду. Напрасно учитель с мольбой упрашивал ее не уезжать. Собрав всю свою волю в кулак, девушка, сославшись на необходимость явиться в институт, уехала домой.

ГЛАВА VIII

- Лена, что же это ты приехала раньше срока? Ты же должна быть дома на две недели позже? - озадаченно при встрече с дочерью спросила мать.

- Мама, я уже устала отдыхать. Да и в ин-

ститут нужно съездить. Взять там перечень учебников и потихоньку заниматься, - ответила дочь.

Елена на все вопросы матери о своем отдыхе, о Славянске отвечала неохотно, вяло и без интереса. Александра Петровна душой почувствовала, что дочь ей далеко не все говорит и ее что-то глубоко угнетает. Но она не стала досаждать ей расспросами, а только предложила дочери отдохнуть с дороги. Девушка прилегла на диван. Ее сердце изнывало от боли, ей необходимо было с кем-то поделиться и излить свою тоску. Матери сказать о случившемся она стеснялась. Лена с нетерпением поджидала сестру.

Тамара пришла домой только ближе к вечеру. Елена радовалась за свою сестру. У нее семейная жизнь складывалась в уюте, взаимном понимании и уважении друг друга. Михаил, став мужем Тамары, за последние два года заметно возмужал, стремился ответственнее и требовательнее относиться к себе. Чтобы не отстать от своей жены, он не только с усердием продолжал учиться, но и пытался Тамаре помогать в учебе. Они через три месяца ожидали ребенка, чему были оба несказанно рады.

Тамара сразу же в день свадьбы переселилась в дом мужа. Дом Михаила ей очень нравился. Однако она очень скучала по матери и Елене. С большим трудом Михаил с Тамарой уговорили Александру Петровну переехать с Леной к ним. И вот уже более года они вновь живут все в одном доме. А во флигельке, который приобрела Александра Петровна, стали проживать Алексей с Екатериной. Они с радостью возвратились из Горловки в свой родной Шахтерск, в котором, как не забыл читатель, жили женатый брат и четыре замужних сестры.

Александра Петровна с почтительностью и уважением относилась к невесткам и зятям. Она умела с ними со всеми находить общий язык. И они относились к ней с вниманием, доверчивостью и любовью. Мать сердцем успокоилась за своих детей. В жизни у них было по-семейному

уютно и слаженно. Ежегодно дети с большим желанием отмечали ее день рождения, который проходил празднично, тепло, проникнутый великой признательностью и любовью всех детей к матери.

Запоздалое, затерявшееся счастье словно хотело оправдаться перед ней и наградить ее вниманием и лаской выросших и окрепших детей, ради которых она положила на путь своей доли не только здоровье, но и жизнь. И вот через годы мать с умиротворением почувствовала в своих детях опору и надежду. Их добрые, теплые и душевные слова так сладко и крылато грели ее сердце. От них ее больная и израненная душа набирала силу и желание жить и верить в будущее своих детей. Только Елена несколько беспокоила мать своей чувственностью, задумчивостью и несвойственным этому возрасту нестандартным мировоззрением.

Вот и сегодня дочь пришла с работы подавленной, ее нахмуренные брови говорили о том, что ее сердце давит гнетущая боль и тоска. И эту тяжесть она носит постоянно вот уже более месяца. И как Александра Петровна ни пыталась выяснить причину ее грустного состояния, дочь молчала. Лишь суровее сдвигала дугообразные брови, морщила свой красивый открытый лоб и целыми вечерами до глубокой ночи просиживала за учебниками.

Снегирев не оставлял ее в покое. В последнее время он все настойчивей добивался ее внимания. Мастер перестал стесняться работников цеха и частенько по делу и без дела подходил к Лене, стоял возле нее часами и смотрел как замороженный, не отрывая своего влюбленного взгляда от ее движений. В цехе люди открыто стали поговаривать о его влюбленности в Михайлову. Эта молва дошла и до его жены. Ирина решила прийти в цех и поговорить с Еленой.

Жена Николая Ивановича подошла к ней именно в тот момент, когда мастер стоял возле Елены. Обуреваемая ревностью Ирина, словно обезумевшая, стала оскорбительными словами громко обзывать девушку:

- Ты, потаскуха! Уличная девка! Ты почему это у меня мужа отбиваешь? Разве не знаешь, что он женат и имеет детей, а ты вешаешься ему на шею! Я вот тебе сейчас выдеру космы и юбку на голове завяжу, - гневно кричала жена Снегирева.

Первое мгновение Николай Иванович стоял как окаменевший, не проронив ни слова. Затем, словно опомнившись, быстро обхватил жену руками и стал отталкивать ее от станка Елены. Но она упиралась, пыталась вырваться из его рук, не прекращая кричать:

- А ты тоже подонок и проходимец! Чего к ней липнешь?! Детей настругал и в кусты!.. Молодой захотелось!..

- Ирина, опомнись! Ты что кричишь, как сумасшедшая! Елена - девушка кристально чистая, а ты так ее позоришь. И не встречаюсь я с ней.

- Юлишь, извиваешься, как змея! Чистеньким хочешь быть! А почему ты возле нее стоял?! И о чем ты с ней говорил?! - не унималась жена.

- Я же мастер, работу проверял, - оправдывался Николай Иванович, оттесняя ее от Елены. - Ты же разумная женщина! Как ты посмела так низко пасть, Ирина! Что ты натворила?! Я же не твоя собственность. В конце концов это мое право, как себя вести и с кем говорить. Успокойся и иди домой. А я этой девушке совершенно безразличен и не нужен ей. Елена мне ни малейшей надежды не дает не только на близкие отношения, но и на простую обыкновенную дружбу, существующую между нормальными людьми. Извинись перед Еленой за причиненные ей оскорбления.

- Ишь ты кобель, чего придумал?! И не подумаю. Велика честь для нее! Переморгает! Я еще жаловаться на нее пойду директору завода, - уже несколько спокойнее сказала жена.

Сверкнув злобным взглядом, смерив Елену с ног до головы, Ирина, не сказав больше ни слова, демонстративно вышла из цеха. Снегирев, от стыда пылая нервным румянцем, смущенно сказал:

- Лена, если сможете, то извините Ирину и меня. Как все глупо, нехорошо и мерзко получи-

лось. Жена моя обычно всегда очень тихая, скромная, уравновешенная женщина. А что это с ней такое сегодня произошло, не могу понять. Простите вы нас, Лена, пожалуйста, – умоляюще, грустным взором посмотрел Николай Иванович на девушку и медленным шагом направился в кабинет мастеров.

Елена стояла возле станка как в бреду, полностью не осознавая, что произошло. Почему эта женщина ее так оскорбила? И в чем ее вина? На душе у нее было невыносимо тяжело. Она задыхалась от негодования и стыда. Сердце гулко билось, ей не хватало воздуха. Стыд окутал ее, проник в каждую клетку тела и жег, словно раскаленным железом. Ей хотелось одновременно плакать, кричать и зарыться всем своим существом в остуду жизни, уснуть навечно и никого не видеть. Она боялась поднять свой взор на соседние станки. Ей казалось, о ее позоре знают все работники цеха и все они ее осуждают. «Но в чем моя вина? – спросила девушка себя. – Я не даю никакого повода Николаю Ивановичу на интимные отношения. Хотя он мне и небезразличен, однако я своим поведением это не показываю. Нигде, кроме цеха, с ним не встречаюсь. А его жена так оскорбляла и поносила меня самыми низкими словами. Что мне делать? Как пережить этот позор?»

Из ее глаз помимо воли текли слезы. Но от боли, которая разлилась по сердцу, она их не ощущала, а они сплошным потоком катились на рабочий халат, покрывая его словно дождем. И вдруг она увидела стоящего возле нее Дмитрия.

– Лена, ты что, плачешь? – спросил он встревоженным голосом. Девушка от неожиданности вздрогнула. Голос Дмитрия пронзил ее, заставил несколько отвлечься от своих мыслей и осмыслить заданный вопрос.

– Нет. Это мелкая стружка в глаза попала, – ответила Елена.

– Давай я тебе ее подостаю аккуратненько носовым платком.

– Да нет. Я сама попытаюсь.

– Тогда пойд и промой глаза хорошенько во-

дой, а то они воспалятся, – заботливо советовал Дмитрий.

– В умывальнике народу много?

– Нет никого там. Два часа как смена кончилась, и все уже ушли домой, – удивленно ответил паренек.

– А ты почему же не ушел? – спросила его Елена.

– Тебя дожидался. А ты словно застыла над включенным станком. Я и не понял, ты работала или думала о чем-то?

– Работала, работала, – спешно ответила девушка и пошла в умывальник. За это время Дмитрий убрал у ее станка, и, когда Лена вернулась, они вышли за территорию завода.

На улице стоял конец октября. Часть листьев еще была на деревьях. Но они уже подернулись болезнью тоски, хранящей в себе уныние смерти отживающей зелени, которая еще два месяца тому назад манила сочностью красок дубрав. А в этот день многие из них опали и валялись под ногами прохожих оранжево-желтым жухлым ковром. От этого в душу пробиралась грусть и печаль увядшей красоты уходящего года, подчеркивая вечность вселенной, начало и конец живущего, всего и всех на земле, кому и чему определены свои отрезки времени.

От этого у Елены еще больше сжалось сердце необъяснимым тягостным ощущением. Она подумала: «Это, наверное, от моей неполноценности, ничтожности, цепляющей жалким тщеславием, самолюбием и всеядностью чувств, которые дают своей силой не только на душу, но и на все клетки сознания и подсознания».

От такого открытия ей, с одной стороны, было очень грустно, а с другой – ее мучили разнообразные мысли и вопросы, которые она задавала себе не раз: «Почему же я такая?! Я тянусь к солнцу. Мне хочется коснуться его горящего ядра. Но оно способно спалить, обжечь, оставляя след от своего прикосновения. И почему я не тянусь к спокойствию, несущему в себе непрехотливость, уравновешенность? На-

верное, я неправильно понимаю жизнь. Я эгоистка и не слышу зова других, в частности, Дмитрия, который хотя и бесстрастно, но как тень ходит за мной, прося моей руки. Почему он скучен для меня? Но им я любима! Хотя я любима и Николаем Ивановичем. А вот с ним мне интересно, влекуще и радостно. Но я с ним, наверное, попала в разный отрезок времени. Его отрезок уже наполнен, возможно, преждевременной и не отвечающей его жизни ношей. Но он эту ношу уже все равно несет, умножая ее груз каждым прожитым годом, соединяя ее невидимыми узами окружающего мира созвучно его летам. Поэтому ему надо смириться с законом природы и не быть вне его. И мне нужно не наполнять себя раньше своих лет интересами чувств взрослых, мыслями, не всегда для меня понятными, которые пронизали мой мир с индивидуальностью внутренней и вселенской. Поэтому мне не следует спорить со своим внутренним голосом, а помочь Николаю Ивановичу забыть меня и сохранить свою семью. А самой довольствоваться тем, что выпало на мою сердечную орбиту, еще не наполненную взаимностью чувств с Дмитрием. Но они, вероятно, прорастут. Это, возможно, утомит во мне преждевременное зажигание заорбитных звезд сердца. А возможно, я ошибаюсь и делаю непоправимую ошибку, движимая жалостью к Дмитрию и к жене Николая Ивановича. Мне не следует быть сентиментальной, а необходимо проявить решимость. Возможно, в жесткости более четко проявляется тот путь, по которому человек должен идти. А если моя мягкость принесет нам всем намного больше боли и тоски, чем резкое решение вопроса не в пользу слабых?..»

Раздираемая противоречиями, Лена не могла найти в себе ответ, который бы ее успокоил и облегчил ее душу от страданий. Дни проходили за днями. Она не давала поводов расти своим чувствам к Николаю Ивановичу. Дмитрию, напротив, возможность была предоставлена. Но разбросанные в ней семена любви проросли чахло. И совсем плохо к себе притягивали

взор Елены. Девушка заметно похудела, сделалась более замкнутой. В цехе о ней не прекращали говорить. Одни ее осуждали и жалели Снегирева, другие бранили мастера и оправдывали Елену.

Жена Николая Ивановича свою угрозу осуществила. Она написала и отправила письмо следующего содержания на имя директора и секретаря парткома завода:

«Уважаемый директор завода Виктор Иванович! И уважаемый секретарь парткома Геннадий Александрович! К Вам обращается жена Снегирева Николая Ивановича.

Мой муж совершенно отбился от семьи. Бросает детей. А у нас их двое: четырнадцатилетний сын Вадим и восьмилетняя дочка Любочка. И всему этому несчастью причиной является Елена Михайлова, которая работает токарем на вашем заводе. Являясь комсомолкой и членом профсоюза, она вешается на шею моему мужу, преследует его, допекает своей любовью. Одним словом, не дает спокойно жить ни ему, ни мне. Пытается осиротить детей. Николай из-за нее перестал обращать внимание на детей. Таким гулящим, как Елена, не место ни в комсомоле, ни в профсоюзе, ни на заводе.

Поэтому прошу разобраться в этом деле и помочь мне вернуть мужа и сохранить семью.

Аморальный поступок Михайловой прошу рассмотреть на комсомольском и профсоюзном собрании завода. В противном случае я вынуждена буду обращаться по этому вопросу к секретарю коммунистической партии горкома и обкома. О результатах Вашего реагирования и рассмотрения прошу сообщить мне письменно».

Получив такое письмо, директор завода задумался, не зная, как ему поступить в этом случае. Он Снегирева знал неплохо. Мастер был у него на хорошем счету. Виктор Иванович планировал повысить Николая Ивановича в должности и назначить его ведущим конструктором завода. Мастер десятки раз подавал в конструкторское бюро завода рационализаторские предло-

жения, которые приносили заводу большую прибыль и экономический эффект. И директору абсолютно не хотелось заниматься таким грязным делом. Но в те годы рассмотрение таких жалоб и писем входило в обязанности директора и секретаря парткома завода, и они вынуждены были выполнять подобные прошения.

Пригласив секретаря, дав почитать ему письмо Снегиревой, Виктор Иванович спросил:

- Ну что, Геннадий Александрович, будем делать?

- Как что? Реагировать! Рассмотреть нужно это письмо на комсомольском собрании и исключить Михайлову из комсомола, чтобы знала, как разбивать семью и вешаться на шею женатому человеку.

- Геннадий Александрович, да как-то это нехорошо получается. Если девушка влюбилась, так это чувство возвышенное! Его никому не дозволено касаться. И поэтому Николай и эта девушка сами должны в своих отношениях разобраться. Помоему, мы не вправе этот вопрос рассматривать на собрании. Есть же суд. Если Николай не дает жене денег на содержание детей, то пусть она туда и обращается. И если у него к ней нет любви, и он не хочет с ней жить, то пусть суд этим занимается. А причем тут завод? Завод предоставляет рабочие места и платит трудящимся за работу. Поэтому я считаю, что это не наша миссия и не надо девушку выставлять на посмешище, позорить ее. Кроме того, по поводу нее мне говорил Борис Сергеевич, и он характеризовал ее как хорошего и старательного работника. Кажется, она учится заочно в институте. Борис Сергеевич, как вы знаете, самый объективный начальник из руководителей цехов. К его мнению нужно прислушаться.

- Да вы что, Виктор Иванович?! Как же мы можем такой аморальный поступок девушки пропустить мимо ушей?! Его жена обязательно обратится в обком партии, и нас с вами за невыполнение партийных директив и морального кодекса коммунизма непременно выгонят с

работы. Вы как хотите, а я немедленно вызову секретаря комсомола цеха и обяжу его рассмотреть этот вопрос на собрании.

На собрание, которое проходило в красном уголке одного из цехов завода, пришло много народу. Его назначили сразу же по окончании смены. Собрание избрало президиум из трех человек. Они поднялись и заняли свои места на сцене. Секретарь комсомольской организации цеха зачитал письмо Снегиревой и пригласил за трибуну Елену, чтобы она дала по поводу написанного свои пояснения. Елена вышла на сцену актового зала бледная, подавленная, вот-вот готовая разрыдаться. Глядя в зал своим открытым взором, срывающимся голосом сказала:

- Люди, я ни в чем не виновата. Больше вам сказать мне нечего.

- Как это нечего!? Разбиваешь семью, делаешь детей сиротами! Совершила чистейшей воды аморальный поступок и хочешь отмолчаться! Не выйдет! - визгливо говорил секретарь комсомола. - Сумела с горочки кататься, умеи и саночки возить, - ехидно выкрикнул он. - Говорите, Михайлова! Как это вы докатились до такой жизни? Вешаетесь на шею женатому человеку, разбиваете семью. Вам что, холостых парней мало? Вы же, Михайлова, комсомолка! К лицу ли это комсомолке заниматься такими грязными делами?! Говорите! Раскаиваетесь ли вы в содеянном?!

Но Елена, потупив взор, продолжала молчать. Чувствуя, что ей стало очень плохо, боясь упасть, она шатающейся походкой, словно пьяная, сошла со сцены в зал и села на первое попавшееся место.

- Видите, товарищи?! Михайлова игнорирует не только предоставленное ей слово, но и нас. Она не хочет пояснить собранию, на каком это основании она решила осиротить детей, - не унимался секретарь.

- Никого она не осиротила. Елена - прекрасная, честная и кристально чистая девушка, - вскочив с места, громким, свинцово-серебристым голосом заговорил Николай Иванович. - Вы не

смеете так с ней обращаться и говорить ей такие грязные и недостойные слова. Если кто и виновен – то это я! Я ее полюбил всем сердцем и душой, но она мне не отвечает взаимностью. То, что написано в письме – поклеп моей жены на девушку. Я требую прекратить это безобразие и извиниться перед Еленой!

– Видал?! Защитник нашелся! Вместо того, чтобы детей воспитывать, за молодухой бегаешь! А на детей не обращаешь никакого внимания! Папаша липовый! На днях твой Вадим побил моего сына. Скоро от такого твоего воспитания он вором станет, – злобно кричала соседка по дому, которая работала на другом участке.

– Кто еще желает выступить по поводу аморального поступка Михайловой? – обращаясь в зал, спросил председатель собрания.

– Я хочу сказать! – выкрикнул из зала заместитель секретаря комсомольской организации цеха. Он поспешно поднялся на сцену и, встав за трибуну, сказал:

– Уважаемые товарищи! Мы не должны пройти мимо такого инцидента! Это вопиющее безобразие. Как можно молоденькой девушке, комсомолке, разбивать семью? Сегодня Михайлова, а завтра Иванова, Петрова и так далее позволят себе вмешиваться в честные семьи и мешать строить наше светлое будущее. Такое явление нужно очень строго осудить. Я предлагаю исключить Михайлову из комсомола и уволить ее с работы.

– Кто за такое предложение, прошу голосовать, – обращаясь к сидящим в зале, сказал председатель собрания.

– Минутку! – вдруг раздался голос из зала и на сцену выбежал запыхавшийся Дмитрий. – Я против такого решения, потому что все, что говорилось плохого о Елене, – неправда. Она дружит со мной, и мы с ней решили пожениться! Лена – прекрасная девушка!

Не ожидавший такого исхода дела, председатель собрания растерялся. Зал от полученной информации загудел как улей. Председатель,

с большим трудом успокоив присутствующих, продолжал:

– Ну что, товарищи! Если, как сообщил нам Дмитрий, Елена выходит замуж за него, то, конечно, исключать Михайлову из комсомола и уволнять с работы нет необходимости. Однако все же следует отметить, что имеет место аморальный поступок со стороны Михайловой, поэтому я предлагаю вынести ей строгий выговор по комсомольской линии и занести в личную учетную карточку. Кто за такое предложение – прошу голосовать.

И все, за исключением Николая Ивановича и Дмитрия, проголосовали за такое предложение. Работники стали подниматься и покидать красный уголок. Лишь не поднималась Елена. Она сидела в неудобной позе, склонив голову набок, с мертвецки бледным лицом. К ней первым подбежал Дмитрий, испуганно крикнул:

– Люди! Лена потеряла сознание! Вызовите скорую!

Через несколько минут явилась скорая помощь. Почти бездыханное тело девушки положили на носилки и унесли в машину, которая доставила Михайлову в городскую больницу. Врачи суетливо бегали возле неподвижного тела девушки. Ее расширенные зрачки на свет не реагировали. Кожа покрылась холодным потом. Пульс едва прослушивался.

Врачи ввели Елене ряд лекарств, но обморок не проходил. И только при помощи соответствующих аппаратов и непрерывного массажа сердца сознание к девушке стало возвращаться. Но лицо оставалось по-прежнему очень бледным, дыхание было замедленным. Она испытывала головокружение, слабость и тошноту, перед глазами было темно, в ушах стоял шум. Врачи к Елене никого не подпускали и лишь утром сообщили матери об обмороке дочери.

Александра Петровна, остановив первую попавшуюся машину, не замечая боли в ногах, поспешила в больницу. Увидев бледное лицо дочери, ее недомогание, мать ничего не стала рас-

спрашивать у Елены, а только поглаживала ее исхудалые руки и ласково приговаривала:

– Ну что же ты, моя маленькая, так заболела? Ну ты же у меня сильная, обязательно болезнь победишь. Моя же ты умница, кровинушка моя ненаглядная, не волнуйся. Все обойдется.

– Мама, меня на заводе вчера рассматривали на комсомольском собрании и так незаслуженно оскорбляли и обижали. От стыда я не знала куда деться. Мама, мне так было больно, что у меня потемнело в глазах, закружилась голова, и я потеряла сознание. И что там дальше было на собрании, я не помню.

– Доченька моя, ну что ты такая у меня впечатлительная? Так все близко к сердцу принимаешь? Все образуется, вот увидишь, не думай об этом.

– Ну как же не думать, мама, коль меня так позорили прилюдно ни за что, говорили, будто бы я Николаю Ивановичу на шею вешаюсь, отбиваю его у жены, делаю сиротами детей. Я же с ним не встречаюсь. А меня вчера, как преступницу, допрашивали принародно, заставляли признаться в том, чего я не делала. Где справедливость? Почему так со мной люди не по-доброму обошлись? Я же не виновата!

Голос ее задрожал, и она зарыдала навзрыд.

– Доченька, не плачь!.. Не плачь, моя спасительница!..

Мать прижалась губами к залитому слезами лицу дочери, покрывая его нежными поцелуями, но губы ее дрожали. И из глаз матери срывались слезы, которые она изо всех сил пыталась скрыть от Елены.

– Успокойся, моя ненаглядная! Жизнь штука сложная. Иногда она бьет безжалостно и наотмашь. Но за боль и страдания Господь воздаст милость. Не расстраивайся, а то тебе нельзя волноваться. Потерпи, моя доченька. Давай я тебе, как в детстве, спую колыбельную. И мать тихо запела:

Синева морская,

*Вечер под луной.
Спи, моя родная,
Цветик полевой.*

*Тебе спою песню
Ох, мое житье!..
Душе что-то тесно,
Сердечко мое.*

*Но возьму невзгоды
На свою я грудь.
К счастью и свободе
Я очищу путь.*

*Ты живи раздольно,
Миленькая дочь.
И поспи привольно
В сказочную ночь.*

*Баю-бай, родная,
Глазоньки закрой.
Ночка луговая
Дружит с тишиной.*

От напевного, мягкого, задушевного голоса матери у Елены на душе стало легче. Свинцовая тяжесть постепенно стала таять, как снег весной. Лена очень любила, когда в далеком детстве мать иногда баловала ее колыбельной песней. Она незаметно для себя отвлеклась от тяжелых мыслей, которые ее давили словно плитой, и заглянула в босоное детство.

– Мама, помнишь, как ты на Пасху одела на меня и на Тамару новые платья и я свое нечаянно порвала? Мне его было безумно жаль, и я безутешно заплакала, а ты как волшебница сняла его с меня и зашила так, что я не нашла и следа разорванного. Моей радости тогда не было предела.

– Конечно, помню. Надев платье, ты как вихрь помчалась на улицу и принесла мне букет желтых одуванчиков и ветку белой сирени. И мы поставили их в узкую высокую глиняную кружку. И они у нас с тобой долго стояли... В том году

Пасха была поздняя... - задумчиво сказала мать. - Ну ты, дочка, поспи немножко, а я еще тебе попою, посижу возле тебя.

- Мама, мне полегчало. Силы прибавилось, стало лучше. Может быть, домой вместе пойдём?

- Это у врачей надо спросить, - ласково сказала Александра Петровна. Она пошла и пригласила лечащего врача. Врач наотрез отказался выписывать Елену из больницы, ссылаясь на слабость девушки. Тогда мать стала упрашивать врача разрешить ей переночевать вместе с дочерью в одной палате. Видя, как мать благотворно действует на дочь, врач дал согласие и разрешил для нее поставить дополнительную кровать.

Александра Петровна с Леной долго душевно беседовали. Они вспоминали родное село, проведенные в нем годы, сотворенные в нем шалости и забавы. А утром прибежали в больницу Тамара с Михаилом и забрали мать с Еленой домой.

Елену выписали из больницы, но нервно-эмоциональная возбудимость беспокоила ее еще около месяца, поэтому все это время она находилась на амбулаторном лечении.

Дмитрий каждый день прибегал к Елене домой, принося букеты цветов. Он засиживался допоздна, рассказывая заводские новости или читая Елене книги, но темы собрания ни Дмитрий, ни Елена в беседе не касались.

Однажды, уже к исходу болезни, после работы проведать Елену пришла соседка по станку, двадцатилетняя Татьяна, которая относилась к Лене с уважением, но вместе с тем с определенной бесцеремонностью и несерьезностью, которые были свойственны ее характеру.

- Подруга, это что ты так расхворалась?! - войдя в дом, первым делом спросила Татьяна. - Мы уже заждались. На свадьбу к вам готовимся. А ты все не зовешь.

- На чью свадьбу? - поинтересовалась Лена.

- Как, на чью? На твою с Дмитрием. Он же сказал тогда на собрании, что вы решили пожениться.

- Мы с Дмитрием? - удивленно посмотрев на

Татьяну, произнесла Елена.

- Да хватит, подруга, комедию ломать. Говори лучше, когда будем свадьбу гулять? Может, меня дружкой возьмешь?

- Таня, извини, мне тогда стало плохо, и я мало что помню. После того, как сошла со сцены и села на стул, я ничего не знаю. Расскажи, кто там выступал и что они говорили.

- А ты не упадешь опять в обморок от услышанного?

- Нет, я переболела этим уже и выдержу спокойно.

Татьяна, боясь, что с Еленой снова приключится беда, все же не стала подробно рассказывать о всех выступающих, а вместе с тем бесцеремонно, не сглаживая острые углы, сказала:

- Там секретарь комсомольской организации, заместитель и соседка по дому Николая требовали, чтобы тебя исключили из комсомола и уволили с работы. А Николай Иванович тебя очень защищал. Он говорил, что ты очень хорошая, честная и кристально чистая девушка и что во всем виноват только он один, а ты не виновата. И с ним не встречаешься. Но эти комсомольские вожди не поверили и поставили вопрос на голосование о твоём исключении и увольнении. Тогда перед голосованием за трибуну выбежал Дмитрий и сказал, что зря тебя выступающие обливают грязью. Ты с мастером не встречаешься, а встречаешься с ним, и вы решили на днях пожениться. Вот мы и готовимся к вашей свадьбе.

Елена, растерянно помолчав, ответила:

- В связи с моей болезнью мы ее отложили на некоторое время. Когда конкретно решим, то тебе, Танюша, я непременно скажу.

В голове Елены молниеносно пронеслась мысль: «Дмитрий, чтобы спасти меня, все это придумал сам о нашей свадьбе. Как же мне быть? Я же не давала ему обещание выйти за него замуж. А может быть, это и к лучшему? Все же парень он неплохой. Честный, порядочный. Не побоялся меня защитить на собрании. Выйду за него замуж - возможно, все мои мучения и закончатся».

Оборвав течение мысли, Елена стала вникать в речь пришедшей гостьи, которая говорила о своем женихе, о его достоинствах и недостатках и бранила Елену за то, что она так рассеянно ее слушает. Наконец, наговорившись вволю, Татьяна, попрощавшись, ушла.

Елена в этот вечер с нетерпением ждала Дмитрия. И он не заставил себя долго ждать. Смущаясь, он зашел в комнату к девушке.

- Добрый вечер, Леночка! Разреши преподнести тебе цветы?!

- Дмитрий, да ты разоришься! Каждый день все цветы носишь. Истратил небось на них всю получку?

- Я готов не только получку, но и жизнь за тебя отдать.

- Ишь ты, какой щедрый.

- Леночка, это не щедрость во мне говорит, а любовь к тебе. Ты меня извини, пожалуйста, но об этом я даже на собрании сказал. И еще сказал, что мы скоро с тобой поженимся. Как ты на это смотришь, а?... Леночка, будь мне женой. Я так тебя крепко и сердечно люблю.

- Дмитрий, где же мы будем жить? И в армию тебя скоро призовут.

- Квартиру снимем. А в армию меня не призовут. У меня обнаружили плоскостопие.

- Молодой же ты очень! Тебе только исполнилось восемнадцать лет и мне столько же. Что за семья мы будем?

- Хорошая семья получится. Я буду стараться быть не только любящим мужем, но и хорошим семьянином.

- Дмитрий, вопрос этот очень серьезный. Позволь мне неделю подумать.

- Я согласен. Мне же больше, Леночка, не останется другого выбора. Но ты, моя милая, все же дай согласие быть моей спутницей, моей женой. Эта неделя ожидания для меня покажется вечностью. Но ты, любимая, всели в меня хоть маленькую надежду, чтобы я от волнения не умер, - умоляюще просил паренек.

Елена погладила Дмитрия по голове и, улы-

баясь, сказала:

- Молодой человек, воспитывайте в себе волю и терпение.

И подумала: «Какой он еще ребенок».

- Леночка, а когда ты выходишь на работу? Там Борис Сергеевич очень волнуется. И все меня спрашивает о твоём здоровье.

- Через три дня. Дима, ты эту неделю не приходи ко мне, дай мне спокойно все обдумать. И сам хорошенько подумай. Может быть, передумаешь?

- Что ты, Леночка, ни за что на свете не передумаю!

- К нам, кажется, гости идут? - посмотрев на Дмитрия, сказала Елена.

И, действительно, через несколько секунд дверь распахнулась, и на пороге появилась щебетунья Светочка, а за ней ее папа и мама. Поздоровались. Дмитрий счел, что он смущает Елену и ему оставаться здесь больше неприлично. Набравшись храбрости, он попросил Елену проводить его до калитки. Подойдя к калитке, Дмитрий порывисто обнял Елену и крепко поцеловал ее в губы. От неожиданности Лена растерялась, затем, резко развернувшись, убежала в дом. На душе у нее было тревожно и волнительно. Ночь прошла без сна, но решение так и не приходило. Лишь под утро, томясь внезапно распахнувшейся ситуацией, девушка забылась беспокойным сном.

Мать, заметив вечером встревоженное состояние дочери и увидя, что она еще не пришла к завтраку, пошла в комнату проведать Елену. Под взглядом Александры Петровны девушка открыла глаза.

- Доброе утро, доченька. Как здоровье? Что-то ты сегодня так долго не поднимаешься? Детки уже все попроспались и в школу пошли. А ты, мой ребенок, еще понежся немножко, тебе в школу не идти, уроки не учить, поэтому можно и поваляться в кровати в свое удовольствие, - поглаживая с нежностью дочь, ворковала мать.

- Да нет, мама, уроки и мне надо учить, скоро сессия. Я еще не по всем предметам подгото-

вилась, а то как наставят двоек, буду тогда знать.

– Нет. Тебе не поставят двойки. Ты у нас сообразительная, умненькая, старательная.

– Ой, мама, ты меня так расхваливаешь, что мне стыдно стало лежать. Буду-таки я подниматься.

– Ну, тогда пойдем кушать. Я приготовила молочный суп, твои любимые пирожки с капустой.

Елена, умывшись холодной водой, взбодрилась, и от ласки матери на душе у нее стало тепло и празднично.

– Мама, а мне вчера Дмитрий предложение сделал. Замуж за него выйти просит. Как мне быть?

– Сложный вопрос, дочка... Сразу на него не ответишь... Подумать надо. Но лучше, чем ты, никто другой на него не ответит. Это твоя судьба, поэтому, дочка, слушай свое сердце: что оно тебе скажет, то и делай. Если душа зовет Дмитрия – то выходи за него смело, а коль молчит – то, может быть, и повременить надобно.

Далее Александра Петровна не стала говорить вслух, но подумала: «Лена и Дмитрий так молоды, им бы гулять еще. Да и любит ли она его? Не та ли история с Николаем Ивановичем подтолкнула их к этому? Но и если ей рассоветовать, то душевная травма, которую ей нанесло это проклятое собрание, может и не зажить. И если она не выйдет замуж, то ее эти партийцы не оставят в покое и вновь будут рассматривать. Она же этого не переживет. Что за дикие нравы в нашем государстве?! Сколько же они безвинных душ покалечили?!»

– Дочка, а ты не мучь постоянно себя этим вопросом, – обращаясь к Елене, сказала Александра Петровна. – Пойдешь на работу, там немного развеешься. Посмотришь на себя, на ситуацию, на Дмитрия как бы со стороны, а потом и примешь окончательное решение.

Придя на работу, Елена почувствовала на себе любопытные взгляды работников цеха. Николай Иванович подошел к ней прилюдно и виновато сказал:

- Лена, прости ты меня и этих безмозглых, которые тебя так оскорбляли. Сколько я тебе причинил боли и страданий! Сердцем прошу, если сможешь, прости ради Бога... Я после этого собрания пришел домой и за такое пасквильное письмо, которое жена написала и направила на завод, побил ее. Она вызвала милицию. Меня забрали и присудили к двадцатидневным исправительно-трудовым работам.

Видя, что Николай Иванович уже долго стоит возле Елены, Дмитрий, гонимый ревностью, бросил работать и подошел к ним со словами:

- Николай Иванович, у меня кончилась работа. Дайте мне новый наряд.

- Что-то, Дмитрий, ты так быстро справился. Ну пойдем посмотрим, что ты там сделал.

Отойдя от станка Елены, Дмитрий сказал:

- Николай Иванович, как вам не стыдно?! Вы что, доконать Елену хотите?! Вам мало, что вы с ней наделали?! По вашей милости ее оскорбляли, как последнюю девку. Довели ее до нервного срыва, отчего она чуть не умерла. Сейчас вы опять окочлачиваетесь возле нее. Есть у вас жена, вот и беседуйте с ней, а к Елене не смейте подходить. Иначе я вас убью!..

Увидев переполненное злобой лицо Дмитрия, мастер, ничего не сказав, пошел в другой конец цеха. И уже в течение этой смены к Елене не подходил. Однако на следующий день Николай Иванович вновь подошел к ней, предоставляя эскиз для выполнения штампа. В этот раз ни мастер, ни девушка друг другу не сказали ни единого слова. Елена безмолвно взяла из рук учителя эскиз и стала выполнять работу. Мастер, тоже не найдя слов для беседы, молчал, затем отошел к соседнему станку.

Для Елены эти три дня на работе после выхода с больничного были сплошной пыткой. Злые языки не оставляли ее в покое. И девушка решила уволиться с завода. Дмитрий поддержал ее решение. Они вместе в один день подали заявления, и через месяц со дня предупреждения их обоих должны были уволить. Елена согласилась быть женой

Дмитрия. Был назначен день регистрации брака. Елена не захотела делать никакой свадьбы.

Николай Иванович, узнав, что Елена увольняется и выходит замуж за Дмитрия, от переживания не находил себе места. Ему очень хотелось поговорить с девушкой. Но он не знал, как ему это сделать. И учитель рискнул передать ей записку, в которой написал: «Дорогая Елена, очень тебя прошу прийти сегодня вечером в городскую библиотеку. Мне крайне необходимо с тобой поговорить. Николай».

Получив в конце смены вместе с деталями записку, Елена развернула ее, прочитала. Особого желания встретиться с Николаем Ивановичем у нее не было. Но вместе с тем волнение охватило ее сердце. И она не против была с ним пообщаться, как она думала, в последний раз. Девушка закончила работу и, не задерживаясь, отправилась в библиотеку. Николай уже был там и поджидал ее в фойе.

– О чем вы хотели со мной поговорить? – подойдя к мастеру, спросила Елена.

– Лена, это правда, что ты увольняешься с завода и выходишь замуж за Дмитрия?

– Да, правда!

– Ну почему ты увольняешься? Если из-за меня, то даю тебе слово, что я не буду тебя беспокоить. И зачем ты выходишь замуж за Дмитрия? Ты же его не любишь... Вы совершенно разные люди и не подходите друг другу. Елена, ты же меня любишь. С Дмитрием ты не будешь счастлива! Выходи за меня замуж. Я подал заявление в суд на развод. Разведусь и давай уедем в Москву. Там живет мой двоюродный брат. Он директор завода, поможет нам трудоустроиться.

– Нет, Николай Иванович, за вас я замуж не пойду. И с завода уволюсь. А буду я счастлива с Дмитрием или нет, то это одному Богу известно. И почему вы думаете, что я вас люблю? К вашему сведению, я вас не люблю. Зря вы тешите себя такой надеждой. У вас есть дети, их и воспитывайте. И разводитесь вы зря. Детям нужен

отец. Я росла без отца и знаю, как тяжело жить, когда его нет.

— Леночка, зорюшка моя! Ну почему ты такая упрямая? Послушай меня, я прожил больше, чем ты, много повидал на своем веку и лучше разбираюсь в людях. А ты меня не слушаешь. И любишь ты меня и только меня. Я это сердцем чувствую. Ты только со мной будешь счастлива... Наберись терпения пережить все эти неприятности. Все наладится, и к нам с тобой заглянет солнце нашей любви. Оно нас согреет и обласкает пылкостью наших чувств. С другим человеком ты никогда не познаешь глубины и величия ярkokрылой любви, которая бы ласковым взором напоила тебя своим благоуханным цветением, даря дивное наслаждение. Мы с тобой созданы друг для друга. Я сумею осушить твои слезы тоски и осветить тебе путь радостной песней жизни. Ты для меня, как сказал Пушкин, «и Божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь». Я посвятил тебе стихотворение, послушай:

*Ты есть причал души уставшей
И радостной, и боевой.
Ты мой спаситель в доле нашей,
Я счастлив, милая, с тобой.*

*Я так люблю твоё горенье,
Очей сиянье озорных.
Ведь в них влекущее томленье —
Рассвет раскатов голубых.*

*Ты, словно ангел легкокрылый,
Зовешь в небесные края.
И изгоняешь взгляд постылый,
Крылатой нежностью любя.*

*Я так боюсь с тобой расстаться,
Тебя навеки потерять.
И без тебя, мой друг, остаться,
И в одиночестве страдать.*

Леночка, я так тобою болею, больше жизни

тебя люблю. Я буду тебе верен всю жизнь. Ты такая красивая, влекущая, чарующая, моя дорогая Леночка:

**Ты, как сирень, цветущая,
Как розушка, красна,
Как радуга, влекущая
Всех сводишь ты с ума!**

**Я опьянен сиянием
Твоих парящих чар.
И кнѹм обаянием,
Что дарит сердца жар.**

**И за тебя, зорянушка,
Готов я все отдать.
Моей души усладушка,
Позволь тебя обнять.**

**В судьбу свою крылатую
Цветенье лью любви.
Я с радостью засватаю,
Ты только позови.**

**Ты радуга цветущая,
Как белый свет, красна.
Душой к себе зовущая,
Ну приголубь меня!**

- Николай Иванович! Вы что, меня своей поэзией решили сломить, усыпить мою волю и добиться изменения моего решения? Конечно, ваши стихи прекрасны. Они так мило вливаются в душу и пьянят ее раздольем чувств, от которых мне хочется подняться, парить в лазури и не опускаться на грешную землю. Я тоже немного пишу стихи, поэтому позвольте мне на ваши возвышенные чувства ответить своей поэтической строкой:

**Вас я люблю совсем как друга,
Любовью чистой и простой.
Не буду я для вас подружкой
Сердечной, близкой и родной.**

**Во мне живет озноб былого.
Разлита горечи река.
Вашу любовь, как и другого,
Отвергла гордая рука.**

**И потому сирень зимой
Вовек не сможет зацвести,
Не сможет пепел со слезою
Нам с вами счастье принести.**

- Леночка, что ты этим хочешь сказать? Так ты ни меня, ни Дмитрия не любишь? Эта нечисть разбирательского собрания убила в тебе все чувства? Леночка, прости меня. Но ты еще такая молоденькая. Рана заживет. И твое сердце зацветет зовом чувств и радостью любви. И душа оттаеет от остудной тоски. Придет твое счастье, разбросает поселившуюся в тебе боль и печаль. Душа вдохнет чистоту и осветится усладой пылких чувств.

- Ох, Николай Иванович, расфилософствовались вы однако. Я вам прочитала просто стихотворение. А вы так глубоко заглянули и увидели в нем намного больше, чем я сказала.

- Да нет, Леночка, я знаю, что такие стихи пишутся от пережитой душевной боли и горестного ощущения. Боже, что я наделал? Это я навлек на тебя столько горя. Как мне загладить перед тобой свою вину? Прости меня, если сможешь. Леночка, не отвергай меня. И позволь тебе сказать, что в любой ситуации у тебя есть друг и ты всегда можешь рассчитывать на меня. Я всегда приду к тебе на помощь, ты только позови. Леночка, пообещай хоть это.

- Николай Иванович, да что вы словно в несчастье меня только и видите, а может быть, оно обойдет стороной.

- Дай Бог. Но у тебя такая утонченная душа, ты открытая и ранимая, тяжело тебе будет. В жизни легче живется грубиянам и толстокожим. С них любые слова как с гуся вода, поэтому и печаль их не берет. А ты такая хрупкая. Тебе

непременно в жизни нужен сильный человек. Если бы ты выбрала меня, я бы всей душой и всей мужской силой защищал бы тебя. Леночка, а может, ты передумаешь и согласишься быть моей женой? Я бы тебя на руках носил, с тебя пылинки бы сдувал, никому бы не позволил тебя обидеть.

- Николай Иванович! Вы опять за свое! Я же вам сказала, что я выбрала Дмитрия.

- Да зачем он тебе сдался? Он же ягодка не твоего поля! Замучаешься ты с ним.

- Прекратим, Николай Иванович, на эту тему разговор. Вы с какой целью меня пригласили сюда?

- Как, с какой? Чтобы поговорить! В цехе за тобой и мной следят, а я никак не хочу, чтобы на тебя пала тень сплетни.

- Надеюсь, Николай Иванович, мы поговорили вдоволь, пора нам с вами расходиться, - серебряным голосом сказала Елена, встала и вышла из фойе.

Оставшись наедине, девушка переосмыслила весь разговор, который они вели с Николаем Ивановичем. Душу давил щемящий осадок и тревога за будущее. Едва затянувшаяся рана снова стала кровоточить, смывая чувство спокойствия. И Елена вновь и вновь спрашивала себя: «Правильно ли я делаю, что выхожу замуж за Дмитрия? Может быть, и неправильно. Но как жить в такой среде сплетен, грязи и быть источником обездоливания малолетних детей Николая Ивановича?! Выйдя замуж, я освобожусь от этого несчастья, которое взяло в плен, подмяло меня своим злом, бессердечием и довело до крайности. Если я выйду замуж за него, то боль будет вечно преследовать меня и рана горечи никогда не зарастет. Вина, что я увела чужого мужа, загрызет меня и убьет любовь, которая едва пустила свои ростки. И Николай Иванович так же, как и я, будет со мной несчастлив, разлука с детьми его изведет. Нельзя вырвать из человека то, что вошло в плоть и кровь и стало его неотъемлемой частью. А Дмитрий свободен, вся его жизнь, как и моя, начинается практически с чистого листа. Вот с ним вместе и будем

вершить наше семейное счастье. И не нужно в сердце больше допускать мысли о Снегиреве. Скорее уже на всем надо поставить точку, а то эти противоречия доведут меня до еще большего разочарования. Надо набраться смелости и согласиться с предложением Дмитрия. Завтра же пойдем с ним в ЗАГС, подадим заявление и распишемся».

При регистрации брака Елена оставила за собой девичью фамилию. Эту фамилию взял и Дмитрий, отказавшись от фамилии отца Пустобрех, с которым мать была в разводе.

Рассчитавшись с завода, Елена и Дмитрий решили уехать жить в Донецк.

ГЛАВА IX

Донецк – один из наиболее индустриально развитых городов Донбасса – обязательно приютит их, считали молодожены, и они сумеют найти в нем работу. И их поиски в применении своего труда действительно увенчались успехом. Елена и Дмитрий поступили работать токарями на машиностроительный завод. Они сняли флигелек без удобств, который состоял из тринадцатиметровой комнатки с установленной в ней печкой, отапливаемой углем, и примыкающего к ней деревянного тамбура.

Однако молодожены неудобств не ощущали. Они были рады, что имеют хоть такой маленький, но свой угол. Они купили у хозяйки бывшую в употреблении железную кровать, сбитый из досок стол, две табуретки, набили соломой матрац. С первой полочки купили настоящую небольшую пуховую подушку, старенькое шерстяное одеяло, кастрюлю, две тарелки, две ложки и считали себя чуть ли не богачами.

Елена ощущала душевное успокоение. Боль от причиненного ранее комсомольским собранием оскорбления постепенно уходила. Она была ве-

села, с Дмитрием жили дружно, на работе у них ладилось, и им казалось, они полны счастья. Майское солнце ласкало их своим теплом. Цветущие деревья не только придавали праздничность флигельку, но и наполняли их души благоуханием, исходящим от белоснежных лепестков абрикоса, вишен, яблонь и слив.

Единственно, что беспокоило Елену, – это приближающаяся сессия в институте. В последние дни она стала все свободное от работы время уделять выполнению заданий, предусмотренных программой учебного процесса. Она просиживала за учебниками до глубокой ночи, а Дмитрий тем временем безмятежно спал. Тяги к знаниям он не проявлял. Елена часто представляла и его заниматься, чтобы он смог поступить в институт. Но Дмитрий, не успев прочитать и одной страницы, засыпал над книгой, чем очень обескураживал и расстраивал Елену. От ее зова супруг просыпался и виновато заглядывал ей в глаза, а через несколько минут, не имея силы превозмочь свой сон, вновь засыпал, от чего Елене становилось грустно. И стала в душу вползать еще не осознанная ею тоска, которую она стремилась подавить, а Дмитрий, хотя и замечал это, особых усилий над собой по выработке силы воли и усердия в постижении знаний не проявлял. И однажды у них по этому поводу возникла ссора.

– Дима, ну почему ты такой беспечный? Ты же не ребенок! Почему ты не думаешь о своем будущем? Нехорошо же будет: я выучусь, а ты не будешь иметь высшего образования. Это может проложить между нами непонимание, разность интересов.

– Ну конечно, ты будешь инженером, а я токарем буду вкальвать! Ты же только с инженерами станешь общаться, а мне, неучу, дверь к ним закрыта. Ты же побежишь к Николаю Ивановичу, с ним тебе интересно говорить. Можешь не ждать такого далекого часа, а сейчас давай к нему беги. Он же с женой развелся. Такую умную, как ты,

он непременно рад видеть.

- Дима, прекрати, что ты говоришь? Леня над собой работать, так ты злостью разливаешься. Спишь всеми вечерами, ночами и в выходные дни, как сурок, вместо того, чтобы трудиться, а хочешь, чтобы к тебе уважительно относились. Это у нас первая ссора, но она уже возникла. И причина ее - это твое нежелание учиться. Поэтому, если не хочешь, чтобы мы ссорились, то тебе надо поступить в институт, а то так и будем ругаться. Что же за жизнь у нас будет? Я очень хочу учиться и не брошу институт. А ты что себе думаешь? Ты хочешь, чтобы мы расстались? А если не разбежимся, то будем чужими людьми!

- Ну и скатертью тебе дорога! А я и неучем проживу.

И муж с яростью хлопнул дверью и выскочил на улицу. Он до глубокой ночи бродил по улицам Донецка, осмысливая случившееся. Успокоившись от внутреннего негативного взрыва, он раскаивался в своей дерзости. Его мучила совесть, хотелось покаяться, извиниться перед Еленой и сказать ей правду. Подавив в себе волнение, Дмитрий направился домой. Войдя, он увидел, что жена на него никак не реагирует.

- Прости меня, Леночка, за грубость. Я был неправ. За книгами я засыпаю, особенно за математикой и физикой, только потому, что я совершенно ничего не понимаю. Мне самому не справиться. Давай я пойду на годовичные подготовительные курсы, которые в сентябре открываются при заводе? Я не хочу, чтобы мы ссорились, и боюсь потерять тебя. Леночка, женушка, красавица ты моя, прости меня глупого. Я тебя очень люблю.

Дмитрий склонился к сидящей на табуретке Елене, обнял ее и стал пылко покрывать ее руки и лицо поцелуями. Лена не сопротивлялась его поцелуям, только укоризненно прошептала:

- Дима, ну что ты такой несдержанный. Конечно, я не возражаю, ходи после работы на подготовительные курсы, если в том для тебя есть необходимость, - примирительно прижимаясь к

его лицу, ответила Елена. - И давай после сессии, под выходной день, съездим в Шахтерск, а то я очень соскучилась по маме, сестрам и братьям.

- Я не против. Мне тоже хочется побывать в своем родном Шахтерске. Мы там давненько уже не были, - лаская жену, ответил супруг.

Время весны быстро летело, наполняя землю и город ощущением распахнутости тепла, легкости движений. Дмитрий любил ходить после работы в магазины и покупать продукты, с радостью неся их домой, готовя ужин, а Елена тем временем усердно корпела над учебниками. Она успешно сдала сессию, перешла на следующий курс, и они с Дмитрием, купив скромные подарки, поехали в Шахтерск.

Удовлетворив порыв радости от встречи с родственниками, Елене очень хотелось отблагодарить Веру Николаевну, начальника отдела кадров, которая по-матерински отнеслась к ней, приняв на работу, как помнит читатель, на ремонтно-механический завод учеником токаря, и также начальника цеха Бориса Сергеевича. Купив большущий букет цветов, шампанское и конфеты, Елена побежала вначале к Борису Сергеевичу, поскольку его дом был рядышком. Поднявшись на второй этаж, Лена нажала на кнопку звонка. Дверь открыла его жена Лидия Федоровна.

- Лидия Федоровна, а Борис Сергеевич дома?

- Нет, Леночка. Он уехал вчера в Горловку к матери. Она немного приболела. А ты проходи в квартиру.

- Ой, Лидия Федоровна, - переступая порог квартиры, сказала Лена, - я так за Борисом Сергеевичем соскучилась. И мне очень хотелось сказать ему сердечное спасибо за то, что он меня учил на заводе и поддерживал как отец. Лидия Федоровна, можно мне в знак глубокой благодарности подарить вам цветы за то, что такого прекрасного мужа воспитали, а ему шампанское? - улыбаясь, спросила Елена.

- Ох ты шутница, Елена Прекрасная, - при-

нимая подарки, ласково сказала Лидия Федоровна. – Как вы с Дмитрием в Донецке поживаете?

– Кажется, неплохо. Работаем токарями на машиностроительном заводе. Сняли флигелек... Лидия Федоровна, я вижу вы занимались стиркой, извините, что вас отвлекла от работы. Передайте от меня поклон Борису Сергеевичу, – прощаясь, попросила Елена.

Затем, купив еще более яркий и пышный букет цветов и аналогичный подарок, Михайлова поспешила к Вере Николаевне. Ей повезло: Вера Николаевна была дома.

– Леночка, моя же красавица! Проходи, – обняв по-родственному, радостно говорила Вера Николаевна. – Садись, сейчас чайку попьем. А ты рассказывай, как вы с Дмитрием живете, как работается, какие областные новости.

– Вера Николаевна, да я на минутку забежала. Мне так хотелось вас увидеть. Я так признательна вам за все, что вы для меня сделали. Если бы не вы, то я не знаю, что бы со мной было. Вы мне дали путевку в жизнь. С вашей легкой руки я стала, говорят, неплохим токарем, и это помогло мне поступить в институт. Ваше доброе отношение ко мне я никогда не забуду. Спасибо вам большое и низкий поклон. Дай вам Бог здоровья, везенья и радости в жизни. Я буду стараться в отзывчивости походить на вас.

Елена порывисто обняла Веру Николаевну и с благодарностью поцеловала. От умиления на глазах Веры Николаевны заблестели слезы.

– Леночка, ты так меня расчувствовала, что я готова расплакаться. Ничего такого особенного я для тебя не сделала. То, что ты стала хорошим токарем и учишься в институте, твоя заслуга, а не моя.

– Да нет, Вера Николаевна, если бы вы не протянули мне руку помощи и не взяли меня учеником токаря на завод, то судьба моя, наверняка, не дала бы мне то, что я сейчас имею. Вы отнеслись ко мне по-матерински, с таким теплом. Вы единственная женщина, за исключением моей мамы

и сестер, которая сердечно отнеслась ко мне. Вам Господь дал душу, способную чувствовать так глубоко чужую боль, и дал мне счастье встретить вас на своем жизненном пути.

- Елена, где ты так научилась философствовать? Ты же одноклассница с моей дочкой, а рассуждаешь как зрелая женщина. Она по сравнению с тобой совершенный несмышляк.

- Вера Николаевна, спасибо за теплые слова, но ваша дочка - очень умная девушка. Просто ей в жизни не пришлось испытать то, что я испытала. И славу Богу. У каждого своя доля.

- Это точно, человек только еще рождается, а судьба его уже ждет, даря ему свою ношу и стезю, - заметила Вера Николаевна. - Ну а ты расскажи, что тебе доля подарила? Ты счастлива с Дмитрием?

- Пока живем, кажется, неплохо. Дмитрий не пьет, не курит, старательный, по дому помогает. У нас все хорошо.

- А учиться он не думает?

- Надеется, но по этой части у него пока туговато. Хочет в сентябре пойти на вечерние подготовительные курсы, которые у нас имеются при заводе.

- Где поселились? В общежитии или комнату сняли?

- Нам повезло. Мы снимаем флигелек. Правда, он очень маленький, но в тесноте, как говорится, да не в обиде.

- Я рада, Леночка, что у тебя все хорошо складывается. И что ты у нас теперь дончанка.

- Вера Николаевна, а вы когда будете в Донецке, то заходите к нам. У нас и переночевать можно. Вот вам наш адрес: улица Луначарского, 10 «А».

- Зайду, коль будет возможность, - отзывчиво сказала Вера Николаевна. Ей хотелось многое еще расспросить и самой рассказать о заводе, о Николае Ивановиче, но видя, что Лена не затрагивает эту тему, она не стала об этом говорить.

- Вера Николаевна, еще раз вам за все

сердечное спасибо, я побегу, а то меня, наверно, мама заждалась.

– Привет маме передай и спасибо за то, что такую душевную дочку воспитала. А Дмитрию – что сумел отхватить такую красавицу.

– Спасибо, Вера Николаевна, – смеясь ответила Елена, – передам. Не забывайте к нам в гости приезжать.

– Не забуду. Может быть, в августе явлюсь к вам.

Идя домой, Елена обратила внимание на то место, где они когда-то сидели с Николаем Ивановичем возле одинокой стройной березки на лавочке, и ей стало грустно. И вдруг она увидела шедшего ей навстречу Снегирева. Лена хотела перейти на другую сторону улицы и пройти незамеченной. Но Николай Иванович ее уже увидел и с радостной улыбкой поспешил к ней.

– Леночка, как я рад этой встрече! Как ты, счастлива с Дмитрием?

– Счастлива, Николай Иванович.

– Ну и слава Богу. У меня тоже есть приятные новости. Я сделал научное открытие с громадным экономическим эффектом в области развития станкостроения, и это касается так же военной промышленности. Мне из Москвы прислали авторское свидетельство и большую премию в 100 тысяч рублей. Я ее перечислил в фонд мира. И еще... меня на днях назначили главным конструктором на Луганский машиностроительный завод. Теперь вот увольняюсь с ремонтно-механического завода и переезжаю жить в Луганск.

– А как же семья? – любопытно спросила Елена.

– Ее тоже с собой забираю. Я же хотел развестись, подал заявление о разводе в суд. Суд назначил слушание дела, долго разбирался, не дал согласие на расторжение брака и назначил трехмесячный срок для примирения. Я это время в семье не проживал, а временно ушел жить к другу. Очень скучал за дочкой. Приходил домой. И она

очень привязана ко мне своей детской любовью. И я иногда ночевал там. Однажды, поиграв с ней в ее игры, наобщавшись вдоволь, стал собираться уходить. А она как заголосит:

- Папочка, ну почему ты меня бросаешь! Если ты не миришься с мамой, то хоть меня не покидай. Забери меня с собой. Мама говорит, что ты любишь какую-то Елену, так женись на ней и меня к ней возьми. Пусть Вадик живет с мамой, а я буду с тобой и с твоей Еленой, - и в голове у него молниеносно пронеслась картина расставания с дочерью и ее детская, наивная, полная любви к нему речь:

- Папочка, я же без тебя пропаду. Почему ты так делаешь? У Андрея, у Нади, у Любы, у Вики папы есть, а у меня не будет. И меня станет тетя Варя так же обзывать, как она обзывает Петю, - беспризорником, безотцовщиной. И в садике так меня будут дразнить. Я не хочу этого, папочка. Не делай этого. Я тебя очень - очень люблю.. Больше нашей квартиры, больше нашего дома, больше всего на свете. Я буду послушной девочкой и стану любить твою Елену, только не бросай меня, забери меня с собой.

Она обняла его крепко за шею своими маленькими ручками, слезы градом текли по ее горящим щекам. Девочка так умоляла не покидать ее, что отец сам не смог сдержаться и в его глазах непроизвольно заблестели слезы.

- Людочка, мое золотце. Я никогда тебя не покину. Ты всегда, мой ангелочек, будешь со мной. Я тебя тоже очень - очень люблю. А Елена меня не любит. Она вышла замуж за Дмитрия, и я ей не нужен, - ласково поглаживая рукой детскую спинку, откровенничал отец.

- Папочка, давай пойдём и очень - очень будем ее просить. Может, она согласится. Мы ей скажем, что не будем ее обижать и станем во всем во всем ее слушаться.

- Дорогой ты мой ребенок, в этом нет уже необходимости. Не будем ей портить жизнь. Пусть

она живет со своим недотепой Дмитрием, а мы с тобой будем строить наше счастье.

- Ты останешься сегодня ночевать?

- Останусь. И никуда от тебя не уйду.

Дочка, от радости поцеловав отца несколько раз, спрыгнула с рук и закружилась от счастья. А отец больше не стал уходить к другу. Постепенно он помирился с женой, хотя нехороший осадок от письма, которое она сочинила, оклеветав его и Елену, так и остался в его сердце. Он душой отгородился от нее, словно каменной стеной. Чувства к ней погасли. В жене он потерял спутницу, союзницу и то, что влечет необъяснимо к любимому существу.

Прогнав картинку воспоминаний, Снегирев услышал голос Елены:

- Какая же, Николай Иванович, у вас разумная дочь. И как она глубоко вас любит.

- Да, дочка у меня необыкновенная, похожа на вас, только с одной разницей - дочка меня любит, а вы нет. Она, чтобы не потерять меня, была согласна меня женить на вас и вместе с вами и мною жить. А вы от всего этого далеки. Напрасно я вас столько упрашивал и убеждал. Вы к моим чувствам, зову сердца и словам остались слепы и глухи. Ну да Бог вам судья, - с грустной отрешенностью заметил Николай Иванович. - И хватит о прошлом. Надеюсь, что между нами что-то теплое осталось? И мы будем друзьями? Как вы считаете, Елена Прекрасная, а?

- Считаю, что вы были моим учителем и останетесь им до конца моей жизни. Я очень вам признательна, что научили меня токарному делу, - с затаенной печалью ответила Елена.

- И на этом вам, Елена Васильевна, спасибо. Будете в Луганске, заходите в гости. Правда, квартиру еще не дали, обещают к осени. Будем жить в заводском семейном общежитии.

- А вы к нам заходите, если судьба забросит в Донецк, - вторя ему, ответила Елена.

Чувствуя, что разговор больше не вяжется, Елена, протягивая руку учителю, ласково сказала:

- Так что, Николай Иванович, до свидания и до встречи.

- До встречи, моя мучительница.

И они разошлись в противоположные стороны друг от друга.

- Лена, ну что ты так долго отсутствовала? - укоризненно спросила ее Александра Петровна. - Все уже давно сидят за столом, истомились от ожидания. Дмитрий уже устал отвечать на вопросы.

- Ничего, мама, с него не убудет. Он любит поговорить. Зато я побывала у Бориса Сергеевича, правда, его не оказалось дома, но я поклон передала ему через его жену. И навестила Веру Николаевну. Мы с ней мило и сердечно поговорили.

Что касается встречи с Николаем Ивановичем, то Елена не обмолвилась ни словом. Душа ее встревожилась, в нее словно забежала грустинка и укутала душу своим покрывалом. Не подавая вида, Елена весело и мило щебетала. Только сердце матери нельзя обмануть. Александра Петровна почувствовала внутреннюю печаль дочери и подумала: «Не иначе как встретила Николая Ивановича. Ишь как взор туманится горечью. Господи, что же за такая тяжкая ей доля выпала? У нее все как в стихотворении:

**красива, и любима,
И умна, и весела.
И душой неотразима,
А вот счастьем не взяла».**

- Мама, Лена, что это вы все никак не сядете за стол, - донесся звонкий голос Тамары.

- Идем - идем! - неся тарелку с разогретой картошкой, ответила мать.

Большая и дружная семья Михайловых общалась допоздна, а ранним утром, чтобы не опоздать на работу во вторую смену, Елена с Дмитрием уехали в Донецк.

Дни сменялись один за другим. Миновали лето, осень. В права вступал суровый декабрь. В

цеху, где работали Дмитрий с Еленой, было тепло. А дома они чувствовали себя совершенно неуютно. Тонкие стены флигелька промерзали насквозь. С внутренней стороны стены были мокрые, и от поступающего от печки теплого воздуха с них стекала тоненькими струйками вода. Тепло удерживалось плохо. Под утро, если не топилась печь, было очень холодно. Во флигеле все плесневело, пропитывая неприятным затхлым запахом не только комнату, но и все находящееся в ней. Но деваться было некуда, другого жилья они не могли найти. Позже узнали, что на заводе можно встать на очередь для получения кооперативной квартиры. Дмитрий и Елена стали жить очень скромно, собирая деньги на приобретение жилья.

Экономя на еде, Лена подумала: «От недоедания я в последнее время чувствую себя плохо. Частенько стала голова кружиться, тошнит, а есть не хочется. Что-то со мной творится неладное. Завтра пойду в больницу».

Терапевт, внимательно прослушав Елену, ничего подозрительного не обнаружил и послал Михайлову к гинекологу. Гинеколог, осмотрев Елену, сказал, что она беременна. Отругал ее за то, что она так долго не становилась на учет:

– У вас уже скоро ребенок забьется, а вы ни разу не были на приеме у врача! Разве так можно? Как же вы готовитесь матерью стать? Питаться следует лучше. Вес у ребенка очень маленький, да и вы сухой скелет. Ежедневно ешьте фрукты, овощи и мясные продукты. И через три недели вновь ко мне придете на прием, – строго сказал врач.

Эта новость Елену озадачила. Она еще не готовилась стать матерью. Ей вначале хотелось закончить институт, а потом уже обзавестись ребенком. «И вот я только на втором курсе, – подумала она, – а ребенок должен уже родиться в мае, как раз перед сессией. Что же мне делать?»

Придя домой, Елена еще с порога громко

объявила :

- Готовься, Дмитрий Николаевич, скоро станешь папочкой!

- Да ты что?! Леночка! Вот счастье! Вот радость! А ты не шутишь?

- Да какие тут шутки! В мае жди пополнения в семье.

- Леночка, прелесть ты моя! Ласточка небесная! Как же это прекрасно! Я - отец, а ты - мать! Вот здорово! У нас будет ребенок. Я его буду очень любить. Вот здорово!

- Здорово-то здорово! А кто его будет нянчить?

- Как кто?! Я, конечно.

- Дима, ты забыл, что ты работаешь?!

- Так я после работы буду нянчить.

- А во время твоей работы кто за ним присматривать будет?!

- Ты, Леночка! Тебе же дадут отпуск по уходу за ребенком.

- А во время моей сессии в институте как мы будем справляться?!

- Мать нашей хозяйки попросим. Она добрая женщина, согласится, я думаю, нам помочь! Леночка ты моя! Голубушка сизокрылая! Как же я тебя люблю! Садись скорей, мой светоч дивный, я тебя покормлю, попою и в постельку, мою красавицу ненаглядную, уложу. Какую же ты великолепную новость сообщила. Позволь мне тебя, моя ромашка ясная, поцеловать, обласкать.

Дмитрий в восторге еще долго заботливо и умиленно, словно наседка, бегал вокруг Елены, не зная, что ей подать, как угодить. Слова любви, признания, восхищения и ласкательные эпитеты от великой радости лились из уст супруга как из рога изобилия. Елена расчувствовалась от его пленительного восторга и любви к ней и будущему ребенку. На сердце у нее стало тепло и уютно. Она прижалась к его плечу и безмятежно заснула.

Через указанный срок Елена пришла на прием к гинекологу. Врач, обмеряв живот будущей матери, взвесив ее, был доволен результатом осмотра и протеканием беременности. Елена хорошо на-

бирала вес и ребенок нормально развивался.

Надвигался май, Елене уже дали предродовый отпуск, и она со страхом ожидала роды. И не столько боялась боли, сколько переживала за благополучное появление на свет своего ребенка. И опасения ее были не напрасны. При рождении ребенка из-за слабости родовых сил наблюдалось тяжелое патологическое состояние беременной и плода. Но на пятые сутки, когда уже хотели делать кесарево сечение, все обошлось благополучно. Родился мальчик. Радости измученной Елены не было границ. Ей казалось, что ни она, ни ее ребенок больше ни минуты не смогут вынести этих непомерных мук родовых схваток и процесса сложнейших родов. И, наконец, измученный, очень слабенький мальчик увидел белый свет. Было мало надежды, что этот ребенок выживет, а врачи тщательно скрывали от Елены эту опасность. Самочувствие матери и ребенка после родов было крайне тяжелым. Но постепенно Елена и мальчик окрепли. Они пролежали в больнице больше месяца. И вот наступил счастливый день, когда Дмитрий забрал их домой. Дома Елена и Дмитрий долго подбирали имя для своего сына и единодушно назвали его Игорем. Елена с большим трудом сдала и эту сессию на «отлично». Ей помогать приехала Александра Петровна. Она с любовью нянчила своего внука и учила Елену, как нужно купать, правильно пеленать и кормить малыша.

Вскоре посмотреть на новорожденного приехали и Тамара с Михаилом. У них год тому назад тоже родился мальчик. Они назвали его Олегом. Увидя, в каких неблагоприятных условиях живет младшая сестренка, Тамара сказала:

— Лена, что же это ты Игорька кладешь спать в корыто? Ему очень неудобно. Давай мы тебе передадим кроватку Олежека?

— Тамара, а куда мы ее поставим? Места же совершенно нет. Можно попробовать между кроватью и столом поставить, но она и тут не станет. Может быть, какую-нибудь самодельную маленькую кроватку смастерить?

- Хотя бы такую давайте сделаем. Лена, походи к хозяйке, пусть она тебе продаст или взаимы даст вон те доски, что стоят возле сарая. Михаил с Дмитрием сделают кровать для Игорька. И вам что-то вроде кровати. Что же это вы спите на полу?

- Мы же временно на полу спим, пока мама у нас живет. А вот для Игорька, конечно, надо бы сделать кровать, - сказала молодая мать.

- Хотя и временно, но все равно нехорошо на полу спать. Теперь мы чаще будем к вам приезжать. Где мы будем спать? Поэтому надо смастерить две кровати, - настаивала на своем Тамара.

Елена, согласившись с мнением сестры, подошла к хозяйке и попросила продать ей доски. Владелица дома, узнав для какой цели нужны доски, ей их подарила. И дала впридачу молоток, пилу и гвозди. Михаил с Дмитрием провозились до полуночи, но смастерили кровать, которая в большей степени была похожа на маленькую цыганскую кибитку, только без потолочной части. В тамбуре флигелька они встроили кровать-настил, прибив к одной стенке брусок длиной в полтора метра и к другой - с противоположной стороны. Расстояние между стенами было около двух метров. Затем на эти бруски положили доски. И королевская кровать, как сказала Елена, была готова.

- Лена, как же вы будете жить зимой в этой халупе? Вас поставили в очередь на квартиру? - спросила Тамара.

- Поставили... Да только надо вносить взнос в тысячу шестьсот рублей, а мы накопили только шестьсот рублей. Остальные не знаем где и взять, - ответила сестра.

- Как, где?! У нас возьмите. Мы, кстати, привезли с собой триста рублей, остальную часть подсобираем. Одним словом, в следующее воскресенье Михаил привезет вам семьсот рублей.

- Тамара, а когда же мы их вам отдадим? Я же пока не работаю. Дима не очень хорошо зарабатывает.

- Ничего, когда-нибудь заработаете, а коль не разбогатеете, то мы и без них обойдемся. Правда, Михаил? Мы же теперь в начальники выбились и получаем неплохо. Михаил уже полгода работает начальником участка шахты, а меня буквально три дня тому назад назначили начальником смены пошивочного цеха.

- Поздравляю вас обоих с новыми назначениями. Это дело надо обмыть. Да и не только ваши новые должности, а и ваши дипломы. Вы их привезли? - спросила Лена.

- Конечно, Миша, дай дипломы, пусть сестричка посмотрит. Ты тоже уже скоро получишь, - сказала Тамара.

- Не знаю. Хочется надеяться, что получу. Ну а там как Господь даст. Впереди так много еще проблем и сложностей. Как наш Игорек себя поведет? Куда его пристроим?

- Не переживай, сестричка, все будет хорошо. Ты у нас крепкий орешек. Осилишь. Главное, не останавливаться и шагать вперед и только вперед. Правда, нам мама очень помогает. Она Олега нянчит. А вы Игорька в ясельки отдадите или на дом к кому-нибудь водить будете? Но не станем наперед загадывать, время придет, и оно само подскажет как быть, - успокаивающе сказала Тамара.

- Правильно, - поддержала Тамару Александра Петровна, - раньше времени не стоит расстраиваться. Но и не следует забывать о том, что только идущий осилит путь.

Александра Петровна, пока зятя плотничали, о многом переговорила с дочерьми. На сердце у всех было радостно. Лена до слез была расстроена вниманием матери и сестры. От любви к ним ей хотелось парить и дарить им нескончаемое счастье. Она стала ощущать в себе, как ей показалось, более глубокие чувства, которые способны вызреть только в человеке, прошедшем через муки во имя рождения новой личности.

На следующий день, когда мать, Тамара и Михаил уехали в Шахтерск, а Дмитрий ушел на работу, Елене сделалось одиноко. Она затоско-

вала по матери. Несколько позавидовала Тамаре, что мать живет не с ней, а с сестрой. Лена заметила, что мать в последнее время стала болезненно выглядеть, у нее появилась отечность на лице, ходить она стала еще хуже. И Лена подумала: «Какая у нас сильная, богатая душой, добрая мама. Такая больная, а мне приехала помогать, несколько себя не жалеет. Все стремится трудиться и облегчить долю своих детей. Сама в жизни не видела ни радости, ни счастья. Непосильный труд, холод, слезы, обездоленность, тоска да печаль устлали ее жизненный путь. Вот уж горькая судьбина ей досталась. Когда получу квартиру, может, мама согласится сюда переехать. Я тогда ее буду холить, нежить, ничего ей не буду давать делать по дому. Пускай отдыхает. Тамара тоже очень о ней заботится и не хочет, чтоб она так много по дому хлопотала. Да мама не слушается. Видно, как она беспредельно любит своего внука Олежека. Сколько в ее взоре умиления и нежности к нему. Нет, наверное, она ко мне не согласится переехать жить. Мама так к Олегу прикипела душой, что для нее это будет очень тяжело. И Олежек за ней вон как убивается. Как только увидел свою бабушку, то тут же стал ручки к ней тянуть, чтобы она его взяла. Сразу и про мать забыл. Это и естественно, ведь Тамара целый день с Михаилом на работе, а Олежек с бабушкой находится. Он уже и «баба» говорит. А кого же мой Игоречек больше будет любить – меня или Дмитрия?»

Елена еще долго перебирала в памяти встречу с сестрой, их разговоры с матерью, пока ее Игорек не проснулся и не дал знать о себе громким плачем.

– Иду – иду, Игоречек. Сейчас тебя мама перепеленает, покормит и пойдем погуляем, мое золотце, мой же ты ненаглядный сыночек. Какой же ты маленький, беззащитный, беспомощный. Но скоро вырастешь, будешь сидеть, потом ходить, говорить. Время, Игоречек, такое быстротечное,

что и не заметим мы с тобой, как ты вырастешь и станешь взрослым. А сейчас, моя радость, кушай и набирайся сил, у мамы молока много, хватает.

Молодая мама, воркуя как голубка, с большой теплотой и лаской нежила сына, передавая ему все богатство своей души и полетность радостных чувств и мыслей, пробуждая в себе вечный и неиссякаемый источник материнской любви, и ее непостижимость глубины и чистоты первозданности природного явления и высоты величия сердца матери.

Елена в заботах о сыне совершенно не заметила, как пробежало лето и подходила к концу осень. На работе она оформила годичный отпуск без содержания по уходу за ребенком. Влезла зима. Игорек рос болезненным мальчиком. Елена со страхом ожидала зиму. Другую квартиру они не нашли, а в этом флигельке оставаться было невозможно для здоровья не только Игорька, но и взрослых. Да деваться молодой семье было некуда, поэтому они стали готовиться к зиме. Купили уголь, дрова для отопления флигеля. И зимой топили печь круглосуточно. Уголь оказался курной и горел плохо. Если только некоторое время в печи не горело, во флигеле сразу становилось холодно.

Но голь на выдумку хитра. Чтобы уголь в печи ночью не прогорал и комната не остывала, Дмитрий в качестве караульного заводил будильник, и они с Еленой по зову будильника просыпались и по очереди подбрасывали уголь, выбирали золу и неперегоревший уголь, который становился коричневым слитком, мешал гореть насыпанному углю. Кочегарить печь, как поняли Дмитрий с Еленой, — это целое искусство. Первые дни печь у них сильно чадила и уголь в ней не горел. В комнате стоял сплошной дым, который безжалостно пек глаза. И от боли слезы из глаз лились ручьем. Но впоследствии они как истинные кочегары овладели этой профессией, и растапливали печь без особых мучений. Но как они ни старались топить печь без перерыва, хотя в комнате и было тепло, воздух

был сырой и тяжелый. Стены были очень тонкие и потому все равно промерзали насквозь. С них постоянно стекала вода. За ночь она растекалась на полу большими лужами, которые Елена вытирала, собирая воду тряпкой. Зачастую ее набиралось много.

Елена очень опасалась за здоровье Игорька, поэтому днем, хорошо укутав его и крепко прижав к груди, подолгу гуляла с ним на улице. И ребенок, наперекор всем неудобствам, развивался нормально, был крепким малышом и за зиму ни разу не болел.

В целом дни Елены были наполнены делами и заботами. Она с любовью ухаживала за сыном, читала учебники, но в душу частенько закрадывалась тоска. Стены флигеля давили ее неудовлетворенностью. Ее тянуло в трудовой коллектив, где кипит работа и цветет интерес общения, от которого человек становится интеллектуальней, ярче и глубже душой. И эту потребность общения Елена стала остро ощущать. Поэтому она подыскала женщину, которая согласилась нянчить Игорька, и как только сыну исполнился годик, Елена вернулась на свой завод.

В цеху мало произошло изменений. Елена вновь приступила к выполнению работы. Она изготавливала детали, которые шли не только в систему машиностроения, но и в военную промышленность. Со временем ее опыт набирал высоту в токарном деле. Ей стали поручать работу наивысшей квалификации. Елена в основном выполняла работу пятых-шестых разрядов. Она имела собственное клеймо на знак качества и брака, как правило, при изготовлении деталей не допускала. Елена с интересом изучала технологию и систему сборки узла, куда входили изготавливаемые детали. Полученные теоретические знания и практический опыт неоднократно помогали ей вырабатывать новые подходы как в процессе сокращения операций в изготовлении деталей, так и в их качестве.

Способность работницы не осталась незамеченной: Елене предложили работать мастером на

участке. Ее пугало то, что она не сможет управлять коллективом в силу молодости и, как она считала, отсутствия организаторских способностей. Но начальник цеха Александр Анатольевич все же уговорил ее, и она стала работать мастером на том участке, где трудился и ее супруг.

Дмитрий без особой радости воспринял такое назначение Елены. Скорее был огорчен, что на работе он стал находиться в непосредственном подчинении у собственной жены.

- Елена, я, наверное, перейду на другой участок. А то мне как-то неудобно находиться под твоим управлением.

- Как хочешь, Дмитрий. Можешь переходить, можешь и здесь остаться. Меня это не волнует, а волнует то, что ты до сих пор не поступил в институт. И на курсах ты дважды учился, но в силу своей несобранности и слабости характера так и не закончил. Тебе надо все же непременно поступить в институт. То, о чем я тебе когда-то говорила, начинает происходить в нашей жизни. У нас с тобой возникают различные взгляды как в самой работе, так и в осмыслении жизни. В этом году я оканчиваю институт, а ты давай, Дмитрий, поступай.

- Да не поступить мне. Я никак не могу осилить математику и физику.

- Осилишь, только примени к этому делу усердие и прилежание. Если хочешь, Дмитрий, то я сама тебя буду готовить в институт, но с условием - безоговорочное исполнение моих требований и со мной не пререкаться.

- Во даешь! Я знаю твою хватку, ты назадаешь, что я за месяц не осилю.

- Да нет, я с тобой по часу буду заниматься ежедневно. Естественно, буду давать тебе задания, чтобы ты занимался самостоятельно, и стану проверять их выполнение.

- Елена, да что это такое будет? Ты у меня и на работе начальница, и дома генерал, - улыбаясь, сказал Дмитрий. - Ты же возьмешь меня за жабры и не дашь мне не то что куда-то смыть-

ся, но и пикнуть.

- По-другому с тобой нельзя. Иначе ты еще пять лет будешь готовиться, но так и не поступишь в институт.

- Язвительная ты все же, Елена. Непременно тебе надо меня укусить.

- Пока, Дмитрий, только я кусаю, а потом, если не выучишься, будут язвить другие.

- Да уже и сейчас допекают. Сегодня Федька съехидничал: «Ну как, Димчик, хорошо тебе находиться под крылушкой своей зазнобушки? Видал, как она тебя опекает и детали тебе подбрасывает высокооплачиваемые? Где бы мне найти такую лафу?»

- Ну так вот! Давай этому положим конец. Неси физику, тетрадь и ручку. Сейчас же сядем и начнем заниматься, - строго сказала Елена.

Дмитрий неохотно поднялся и выполнил требования супруги. Они дружно позанимались часа два. Дмитрий так увлекся, что ему не хотелось прекращать занятия. Он не ожидал, что Елена умеет так толково объяснять. Он радовался, как ребенок, от успешно постигнутого им материала. И Елена была довольна тем, что Дмитрий - послушный ученик. Он хотя далеко не с первого раза понимал объясняемый материал, но при этом не нервничал и не вскипал, а пытался дойти до сути.

Елена не отступала от намеченной цели. Они, как правило, занимались ежедневно. Дмитрий достигал успехов и стал верить в свое поступление, отчего стал заниматься более старательно и самостоятельно засиживался иной раз за учебниками до глубокой ночи вместе с Еленой, которая после занятий с Дмитрием работала над дипломным проектом.

И их радости не было границ, когда Елена получила диплом инженера, а Дмитрий наконец поступил в политехнический институт на тот же факультет, на котором училась Елена.

ГЛАВА X

После окончания института, у Елены появилось свободное время, хотя она продолжала заниматься с Дмитрием, помогая ему готовить контрольные работы, курсовые. Ее стала тяготить работа мастера, появилась неудовлетворенность, хотя она и вносила в трудовой процесс множество рационализаторских предложений. Елена больше и больше стала увлекаться научными идеями, поэтому решила попытаться счастья трудоустроиться в научно-исследовательский институт. Ей повезло: ее приняли работать младшим научным сотрудником в научно-исследовательский институт, который занимался проблемами развития военной промышленности.

Исследовательская работа захватила ее полностью. Она с большим интересом занималась разработкой анкерного колеса, которое, по ее мнению, было совершенно непригодно к эксплуатации в силу неправильной нарезки зубьев, марки стали, его втулки или, как токари участка ее называли, «ножки» и гнезда монтируемого узла. Ей удалось добиться успехов в разработке этого вопроса. Она предложила главному инженеру института свой вариант исследования. Он был намного эффективнее как в эксплуатации анкерного колеса, так и в изготовлении.

Елена за короткое время научно-исследовательской деятельности зарекомендовала себя как личность, имеющая аналитический склад ума, подающая надежды в достижении высоких результатов в исследуемых проблемах. Ей предложили учиться в аспирантуре. Елена с радостью согласилась. Она усердно стремилась постичь теоретические вопросы и в то же время успешно работала на практике, исследуя свой результат в применительной деятельности. Научная тема ее кандидатской диссертации была связана с усовершенствованием токарных станков.

Увлеченная исследованием, Елена не замечала дней. Игорек подрастал. Его еще ни в ясли, ни в детский садик не оформляли, поскольку как Елена, так и Дмитрий боялись, что там он будет болеть. А у них пока этих проблем не возникало. Женщина, тетя Паша, которая нянчила Игорька, была внимательной, сердобольной. Она любила его как родного внука, поэтому они и не спешили отправлять сына в детсадик.

Игорек к тете Паше шел с удовольствием. Он мог там оставаться и после установленного часа, тетя Паша не возражала. Это было очень удобно для семьи Михайловых, поскольку Дмитрий занимался в институте на вечернем отделении и приходил домой поздно. Иной раз и Елена, занятая исследованием непосредственно на заводе, не имела возможности забрать вовремя сына. Игорьку уже исполнилось три годика. Он рос бойким, смелым ребенком. Все просил у родителей, чтобы они купили кровать, а то спать ему в сделанной отцом и дядей Мишей кровати было очень тесно. Но ему все отказывали в его просьбе, и не потому, что не было денег, а потому, что ее, как помнит читатель, ставить было некуда. Кооперативную квартиру они пока еще не получили. Семья Михайловых должна была получить ее в марте.

Строительство дома уже завершилось, и его готовили к сдаче в эксплуатацию. Все будущие жильцы уже знали, кто в какой квартире будет жить. Еще до сдачи денег кооперативное собрание решило, что каждый из очередников станет сам испытывать свое счастье распределения этажности и квартир. И Дмитрий достал из общей массы двухкомнатных квартир скрученную в трубочку записку, в которой было указано: второй этаж, квартира № 7. Жилая площадь двухкомнатной квартиры составляла 27 квадратных метров, но зато в нее входили: кухня, совмещенная с туалетом ванная, коридор, где можно было вмонтировать книжные полки. В целом вся площадь приобретенной квартиры составляла сорок один квадратный

метр. По сравнению с тринадцатиметровой комнатой, в которой жила семья Михайловых, эта квартира казалась целым дворцом.

Получив квартиру на втором этаже, семья Михайловых была безмерно рада такому счастью. Их квартира была с балконом и выходила на южную сторону. Дмитрий, Елена и Игорек с нетерпением ждали, когда они уже переедут в нее жить. И вот наступил день вселения. Множество машин, нагруженных узлами и мебелью, подъезжали к подъездам. Михайловы машины не заказывали, поскольку мебели у них не было, а имеющиеся вещи и кухонные принадлежности, так как их было немного, они перевезли общественным транспортом.

Переехав в новую квартиру, они первым делом осуществили мечту Игоря: купили ему долгожданную кровать, которая очень всем понравилась. Она была железная, спинки кровати были покрыты никелем. На них Игорек, сияя от счастья, привязал красные надувные шары. Спальне, где стояла кровать, они придавали праздничный вид. Во вторую комнату им ставить было нечего, кухня тоже была без мебели. У них хватило денег только на приобретение двух табуреток, которые первое время служили им столом. Все заработанные деньги Михайловы копили. Собрав занятую сумму, они отдали ее Тамаре с Михаилом. На сердце у них было легко, чувство долга больше не угнетало их. Они не замечали неудобств и с радостью спали прямо на полу, устеленном ватным матрацем.

Постепенно их быт налаживался. Они купили занавески на окна, кухонный стол, а затем купили круглый стол и поставили его во вторую комнату. Одним словом, они стали ощущать хотя и скромный, но все же комфорт и уют. Поэтому на домашнем совете Елена с Дмитрием решили, что в такие условия можно уже привозить маму.

В один из своих выходных дней Елена с радостью поехала в Шахтерск за матерью. Когда она приехала к Тамаре с Михаилом, то увидела, что мать болеет. На сердце у Елены стало тоскливо, ей так хотелось, чтобы Александра Петровна

пожила у них.

- Мама, я приехала за тобой. Поедем к нам в Донецк? У нас поживешь. Я так хочу, чтобы ты у нас погостила. Мы обустроились. Специально для тебя купили удобный раскладной диван. Места теперь у нас много, не то что раньше. Вода горячая, прямо льет ручьем из крана. Туалет, ванная теперь у нас есть. Поедем, мамуля, - просила Елена.

- Да нет, дочка, пока ехать не могу, что-то я расхворалась. Сердце последнее время все покалывает, покоя не дает. Немножко отпустит, тогда и приеду, - ласково ответила мать.

Елена уезжала от матери с болью и страхом в душе. Она очень беспокоилась о ее здоровье. И опасения дочери были не напрасны. Через две недели Елена получила от Тамары телеграмму, в которой сестра сообщала о резком ухудшении здоровья матери. Елена оформила отпуск и вновь приехала в Шахтерск. Увидев мать, она поняла, насколько ее состояние тяжелое. У нее невыносимо защемило сердце. На глаза навернулись слезы. А Александра Петровна, словно заглянув в душу дочери, поняв ее боль, слабым голосом сказала:

- Дочка, что ты переживаешь? У меня все нормально. Зря волнуешься.

- Мамуля ты моя дорогая, так хочется, чтобы ты побыстрее выздоровела. Я тебе вот гостинцы привезла: лимоны, конфеты твои любимые, мандарины, колбасу разных сортов и еще всякую всячину.

- Не нужно, Елена, у нас все есть. Тамара все покупает, а за внимание спасибо.

Елена заметила, что она утомляет мать. Решила ее не беспокоить, поправила одеяло, поцеловала мать в щеку и сказала:

- Я не буду тебя тревожить. Ты, мама, полежи, а я возле тебя посижу.

Елена, поставив ближе стул, села возле кровати матери. Александра Петровна, закрыв глаза, забылась в тревожном сне. Вскоре она проснулась. С работы пришли Тамара и Михаил. Они тоже присели возле кровати матери. Открыв глаза, она

прошептала:

- Идите поужинайте... Голодные же небось... Мне стало легче.

- А ты, мама, с нами покушаешь? Или давай я тебе принесу сюда? - спросила Елена.

- Нет, есть я не хочу. Мне чаю сделайте с лимоном.

Елена пошла, приготовила слабого чая и, положив в него лимон и мед, подала матери. Александра Петровна, немного отпив, отдала чашку, с грубкой грустью посмотрела на дочерей и, не сказав больше ни слова, прикрыла глаза. Вдруг лицо ее покрылось багрово-красными пятнами. Тамара вызвала скорую помощь. Через пятнадцать минут приехала скорая. Больной сделали укол. Но укол не принес облегчения. Александру Петровну внезапно парализовало. А в течение часа ее дыхание прекратилось. Врачи сделали заключение - инсульт.

Ни Тамара, ни Елена не могли осмыслить, прийти в себя и поверить в то, что матери не стало. Они застыли в растерянности, плохо осмысливая происходящее. Михаил побежал сообщать родственникам о постигшем их несчастье. Вскоре с рыданиями прибежали Татьяна и Вероника. Чуть позже пришли Андрей, Алексей, Полина, Мария, Роман и Катя. Дом наполнился слезами детей и их суетой, связанной со смертью дорогого им человека - матери. К утру Александра Петровна, красиво одетая, лежала в гробу. В эту ночь никто из дочерей и сыновей не сомкнул глаз.

Елена безмолвно сидела возле гроба матери, поглаживая ее холодные руки. Боль в груди сковала ее сердце. И вдруг во всю мощь своего горя она закричала:

- Мамочка, ну что же ты наделала?.. Почему ты умерла? Господи, почему ты ей дал такой короткий путь и такую тяжелую жизнь на земле? Одной ей пришлось кормить, воспитывать и ставить на ноги нас семерых. И вот когда мы уже выросли, стали способны сами себя прокормить и уделить маме внимание, Ты, Боже, ее забрал. Неужели маме на земле выпал путь постичь только мучения и никакой

радости?!

Елена вся в слезах припала к груди матери и еще громче продолжала:

– Мамочка, как же я буду без тебя? К кому же я теперь преклоню свою голову? С кем поделюсь? Кто мне поможет принять решение? Как же я тебя люблю, мамочка! Это мы своими жизнями укоротили твою жизнь. Наполнили ее своей бедой, горем, переживанием, извели твое сердце. И вот оно не выдержало, перестало биться, и ты от нас уходишь в мир иной. Мамочка, я не хочу с тобой расставаться, заberi и меня с собой.

– Елена, успокойся. Не надо так говорить. А кто будет воспитывать сына? На вот, прими таблетку, запей водичкой, – со слезами говорила Тамара.

А Елена, словно не слыша и не видя сестру, пала на колени, обратив свой взор на икону, взмолилась:

– Господи, коль Ты забрал ее с земли, разлучил ее с нами, то умоляю Тебя, ниспосли нашей маме благодать, дай ей Царствие Небесное, воздай ей Рай за все ее муки земные. Миротворец, услышь мою молитву, приголубь нашу маму Своей любовью, прости ее грехи ведомые и неведомые. Господи, если она и грешила, то только из-за нас. Как много она трудилась, чтобы что-то заработать, как-то нас одеть и чем-то накормить. Благодаря ее непомерному труду мы все выжили. Владыко, прости просящую дочь, укрой маму вниманием, прости ее. Сократи на пути к Небу ее испытания. Богородица, и к Тебе взываю. Помолись за маму. Попроси у Своего Сына Иисуса Христа, чтобы Он простил все мамины прегрешения и ниспослал для ее души радость. Приласкай маму Своим вниманием, пусти ее в Свои Палаты.. Матерь Божия, услышь мою боль и сердечное мое прошение, помоги маме! Я ее так люблю. Я знаю, мама в жизни часто к Тебе обращалась, и Ты ей помогала. Помогите еще раз, походатайствуй перед Своим Сыном. Приголубьте и обласкайте мамину душу, укройте ее Небесной благодатью. Мамочка, прости ты нас, что столько тебе в жизни мы причиняли горя и беды. Ты

ушла от нас неожиданно и рано, а мы так мало из-за своих проблем уделяли тебе внимания. И вот тебя не стало. И не успела я высказать свою любовь к тебе, утешить вниманием и лаской. Мамочка, как же я буду жить без тебя? К кому я преклоню свое беспокойное сердце, кому я раскрою свою душу? Никто, кроме тебя, не услышит и не поймет ее. Без тебя неинтересен мне белый свет. Я старалась трудиться и учиться для того, чтобы чего-то достичь в жизни и порадовать тебя, суметь отплатить тебе за твое добро, ласку и твою к нам безмерную любовь. Но не успела, мамочка, я тебя отблагодарить. Прости меня, родная моя. Мне теперь жизнь без тебя будет тусклой. Погасло мое солнышко ненаглядное и вряд ли оно засветит. А как без солнца жить, мамочка? К кому я теперь буду спешить? Прости ты нас, дорогая, не уберегли мы тебя...

Елена поднялась с колен и вновь упала на грудь усопшей матери, безутешно зарыдав. Ее слезы покрывали безжизненные руки матери, скатываясь крупными каплями на платье, оставляя на нем мокрые пятна, а Елена все продолжала рыдать, слезно прося мать простить своих детей, что не уберегла ее, и прося Господа дать матери Царствие Небесное. Видя, что Елена так глубоко переживает, не в силах унять боль утраты, рыдает, Тамара, боясь, что сестра потеряет сознание, вызвала скорую помощь. Елене сделали несколько успокаивающих уколов. Она перестала плакать и грустным, каким-то стеклянным взором все безотрывно смотрела на бездыханное лицо матери всю ночь. И на следующий день молча шла за гробом матери, когда его понесли на кладбище. И вновь безудержно зарыдала, когда гроб стали опускать в могилу. Она словно пробудилась и прозрела, поняв всю глубину утраты.

- Мамочка, ты куда?! Я с тобой... Не бросай меня...

Елена вырвалась из рук Дмитрия и Тамары и бросилась вслед за гробом. Ее чудом поймали люди, которые опускали гроб. Ей снова сделали успокаивающий укол. Елена вскоре словно обмякла, и ее

старательно с одной стороны поддерживал Дмитрий, а с другой – Михаил. И так она простояла, пока не засыпали могилу землей и на ее холмик не положили цветы и венки.

За поминальным столом Елена не проронила ни слова. Она посмотрела на поставленный портрет матери, перевязанный черной лентой, перекрестилась неожиданно для всех присутствующих и только потом приступила к поминальной трапезе. На следующее утро вместе с Дмитрием уехала в Донецк.

Но и в Донецке облегчения она не нашла. Все ее мысли были о матери. Елена теряла смысл жизни. Ей все опостытело. Диссертационное исследование перестало ее интересовать. Она машинально ходила, пила, ела, ухаживала за Игорьком. Резкие перемены в Елене заметили не только ее знакомые, но даже и сын.

– Мама, ты почему такая грустная? Ты же заболела? А почему вы с папой ездили к бабуся, а меня не взяли с собой? Ты же говорила, что бабуся будет жить у нас. А почему же ее все нет? – озабоченно спрашивал Игорек.

Елена с невыразимой печалью посмотрела на сына и ответила:

– Бабуся к нам, Игорек, больше никогда не приедет. Она умерла...

Сын, словно почувствовав боль матери, прекратил задавать вопросы и ласково прижался к ней. Елена взяла его на руки, погладила белокурые кудрявые волосы, как у бабуся, и слезы потоком полились из глаз, скатываясь по щекам и падая на плечо Игорька. Сын, заметив, что мать плачет, встревоженно сказал:

– Мама, не плачь. А может быть, бабуся, как Иисус Христос, воскреснет и к нам приедет?

– Нет, Игорек, Иисус Христос – Бог и потому Он воскрес из мертвых. А наша бабуся обыкновенная смертная, поэтому она воскреснет только тогда, когда все будут воскресать, – сквозь слезы ответила Елена.

– А что, все умрут?

- Все. Только у каждого своя жизнь на земле. И кто сколько проживет, то никому не известно. Вот наша бабуся так мало прожила. Есть люди, которые больше ста лет живут, а есть и очень мало живут.

- А я сколько проживу?!

- Долго, сынок. Давай пойдем в магазин и купим макарон, хлеба, картошки и будем готовить суп. Для того, чтобы долго жить, нужно хорошо кушать.

Елена вместе с Игорьком сходили в магазин, купили все необходимое и приготовили обед. Дмитрий пришел с работы, и они втроем сели ужинать. Елене есть не хотелось, в ее голове теснились мысли о матери. Скорбь не покидала ее. Елену тянуло на могилку дорогого ей человека, и она сказала:

- Дмитрий, я, наверное, завтра поеду в Шахтерск, хочу побыть на маминой могилке. Может быть, и ты со мной поедешь?

- Завтра я не могу. Давай съездим послезавтра. Я возьму отгул. И мы у Тамары с Михаилом сможем переночевать.

- А меня возьмете, мама? Я тоже хочу побывать на бабусиной могилке.

- Возьмем. Если ты себя будешь хорошо вести, - ответил отец.

- Я буду, папочка, очень хорошо себя вести и у тети Тамары, и в автобусе, только не оставляйте меня с тетей Пашей.

- Разве тебе с тетей Пашей плохо? - спросил отец.

- Нет, не плохо. Просто я очень хочу к бабусе на могилку. И с Олегом поиграть.

- Олег уже скоро в школу пойдет, - продолжал отец.

- А я когда?

- Ты через два года.

Елена слушала диалог между сыном и отцом и не вмешивалась в их разговор, а лишь подумала: «Большой уже Игорек становится, нужно его в детсадик оформлять». Но эта мысль вновь вытеснилась воспоминанием о матери. Скорбь давила сердце Елены. Ей не становилось легче, хотя со дня

смерти матери прошло уже больше месяца. За это время она уже трижды ездила в Шахтерск. И там дочь первым делом, купив цветы, шла на могилку к матери.

Так и на этот раз они с Дмитрием и Игорьком зашли на могилку. Она была устлана цветами и обнесена красивой оградкой. Михаил с Андреем привезли железный стол, приварили его к трубе, врыли в землю возле могилки и сделали небольшую деревянную скамейку. Покрасили стол и скамейку в одинаковый светло-голубой цвет. Но памятник матери еще не стоял. Его дети решили установить по истечении сорока дней со дня ее смерти.

Елена еще издали заметила изменения на могилке. Свежеокрашенный стол и скамейка издавали легкий запах краски. Положив цветы, Елена поцеловала портрет матери и плачущим голосом сказала:

- Мамуля, я к тебе сегодня пришла не одна, а с Дмитрием и Игорьком. Как ты, родная? Ждала нас? Мне так одиноко без тебя, тоскливо, безрадостно. Куда ни пойду, что ни делаю - все тебя вижу: твое лицо, твой голос, твои движения. Вспоминаю твою колыбельную, стихи, которые ты мне читала. Вот и я тебе сегодня хочу прочитать стихотворение, которое посвящаю тебе, моя дорогая, самая прекрасная моя мамуля. Послушай:

***Моя родная, слышишь ли ты нас,
Наш шаг, дыханье жаркое, что лето?
В твоих глазах уж дивный свет погас,
Но все ли песни в жизни были спеты?***

***Ты нам скажи, мы хором запоем.
Твое желанье свято мы исполним.
Всегда мы в сердце трепетном твоём.
И о делах твоих мы вечно помним.***

***Родимая, я слышу зов души..
Ты не в земле, ты вместе с нами рядом.
Глядишь и шепчешь: «Все ли вы пришли
В мой дом с цветущим палисадом?***

***Я вас, как прежде, в гости очень жду
И всех встречаю с лаской и признанием.
Я буду с вами, в прах я не уйду,
Пока мой дом живет вашим свиданием».***

Мамочка, так ведь? Ты вместе с нами? Я чувствую твой взор не только тот, что смотрит на меня с твоего портрета, но и взор тот глубинный, который живет во мне. Здесь, на могилке, у твоего домика, я особо тебя чувствую и ощущаю тебя как живую. Я уверена:

***Душа твоя жива. И тысячи скорбей
Я нахожу в твоём, родная, лике.
Когда я подхожу к твоей могилке,
Тебя в себе я чувствую острее.***

Дмитрий слушал обращение Елены к матери, и от глубины ее слов, скорби и душевно пронизывающей любви у него набежали слезы. И ему подумалось: «Какие разные бывают матери. Эта мать одна всем смертям назло при непомерной тяжести, невыносимых условиях сумела, жертвуя собой, дать жизнь и радость всем семерым детям. Моя мать с отцом с семилетнего возраста сдали нас с младшей сестрой Светой в интернат. И фактически в интернате никогда своих детей не навещали. Спасибо бабушке, она забирала нас на каникулы. Пошли ей, Боже, как говорит Елена, Царствие Небесное за ее доброту, ласку и слезы. Как она глубоко переживала, когда по недосмотру работников интерната умерла от кори в двенадцатилетнем возрасте Света. А вскоре за Светой и сама умерла». Дмитрию стало стыдно. Его внешне запно пронзила мысль, что он своей бабушке не принес цветов и уже много лет не приходит на ее могилку и могилку сестры. В нем проснулось чувство скорби, осознанного зова к своим родным и раскаянья перед ними. В эти минуты он ненавидел себя за свое бездушие. В его голове пронеслась мысль: «А чем я лучше

матери и отца? Я такой же беспутный, как и они. Это благодаря Елене я работаю, учусь, тянусь к чему-то светлому. Вот и сегодня я осознал это благодаря ей. Она меня сюда привела. От ее чувств и ее большой любви к матери я прозрел и увидел, какой я черствый, беспечный, презренный, неблагодарный человек».

Его пробужденная совесть гнала его на могилку к бабушке и сестре. Обращаясь к Елене, он сказал:

– Лена, я возьму Игорька и сбегая за цветами. Я хочу проведать могилки бабушки и сестры. Они здесь недалеко.

– Иди. А почему же ты об этом не говорил раньше?

– Так получилось, – уклончиво ответил Дмитрий.

Когда Дмитрий с Игорьком ушли, Елене сделалось еще тоскливее и горестней на душе. Потеряв все силы, она рухнула на холмик могилки и, обняв его руками, заплакала навзрыд. Слезы сбегали с ее лица на землю могилки, жаркое августовское солнце пекло ее непокрытую голову, но она не замечала этого. Ее душа словно проникла глубоко в землю и там, найдя во гробе мать, прильнув к ней, наполненная воспоминанием, трепетно зашептала:

*Тебя помню я с раннего детства,
Смех звенящийся твой серебром.
И красивая, словно невеста,
Шла всегда ты к народу с добром.*

*Но все больше сегодня я вижу
Грустный взор молчаливо больным.
Страх и голос молящий я слышу
За детишек, за нас семерых.*

*Всех ты холила, мама родная.
Жизнь пытала тебя на излом.
И какая была ни больная –
Твоим сердцем наш теплился дом.*

*И никак не хочу я поверить,
Что тебя, моя мамочка, нет.
Что тебе пожелал Бог отмерить
На земле с нами мало так лет.*

*Видать, Богу нужнее ты стала,
Что в небо тебя Он забрал.
Путь к Нему ты душою искала,
Голос Божий давно тебя звал.*

*Но нам тяжело с тобою расстаться,
Очень сердце тоскою болит.
Дай в рай, Боже, маме остаться,
Крылья вечности дай ощутить.*

Елена еще и еще читала стихи, посвященные матери, которые переполняли ее исстрадавшуюся поэтическую душу. Они из нее лились неиссякаемым источником любви к дорогому человеку, наполненные благодарностью дочери и прощением к Господу ниспослать матери благодать и приютить ее душу в Царствии Небесном. Но неожиданно для нее набежавшая волна прощения к Господу сменилась роптанием на Него, жалостью к себе, и ей захотелось глубже и глубже проникнуть душой в тело земли, раствориться в ней и освободиться от печали и горя, которые ее давили как каменной плитой. Смерть матери ее душа не могла принять. Это было выше ее сил. От бессилья она зарыдала еще безутешней. Поэтические слова оборвались в ней, Елена запросила собственной смерти.

- Боже, не хочу я больше жить! В этом мире нет справедливости. Почему, Господи, Ты забрал маму?! Она ли не заслужила долгих лет жизни? Ты ей дал жизнь, наполненную сплошным адом. Она хуже любого каторжного жила. Знала только труд, боль, голод и муки. Все мы, дети как пиявки жили только за счет нее. Когда настала возможность отблагодарить ее, дать ей лучшую жизнь, Ты, Боже, от нас маму забрал. Зачем посылал, Господи, такую ей жизнь? Для

какой цели? Как можно оправдать такие нечеловеческие пытки? Я маму очень любила, мне очень хотелось для нее сделать добро, наполнить ее жизнь радостью, чтобы и она сумела почувствовать ласку, которую мы, дети, обязаны были ей дать. Я очень стремилась к этому, а Ты, Господь, лишил меня этой возможности. Когда я стала способна это сделать, то мамы не стало. Кому тогда нужна моя жизнь? Без мамы она мне совершенно неинтересна. Без нее я потеряла смысл жизни...

И Елена еще долго продолжала роптать на судьбу и безутешно плакать, взывая к Господу всей скорбью своей души. И вдруг, как ей показалось, она услышала голос матери или иного человека, который доносился либо непосредственно из-под земли, либо с неба:

– Сколько можно так горько плакать и роптать на долю?! Ты своими слезами залила мать. Своей неиссякаемой скорбью извела ее. Недовольным роптанием ты гневишь Господа. Лучше пойдди в Храм и помолись, там твое утешение.

Эти слова пронзили и охладили душу, повергли ее в растерянность. Елена окинула взором вокруг, но никого не увидела. Ее охватил страх и трепет от услышанного. Душа замерла от восприятия и осмысления сущности слов, которые четко запечатлелись в памяти и повторялись в сознании с точностью услышанного голоса. Этот голос словно изгонял боль утраты. Елене не то чтобы на душе сделалось легче, но мысль о смерти матери перестала ее давить безысходностью. Она встала на колени и стала украдкой креститься и читать Господню молитву «Отче наш» и молитву Пресвятой Богородицы «Достойная естъ». Помолившись несколько раз, Елена встала с колен, села на скамейку и задумалась над случившимся. Она и ранее слышала, что нельзя очень горевать о покойных, поскольку это тяжело для усопших. Их души тогда не покоятся. Елена этому не верила, но сегодняшней случай ее озадачил и напоил новым осмыслением.

Она очень долго над этим размышляла. Ей

так хотелось почитать Святое Писание или Библию, которую она читала в детстве, но очень многое там не понимала. В доме эта тема не очень обсуждалась, поскольку, как знает читатель, вера в Бога в те времена считалась едва ли не преступлением. И если учитель, воспитатель или даже инженер, не говоря уже о руководящих работниках, верили в Бога, их под разными предлогами освобождали от должности, и они в своем государстве становились изгоями. Это правило фактически распространялось и на студентов, а еще жестче – на аспирантов. Если в институте узнавали, что они верующие, то под любым предлогом стремились их исключить из учебного заведения.

Елена в декабре этого года заканчивала аспирантуру и должна была защищать диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. Но она отказалась бы от защиты, лишь бы ей предоставили возможность разобраться в сегодняшней ситуации, осмыслить и понять услышанные слова, донесенные до нее в крайне тяжелый час.

Елена перебирала в памяти всех знакомых, у кого могли бы быть Святые Писания, но ни у кого таких книг, по ее мнению, не имелось. Она в этот час так сожалела о Библии, которая у них была, но еще в детстве, по неизвестной причине куда-то пропала. Не зная как быть и у кого об этом спросить, Лена встала, подошла вновь к портрету на могиле, поцеловала глядящую с фотографии мать и спросила:

– Мамуля, как мне быть? Откуда я услышала голос? Это ты мне сказала или кто другой? Но мне не почудилось. Я четко слышала. И голос был будто твой и в то же время не твой. Я так и не поняла. Неужели и правда я тебя своими слезами мучаю и не даю тебе покоя? И мое роптание так неуютно Богу и тяготит тебя? Моя дорогая мамочка, я постараюсь исправиться и не плакать так много. Ты прости меня. Я пойду в Церковь и помолюсь там за упокой твоей души

и у Господа в Храме попрошу прощения за свое прегрешение.

Услышав шаги, Елена повернулась навстречу идущим. Это были Игорек с Дмитрием.

– Мама, мы были на могилке у прабабушки Елены, ее также звали, как и тебя, и у тети Светы. Это бабушка и сестра папы. Они вместе похоронены. Но могилки так заросли бурьяном, что мы с папой дергали, дергали его, но весь так и не одолели. Смотри, какие у меня руки. Все в мозолях. Папа сказал, что я хорошо работал. Пойдем посмотришь. Это недалеко, совсем близко.

Игорек взял мать за руку и деловито повел к могилке ее тезки и Светы. Подойдя к их могилкам, Елена сказала:

– Вы действительно славно поработали. Вон сколько бурьяна и пырея повыдергивали. Но здесь еще очень много работы. Дмитрий, а почему оградки нет? Нет памятников? И фотографии бабушки и Светы так выцвели и испортились? Что же ты так плохо за ними ухаживаешь?

Дмитрий виновато опустил голову, потупив взор в землю. Видя печаль на лице мужа, Елена продолжала.

– Ну ничего, Дмитрий. Все наладим. Соберем денег и поставим хорошие памятники бабушке и Свете, обнесем могилки такой же, как у мамы, оградкой и в такой же цвет покрасим.

– Было бы неплохо, а то я нехорошо поступил как с сестрой, так и с бабушкой. Они меня очень любили, особенно бабушка, а я вот так поступил. Почти и забыл, где их могилки находятся, еле нашел, – стыдливо опустив глаза, сказал Дмитрий.

– Да... Не очень хорошо получилось. К родственникам нельзя так относиться. Как ты мог так поступить?! Забыть родную бабушку и сестру?! – укоризненно бранила мужа Елена.

– Мама, не ругай папу, он исправится, и я буду ему помогать... Правда, папа?!

– Правда, сынок... Я исправлюсь... Я осознал это всем своим существом...

– Ну вот, мам, а ты ругаешься. Пойдемте уже к тете Тамаре, а то я кушать очень хочу,

да и темнеть уже скоро станет. Я боюсь в темноте на кладбище быть, - упрасивал Игорьек.

Дмитрий, довольный поддержкой сына, взял его на руки, и они втроем поспешили к автобусной остановке.

Тамара с Михаилом рады были гостям. Они быстренько накрыли на стол, налили в хрустальные рюмки водку. Михаил с Дмитрием выпили, а сестры к спиртному даже не прикоснулись. Поев, сестры уединились в другой комнате. Елене не терпелось рассказать Тамаре о том, что с ней произошло на могиле матери. Не зная, как начать, Елена сказала:

- Тамара, сегодня на кладбище со мной произошло что-то невероятное... - посмотрев на сестру, Лена замолчала.

- Что же там случилось? Говори же!

- Трудно поверить, но это правда. Мы приехали в Шахтерск и сразу пошли к маме на могилку. Я там очень расстроилась, упала на холмик и рыдала безудержно, наверное, очень долго. Дмитрия с Игорьком со мной не было, они ушли на могилки его бабушки и сестры. Я роптала на нелегкую долю мамы и говорила о том, что Бог так рано забрал ее, обливая могилку ручьями слез. Вдруг слышу, кто-то мне говорит: «Сколько можно так горько плакать и роптать на долю? Ты своими слезами залила мать. Своей неиссякаемой скорбью извела ее. Недовольным роптанием ты гневись Господа. Лучше иди в Храм и помолись, там твое утешение». И все. Больше никаких слов я не слышала. Стало тихо. Я посмотрела вокруг, никого рядом не было. А голос мне слышался будто бы мамин и в то же время не ее. Я в растерянности. Что мне делать? Тамара, давай завтра сходим в Церковь?

- Ты что, Лена! Да меня послезавтра же выгонят с работы. Город небольшой... Меня же полгорода знает. Непременно кто-нибудь директору фабрики донесет... Это надо ехать туда, где нас никто не знает.

- Тогда, Тамара, надо поехать куда-ни-

будь в глухую местность, в ту Церковь, где кэґэбэшники не рыщут.

– Да они рыщут везде, – с грустью сказала Тамара. – Поедем туда, где мы крестили Игорька и Олега. Авось пронесет.

И они поехали в небольшую старенькую Церковь, которая находилась недалеко от города Харцызска. За годы, прошедшие после последнего посещения сестер, Церковь еще более обветшала и нуждалась в капитальном ремонте.

Стены внутри Церкви были выцветшие. На них еле просматривалась светло-лазорева краска. Местами стены осыпались и зияли серой штукатуркой. В некоторых местах прямо на стенах были нарисованы иконы. Они тоже были в очень запущенном состоянии. Лики святых были видны не очень четко. Недалеко от алтаря стояло два подсвечника, и с правой стороны рядом с иконой Спасителя стоял еще один подсвечник.

Елена с Тамарой взяли много свечей и поставили их на все три подсвечника. В Храме никого из прихожан не было. Не видно было и священнослужителя. Возле стола стояла лишь послушница лет сорока пяти и продавала свечи. Елена очень хотела купить хотя бы маленькую книжицу из серии «Житие Святых» и иконочку, но ничего не оказалось. Были лишь одни свечи. Елене не терпелось задать вопрос о Библии, но она стеснялась. Наконец осмелившись, обращаясь к послушнице, она спросила:

– Вы не подскажите, где можно взять Библию, чтобы почитать, хотя бы на дня три?

– Не знаю, – тихо ответила послушница.

– А у вас на время в Храме можно под залог взять Библию? – не унималась Елена.

– У нас Библии нет. Есть только у Батюшки, но он по ней службу правит.

– А почему вы лишние экземпляры не имеете? Церкви ведь можно Библию приобретать?

– Нет, нам не разрешается. Все Библии, какие у нас есть, на учете в Комитете государственной безопасности, и Церкви запрещено кому-либо их выдавать, – терпеливо ответила послушница.

Елена не стала больше надоедать послушнице вопросами, купила у нее еще свечей, поставила их на подсвечник недалеко от иконы Спасителя, затем встала возле иконы, украдкой несколько раз перекрестилась и стала шептать все молитвы, какие помнила наизусть. Молитвы одна за другой лились из ее истерзанной горем души. У нее все больше и больше возрастала потребность обращения к Господу. Молитвы ее словно освобождали от тяжести, которая так давила ее грудь и лишала интереса к жизни, насаждая депрессивное состояние. Душа ее зывала к покаянию, и Елена тихо зашептала:

– Господи, прими мои покаяния в грехах моих. Прости, Владыко, меня в моих прегрешениях. Я прогневала благодать Твою и зывала на себя смерть. Роптала недостойно на волю Твою, что смерть забрала маму. Неистово безумствовала, огорченная маминой смертью, покрывая ее душу слезами горечи и роптания. Очисти меня, Царю Небесный, от нечистоты телесной и душевной и научи меня совершать добрые дела, чтобы я окрепла душой. Воззри, Господи, на меня и ниспошли мне смирение, прости меня и мою маму. Помяни, Господи, душу усопшей рабы Твоей, родительницы моей Александры. Прости все ее прегрешения вольные и невольные. Подари ей царствие вечных Твоих благ и Твоей бесконечной и блаженной жизни наслаждение. Преблагий Господи, укрой меня благодатью Духа Твоего Святого, дарующего и укрепляющего душевную силу. Не прогневайся, Спаситель, на зло мое и беззаконие, чинимое мной. Чтобы эти мои недостойные слова не отяжелили путь душе маминой. Господи, прими моленье мое и не презри ни слов моих, ни обращений. Я каюсь в скверных словах моих, исходящих от нечестивого языка моего. Сними, Владыко, прегрешения мои и подай мне прощение. Возрадуй маму мою Царствием Небесным. Воззри на мое смирение, на мое сокрушение о грехах и сердечное мое раскаяние и ради всего этого прости меня.

Елена не чувствовала времени, всей глубиной

души обращаясь к Спасителю, проникновенно молилась и раскаивалась. По ее лицу сбегали слезы, которых она не замечала. Но это были слезы не горечи, а умиления, которые принесли облегчение, умиротворение и успокоенность ее душе. С нее сошла скованность, она вокруг ничего не замечала, кроме образа Христа Спасителя, перед которым она, стоя на коленях, душой рвалась к очищению и ниспрошению прощения во благо усопшей своей матери. Рядом с нею молча стояла и Тамара. Она слушала молящий шепот сестры и вместе с ней крестилась до тех пор, пока к ним не подошла послушница и не сказала:

– Я уже два часа тому назад должна была закрыть Церковь. Простите, я больше ждать не могу.

Сестры поднялись с колен, извинились, вышли из Церкви и поспешили в Шахтерск, где, волнуясь, их уже давно поджидали Дмитрий с Михаилом. Возвратившись, семья Михайловых быстро собралась и поехала в Донецк. Они заполночь приехали домой. Елена хотя и чувствовала усталость, но в то же время в ее душе зажегся свет, дающий надежду на восприятие жизни такой, какая она есть, со всеми ее радостями и горестями.

ГЛАВА XI

Спустя неделю Елену вызвал к себе Анатолий Валентинович Ямшиков – директор института и научный руководитель ее кандидатской диссертации – и недовольно спросил:

– Михайлова, где это вы пропадаете? Почему я вас не видел в институте целый месяц? Чем вы занимались? Защита на носу, а у вас еще не готов автореферат. Через неделю, максимум десять дней, чтобы ваш автореферат в полном объеме лежал у меня на столе.

– Хорошо, Анатолий Валентинович, автореферат я постараюсь представить в срок. Можно

идти?

- Идите, - более мягко ответил руководитель.

Елена интенсивно стала работать над авторефератом. Она боялась подвести своего руководителя. Анатолий Валентинович был прекрасный человек, хороший администратор и авторитетный ученый. Последнее время он стал часто болеть, но интерес к науке у него не ослабел. Он так же требовательно относился к своим сотрудникам института и к аспирантам, которыми руководил. Зная, что директор обязательно вызовет Елену через неделю, она упреждающе пришла сама. Постучав в дверь, Елена еще с порога стеснительно сказала:

- Анатолий Валентинович, можно? Я принесла автореферат. Но я в нем не указала ни оппонентов, ни ведущую организацию, поскольку не знаю, кого вы разрешите..

- А вы бы кого сами хотели? - спросил деловым тоном руководитель.

- Кого вы определите, с тем я и согласна, - дипломатично ответила аспирантка.

- Если так, то первым оппонентом попросим, чтобы был доктор технических наук, профессор Опрышко Виталий Назарович, а вторым - Софронова Александра Ильинична. А ведущей организацией попросим быть Харьковский научно-исследовательский институт. Согласны?

- Да. Согласна.

- Тогда нам осталось еще один вопрос решить - определить день защиты. На ноябрьский Совет мы с вами не успеваем, а следующий Совет будет 27 декабря, к нему вполне мы успеем подготовить. Так ведь, Михайлова?

- Так, Анатолий Валентинович.

- Хорошая вы, Михайлова, аспирантка, со всем соглашаетесь, - улыбаясь, сказал профессор. - Ответьте все же, Елена Васильевна, чем вы занимались, что в институте появлялись так редко? Вы на заводе эксперимент проводили?

- Нет, я на заводе не была. У меня мама умерла. Я настолько была подавлена неожиданной смер-

тью мамы, что у меня не было сил ни наукой заниматься, ни экспериментами.

- А чем она болела? От чего умерла? - сочувственно спросил профессор.

- Ревматизм у нее был, гипертонией страдала, ишемической болезнью сердца, атеросклерозом коронарных артерий. Да у нее целый арсенал был болезней, а умерла она от инсульта.

- Примите, Леночка, мои глубокие соболезнования. Крепитесь... Такова она, наша жизнь. Сегодня жив, а завтра смерть заберет... Но все равно живой должен думать о живом... Мы вот с вами должны о защите думать, а то столько лет работали и нехорошо будет, если на последнем этапе сорвемся, - задумчиво сказал руководитель. - Вы не стесняйтесь, что не понятно, ко мне подходите. Я помогу.

- Спасибо, Анатолий Валентинович, за добрые слова и поддержку, - ласково ответила Елена.

В хлопотах по разрешению диссертационных проблем аспирантка целыми днями пропадала то в научно-исследовательской лаборатории, то на заводе. Дни неумолимо бежали один за одним, надвигался декабрь.

Декабрь в том году выдался суровым. Морозы трещали тридцатиградусные. По словам старожил, давно такой зимы в Донецке не было. Снегу еще в ноябре намело большие сугробы, а в декабре его заметно добавилось. И детвора была безмерно рада этому. Она на санках каталась с самодельных снежных горок, уплотненных водяным покровом. И Игорек, прибежав из детсадика, охваченный задором зимы, тоже стал проситься у матери покататься с горки.

- Мама, посмотри, Ирина с Толиком и Петей катаются на санках. Пойдем и мы скорее, а то потемнеет на улице, и мы не успеем накататься, - умоляюще просил Игорек.

- Сынок, мне сегодня очень некогда. Ладно, мы с тобой завтра покатаемся?

- Тебе, мама, всегда некогда. Все катаются, а я все дома сижу. Пойдем хотя бы часок покатаемся, - со слезами на глазах просил малыш.

- Ну хорошо, Игорек, пойдем покатаемся, но только, как ты сказал, на часок и не больше. Чтобы ты больше меня не просил. Договорились?

- Договорились, - радостно согласился Игорь и стремглав бросился одеваться.

Елена очень опекала сына и не разрешала ему одному ходить гулять на улицу. Ей все казалось, что Игорек без присмотра взрослых непременно упадет, ударится или его кто-нибудь обидит, поэтому с ним всегда гуляли либо она, либо Дмитрий, либо тетя Паша.

А сегодня, стоя возле горки, Елена не следила за сыном, все ее мысли были сосредоточены на предстоящей защите. Она переживала: через три дня у нее должна состояться общественная защита ее научного труда. Текст своего выступления соискательница подготовила, но ей он казался не очень убедительным, и сегодня она решила его переработать. Аспирантке не терпелось приступить к этой работе, поэтому по истечении часа она строго сказала:

- Игорек, время прогулки истекло. Пойдем домой.

- Mamочka, разреши еще чуть-чуть погулять, - умоляюще сквозь слезы просил сын.

- Знаю я твое чуть-чуть. Твоим просьбам не будет конца. Уговор дороже денег. Пойдем домой. Завтра к нам Олег с мамой и папой приедут, тогда вы и погуляете.

- Это правда? Мама, ты не шутишь? - повеселев, спросил Игорек.

- Конечно, правда, - успокаивающе сказала мать.

- А можно, я завтра в садик не пойду?

- Можно, но с условием, что ты мне не будешь мешать.

- Ура!.. Вот здорово! Мы с Олежекком тогда вдвоём накатаемся, - радовался Игорек.

И он, весело везя санки, пошел с матерью домой. Раздевшись, Игорек сел за стол и начал рисовать свои любимые яблоки и лошадки, а Елена стала готовиться к докладу. Она снова пересмат-

ривала весь свой диссертационный материал, все выводы и предложения, выносимые на защиту. Ею овладел страх. Аспирантка боялась самой процедуры защиты и опасалась, что вдруг растеряется и не ответит на поставленные членами Совета вопросы.

Но переживания ее были напрасны. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук прошла блестяще. Елена четко и аргументированно изложила свой доклад и со знанием дела ответила на вопросы, задаваемые членами специализированного Совета и другими присутствующими в зале заседания.

Тамара при этом тоже была в зале и очень волновалась за Елену. Она то бледнела, то ее лицо и шея покрывались красными пятнами. Ей казалось, что безмерно долго и много задают Елене вопросов, намереваясь сбить сестру с последовательного пояснения. Но это Тамаре только так казалось. Процесс защиты диссертации проходил в доброжелательных условиях. Члены специализированного Совета сразу почувствовали, что перед ними выступает хотя еще молодая, но глубоко владеющая материалом исследуемой темы соискательница. При голосовании ни у кого из членов Совета не возникло сомнения в присвоении Елене ученого звания кандидата технических наук. Все единогласно проголосовали в пользу соискательницы.

Первой поздравить Елену с присвоением ей ученой степени с большим букетом цветов подбегала Тамара, затем Дмитрий, аспиранты, которые с ней вместе учились: Тоня, Аня, Артур, Денис – а также ее руководитель Анатолий Валентинович.

Во время банкетного ужина, который состоялся сразу после защиты диссертации, руководитель сказал:

– Я еще раз поздравляю Елену Васильевну с присуждением ей ученой степени кандидата технических наук и желаю, чтобы она не останавливалась на достигнутом, а продолжала заниматься

наукой и дальше. Елена Васильевна очень способная, трудолюбивая, думающая личность. Поэтому не случайно то, что она в двадцать этому лет защитила диссертацию. В нашем институте это впервые, чтобы соискатели в таком молодом возрасте стали кандидатами наук. Думаю, что с ее способностями она через четыре – пять лет порадует нас и защитой докторской диссертации, в связи с чем предлагаю налить шампанского и выпить за виновницу торжества.

Вслед за Анатолием Валентиновичем слово для поздравления взяли оппоненты, члены Совета. Все они говорили теплые, добрые и обнадеживающие слова в адрес Елены. Переполненная чувством радости, она сказала:

– Досточтимый Анатолий Валентинович, мне хочется выразить вам признательность и низко поклониться за то, что вы столько уделили мне внимания, проявили ко мне заботы и помогли мне найти то зерно, которое сегодня дало всходы. Благодаря вашему строгому отцовскому наставлению я сумела стать кандидатом технических наук. Ваше чуткое руководство стимулирует во мне дух ответственности, требовательности. Ваши добрые слова и помощь дали мне опору и надежду в достижении того, кем я сегодня стала. Сердечное вам спасибо, Анатолий Валентинович. Можно, я вас поцелую?

– Поцеловать – то можно, но если бы не явились на защиту наши уважаемые оппоненты, Опрышко Виталий Назарович да Софронова Александра Ильинична, да и члены Совета, то защиты бы никакой не было. Так что мое участие здесь и не такое уж большое, как вы, Елена Васильевна в данном случае показали. А за теплые слова в мой адрес спасибо. Однако извините меня, что прервал вас, – виновато сказал Анатолий Валентинович.

Елена несколько смутилась, но поняла, что и здесь ее выручил руководитель, дал понять, чтобы она добрые слова сказала оппонентам и членам Совета. И Елена, собравшись с мыслями, продолжала:

- Еще позвольте мне поблагодарить глубокоуважаемых Виталия Назаровича, Александру Ильиничну и членов специализированного Совета за то, что, как правильно отметил Анатолий Валентинович, благодаря именно их усилиям защита состоялась. Душевное всем вам спасибо, что вы пришли на защиту и поддержали меня, дали положительную оценку моему труду. Позвольте пожелать вам крепкого здоровья, радости, счастья, творческих успехов и еще:

***Желаю вам судьбы счастливой.
Плыть ледоколом по морям.
И ночи теплой соловьиной,
Что трелью тянется к морям.
Друзей и верности их вечной,
Что в черный день не предадут.
В любви и нежности сердечной,
Желаю осень обминуть.***

По окончании поздравительной речи все присутствующие дружно зааплодировали Елене. А она, загоровшись ярким румянцем, залпом выпила содержимое бокала, быстро подошла к своему руководителю и умиленно-радостно трижды поцеловала его.

- Видал, Анатолий Валентинович, какая у вас боевая ученица. Ну просто-таки огонь! Где бы мне такую аспирантку взять? - шутливо сказал Ягодкин Тарас Михайлович, член специализированного Совета, доктор технических наук, профессор, сидящий рядышком с Еленой и ее руководителем.

- Да нет, круче бери, не аспирантку, а тогда уже докторантку. Мы же уже сейчас ее как кандидата технических наук, а не аспирантку «обмываем». А серьезно говоря, было бы неплохо, если бы вы согласились быть научным консультантом Елены Васильевны по написанию докторской диссертации. А то я что-то в последнее время здоровьем сдал. Сложно мне будет руководить и институтом, и такой, как вы сказали, огневой докто-

ранткой. Она очень способная, и ей непременно нужно дать возможность работать дальше в науке, ей нужен более энергичный руководитель. А вы, Тарас Михайлович, как раз таким и являетесь, - деловито сказал директор.

- Анатолий Валентинович, а что это мы все решаем без Елены Васильевны? Вначале надо узнать ее мнение.

Слыша разговор руководителей, Елена сказала:

- Тарас Михайлович! Анатолий Валентинович очень мудрый человек, и я очень чту его мнение, поэтому поступлю так, как считает Учитель. И если вы не возражаете, то я бы продолжила с вами исследование темы, предложенной Анатолием Валентиновичем, - смущенно сказала Елена.

- Видал, какая находчивая, Анатолий Валентинович, ваша ученица. Она и вас не хочет обидеть, потому предлагает продолжать начатую вами тему, и от меня не отказывается. Но я же не веду эту тему, - ответил Ягодкин.

- Так ведите, Тарас Михайлович, я же не против. Тема не узкая, но материала исследовательского по ней мало, а она достаточно глобальна. Ее десятки, сотни ученых в полном объеме не осилят, - парировал Анатолий Валентинович.

- Коль так, то по рукам. Вот, Елена Васильевна, мы вас и «засватали». Теперь фактически у вас два научных консультанта - Анатолий Валентинович и я. Не возражаете?

- Нет, не возражаю. Спасибо вам большое, Анатолий Валентинович и Тарас Михайлович. Я буду очень стараться оправдать ваше доверие, - ответила Елена.

- Тогда, не откладывая в долгий ящик, давайте в четверг на этой неделе встретимся и все обсудим, а то я в пятницу улетаю на Байконур на целый месяц. Там будут проводить испытания, и это как раз касается нашей темы, - сообщил Ямщиков.

- Анатолий Валентинович, а мне как?.. Посту-

пать в докторантуру или прикрепиться соискателем? – робко спросила Елена.

– Здесь вы сами должны подумать и решить. В принципе, вы сильная натура, поэтому одолейте любую форму для подготовки докторской диссертации.

– Я бы тогда хотела просто прикрепиться соискателем.

– При таком исходе вы будете более свободны, но вам придется больше работать самостоятельно и, в то же время, кроме диссертационной работы трудиться и над другими проблемами, – пояснил директор. – Тарас Михайлович, я думаю, Елену Васильевну надо определить на должность старшего научного сотрудника. Как вы на это смотрите?

– Положительно, Анатолий Валентинович...

– Тарас Михайлович! Анатолий Валентинович! Что же это вы новоиспеченному кандидату не даете возможности насладиться своим праздником, а сразу же загружаете работой? Завтра поговорите, – полушутя сказал председатель специализированного Совета, профессор Белкин Николай Егорович.

– Все, Николай Егорович, о деле больше ни слова, – сконфуженно ответил Анатолий Валентинович.

В зале от разлившейся тишины сделалось неуютно. Чтобы как-то исправить свою некорректность, председатель Совета сказал:

– В адрес Елены Васильевны сегодня говорили и руководитель, и оппоненты, и члены Совета, а вот непосредственным родственникам нашей виновницы торжества слова не предоставляли. Однако среди нас присутствует ее родная сестра, Тамара Васильевна. Попросим вас, Тамара Васильевна, сказать свой тост в честь, как я понял, младшей сестрички.

Тамара от неожиданности вздрогнула и несколько растерянно начала:

– Вы извините меня, пожалуйста, я впервые на таких мероприятиях и не совсем знаю, что в этом случае говорить. Поэтому я хочу вам сказать так,

как говорит во мне сейчас мое сердце, которое от счастья и радости за сестру того и гляди выскочит из груди. И как я поменяла, это счастье и радость для меня и моей сестры соткали все присутствующие здесь. Превеликое спасибо вам всем за помощь, заботу и этот праздник. Чтобы то добро, которое вы вкладываете в развитие молодой научной поросли, возвращалось к вам сторицей и обнимало счастьем и благополучием. Я пью за вас до дна и вас к этому призываю, – восторженно-задорным голосом закончила свою речь Тамара.

Многие сидящие за столами последовали примеру Тамары и выпили разлитые в стопки, рюмки и фужеры коньяк и шампанское и, слегка закусив, стали незаметно, «по-английски», расходиться по домам. Последними, проводив гостей, ушли Елена с Тамарой и Дмитрием. Быстренько поймав такси, они приехали домой, где Михаил ждал их в глубоком волнении.

– Что же вы так долго? Ну что, Елена защитилась? – нетерпеливо спросил Михаил.

– Защитилась! И защитилась, мой милый, отменно! Я так за сестрицу переживала, ей задавали целое море вопросов. Я все думала: «Ну, сейчас Елену собьют с толку и она засыпется». Но не тут-то было. Сестрица лихо ответила на все вопросы, и все единогласно проголосовали о присуждении Елене Васильевне Михайловой ученой степени кандидата технических наук. Понятно, мой муженек? – прильнув к Михаилу, ласково-торжественно сказала Тамара.

– Поздравляю, Леночка! Я вот для тебя букет цветов приобрел, – он побежал в спальню, где за кроватью стояло три букета разных цветов, и подарил Елене ярко-желтого цвета розы.

– Ой какие красивые розы. Ты, как всегда, Михаил, неотразим. Спасибо.

– Мама, дядя Миша купил по букету цветов и нам с Олежекком, чтобы мы подарили их тебе, – они с Олегом вприпрыжку побежали в ту же спальню, и Игорь принес белый букет роз, а Олежек –

красный. Сияя, они вручили букеты Елене.

- Мама! Мама! Я тебя поздравляю! Ты теперь ученая стала? Так нам сказал дядя Миша.

- Да какая я там ученая. Ну что-то в этом роде. Настоящие ученые, сыночек, - это доктора наук, а я сегодня лишь прошла ступень кандидата наук, ну в общем, получила право стремиться к следующей ступени - доктора наук.

- Ты посмотри, что делается! Мы еще не обмыли как следует ее кандидатскую, а она уже на докторскую замахнулась! Давайте, братцы, быстренько все за стол, это дело отметим, - весело сказал Дмитрий и суетливо стал накрывать на стол. Ему кинулись помогать Михаил с Тамарой и Елена.

Когда все сели за стол, Дмитрий, налив детям сидро, а взрослым водку, сказал:

- Михаил, я там такого страху натерпелся и не столько от того, что не защитится Лена, а от того, что за столом заставят меня говорить. Там все выступающие так красиво говорили, что диву я давался, где это они таких ярких слов набрали. Сказано - ученые. Правда, твоя Тамара хоть и не ученый, а хорошо, душевно сказала. Людям понравилось, я это по их лицам заметил. После того, как она выступила, я совсем перелякался до смерти. Ну все, думаю, этот усатый председатель Совета, как его там зовут, а вспомнил, Николай Егорович, сейчас, думаю, меня заставит говорить. Гляжу, он смотрит на меня. У меня от страха все в груди похолодело, показалось, по спине мурашки побежали. Пропал, думаю, опозорюсь, не смогу не то что речь сказать, а и единюго слова вымолвить. Мне показалось, что у меня скулы в этот момент свело.

- Да что там показалось! Так действительно и было. Николай Егорович посмотрел на тебя, хотел слово предоставить, но увидел, что ты блее мела, руки свои ломаешь, словно тебя пытаются, ерзаешь на стуле, и передумал. Понял твое внутреннее состояние, пощадил тебя, - улыбаясь, сказала Елена.

- Молодец, правильно сделал! Сказано - профес-

сор. Но зато я сейчас тебе, моя дорогая женушка, скажу: молодец ты у меня! Ты такая умная, так смело защищалась на своем Совете. Я на тебя смотрел и не узнавал. Я увидел другого человека, такого мудрого, сильного, говорившего такими значимыми и весомыми словами, и от этого я почувствовал свою неполноценность. Как хорошо, что ты заставила, помогла и сейчас помогаешь мне учиться в институте, а то я был бы совершенный болван. Это еще раз говорит о том, что ты – необыкновенный человек. Спасибо тебе, моя несравненная женушка. Я очень рад за тебя и за себя, что такая сильная, красивая Еленушка – моя жена. Я тебя безмерно люблю и очень хочу, чтобы ты была счастлива, поэтому, по русскому обычаю, прошу выпить за Елену, мою женушку, и ее успех, – Дмитрий поднялся и, восторженно чокнувшись со всеми сидящими за столом, с горящим радостью взором выпил свою водку, которая через верх плескалась из рюмки на его руку, попадая на разложенную в тарелках еду.

Его примеру последовал и Михаил. Сестры поддержали своих супругов. За столом стало шумно, весело, по-домашнему уютно. Дмитрий, Михаил, дети без умолку ласково, светло щебетали, наполняя квартиру душевным теплом и счастьем домашнего очага. Тамара не выдержала и сказала:

– Хорошо сидим. Жаль, что нашей мамули с нами в этот час нет. Она бы тоже вместе с нами порадовалась Лениному успеху. Мама была счастлива, что Елена учится в аспирантуре. И вот ее дочь защитилась, мы торжествуем, и мама очень ждала этого часа, но не дождалась, – встала, она продолжила: – Поэтому я предлагаю помянуть нашу дорогую маму и выпить до дна. Светлая ей память, пусть земля ей будет пухом и Царствие Небесное пусть откроет ей двери, – Тамара выпила. Также выпили за помин души матери Елена, Михаил и Дмитрий. У Елены на глаза набегали слезы, но она тут же вспомнила услышанный на кладбище строгий голос, побежала на кухню и умы-

лась водой из-под крана. Мимо Тамариного взора это не прошло незамеченным, в связи с чем она поменяла тему разговора:

- Ленушка моя, как я тебя люблю! Ты у нас, как старшая сестрица Вероника говорит, истинная королевна. Давай еще за тебя выпьем и песни споем.

- Тамара, наверное, надо бы это событие отметить со всеми нашими родственниками, а то как-то с моей стороны будет не совсем хорошо.

- Правильно, Лена! Надо это дело обнародовать в кругу наших сестер, братьев и их дражайших муженьков и женушек. Но сюда их всех приглашать как-то несподручно. Ты приезжай со своим семейством к нам, там мы их всех соберем и обмоем твой успех. Годится такое предложение?

- Годится. Да неудобно мне свои хлопоты на твои с Михаилом плечи перекладывать.

- Какие там хлопоты! Они, во-первых, все придут и без приглашения, а во-вторых, мне очень приятно видеть всех вас в нашем доме. Правда, Михаил?

- Конечно, правда, - улыбаясь, поддержал свою жену Михаил.

- Тамара, а когда мы это проведем? А то мне надо подготовиться, купить того сего... Как ты считаешь, можно это событие отметить через две недели, в воскресенье?

- Конечно, можно. А насчет, как ты сказала, того сего, ты не волнуйся. Во-первых, я помогу, а во-вторых, не откуда же это все тащить, мы там купим.

- Чудесно! - обняв сестру, радостно сказала Елена. - Я согласна, только, Тамара, я очень прошу, возьмите деньги на разные покупки к столу и не тратьте свои. Мне так хочется самой или хотя бы за свои средства все это сделать в благодарность вам всем. И пусть мой праздник будет для всех вас тоже праздником, а не каким-то бременем. Томочка, поддержи меня в этом, - ласкаясь щекой об руку сестры, просила Елена.

- Вот уже ты, Лена, неговорчивая какая. Ты

же сейчас в сложном материальном положении. А мы все живем намного лучше тебя. И для нас все это не проблематично. У тебя, смотри, нет же ни одного ковра! И мебели практически нет.

- Ой, Томчик, ну их те ковры и мебель тоже. Кровать, диван, стол есть, и я очень довольна, а в богатстве нет предела. Для меня, Томуся, большое счастье быть вместе с родственниками, греться теплом вашего общения, что-то, хотя бы маленькое, сделать для всей нашей семьи Михайловых. И чтобы стержень нашей большой родни не распался. Мама так всех нас любила и хотела, чтобы мы все были вместе. И мне этого очень хочется. Я читаю вам свои стихи, когда вас нет со мной рядом. Я так за всеми вами скучаю и тоскую. Я посвятила вам - Веронике, Марии, Татьяне, Алексею, Андрею и тебе, моя любимая сестричка, - вот такое стихотворение:

*Я вам, любимые мои
Сестрички, братья Михайловы
Хочу читать стихи свои.
Без вашей я ничто основы.*

*Я вас ценю, люблю до слез.
Иного счастья мне не надо.
При вас не жгуч седой мороз.
Вы мне утеха и отрада.
Без вас увяну, как цветок.
Вы до того мне дорогие,
Что не пушу без вас росток
И пропаду в часы ночные.*

*Спаси вас, Господи, от мук!
И дай здоровья и везенья.
Пусть счастьем бьется в окна стук,
Неся в себе любви горенье.*

- Лена, какое проникновенное стихотворение! - восхитилась Тамара. - Какая ты у нас светлая, чистая! Спасибо тебе и слава Господу, что Он в

нашу семью дал такой яркий цветок, как ты. Это не ты, а мы без тебя увянем или порастем бурьяном, – она нежно, со слезами на глазах поцеловала Елену, сказав: – Хорошо, сестричка, я возьму деньги и сделаю так, как ты хочешь.

В беседе дружная компания не заметила, как неумолимо пробежало время. Уже было три часа ночи. Олежек и Игорек, наигравшись вдоволь, здесь же безмятежно спали на диване, устроившись «валетом». И им словно не мешал ни яркий свет, бьющий прямо в их закрытые глазки, ни живой и радостный разговор родителей. Они мирно посапывали, прижавшись к сидящим на диване матерям.

– Ишь, как разнежились наши будущие кормильцы, – обернувшись, поглаживая спящих малышей, ласково сказала Елена.

– Не совсем им здесь удобно, надо их раздеть и в кровать положить. Да и нам пора уже ложиться спать. Кажется, мы с лихвой все обговорили, обсудили и вволю набеседовались. Так, сестричка?!

– Может быть, чуток еще посидим? Защита диссертации не каждый день бывает, – игриво сказал Михаил.

– Конечно же, не каждый день и не каждый год, а нам с тобой вообще такого события не видать, муженек. Но пора и честь знать.

– Ну, тогда давайте выпьем на посошок и баньки, – захмелевшим голосом предложил Дмитрий.

Мужчины выпили налитые до краев водкой стопки, а сестры, пригубив, поставили их и начали убирать все со стола, мыть посуду и готовиться ко сну.

На следующий день хлопоты вступили в свои права. Тамара с Михаилом и Олежек поспешили домой, чтобы успеть на работу, Игорек – в детсадик, Елена – в институт.

Михайлова, постучав в дверь кабинета директора, приоткрыла ее и тихо спросила:

– Можно, Анатолий Валентинович?

- Проходите, Леночка. Ну как, отдохнули, отошли от защиты?

- Да, Анатолий Валентинович, отдохнула.

- Тогда я сейчас приглашу Тараса Михайловича, и мы поработаем. Валя, - обращаясь к секретарю, сказал руководитель, - пригласи Ягодкина.

Через несколько минут в кабинет зашел Тарас Михайлович. Выглядел он по-молодецки, хотя было ему около пятидесяти лет. На нем был темно-серый костюм. Брюки тщательно выглажены, рубашка сияла белизной, туфли начищены до зеркального блеска. Элегантный костюм подчеркивал его подтянутую, стройную фигуру. Седеющие волосы были аккуратно зачесаны на левую сторону, эффектно обрамляя его высокий лоб. Внешностью его Господь не обделил. Он был красив, имел прекрасный цвет кожи, тонкие черты лица и был выше среднего роста. О своей красоте Тарас Михайлович знал и иногда ею пользовался в кругу женщин.

- Тарас Михайлович, вернемся к нашему разговору, - деловито сказал Ямщиков. - Я думаю, Елене Васильевне следует дать тему по индуктивному сопротивлению в аэродинамике. Пусть конкретно исследует аэродинамическое сопротивление крыла.

- Анатолий Валентинович, тема интересная, но справится ли с ней Елена Васильевна?

- Лена, справишься?..

- Не знаю... Но аэродинамика меня очень интересует. Я эту отрасль самостоятельно изучала помимо институтской учебной программы. Что мне было не понятно, то я консультировалась у профессора Степанова Сергея Митрофановича. Поскольку наука о движении воздуха и других газов и о воздействии газов на обтекаемые ими тела меня очень увлекает.

- Нарисуй мне схему возникновения торцевого вихря в результате перетекания воздуха из области под крылом в область над крылом, - строго сказал Анатолий Валентинович.

Елена дрожащей от волнения рукой быстро, по памяти, без единой ошибки нарисовала эту схему.

- Начерти теперь схему измерения индуктивности методом резонанса и схему конструкции индуктивного датчика, - вновь предложил Анатолий Валентинович.

Елена четко, словно по книге, выполнила и это задание руководителя.

- Знаешь что, Леночка, ты молодец. Ты справишься и с более сложной проблемой. Думаю, что тебе будет по плечу работа и в области индукционной нагревательной установки.

Тарас Михайлович не ожидал увидеть такие глубокие знания у Елены Васильевны, и у него сразу исчезли сомнения по поводу определения этой темы для нее. Он, зорко взглянув на Михайлову, сказал:

- Анатолий Валентинович, эта тема Елене Васильевне будет подвластна. Я вас поддерживаю и разделяю ваше мнение.

- Вот что, Елена, завтра я уезжаю на Байконур, а вы с Тарасом Михайловичем набросайте план и тезисное изложение проблемного исследования именно электротермической установки для нагрева металлических заготовок с применением индукционного нагрева.

- Хорошо, Анатолий Валентинович, я буду работать. А мне можно будет заниматься, чтобы подобрать материал по этой теме, не только в нашей, но и в областной библиотеке? - робко спросила Елена.

- Пожалуйста. Это не только можно, но и необходимо сделать, - с удовлетворением ответил директор.

Елене очень хотелось оправдать доверие Анатолия Валентиновича и Тараса Михайловича, поэтому она с раннего утра и до закрытия находилась в библиотеке и изучала работы по своей теме. После закрытия библиотеки она просила у работников книги на дом. Видя серьезность исследователя, они разрешали ей брать книги домой. Быстро справившись с домашней работой, Елена до глубокой ночи засиживалась над интересующей ее литературой.

Она в течение трех недель составила не толь-

ко план и тезисное изложение темы, но и подготовила развернутый план диссертационного исследования и подошла к Тарасу Михайловичу. Он внимательно изучил представленный материал и был так поражен тем, что Елена за такой короткий срок представила добротный материал, который практически не нуждался ни в какой корректировке, что у него промелькнула мысль: «А не списала ли она все это?». И он полушутя – полусерьезно спросил:

– Елена Васильевна, а вы этот материал ни у кого не позаимствовали? Не плагиатство ли это?

В одно мгновение щеки Елены вспыхнули багрянцем, и она дрожащим голосом сказала:

– Тарас Михайлович, что вы? Как так можно? Здесь никакого плагиатства нет! К таким выводам, которые изложила в планах, я пришла только на основании своего собственного умозаключения. Конечно, исходным материалом мне послужили труды профессоров Демичева, Головина, Шашкина, Простякова и других ученых. Изучение их концепций и точек зрения, безусловно, натолкнуло меня на обоснование разработки индукционного нагрева в такой динамике, которую я вам представила, но не больше.

Видя, что Елена оскорбилась, Тарас Михайлович успокаивающе сказал:

– Я пошутил, Елена Васильевна. Конечно, тут нет никакого плагиатства. Чувствуется, что вы сами владеете этим материалом. Но я, признаться, поражен, как вы за такой короткий отрезок времени смогли так глубоко проникнуть в эту проблему.

– Я много занималась. У меня неплохая память и говорят, что я трудолюбивая, – так просто, к удивлению Ягодкина, ответила Елена.

– Елена Васильевна, расскажите немного о себе, – совершенно неожиданно для Елены и самого себя попросил Тарас Михайлович. Елена, несколько секунд помолчав, начала:

– Я родилась в деревне недалеко от Тольятти.

В семье нас было семеро. Мама нас одна воспитывала. Отец погиб во время войны в 1942 году. Мама в прошлом году летом умерла. А остальное вы знаете...

- Уж не очень много вы о себе рассказываете, Елена Васильевна... Нелегкая у вас была стезя жизни. Но вы сильная, как я посмотрю. Труженица... Похоже, многого в жизни добьетесь... Через неделю приезжает Анатолий Валентинович. К его приезду вы еще поработайте над темой. Шире рассмотрите индукционную нагревательную установку для сквозного нагрева металлических заготовок перед горячей обработкой давлением.

- Хорошо, Тарас Михайлович, я к его приезду по этому вопросу подготовлю свои предложения, - сухо ответила Елена.

- Ну и отлично. А на меня вы, Елена Васильевна, не сердитесь. Я задавал вам вопросы по теме не по злобе, а по долгу службы. Но некорректных вопросов постараюсь больше вам не задавать, - подчеркнуто виновато сказал руководитель.

Елена вновь все свободное ото сна время отдавала работе, исследованию интересующих ее вопросов. Домашние дела делались наспех. Хорошо, что тетя Паша приходила и помогала семье Михайловых по дому. К тете Паше привязался не только Игоречек, но и Лена, и Дмитрий. Они к ней относились по-родственному, и тетя Паша отвечала им взаимностью. Вот и сегодня она пришла, сварила борщ, напекла пирогов с повидлом, все прибрала. В квартире Михайловых сотворила целый праздник.

- Ой, тетя Паша, нашу квартиру и не узнать! Какая в ней красота, чистота и пирогами пахнет, - еще с порога радостно сказала Елена. Она подошла к тете Паше, поцеловала ее, затем спросила:

- Игоречка вы давно из садика забрали?

- Да часа два назад. Дмитрий позвонил мне, сказал, что он сегодня задерживается, собрание у него там. Вот он меня и попросил за Игоречком сходить.

- Это вы такой порядок в квартире за два часа навели? - удивленно спросила Елена.

- Нет, я у вас с обеда занималась. Я же тебе, Лена, вчера говорила, что к вам с обеда приду. Вся ты, барышня, в науке, как говорит Дмитрий, и ничего не слышишь и не видишь. Как это сегодня увидела? Чистоту заметила и пироги учуяла.

- Тетя Паша, есть смертельно хочу, оттого и твои пироги учуяла, - радостно вторила в тон тете Паше Елена.

- Садись... Я тебя сейчас накормлю и борщом, и пловом, и пирогами.

- Ого, как богато мы сегодня живем. Это по какому же такому поводу, а?

- Повода совершенно никакого нет. Просто, что ты, что Игорек, что Дмитрий сущие скелеты и вас откормить хоть чуток нужно. Вот почему и устроила вам праздник, как ты говоришь.

- Ой, спасибо, тетя Паша. Золотой вы человек! Что бы мы без вас делали?

- Ладно уж нахваливать... Ешь, ешь лучше.

- Тетя Паша, а Игорька кормили?

- Да. Я ел. Пироги, мама, очень «клевые».

- Игоречек, что за такое нехорошее слово ты сказал?

- Какое? Клевое?... Так у нас, мама, в садике наша воспитательница Татьяна Сидоровна, когда Нина Федоровна из другой группы пришла в новой шубе, сказала: «Ого, Ниночка, где это ты такую клевую шубу отхватила?» Я и подумал, что слово «клевое» обозначает что-то очень хорошее.

- Татьяна Сидоровна и Нина Федоровна - подружки, равные между собой, поэтому они иной раз могут так выразиться, а ты, сыночек, в обращении со мной, с тетей Пашей или с другими взрослыми не должен так говорить. И вообще нехорошо в своей речи употреблять жаргон.

- Мама, а что это обозначает слово жаргон?

- Жаргоны - это такие слова, которые отличаются от общего языка. Жаргоны носят в себе содержание условных слов и выражений. Они, как правило, искусственно придуманы и нелитератур-

ные. Поэтому, сыночек, не нужно ими засорять свою речь. Русский язык настолько богат красивыми общепризнанными словами, что люди должны стремиться насыщать свою речь ими, а тем более ты. Ты же хочешь у нас быть космонавтом, а космонавты должны красиво говорить. Понятно, Игоречек?

- Понятно. Мама, а ты мне сегодня считаешь сказки?

- Считаю. Иди готовь книгу, которую будем читать.

Игорек полез на самодельную полку, снял с нее детскую книжку, на обложке которой было красочно написано «Русские народные сказки», и принес матери. Поев, Елена долго с выражением читала сыну сказки, пока его не сморил сон. А она продолжила обосновывать свою научную концепцию по исследуемой теме, пока не пришел супруг.

- Дима, ты чего это сегодня пришел так поздно?

- Ты знаешь, Леночка, у нас сегодня было профсоюзное собрание. Надвигаются же праздники: День Красной Армии, Международный женский день. Так мы на нем обсуждали вопросы, связанные с праздниками. Потом я вернулся на работу. Мне послезавтра надо сдавать курсовую работу, так я ее там и доделывал. Ты мне ее посмотришь?

- Посмотрю, конечно, только попозже. Вот сейчас мысль свою закончу и возьмусь за твою курсовую. А ты иди, кушай. У нас сегодня еды видано-невидано. Тетя Паша была и всего наготовила.

Довольный Дмитрий пошел на кухню, с аппетитом плотно поужинал. Полистал газеты. Читать ему не хотелось, его клонило в сон.

- Леночка, пойдем спать. Мою курсовую и свои мысли завтра закончишь.

- Нет, Дима, ты ложись, а я еще поработаю.

- Лена, вечно так. Сидишь дни и ночи напролет со своим исследованием. Ты ешь, пьешь с наукой и спишь с ней. А я вечно, как дурак, ложусь спать и жду тебя до утра, пока не усну. Как-то нам надо пересмотреть наши отношения. Мы у же

целую вечность не были ни в кинотеатре, ни в драмтеатре, ни на каких концертах. У нас на заводе ты никогда со мной ни на одном праздничном мероприятии не была. Меня коллеги все спрашивают: «Почему это вы, Дмитрий, все без жены ходите? Говорят, она красивая. Боятесь, что мы ее отобьем, потому и не приводите?» Ты хотя бы пришла на этот праздничный вечер, что у нас будет проводиться 23 февраля в заводоуправлении. Лена, почему ты со мной никуда не ходишь? Ты что, стесняешься меня? Я же у тебя тоже теперь работаю инженером-конструктором. А ты меня словно не замечаешь. Везде я один хожу или с Игорьком. Тебя же никуда не вытащишь. Ты недовольна мной? Я что, плохой муж? И ты совсем не любишь меня?

- Димочка, ты самый лучший муж в мире. И я очень тебя люблю. Кроме тебя мне никто не нужен. Мне с тобой уютно, тепло и ласково. И у меня, ты же сам видишь, никого кроме тебя нет. И меня влечешь только ты, ну и наука. Но ты меня не ревнуй к науке, она же не мужского, а женского рода, - пошутила Елена. - И ты извини меня, мой дорогой муженек, что тебе уделяю мало внимания. Ты у меня самый прекрасный, надежный и добрый человек. Ты - моя опора и мой оплот домашнего очага. И ты очень дорог моему сердцу.

Она, обхватив руками голову мужа, прижалась щекой к его лицу, нежно поцеловала и виновато сказала:

- Димчик, муженек мой ненаглядный, не скывай мое стремление, дай мне свободу, не неволь меня. Пусть все идет, как идет, - и она резко отвернулась от супруга, села за свой рабочий стол и стала заниматься. Дмитрий задумался и уже в который раз вновь и вновь задавал себе вопрос: «Любит ли меня Елена?» И мысленно сам себе отвечал: «Елена - незаурядная личность. Она не такая, как все. Для своего возраста она мыслит, как мудрец. Может быть, из-за этого Лена так далека от обыденной плотской жизни. Ее влечет совершенно не то, что зовет меня. Мы с ней раз-

ные люди. Но я без нее пропаду, она же без меня - нет. Я слабый человек и безвольный. Но я больше жизни люблю ее и мне лучше умереть, чем остаться жить без нее. И у Елены действительно никого нет, она ни с кем не встречается. Николая Ивановича, по-видимому, тоже забыла. Неужели ее любовь, как любовь женщины к мужчине, умерла при расставании с Николаем Ивановичем и никогда не появится? Да и забыла ли она его? А возможно, ее аналитический склад ума убивает в ней природную женскую потребность и делает ее такой равнодушной. И для нее выполнение супружеских обязанностей - это целое наказание. Отчего она под любым предлогом пытается от них уйти? Но в других вопросах Лена относится ко мне очень хорошо, заботится обо мне, переживает за меня и помогает мне. Если бы не ее помощь, то никогда бы я не поступил и так успешно бы не учился в институте. Исходя из этого, Елена, значит, любит меня. Наверное, у нее особенная какая-то любовь к мужчинам, и она меня все же любит этой загадочной любовью...»

Дмитрий еще долго лежал с закрытыми глазами и задавал множество вопросов об их с Еленой семейной жизни, их отношениях. На многие вопросы он находил ответы, а иные ему были непонятны и непосильны. А Лена тем временем все глубже и глубже входила в исследовательский пласт индукционных нагревательных установок. И под утро ее осенила мысль, она открыла совершенно новую систему водоохлаждения и систему защиты и контроля, от чего на душе сделалось радостно, и ей абсолютно не хотелось спать. В эти минуты Лена полностью и сама не осознавала того, какое она совершила гениальное открытие, которое делает переворот в науке и будет использовано не только в аэродинамике сопротивления крыла, но и космического корабля.

Елена с подъемом в душе, окрыленная, подошла к кровати. Ей хотелось сказать Дмитрию о своей

находке в науке, но он спал, обняв подушку левой рукой, посапывая сладко, как ребенок. Жена не захотела его беспокоить. На цыпочках отошла от него, взяла курсовую мужа и стала вносить в нее изменения. Справившись с ошибками в работе, сделав к ней пояснения, Елена, не раздеваясь, прилегла на диване и, осветленная открытием, уснула.

Дмитрий утром встал, не увидев возле себя жены, пошел разыскивать ее в зал. Увидев Лену спящей на диване, он заботливо укрыл свою труженицу. Затем полистал курсовую работу. Удовлетворенный сделанными исправлениями, положил ее в дипломат, потихоньку подошел и завел для Елены будильник, поставив его на стул у ее изголовья. После этого подошел к сыну, с нежностью его разбудил, одел и повел Игорька в детский садик, а сам поехал на работу.

Проснувшись по звонку будильника, Елена встала, съела приготовленный ей Дмитрием завтрак, взяла свои разработки и поспешила в институт к Анатолию Валентиновичу.

ГЛАВА XII

В приемной Анатолия Валентиновича было много народа. У начальников отделов за месячное отсутствие директора накопилось немало вопросов. И все они непременно хотели попасть к нему, хотя часть этих вопросов свободно могла быть разрешена его первым заместителем, но кроме деловых отношений с руководителем их влекли к нему его человеческие качества. Сотрудники института его очень уважали и, когда он подолгу отсутствовал, скучали по нему как по родному человеку.

И Елена любила Анатолия Валентиновича как отца. Ей хотелось за его щедрую доброту отплатить своим постоянным вниманием. Вот и сегодня она забежала в магазин и купила ему коробку конфет, которые он любил как ребенок. В Анато-

лии Валентиновиче было столько много света откровения, чистоты, сердечности – именно тех прозрачных качеств, которые присущи, как правило, детям, и так мало их встречается у взрослых.

В последнее время здоровье у директора заметно пошатнулось, поэтому он подумывал о передаче директорского портфеля своим ученикам, хотя ему было всего шестьдесят семь лет. Для ученого такой величины это не возраст. И Елене, да и не только ей, а в основном всем сотрудникам института никак не хотелось видеть в директорском кресле другого руководителя.

Сидя на стуле в ожидании своей очереди, Елена задумалась и не заметила, как открылась дверь и из кабинета вышел Анатолий Валентинович. Среди ожидающих он увидел Лену и громко сказал:

– Елена Васильевна, и вы здесь. Ну как, справились с заданием?

– Кажется, Анатолий Валентинович, справилась.

– Ну, тогда вы идите пока часа полтора почитайте в библиотеке, я здесь всех попринимаю, а затем мы с вами поработаем.

Спустившись со второго этажа в библиотеку, которая находилась в левом крыле первого этажа, Елена достала из дипломата свои разработки, внимательно просмотрела их еще раз. Не найдя в них ничего абсурдного, вновь положила свой труд в дипломат и подошла к стенду, где лежали новинки работ сотрудников института. Взяла работу Ямщикова, которую читала уже не раз, но все равно она в ней вызывала интерес. В ней соискательница нашла один вывод, который противоречил ее предложению, и Елена переживала, как это воспримет Анатолий Валентинович. Зачитавшись, Лена не заметила, как пробежало время, и чуть было не опоздала к обусловленному часу.

Она побежала в приемную. Увидев ее, секретарь сказала:

– Вас недавно уже спрашивал Анатолий Валентинович. Проходите к нему. Он один.

Лена с волнением открыла дверь и вошла в кабинет.

– Проходите, Елена Васильевна, садитесь и дайте мне свои планы, выводы, предложения, концепции как по научной теме, так и по диссертации.

Соискательница проворно достала из дипломата свои труды, разложила их на столе руководителя и, не переводя дыхания, начала пояснять свои предложения.

– Елена Васильевна, да не все сразу. Давай я сам посмотрю.

Профессор внимательно просмотрел весь предметный материал, ахнул и громко крикнул:

– Леночка, ты гений! Ты мое предложение заткнула за пояс и дала великолепную схему, над которой я бился полвека. Ты нашла очень эффективное решение для сквозного нагрева металла, оно нам сейчас необходимо как воздух. Ты встречалась с Тарасом Михайловичем? Показывала ему все это? – радостным голосом спрашивал директор.

– Не все. Последнюю часть я ему, Анатолий Валентинович, не показывала.

Директор нажал кнопку. В приемной раздался звонок, и вслед за ним в кабинет вошла секретарь.

– Валентина Ивановна, пригласите ко мне Тараса Михайловича.

Как всегда изысканно одетый зашел Тарас Михайлович.

– Тарас Михайлович! У нас Елена Васильевна сделала гениальное открытие! Вы представляете, мы теперь с внедрением ее предложения способны усовершенствовать модуль космического корабля и аэродинамическое сопротивление крыла!

От охватившего его восторга, который не в силах был подавить в себе, директор бойко вскочил, подбежал к Елене, радостно поцеловал ее несколько раз, приговаривая:

– Вот так Михайлова! Вот так молодец, вот так утерла всем нам, профессорам, нос. Леночка, моя же ты дорогая ученица, ты так лихо и так

быстро обскакала своего учителя. С этими выкладками тебя хоть завтра выставляй на защиту докторской диссертации. Тарас Михайлович, нам срочно нужно зарегистрировать открытие Михайловой.

– Анатолий Валентинович, да покажите же вы то, чему так радуетесь, – сдержанно сказал Тарас Михайлович.

– Ой, Тарас Михайлович, да я ошалел от радости. Вот, на... Посмотри последнюю схему и ее исчисление. Она вносит переворот в науку аэродинамики.

Ягодкин внимательно посмотрел на выводы и тоже был поражен их простому, как ему сейчас показалось, решению. И он завистливо подумал: «Надо же, этой малолетке, выскочке так посчастливилось. А я, профессор, с таким многолетним опытом, не дошел до этой мысли». Но вслух сказал:

– Да, действительно, это великое открытие в науке. Bravo, Елена Васильевна! Я вас чистосердечно, без зависти, с большой радостью поздравляю. И это дело, Анатолий Валентинович, надо отметить.

– Конечно, надо отметить. Как говорится, у самых истоков гениальной мысли нашей Елены Васильевны находимся, – пошутил директор.

Пригласив секретаря, директор спросил:

– Валентина Ивановна, в шкафчике что-нибудь найдется? У нас сегодня праздник! И этот праздник нам подарила Елена Васильевна.

Валентина Ивановна открыла шкафчик, из него взяла начатую бутылку коньяка, тарелку с печеньем и поставила три небольших стопочки на стол, затем еще приготовила чай. Директор налил коньяку во все три стопки до половины, подал Елене и Тарасу Михайловичу и сказал:

– Я счастлив, что нам на смену приходит такая талантливая молодежь. Сегодня в нашем институте озвучилась гениальная идея. Ее воплощение принесет нашему институту как научно-исследовательскому центру известность, а государству силу, славу и мощь. И это гени-

альное открытие сделала такая молоденькая и скромненькая наша Михайлова Елена Васильевна. Поэтому я поздравляю вас, дорогая моя ученица, с таким значимым открытием, но желаю, чтобы вы не задрали нос и не загордились. За это я и выпью.

И Анатолий Валентинович медленно, наслаждаясь коньяком, потягивал его маленькими глотками, словно горячий чай. Его примеру последовал и Тарас Михайлович, а Елена, не зная, как ей поступить, в замешательстве выпила свой коньяк залпом.

- Так, братцы, хорошего понемногу, коньячок я закручиваю. Теперь прошу чаем угощаться, - доброжелательно сказал Ямщиков.

Елена вспомнила о конфетах, раскрыла свой дипломат, достала из него конфеты и предложила их к чаю.

- Елена Васильевна, что же это вы нас конфетами угощаете? Это мы должны ими вас потчевать, - кокетливо играя красивыми глазами, сказал Тарас Михайлович.

Елена, смутившись от этих слов, не зная что сказать, молчала. Ей на помощь пришел Анатолий Валентинович:

- Ничего, Тарас Михайлович, в следующий раз мы Леночке сразу две коробки конфет купим и будет боевая ничья. Только в этом случае ей еще нужно сделать одно гениальное открытие, - шутил директор.

Затем, перейдя на деловой тон, предложил:

- Стопки, чашки, конфеты убираем в сторону и продолжаем наше с вами маленькое совещание и обсуждение представленных Михайловой предложений. Во-первых, как мне известно, у Елены Васильевны нет фактически рабочего места, во-вторых, этот материал надо разделить на две части и раздать на первый и третий отделы.

- Анатолий Валентинович, в моем отделе есть свободный стол и все условия для работы Елены Васильевны. И если можно, то пусть она работает в моем отделе, - вкрадчивым голосом сказал

Ягодкин.

- Елена Васильевна, как, не возражаете? В каком отделе вы хотите работать - в первом или третьем?

- Мне, Анатолий Валентинович, абсолютно все равно.

- Ну, если вам все равно, то поселяйтесь и работайте в отделе Ягодкина. Так... Этот вопрос мы решили.. Теперь вы, Елена Васильевна, и вы, Тарас Михайлович, четко определите темы: какую оставляете за собой, а какую передаете в третий отдел Николаю Семеновичу. Ну что, коллеги, в добрый час!

Ягодкин и Михайлова вышли из кабинета директора и пошли в кабинет Тараса Михайловича. Войдя к нему, Елена обратила внимание, что кабинет светлый, уютный, имеет две двери. Одна дверь была из коридора, другая выходила в комнату, где работали сотрудники этого отдела.

- Елена Васильевна, а можно я вас буду называть просто Леночкой? - несколько заискивающе спросил начальник отдела.

- Как вы считаете нужным, так и называйте, - строго ответила Елена.

- Вот и прекрасно, Леночка, присаживайтесь. А где бы вы хотели, чтобы ваш стол стоял: здесь или в той большой комнате, где находятся все работники отдела?

- Если можно, то я бы хотела, чтобы мой рабочий стол находился там, где все сотрудники отдела работают.

- Конечно, Леночка, можно. Я с радостью выполню все ваши пожелания. А сейчас пойдёмте, я представлю вас.

И они, открыв дверь, вошли к сотрудникам отдела. Отдел был большой и тоже светлый. Стояло много столов, но все они были заняты. У Елены пронеслось в голове: «Так где же я буду работать? Все столы заняты». Словно перехватив мысль Елены, Ягодкин сказал:

- Уважаемые коллеги, я хочу вам представить кандидата технических наук Михайлову Елену Васильевну. Она будет работать в на-

шем отделе в должности старшего научного сотрудника. Петр Павлович и Артем Федорович, сдвиньте столы немного плотнее, возьмите стол из моего кабинета и поставьте его вот на это место.

Петр Павлович и Артем Федорович быстро встали и стали сдвигать столы. Им помогали и остальные сотрудники. Они вынесли стол из кабинета начальника и поставили его на указанное им место. Стол разместили напротив двери, ведущей в кабинет Тараса Михайловича.

- Присядьте за свой рабочий стол, Елена Васильевна. Вам удобно?

Смущенная Елена села за новенький стол. Посмотрев на начальника, ничего ему не ответила, лишь недоуменно пожала плечами.

- Учитывая то, что рабочий день уже на исходе, вам, Елена Васильевна, можно идти домой. А завтра с утра будете писать пояснительные записки к вашим выводам, - любезно сказал профессор.

Елена, встав из-за своего стола, направилась домой. Дорогой она размышляла о своем новом непосредственном начальнике. Проанализировав всю виденную сегодня картину, связанную с поведением и поступками начальника отдела, она почувствовала какой-то дискомфорт. В душе у нее стало неуютно. Ей показалось, что Тарас Михайлович не такой уж любезный и искренний, каким он старается быть перед ней и Анатолием Валентиновичем. И тут же про себя недовольно подумала: «Мне все не угодить. Мне же за него не замуж выходить. Я же работать иду, а на работе надо стараться. И то, что Ягодкин показался мне не совсем хорошим человеком, слащавым и неискренним, это всего-навсего мое мнение, и оно может быть ошибочным. Я же не психолог. И первое впечатление вполне может быть обманчивым».

Несколько успокоившись, Елена зашла в детский садик за сыном. Игорек не ожидал, что мать придет за ним так рано, был удивлен и обрадован одновременно. Он не заставил себя долго ждать, умело, по-солдатски, оделся и

счастливым поспешил с матерью домой. Увидев телефонную будку, Елена сказала:

- Игорек, пойдём папе позвоним на работу, скажем, что я тебя из садика взяла.

- Давай. А разрешишь мне с папой поговорить?

- Разрешу. Но только чуть-чуть. А то папа работает. И его на работе нельзя отвлекать пустыми разговорами.

- Хорошо. Мама, дай трубочку, пожалуйста, мне. Папа! Алло!.. Я с мамой домой иду. Ты когда придёшь? Приходи скорее, у мамы сегодня короткий день. И она, кажется, не возражает пойти в цирк. Мы сейчас пойдём туда и купим билеты, приходи, - сказав это, сын быстро повесил трубку.

- Игорек, ты что? Разве я тебе говорила, что в цирк пойдём?

- Нет, мама, сейчас не говорила, зато когда-то говорила. А Федька вчера с мамой и папой ходили и сказали, что Московский цирк сегодня у нас последний день. Завтра он уедет, а мне так хочется посмотреть на медведей, собачек и клоуна. Пойдем, мамочка. Ты же сегодня рано пришла. Как ты говоришь, в этом деле мне сам Бог помог.

В первое мгновение Елене хотелось отругать Игорька, но его искреннее простодушие, находчивость умилли ее душу, и она, улыбаясь, сказала:

- Сынок, за смекалку ставлю пять и принимаю твое решение, но нос ты не задирай. И в дальнейшем не заходи так далеко в своей находчивости.

- Мамочка, какая ты хорошая! Я не буду нос задирать. Я его буду платком вытирать, только поехали скорее, а то вдруг билеты все раскупят и нам не достанется.

Елена, улынувшись словам сына, взяла его за руку, и они поспешили на трамвайную остановку, которая находилась недалеко от телефонной будки, сели на третий номер трамвая, и через семь минут были уже у цирка. Купили билеты, а до начала представления было еще около часа. Минут через тридцать подошел и Дмитрий.

- Папочка, а мы уже и билеты купили.

- Какие вы у меня умницы! Что же сегодня за такой счастливый день?! Как это мы неожиданно-негаданно в цирк попали? Просто не верится. Леночка, у тебя на работе все в порядке?

- Нормально. У меня теперь новый непосредственный начальник - доктор технических наук, профессор Ягодкин Тарас Михайлович.

- Ну, как он? Тебе понравился?

- Да кто его знает... Я в нем пока не разобралась. Кажется, крепкий орешек... И хитрый как лиса... Поживем - увидим... А у тебя как рабочий день прошел?

- Мы сегодня торт в перерыве ели. Петру Моисеевичу исполнилось пятьдесят лет, в связи с чем он всех сотрудников отдела и угощал тортом с чаем.

- Повезло же вам, папочка! И я хочу тортика или пирожного. Может быть, купим?

- Леночка, до начала время еще есть. Пойдем заглянем в буфет?

- Пойдем, только мороженого не покупать, - строго сказала жена.

В буфете около столиков и у кассы народу было немного. Дмитрий купил всем по пирожному, сосисок с хлебом и чаю. Они по-быстрому перекусили и направились в зал цирка.

Представление шло живо. Взрослые и дети смотрели выступления артистов и их питомцев с интересом. Особенно зрителям понравились акробатические номера и фокусы иллюзионистов, а Игоречек был в великом восторге от своих любимых медведей, собачек и знаменитого клоуна Паши.

По окончании представления Игорек долго еще не мог отойти от восторженных чувств, которые наполнили его душу. Они с отцом с интересом и дома обсуждали увиденные номера циркачей. Елену же представление не очень заинтересовало, но она тоже была довольна тем, что, наконец, за столько лет выбралась в цирк вместе с Игоречком и Дмитрием. И они не будут обижаться, что она с ними никуда не

ходит. Видя ликующие лица сына и мужа, у нее на душе потеплело, нехороший осадок, оставшийся после общения с Тарасом Михайловичем, растворился. И она, успокоенная, села за рабочий стол, открыла папку с заданием, просмотрела все свои записи по исследуемым темам и задумалась над тем, какую непосредственно тему вести.

Ее как автора открытий интересовали обе темы: и тема аэродинамического сопротивления крыла, и вторая – индукционной нагревательной установки сквозного нагрева металлических заготовок перед горячей обработкой давлением. Порассуждав сама с собой, она решила, что, выбрав вторую тему, она сможет экспериментировать здесь, на заводе. Что же касается исследования аэродинамического сопротивления крыла, то это надо будет часто ездить на Харьковский авиационный завод, чего ей не очень хотелось. Елена любила домашний уют и с неохотой ездила в любые командировки.

На основании этих доводов она решила оставить за собой именно вторую тему, а первую под своим авторством передать третьему отделу, как советовал ей Ягодкин и директор института. Елена стала готовить по обоим темам документы для оформления своего авторства на открытия.

На следующий день в начале рабочего дня начальник отдела пригласил Елену к себе и ласковым голосом спросил:

– Елена Васильевна, вы материалы прихватили по обоим темам?

– Да, Тарас Михайлович, принесла все материалы. И вот оформляю авторство на свои открытия, как сказал Анатолий Валентинович.

– Ну, хорошо, – как показалось Елене, недовольным голосом сказал профессор. – Право авторства, Елена Васильевна, мы еще успеем оформить. Нам надо, Леночка, – перейдя на елейный тон, продолжал он, – в первую очередь написать по обоим темам развернутые пояснительные записки, чтобы люди могли работать. Так что вас,

Леночка, я очень прошу, вы именно это завершите. А потом и все остальное. Я вам представляю свободный график работы. Вы можете работать в нашей библиотеке, в областной библиотеке и, если надо, в заводской лаборатории, но не реже чем раз в три дня отчитываться передо мной о проделанной работе. Учитывая, что Анатолий Валентинович очень занят административной работой и здоровье его подводит, будем щадить человека. И вы со своими вопросами по этим темам его не беспокойте. Не возражаете, Леночка, что нам нашего дорогого директора от лишних вопросов, с которыми мы с вами сами свободно справимся, надо оберегать? А почему это наш молодой, но гениальный ученый такой хмурый? Вы, Леночка, такая красивая, молодая. И как магнит железо к себе притягивает, так и вы своим совершенством плените сердца мужчин. Вот и я, видя такое великолепие перед собой, таю и теряюсь. И мне очень приятно ваше присутствие. Леночка, может быть, мы с вами посетим одно укромное местечко? Оно такое оригинальное. Это ресторанчик, но планировка в нем необыкновенная. Он имеет общий зал для всех, и при нем же есть отдельные кабинеты. В одном из них мы бы с вами смогли отдохнуть после трудового дня.

- Спасибо, Тарас Михайлович, но я не любитель ресторанов, - смущенно, загораясь волнующим румянцем, ответила Елена.

- Ой, нет, Леночка, вы не бейте сразу так наотмашь. Не нужно отказывать. А то у меня разрыв сердца будет. Да это ни к чему и не обязывает ни вас, ни меня. Могут же себе позволить профессор и кандидат достойно и интеллигентно отдохнуть? Так что, наш гений, не отказывай ни мне, ни себе в жизненном удовольствии. Жизнь на земле нам дана, чтобы красиво жить. И красота ее определяется наслаждением отдыха. А то жизнь такая быстротечная, не заметишь, как она и пробежит. Вот мне уже сорок восемь лет, а кажется, вчера мне было двадцать, - кокетливо, как

барышня, закачал головой из стороны в сторону Тарас Михайлович. Ну так что, гордость нашего института, я вас убедил? А может быть, сейчас сбежим с работы, как студенты с занятий убегают? Да... Какая это была прекрасная пора! Я удираю с занятий и не раз. Но я все равно хорошо учился. Да и дядя, Додонов Валентин Борисович, меня выручал. Вы же, наверное, его знаете? Он в то время работал проректором в политехническом институте. И сейчас Валентин Борисович работает в институте, но только уже в качестве профессора кафедры теоретической механики.

- Знаю я Валентина Борисовича, - чтобы как-то прервать слащавую речь своего начальника, ответила Елена и быстро спросила: - Мы с вами, Тарас Михайлович, уже все вопросы по теме обсудили, поэтому мне можно идти?

- Как, Леночка, идти? Вы же мне совершенно не ответили на мои вопросы. В ресторанчик мы с вами сейчас или в среду пойдем?

- Нет, Тарас Михайлович, я не могу. Анатолий Валентинович, да и вы задали мне много работы, у меня нет времени.

- Опять этот Анатолий Валентинович, - ревниво-обиженным тоном начал профессор, - похоже что вы, Леночка, к нему неравнодушны.

- Что вы, Тарас Михайлович! Как я должна это понимать?

- А понимаете как на самом деле! Вы же его любите! И сохнете по нему!

- Да вы что, Тарас Михайлович! Я люблю Анатолия Валентиновича, но люблю и уважаю его как отца! Он очень прекрасный человек и руководитель.

- Так я и поверил, - взорвавшись и не совсем контролируя себя, продолжал Ягодкин. - Это же он сделал открытия, а вам подсунул! Это за какие шиши?!

- Тарас Михайлович, что вы говорите?! Анатолий Валентинович абсолютно мне пока и не помогал. Это мне самой пришли эти идеи. И вам первому я об этом сказала. Вспомните! Я же к

вам приходила, когда Анатолий Валентинович был в командировке!

— Ну так вы раньше встречались сотни раз. Невозможно в вашем возрасте и при таком малом стаже практической деятельности сделать такие открытия! Так что об этой байке расскажите кому-нибудь другому, а не мне!

Слова начальника отдела поразили Елену. Ее взор загорелся стальным блеском, и она дрогнувшим от обиды голосом сказала:

— Знаете, Тарас Михайлович! Все то, что вы говорите, — это абсолютно беспочвенно! И с вами работать я не хочу! Пойдемте к Анатолию Валентиновичу, и я сейчас же ему скажу, что с вами работать не желаю. Пусть меня уволят или переводят в другой отдел!

Не ожидая такого поворота событий, профессор струсил и начал оправдательно и заискивающим голосом просить:

— Леночка, извините меня, пожалуйста. Но это я так глупо вас проверял, узнавал, что вы за человек. Темы ведь секретные... А вдруг вы болтливая, хвастливая или, простите, ветреная женщина. А я же ваш непосредственный начальник. И в случае чего, то мне же за вас и отвечать. Поэтому я вынужден был так поступить... Теперь же понял, что вы стойкий, сильный и знающий работник. И вам можно доверять все секретные вопросы, связанные с обороной нашего государства. И я об этом обязательно скажу нашему глубокоуважаемому Анатолию Валентиновичу. И если вы хотите, то пойдем сейчас.

Елена опешила от услышанных слов, растерялась и плохо стала понимать, где Ягодкин говорит правду, а где мудрствует лукаво. Посмотрев проницательным взглядом на своего начальника, сказала:

— Я не знаю, как людей в подобных случаях проверяют, но, кажется, не так, как вы это сделали. Вы такой проверкой оскорбили меня и Анатолия Валентиновича.

— Да, Леночка, нехорошо получилось. В этом деле я не специалист, поэтому не судите меня так

строго. Думаю, что наше дальнейшее сотрудничество разрешит между нами все недоразумения и мы с вами будем друзьями. И еще раз за свою некорректную проверку прошу у вас прощения. А теперь, Елена Васильевна, испытательный процесс закончился, будем браться за работу. Идите на свое рабочее место и трудитесь.

Елена вышла из кабинета Тараса Михайловича подавленная и растерянная. Ей хотелось с кем-нибудь поделиться. Но с кем? С мужем? Он не поймет. С Анатолием Валентиновичем? Но Тарас Михайлович фактически запретил ей к нему обращаться. А больше на работе ей не с кем было посоветоваться, так как она здесь, как помнит читатель, совершенно недавно и друзей в институте, которые смогли бы ей помочь, пока еще не приобрела. И в данной ситуации она не знала, как поступить и что ей делать.

Зато прекрасно разобрался начальник отдела. Он понял, что Елену гольми руками не возьмешь, ухаживаниями ее не купишь. В нем по отношению к ней затаилась обида за оскорбление, как ему показалось, его мужского достоинства. И он подумал: «Никто раньше не отвергал мои ухаживания. Все подчиненные считали за великую честь мое внимание. А она так грубо, высокомерно меня оттолкнула. Я этого ей не прошу и отомщу на полную катушку. Но в то же время, – рассуждая сам с собой, подумал Ягодкин, – Елена – сильная и неординарная личность. Необыкновенный самородок. Природа наделила ее гениальной научной интуицией, логическим мышлением, красотой, простотой и добротой. Вот эти два последних качества и можно использовать против нее же. Глупо не воспользоваться ее открытиями. Мне счастье само бежит в руки, только надо умело его взять. И вот настал мой час. Елена должна меня вывести на финишную прямую. Только надо умело бежать, не упасть и свалить этого старого маразматика Анатолия Валентиновича. Хватит, он институтом правит уже двадцать два года. Пора

ему и честь знать. Это кресло я должен занять. И должен эту быстроногую лань и звезду нашего института приручить. Пусть-ка она осветит своим величием мой путь. Но как это сделать? Надо все тщательно продумать, наметить план и с него не сбиться».

Допоздна Тарас Михайлович в этот день засиделся на работе, разрабатывая свой корыстный план, который он любой ценой решил осуществить. А достигнет ли он своей цели, мы с тобой, дорогой читатель, скоро узнаем.

На следующий день, как ни в чем не бывало, Ягодкин вызвал к себе Елену и добродушно, но в то же время официально спросил:

– Елена Васильевна, вы закончили писать пояснительные записки к темам и обоснования к своим открытиям?

– Не до конца...

– Предоставьте мне весь ваш материал. Я его изучаю. Вы же идите работайте, то есть продолжайте дальше работать по своему плану. Завтра к десяти часам принесите все то, что сумеете подготовить... Вы свободны, Елена Васильевна.

На следующий день он поступил аналогичным образом. Подобный диалог продолжался более месяца. Тарас Михайлович был с Еленой подчеркнуто вежлив, немногословен, официален, без тени ухаживания, но в то же время учтив и добродушен. Профессор очень стремился казаться не только Елене, но и сотрудникам института рубахой-парнем. Он стал более доступен для работников учреждения, стремился быть любезным, даже перестал так щегольски одеваться.

Эту перемену заметили не только сотрудники отдела, но и работники института. Тарасу Михайловичу порой и самому нравилась выбранная роль, порой же она его тяготила и обременяла. Зато результат был налицо. К нему стали теплее относиться коллеги, его подчиненные, и Елена заметно изменила свое мнение в лучшую для него сторону.

Лена сдала Ягодкину разработанный план и пояснительные записки по обеим темам и продол-

жала работать над диссертационными исследованиями. Тарас Михайлович подгонял ее к завершению не только тезисного варианта, но и работы в целом. Поэтому Елена в свои выходные и свободное от работы время занималась исключительно диссертацией.

Однажды идя по коридору института, она встретила с директором. Поздоровавшись, Анатолий Валентинович спросил:

- Елена Васильевна, как идут ваши научные исследования? Вы почему не заходите ко мне? Я уезжаю в командировку в Москву, по приезду вы зайдите ко мне с отчетом о проделанной работе.

- Хорошо, Анатолий Валентинович, я буду вас ждать. Как только вы приедете, я сразу приду.

Довольная Елена зашла к начальнику отдела и доложила ему, что она с отчетом через неделю должна явиться к Анатолию Валентиновичу.

- Надо, Елена Васильевна, спешить и подтянуть работу по диссертационному исследованию, порадовать уважаемого Анатолия Валентиновича, поэтому вы это время поусердней поработайте, - ласково попросил Тарас Михайлович. - Чуть не забыл. Вы, Елена Васильевна, перед тем как идти, покажите вначале весь материал мне. Нет, лучше принесите его мне за день. Когда Анатолий Валентинович должен прибыть из командировки?

- Пятнадцатого числа.

- Это будет что за день? Вторник, да? Тогда вы ко мне подойдете в понедельник. Я почитаю... Мы с вами обсудим. Вы согласно моих замечаний исправите, и мы во вторник вместе пойдем к Анатолию Валентиновичу.

Елена всю неделю с утра до глубокой ночи занималась только исследовательской деятельностью. Она составляла схемы, графики, формулы, которые являлись неотъемлемой частью диссертационного исследования, и практически закончила работу. В понедельник, как и договаривались, принесла ее Тарасу Михайловичу. Начальник отдела открыл диссертацию, посмотрел план, приложил к работе и несколько виновато сказал:

- Елена Васильевна, я сегодня очень плохо себя чувствую. Невыносимо болит голова. Вы позволите, я диссертацию возьму домой и дома прочитаю? Я вам утром скажу свои замечания. Вы в отношении их выскажите свое мнение. Мы его обсудим. Затем часов в одиннадцать пойдем к директору. Согласны вы на такой вариант?

Лене такое решение вопроса не очень нравилось. Но у нее не было выбора. И она поникшим голосом ответила:

- Ну раз вы заболели, Тарас Михайлович, то другого же варианта нет.

- Но вы не огорчайтесь, Елена Васильевна, думаю, что я выздоровлю и вас не подведу. Сейчас приду домой, выпью чаю с малиной, часочек полежу, а затем засяду за ваш труд.

Придя домой, профессор поспешно открыл диссертацию Елены и читал ее, не отрываясь, до конца. Он был поражен глубиной исследования и не менее поражен тем, за какой короткий срок Елена смогла ее написать. Даже теоретически предположить это было невыносимо, а она ее сделала. И он завистливо подумал: «Вот талантище Бог ей дал. Как в смекалке, так и в трудолюбии не обидел. Такой колоссальный труд сделала одна меньше чем за год. Эта работа подвластна за этот срок лишь отделу, а она одна справилась. Скажи кому-нибудь – не поверят. Я и сам бы не поверил, если бы все это не происходило на моих глазах. Теперь я свой талант должен проявить: суметь ее умело затереть...»

Ягодкин долго обдумывал план: как он завтра с Еленой пойдет к Анатолию Валентиновичу, что ему скажет. Он боялся, что при встрече с директором института или с Еленой артистизм его подведет и все его коварные замыслы провалятся с треском.

На следующий день начальник отдела умышленно задержался дома и на работу пришел не к восьми часам, как они договаривались с Еленой, а около одиннадцати. Заметив Елену возле своего кабинета, где она его уже поджидала больше трех

часов, он зашагал медленной, болезненной походкой. Подойдя к ней, он больным голосом заговорил:

- Елена Васильевна, я совершенно расхворался. Но не мог вас подвести, поэтому и пришел. Но диссертацию я не прочитал. У меня буквально не было сил. Но это не страшно. Время терпит. Я ее на этой неделе почитаю. Думаю, оклемаюсь. Ну а коль я пришел, то к Анатолию Валентиновичу давайте все-таки сходим. Пойдемте, Елена Васильевна, - пропуская ее вперед, сказал Тарас Михайлович.

И они зашли в приемную директора. Секретарь приемной доложила о них Анатолию Валентиновичу, и тот попросил их зайти.

- Здравствуйте, дорогой Анатолий Валентинович! С возвращением вас. Мы вас с Еленой Васильевной ждали. Как ваше драгоценнейшее здоровье? Погода же в Москве стояла дождливая, и я очень переживал за вас, зная о том, что вы страдаете ревматизмом. А дождик - первый враг этой болезни. Вы же себя не жалеете, все об институте хлопочете. Как командировочка, Анатолий Валентинович, успешно прошла?

- Присаживайтесь, Тарас Михайлович, Елена Васильевна. Командировка, можно сказать, себя оправдала. Кстати, там я говорил об открытиях Михайловой. Они нашими темами очень заинтересовались. Так что готовьте конкретные предложения и образцы.

- Анатолий Валентинович, этими вопросами заинтересовалось и наше министерство. Они прислали распоряжение, чтобы мы предоставили им аналитические тезисы по этим темам. Может быть, им тоже направить? А еще лучше мне с Еленой Васильевной как с автором этих открытый съездить в Киев и там на месте, с глазу на глаз, более детально обсудить все вопросы.

- Почему бы и не съездить? Раз министерство требует, то мы требование министерства должны выполнять. Тарас Михайлович, вы право автора на открытие Елены Васильевны оформили?

- Да, Анатолий Валентинович, оформил. Прав-

да, там небольшая задержка произошла с выдачей официального документа на Елену Васильевну, поэтому мы с ней поедем и там на месте решим все проблемы.

- Как вы, Елена Васильевна, согласны в Киев ехать?

- Конечно согласна, - ответила Михайлова.

- Как у вас дела с диссертацией?

- Двигутся. Иду к завершению. Только вот Тарас Михайлович не читал ее...

- В свое оправдание, Анатолий Валентинович, ничего, к сожалению, не могу сказать. Не успел прочитать... Правда, в последние дни прихворнул немного. И сегодня к вам с температурой пришел.

- Зачем же вы тогда, Тарас Михайлович, пришли на работу? Лечиться нужно. Идите в больницу.

- Спасибо, Анатолий Валентинович. Сердобольный вы у нас руководитель, с вами приятно работать. Если вы разрешаете, то я пойду полечусь. Думаю, дня через три-четыре буду здоров и в понедельник можно будет съездить с Еленой Васильевной в Киев.

- Оформляйте командировку и счастливого пути, - доброжелательно ответил директор.

Довольный решением вопроса, начальник отдела, обращаясь к Елене, сказал:

- У Анатолия Валентиновича после командировки накопилось множество вопросов, поэтому не будем больше у директора забирать его драгоценнейшее время. Нас Анатолий Валентинович, спасибо, принял и как по мановению волшебной палочки, разрешил все наши проблемы.

Светясь весь радостью, Тарас Михайлович поднялся со стула и направился к выходу, по-джентльменски пропустив Елену вперед, ловким движением открыл перед ней дверь кабинета. Выйдя в коридор, он восторженно сказал:

- Видите, Леночка, как все хорошо получается! Я к концу недели, думаю, от своей болячки, которая на меня напала, избавлюсь. И тогда в

понедельник мы с вами махнем в Киев. Вы сейчас идите на свое рабочее место, а я тем временем позвоню в Киев и узнаю, смогут нас там принять или нет. Что зря ехать? Когда переговорю, мы с вами все уже более детально обсудим.

Ягодкин набрал номер телефона начальника научно-производственного отдела министерства Маглинина Станислава Владимировича и елейным голосом начал:

- Добрый день, дорогой Станислав Владимирович! Как вы себя чувствуете? Как в стольном граде вы поживаете?

- День добрый, Тарас Михайлович! У нас все по-старому. Город наш стоит. Вот-вот каштаны должны зацвести. Так что приезжайте полюбоваться нашими каштанами.

- Вы все шутите, Станислав Владимирович! Каштаны в марте не цветут! Но к вам я действительно собираюсь. У меня для вас есть очень интересные новости. Но их по телефону я сказать вам не могу. Я приеду не один, а со своей сотрудницей. Номерочки в гостинице там у вас можно забронировать?..

- На сколько дней?

- Дня на два, Станислав Владимирович..

- Приезжайте. У нас в министерстве на это время никаких совещаний не намечается, поэтому свободные места в нашей гостинице имеются. Я вам два места бронирую.

- Спасибо, дружище. Что из нашего прославленного Донецка вам привезти?

- Ничего, Тарас Михайлович, не нужно... До свидания... До встречи на киевской земле...

ГЛАВА XIII

Станислав Владимирович положил трубку на рычажок голубого телефона. А Ягодкин еще несколько секунд держал свою во влажной от напря-

жения руке, охваченный мыслью, какой же гостинец повезти Станиславу Владимировичу. Вспомнив, что у него в загашнике имеется достойный презент, успокоился и вызвал Елену.

- Елена Васильевна, я договорился: в Киеве в гостинице нам забронируют места. Так что оформляйте на меня и вас командировки с понедельника и по четверг. Думаю, что за это время мы там решим все наши вопросы. А я сейчас же пойду в больницу, пусть они выпишут мне какой-нибудь микстуры, чтобы я успел выздороветь. Когда возьмете билеты на Киев, позвоните мне домой. Условились, Елена Васильевна?

- Да...

- Вот и отлично! Тогда я побежал.

И, действительно, начальник отдела побежал. Но поспешил он не в больницу, так как был, как помнит читатель, абсолютно здоров, а к машинистке, которая печатала переданную им Еленину диссертацию.

- Катенька, ты начала печатать?

- Нет, Тарас Михайлович. Очень много дали срочного материала, поэтому я вашу работу еще и не открывала.

- Вы что, Катенька, по-живому меня режете... Эту работу я у вас должен завтра забрать, проверить ее и отвезти в понедельник в Киев. Меня с этой работой специально в командировку направляет мой начальник. Так что я прошу все материалы отложить в сторону. За срочность, Катенька, я вам доплачу.

- Тарас Михайлович, если это нужно для вашего института, то почему же вы не печатаете в институте?

- Да у нас Вера заболела, а те две безграмотно печатают, - обманув Катеньку, сказал профессор. - Поэтому, Катенька, от вас зависит моя судьба. Выручите меня, я в долгу не останусь, - и он достал из кожаного портмоне двойную сумму и, положив деньги на стол, по-отцовски ласково промолвил:

- Сдачи не нужно, это вам на сладости, чтобы

были радости.

И умиленный своей находчивостью и богатством словарного запаса, мило улыбнулся Катеньке и вышел, подумав: «Все-таки в поликлинику на самом деле надо сходить... А то чего доброго... Уличить меня смогут... Прогулы поставят... И прощайте тогда все мои сладкие мечты».

В поликлинике у него был не то чтобы друг, но хороший знакомый – терапевт Шуринов Анатолий Иванович. Зайдя в его кабинет, Ягодкин положил левую руку на голову и болезненно запричитал:

– Анатолий Иванович, спасите. Голова проклятая так разболелась, что нету никакой мочи. А в понедельник в командировку начальство посылает. Подремонтируйте меня. Выпишите мне таблеток, чтобы эти три дня я дома смог полечиться.

– Раздевайтесь, Тарас Михайлович, сейчас я вас осмотрю, что там с вами приключилось. Давление у вас нормальное, сердцебиение ритмичное, дыхание чистое.

– Но голова, Анатолий Иванович, так болит в висках, что работать я совершенно не могу. Вот был на работе, да боль к вам пригнала.

– Выпишу я вам, Тарас Михайлович, на три дня больничный, а там посмотрим, что с вами делать. В понедельник придете.

– Спаситель вы наш. Да не могу я, Анатолий Иванович, к вам в понедельник прийти. Я же вам сказал, что в командировку начальство посылает. Уже я и билеты взял, поэтому прошу, закройте больничный субботой, чтобы я к вам не приходил.

– Сделаем, профессор, по-вашему. Но в случае, если будет плохо, то приходите в субботу или после командировки.

– Спасибо, Анатолий Иванович, за сочувствие, добрый прием и ваше чуткое сердце. Если боль в голове не прекратится, то я непременно так и сделаю, как вы говорите, – и начальник отдела, взяв больничный лист и рецепт, пошagal домой.

– Тарасулечка, что это ты так рано? Не слу-

чилось ли чего? – озабоченно спросила его жена Лариса Васильевна.

– Ничего серьезного, немного приболел. Голова что-то разболелась. Вот зашел в больницу. Выписали освобождение от работы на три дня. В понедельник я еду в командировку. Так что займись приготовлениями.

– А я тоже хочу с тобой в Киев поехать.

– Этого еще не хватало! – раздраженно ответил Тарас Михайлович.

– Так вот всегда. Ты кругом ездешь: то в Москву, то в Ленинград, то в Киев, а я никуда. Вечно сижу дома одна. На работу ты меня не пускаешь и с собой никуда не берешь. Ведь я же не старуха, – обиженно сказала жена.

Ларису Васильевну действительно нельзя было назвать старухой. Она была цветущей женщиной. С виду ей можно было дать лет тридцать пять. Высокая, стройная, с выразительными чертами лица и вьющимися длинными черными волосами она напоминала знаменитую актрису Быстрицкую, которая не сходила с экранов телевизоров, исполняя главные роли в популярных фильмах. Ларису Васильевну радовало ее сходство с известной артисткой. Она этим гордилась и всегда, как только представлялась возможность, стремилась это подчеркнуть, что вызывало раздражение у мужа.

– Тебя возьми, ты будешь выпендриваться, дорогая моя Лариса Васильевна, что ты великая звезда экрана. Поэтому посиди дома. У меня ответственная командировка. Мне нужно в Киеве решить серьезные вопросы. И там мне будет не до тебя... В следующий раз когда-нибудь поедем вместе. А сейчас собери на стол. Я еще не обедал, – более спокойным тоном закончил свою речь Тарас Михайлович.

Лариса Васильевна накрыла стол белой скатертью, разложив по правую руку ножи и вилки. Подала жаркое в томате – любимое блюдо мужа. Еще в красивой тарелке подала для него салат из свежей капусты, обильно сдобрив его растительным

маслом и уксусом, а для себя она достала из трехлитровой банки квашеные красные помидоры. И они вдвоем сели трапезничать.

- Почему Эдуарда до сих пор нет дома?

- Из школы еще нет. Он говорил, что у него сегодня дополнительные занятия по математике.

- Он же в этом году заканчивает десять классов. Надо, чтобы у него был хороший аттестат. Ты, Лариса, смотри за ним строго.

- Тарасулечка, я и так каждый день его дневник проверяю. Забыла тебе рассказать. Я же на той неделе была на родительском собрании. Классная руководительница говорила, что будет у Эдика хороший аттестат. Правда, она намекала, чтобы мы помогли немножко с ремонтом класса.

- Поможем... Куда же деваться?! Сын у нас единственный. За уши, а в люди его надо вывести.. Ну давай, что у тебя еще есть? - доедая жаркое, спросил вспотевший супруг.

- Твое любимое печенье я напекла, омлет приготвила.

- Омлет я не хочу. Печенья с кофечком подай.

- Тебе с сахаром или с шоколадом? - заботливо спросила Лариса Васильевна.

- С шоколадом и со сливками сделай, я хочу взбодриться и поработать.

- Тарасульчик, у тебя же головушка болит, ложись и отдохни. Никакой работы.

Тарас Михайлович совершенно забыл, что он должен играть роль больного. Жене он никогда не поверял свое сокровенное и тайное. Он считал ее пустоватой, способной весь свой внутренний мир выплеснуть наружу. Но ему с ней жилось уютно. Лариса Васильевна холила его, заботилась о нем, как о малом ребенке. По дому он не выполнял никаких обязанностей. Все делала жена. Тарасульчик был к ней строг и взыскателен. Он каждый день требовал, чтобы она готовила ему свежую и непременно белую или голубую рубашку, чистила костюм и обувь. И Лариса Васильевна безоговорочно выполняла все его поручения.

- Лариса, я полежу, а ты пойдешь в гастроном к заведующему и купи шахтерские торты. Я Александр Терентьевич просил оставить для меня парочку. Да смотри, зайдешь с черного хода. И возьми большую сумку, чтобы не видно было, что несешь. И купи пять бутылок коньяку «Чайка». Поняла?!

- Поняла, Тарасулечка. Сейчас сбегать. Я тебе еще прихвачу копченой колбаски палочки три и икорочки черной и красной, а то что ты там, дорогой, будешь есть?

- Где ты это все возьмешь? Я об этом с Александром Терентьевичем не договаривался.

- Не волнуйся. Я сумею все это у него выпросить.

Убрав все со стола, вымыв посуду, модно одевшись, Лариса Васильевна отправилась в гастроном. Зашла с черного хода к Александру Терентьевичу и, по-свойски его поцеловав, сказала:

- Сашуленька, я вновь к тебе пришла... Опять разорять тебя буду... Мне нужно купить тортики шахтерские, колбаску копченую трех сортов, икорочку, лосось, ну и еще, что ты считаешь нужным моему дражайшему супругу. Он отправляется в Киев решать важные дела.

- Лариса, если бы я тебя не любил, то кукиш бы ему я это все отпустил. Это же такой дефицит. Приходил, просил меня директор завода шахтерский торт, он, кстати, тоже отправляется в командировку, а я ему отказал. А ты просишь в пять раз больше. Но тебе, моя артисточка, отказать не могу.

Он взял своими неуклюжими, не совсем чистыми руками Ларису за лицо и с наслаждением поцеловал ее в красивые, трепещущие похоть губы.

- Ой, что ты делаешь?! Не шали! Люди зайдут! - манерно вымолвила покупательница.

И действительно, послышались шаги одной из продавщиц. Александр Терентьевич быстро отошел в сторону, а Лариса села на рядом стоящий стул. Заведующий послал продавщицу в склад, чтобы она принесла заказ Ларисы Васильевны.

Пока она ходила, Александр Терентьевич с Ларисой Васильевной договорились о встрече, чтобы в свое, как сказал заведующий, удовольствие они смогли провести время.

Через несколько минут продавщица принесла полный заказ Ларисы Васильевны. Отоварившись, она так же незаметно вышла от заведующего гастронома, как и зашла. Сев в такси, в мечтательном настроении поехала к своему любимому Тарасульчику, который в это время, лежа на диване, разрабатывал коварный план по осуществлению своего корыстного замысла, направленного против Анатолия Валентиновича и Елены.

Елена, выполнив поручение Тараса Михайловича, позвонила ему и сообщила, что командировки она оформила и купила билеты в Киев на скорый поезд «Донецк-Киев», который отправляется в столицу Украины вечером, в двадцать минут шестого с первой платформы.

Встретившись на перроне под большими круглыми часами на граненой стойке за пятнадцать минут до отхода поезда, Елена и Тарас Михайлович обменялись приветствиями и направились в свой вагон. Когда они вошли в купе, там уже находился молодой человек лет двадцати пяти, высокий, черноглазый, похожий на цыгана. Незадолго до отправления поезда в купе еще вошел запыхавшийся грузный мужчина лет пятидесяти. Разместившись, переодевшись в спортивные костюмы, пассажиры купе в полном составе последовали в столицу.

Вначале после знакомства с соседями по купе Ягодкин вел себя чопорно, высокомерно. Когда же в ходе беседы выяснилось, что грузный, не совсем хорошо одетый пассажир – это директор Киевского станкостроительного завода Селизнев Василий Миронович, Тарас Михайлович моментально изменил свое отношение к нему. Речь его стала заискивающей. В обращении он стал деликатен.

Елена согласно места, указанного в билете, забралась на верхнюю полку. Взяла книгу и, ни на кого не обращая внимания, стала читать. Ее примеру последовал молодой человек, которого звали

Павел.

Вскоре в купе вошла проводница и предложила чаю. Елена отказалась. Павел тоже не пожелал пить. Тарас Михайлович любезно попросил чай для себя и Василия Мироновича, достал из кожаной черной сумки приготовленный женой на всякий случай ужин, разложил его на столике и стал доброжелательно приглашать директора разделить с ним трапезу. Василий Миронович не заставил себя долго упрашивать, поскольку он целый день был на заводе и не успел не только поужинать, но и пообедать. Тогда к ужину Ягодкин достал бутылочку коньяку, и они незаметно выпили с полбутылки. Беседа после ужина у них пошла более оживленно. В десять часов вечера общий свет в купе был выключен. Быстро постелив постели, Тарас Михайлович и Василий Миронович легли и, пожелав друг другу спокойной ночи, утомонились. Около одиннадцати все пассажиры десятого купе мирно спали.

Утром, в восемь часов, поезд в Киев прибыл без опоздания. Возле вагонов было много встречающих. Пришли встречать и Василия Мироновича: его водитель и главный инженер завода. Теперь Василий Миронович на правах хозяина любезно пригласил Тараса Михайловича и Елену в машину и подвез их до Министерства обороны. Проникновенно поблагодарив директора завода и пригласив его в гости, Тарас Михайлович вышел из машины. И, обращаясь к Елене, сказал:

- Начало в Киеве у нас с вами, Елена Васильевна, пока сложилось неплохо. Еще рано... Работники министерства придут к девяти... Пойдемте в кафе, позавтракаем и время скоротаем.

Они зашли в кафе, сдали вещи, сняли верхнюю одежду, помыли руки, сели за круглый деревянный столик, застеленный голубой скатертью. Тарас Михайлович спросил:

- Леночка, что мы с вами закажем?

- Я еще, Тарас Михайлович, завтракать не хочу.

- Не скромничайте, Елена Васильевна. Вы же

вчера в поезде ничего не ели. Мы с Василием Мироновичем плотно поужинали, а я и то уже есть хочу. Я себе закажу стакан сметаны, порцию творога, оладьи, кашу манную и чай.

- Я тоже самое, только без сметаны, - смущенно ответила Елена.

Они дружно поели. Взяв вещи, пошли в министерство. В министерстве, подойдя к раздевалке, сдали верхнюю одежду и поднялись на второй этаж к начальнику научно-производственного отдела Малинину Станиславу Владимировичу. Перед дверью Тарас Михайлович сказал Елене:

- Видите ли, Елена Васильевна, нам не совсем удобно сразу вдвоем заходить. У нас со Станиславом Владимировичем сложилась традиция. Мы всегда приезд друг к другу отмечаем чарочкой коньячку. А при вас это сделать будет неудобно. Вы побудьте здесь, потом зайдете.

Сказав это, Ягодкин быстро открыл дверь и зашел к Малинину.

- О! Тарас Михайлович! - радостно воскликнул Станислав Владимирович. - Заходите! - встал из черного кожаного кресла и пошел навстречу гостю. Поравнявшись с Тарасом Михайловичем, он обнял его, и они расцеловались.

- Как добрались?

- Прекрасно, Станислав Владимирович. У вас есть с полчаса времени? У меня для вас имеются интересные новости.

- Минутку. Я сейчас закрою дверь, и мы поговорим с вами вдоволь, Тарас Михайлович.

- Я для вас вот, Станислав Владимирович, гостинцы привез: шахтерский торт, икорки, коньячку, рыбных консервов и так далее, - и он вынул из сумки специально приготовленный пакет и передал его Станиславу Владимировичу, а другой пакет Ягодкин достал и положил на стол. По-быстрому развернул. В свертке оказалась нарезка из разных сортов колбасы, сыр, хлеб. Здесь же были упакованы и походные стаканчики. Достав из сумки нож, он нарезал дольками яблоки, лимоны, разложил их на походные тарелки, и стол получился богатый яствами.

Станислав Владимирович, налив в стаканчики коньячку, сказал:

- За ваш приезд, Тарас Михайлович!

- Спасибо! А я пью за нашу с вами, Станислав Владимирович, встречу.

Они выпили, слегка закусили, налили по второй и вновь выпили.

- Ну, рассказывайте же, Тарас Михайлович, какие у вас новости?

- Новости, Станислав Владимирович, прямо-таки пикантные... Наш старый дуралей, Анатолий Валентинович, совершенно потерял голову, влюбился... Есть у нас такая Михайлова Елена Васильевна. На лицо очень смазливая, но не совсем умная. Зато амбициозная. Около года назад защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, которую она и не писала. Ее написал наш же маразматик. Он был ее руководителем. Теперь, чтобы как-то ее удержать возле себя, наш директор заставил меня быть ее научным консультантом по написанию докторской диссертации. Он узнал, что я сделал два открытия. Вот привез, чтобы их зарегистрировать и получить на них авторские документы, поскольку наш крепин просил меня, чтобы я одно открытие оформил на нее, то есть на Елену Васильевну.

- Тарас Михайлович, да вашего же директора я знаю немало лет! У него же не было тех наклонностей, о которых вы говорите!

- Правильно, Станислав Владимирович, не было. А точнее сказать, так они просто не проявлялись. Он всегда тайно за красивыми девицами приударивал. А сейчас он перешел все границы, в маразм от старости впал. Ему же уже под семьдесят. Надо его заменять другим. Молодым, энергичным.

- Как вы, Тарас Михайлович?!

- Да я бы, Станислав Владимирович, не отказался. И вам бы услугу сделал. Я на основании своих открытий почти полностью написал докторскую диссертацию. Мне она не нужна, я же уже доктор. Сын мой еще учащийся. Вот вашему бы

Денису ее приспособить... Было бы очень здорово... Я эту диссертацию с собой привез. Вот посмотрите, Станислав Владимирович, здесь дело за малым. Фактически только оформить титульный лист. А автореферат я бы подвез попозже. Ваш Денис когда защитил кандидатскую диссертацию?

- Семь лет назад.

- В каком институте он преподает?

- В нашем политехническом, на кафедре литья и сварки.

- Вот эта диссертация ему бы была очень кстати. Она же как раз связана с индукционной нагревательной установкой для сквозного нагрева металлургических заготовок перед горячей обработкой давлением. Я бы с удовольствием стал у него научным консультантом.

- Интересная идея, Тарас Михайлович. Но потянет ли ее Денис? Сможет ли он все, что здесь написано, связать в кучу?

- А что тут связывать? Станислав Владимирович, в ней все уже есть: и схемы, и выводы, и расчеты, и графики. Диссертация уже готова! Вы возьмите ее домой, пусть Денис посмотрит. Он с ходу все поймет. И завтра с утра мы вернемся к этому разговору. А я сегодня побегаю по всем институтам, оформлю свои открытия. И давайте со стола уберем, а то эта кикимора уже давно за дверью сидит. Еще нажалуется директору.

- Зачем же, Тарас Михайлович, вы ее с собой привезли?

- Иначе меня в командировку он не отпускал. Ведь я же вам говорю: он во что бы то ни стало хочет, чтобы я поделился с ней своими открытиями. Ну для чего это мне случилось? Лучше я с вашим Денисом своими научными новеллами поделюсь как с сыном моего друга... Ну а с ней здесь для отвода глаз... Давайте ей дадим аналогичную тему или эту тему, что указана в диссертации... Вы как начальник научно-производственного отдела утвердите ее, а затем сами же и порвете. Естественно, ей в этом случае нельзя давать копию этого документа. Поэтому давайте, Станис-

лав Владимирович, этот документ сейчас составляем и ей дадим подписать, чтобы она могла доложить своему Анатолию Валентиновичу будто все в ажуре. Я заготовочку еще в Донецке сделал и ее сюда прихватил. Вот посмотрите, Станислав Владимирович.

– Неплохо написано, Тарас Михайлович, положите ее на стол. И давайте на посошок еще по чарочке выпьем, лимончиком закусим. У меня есть такое диковинное средство, которое убивает все запахи спиртного.

Тарас Михайлович и Станислав Владимирович выпили и закусили лимоном, пожевали для пущей бдительности мускатный орех, чтобы не слышался изо рта коньячный запах, и убрали все со стола. Станислав Владимирович сел в свое кресло, а Тарас Михайлович пригласил Елену:

– Елена Васильевна, заходите. Вы извините, что мы вас так долго заставили ждать. Но мы со Станиславом Владимировичем здесь время зря не теряли. Вот подготовили документ, в котором указана ваша тема. Посмотрите, – он дал этот документ Елене. Она его с волнением прочитала. Увидев, что ее тема закреплена за ней, несколько успокоилась.

– Вы согласны, Елена Васильевна, с тем, чтобы Станислав Владимирович утвердил эту тему для вас?

– Да... У меня возражений нет.

– Тогда подписывайте, – воркующим голосом сказал Тарас Михайлович.

– Утвердите и вы, пожалуйста, Станислав Владимирович.

Елена и Станислав Владимирович подписали документ. Ягодкин, суетливо поздравив стороны с событием, сказал:

– Не смеем больше вас, уважаемый Станислав Владимирович, задерживать. Мы и так с Еленой Васильевной отняли у вас море времени. У нас в Киеве еще есть кое-какие дела.

Тарас Михайлович с чувством пожал руку Станиславу Владимировичу. Взяв свою сумку, направился к выходу, за ним рассеянно зашагала и Еле-

на.

– Леночка, вы что такая грустенькая? Вам что-то не нравится? Не обижайтесь на нас со Станиславом Владимировичем, что заставили вас так долго ждать. Мы сейчас наверстаем упущенное время. Я возьму такси, и мы мигом доедем до Государственного комитета Совета Министров по делам изобретений и открытий. До конца рабочего дня, я думаю, успеем попасть на прием и сдать документы.

У Лены неизвестно от чего, но действительно на душе было грустно. Посмотрев своими выразительными глазами на Ягодкина, она произнесла:

– Как-то, Тарас Михайлович, у нас все получается на скаку да на лету.

– А как же вы хотели, Елена Васильевна?! Это же, во-первых, Киев. А во-вторых, мы должны решить многие вопросы за такой короткий срок, иначе Анатолий Валентинович будет недоволен нами. Вот мы и обязаны, как вы говорите, все делать на скаку да на лету, – недовольно ответил профессор. – Лена, побежали!.. Вон такси к остановке подъехало..

И Ягодкин галопом, по-молодецки побежал к остановке. Обращаясь к водителю, он сказал:

– Нас, пожалуйста, до Госкомитета по делам изобретений и открытий. Леночка, садитесь, – открыв для нее заднюю дверь такси, сказал Тарас Михайлович. И они минут через двадцать прибыли к желаемому учреждению.

Государственный комитет Совета Министров Украинской Социалистической Республики имел внушительный вид. Здание было многоэтажным. Дончанам необходимо было подняться на второй этаж. Именно здесь находилась 227 комната, в которую им и нужно было попасть для оформления авторства на открытие.

– Леночка, давайте вашу заявку, доказательства достоверности заявляемого научного положения и остальные материалы. Я сейчас пойду и пробьюсь к Виталию Николаевичу без очереди. А вы побудьте в коридоре, присядьте на стульчик...

Начальник отдела этой службы, так же как и

Станислав Владимирович, уже поджидал Тараса Михайловича. Ягодкин не был с ним в таких дружеских отношениях, как со Станиславом Владимировичем.

- Виталий Николаевич, я наконец-то вырвался к вам. Все шеф никак не пускал. Но я, как говорится, преодолел все препятствия. И вот сегодня я перед вами, поскольку мне не терпится поздравить вас с днем рождения. Я привез вам нашу донбасскую знаменитость - шахтерский торт - и золотые часы новой марки «Заря» первого выпуска. Мне очень хочется, чтобы они своим сиянием освещали ваш путь и приносили вам счастье, - волнуясь, торжественно сказал Тарас Михайлович.

- Спасибо, Тарас Михайлович, за внимание, но это уж очень дорогой подарок.

- Для такого прекрасного человека, как вы, Виталий Николаевич, мне хочется сделать и не такой скромный подарок. Вот когда вы выдадите мне диплом на открытие с поощрительным вознаграждением, то с меня будет причитаться и посущественнее. И я в долгу не останусь. Виталий Николаевич, а мои открытия по аэродинамическому сопротивлению крыла и индуктивной нагревательной установке для сквозного нагрева металлических заготовок перед горячей обработкой давлением зарегистрированы в реестре?

- Да, зарегистрированы. Ваши, Тарас Михайлович, научные открытия имеют особое значение на современном этапе развития научно-технического прогресса, и если в течение годичного срока они не будут опротестованы, то Комитет выдаст вам авторский диплом на эти открытия и сто тысяч рублей поощрительного вознаграждения. Но вам уже меньше осталось ждать, как вы понимаете, не год, а девять месяцев, поскольку вы три месяца назад подали свои документы. Думаю, что девять месяцев быстро пробегут.. И мы с вами будем обмывать ваше открытие и вознаграждение.

- Если все будет хорошо, то, конечно, будем обмывать, Виталий Николаевич. И пятьдесят ты-

сяч вознаграждения я дарю вам. Вы столько много делаете в разрешении проблем, связанных с моими открытиями.

- Мы, Тарас Михайлович, думаем на основании ваших открытий провести научно-практическую конференцию.

- Не стоит, Виталий Николаевич. Я человек суеверный, поэтому не хочу широко обнародовать свои открытия. Пусть пробегут эти девять месяцев, получим с вами поощрительное вознаграждение, тогда уже и проведем. А то знаете, сколько среди нашего брата завистников. Им дай только почву - заклюют.

- Ну что же? Тарас Михайлович, если вы так считаете, то так и поступим, - и добавил: - Какие будут у нас вдруг кляузы, письма, связанные с вашим признанием на открытия, я вам сразу же сообщу.

- Премного вам благодарен, Виталий Николаевич. Очень был рад пообщаться с вами и поздравить вас с днем рождения. Еще раз желаю вам здоровья, счастья и прошу помочь выдержать ожидание до подтверждения открытия, не надоедая вам своим нетерпением, - ележно улыбаясь, сказал Ягодкин.

- Дождетесь, Тарас Михайлович. У нас авторство на открытие охраняется законом.

- Будем надеяться, Виталий Николаевич. Спасибо вам за добрые слова и хорошие новости.. Я побежал.. Там за дверью сидит моя сотрудница. Она приехала по заданию директора на станкостроительный завод к Селизневу Василию Мироновичу, да за мной увязалась. Надо с ней туда проехать, помочь, а то у нее ничего не получается, - скрыв правду, лукавил Ягодкин.

- В таком случае, Тарас Михайлович, не смею вас задерживать.

Размашисто открыв дверь, Тарас Михайлович со слащавой улыбкой на лице подошел к Елене:

- Поздравляю, дорогая Елена Васильевна, с регистрацией ваших открытий. Сказали, что через год вам выдадут диплом. Поэтому с вами, если вы меня возьмете, мы сюда через год за получени-

ем приедем.

- Что, все уже? Мою заявку на открытия и в самом деле зарегистрировали?

- Да, Леночка, поедем завтра домой и порадуем нашего уважаемого Анатолия Валентиновича. Он так за ваши открытия переживал. Ну, теперь все в порядке. Мы выполнили задание директора, можно и расслабиться. Так что, гордость нашего института, с вас причитается. Пойдемте в ресторан, отметим это великое событие.

- Может быть, Тарас Михайлович, мы в ресторан пойдем, когда авторский диплом получим?

- Ой, какая вы, Леночка, прижимистая, - сказал Ягодкин, прекрасно поняв, что у Елены просто нет денег и ей нечем в ресторане будет рассчитываться.

- Тогда, Леночка, я считаю за честь пригласить вас в ресторан. И там во славу вашего таланта и процветания нашего института по-нашему, по-настоящему от души вас поздравить.

Почувствовав, что от приглашения начальника отдела ей не отговориться, Елена сказала:

- Тарас Михайлович, в ресторан я не иду потому, что у меня нет свободных денег. Если вы займете мне, то я согласна идти.

- Чудесно, Леночка!.. Я с великим удовольствием вам займу.

Они зашли в находившийся неподалеку ресторан, сделали богатый заказ, состоящий из бутербродов с красной и черной икрой, бефстроганов, салята из свежих огурцов, жареных грибов и трехсот граммов хорошего коньяку.

Профессор налил в рюмки коньяку и, лукаво заглядывая в глаза Елене, проворковал:

- Леночка, я так счастлив, что встретил тебя. Ты такая славная, умная и талантливая. Я поздравляю тебя с великим успехом - регистрацией твоих открытий - и хочу выпить за тебя и твое авторство на них. Прошу меня в этом поддержать. Ты мне, Леночка, в честь такого события разреши называть тебя на ты. Сегодня же необыкновенный для тебя день и мне повезло, что я

стал если не твоим другом, то твоим непосредственным консультантом. Но соискательница превзошла своего научного консультанта. Я очень рад и горд за тебя.

Тарас Михайлович и Елена выпили и приступили к трапезе. Бефстроганов оказался на редкость вкусным блюдом. Тонкие ломтики мяса, протушенные в сметанном соусе, во рту словно таяли. Елена и Тарас Михайлович ели с большим удовольствием.

– Леночка, надо повторить. Я еще налью коньячку, а то поедим весь бефстроганов и коньяк не подо что будет пить, – игриво шутил Тарас Михайлович. – Я, Леночка, вновь предлагаю выпить за тебя и за нашего Анатолия Валентиновича. Он, Леночка, уж очень тебя опекает, я даже ему завидую. Я тоже тебя хочу опекать. Хотя знаю: это он открыл этого красивого гения, сидящего передо мной.

После второй стопки коньяку профессор стал еще разговорчивее и любезнее. Он без умолку говорил Елене о ее достоинствах, таланте, регистрации ее открытий. Она не выдержала и сказала:

– Тарас Михайлович, ну что вы говорите все обо мне да обо мне. Расскажите лучше о себе.

– Что, Леночка, что мне про себя рассказать? Я прошел уже большой жизненный путь. Много на своем веку повидал, но такую красавицу, как ты, не находил. И лишь под закат встретил. Знаешь, Леночка, ты будишь во мне чувства и воскрешаешь любовь, которая во мне давно, как я считал, умерла. Твой талант, красота и молодость меня бодрят, заставляют молодеть и чувствовать жизнь иначе. Ты – мой цветок любви, радости и счастья. Ты как алмаз переливаешься своими дарованиями, которые меня к тебе зовут своими совершенствами.

Слова, которые говорил Ягодкин, совершенно не волновали душу Елены. Она их слушала, но сердце оставалось равнодушным. Они были словно вода, которая, сбегая с жира, не оставляет следа.

– Тарас Михайлович, вы опять перешли на меня. Я не люблю, когда мне говорят комплимен-

ты или такие эпитеты.

– Елена Васильевна, вы сухарь, бездушный и бесчувственный человек. Неужели я вам ни капельки не нравлюсь? Вы совершенно на меня не обращаете внимания.

Елена заметила, что начальник отдела в обращении к ней вновь перешел с ты на вы, и это ее насторожило. Она поняла, что ее равнодушие к нему гневит его. И, чтобы хоть как-то разрядить сложившуюся ситуацию, сказала:

– Что вы, Тарас Михайлович?! Конечно же, нравитесь. Вы эффектный мужчина. В вас есть и красота стройного дуба, и взор орла, и мысль великого философа, и нежность сияющей дали, и строгость великого Драконта, и молодость весеннего зова. Но в вас нет, как мне показалось, распахнутости души, юношеского задора, чувственной проникновенности. А вы на меня обижаетесь, – дружески, с улыбкой на устах, пошутила Елена. – Так что один : один, Тарас Михайлович.

– Вы только посмотрите, какая она наблюдательная! Я принимаю ваш счет. Дружеская ничья. Я вас упрекнул в черствости, а вы во мне нашли бесчувственность.

И он подумал: «Не такая уж она и простушка. Вон как меня раскусила, как лесной орех. Надо вести себя с ней сдержанней и не навязывать ей себя. Такие, как Елена, этого не терпят. А то все можно испортить. Но посмотрим, чья возьмет!»

– А не пора ли нам в гостиницу, Тарас Михайлович?

– Да, Елена Васильевна, пожалуй, пора. Пойдемте отдыхать. А то мне завтра надо будет по Киеву побегать. Кое-что друзья просили купить...

В гостинице их ожидали скромные номера. Ягодкин был поселен в двухместный номер, а Елена – в четырехместный.

Елена с утомленным и подавленным настроением, умывшись, сразу легла отдыхать. В комнате кроме нее было еще две женщины. Одна из них читала, а та, что помоложе, спала крепким сном. Поэтому Елене было корректно не вступать в бе-

седу. Молча лежа на кровати, она думала:

«Все-таки Тарас Михайлович странный человек. Решаются мои дела, а он меня никуда не приглашает с собой, все оставляет за дверью кабинетов. Все делает без меня. Как-то нехорошо получается. А может быть, так и надо... Я же никогда не оформляла свои открытия. Стажа научного у меня мало, меня никто не знает. А у него солидный стаж работы, всех он знает. Я, наверное, его стесняла бы решать мои же вопросы, поэтому он и оставлял меня за дверью и меня ставил только перед фактом содеянного. Но, наверное, в таких кругах так и надо поступать», – утешала себя Елена.

Но внутренний голос ей подсказывал и предупреждал: «Берегись его, Елена. Он скользкий, корыстный и непорядочный человек. Он все делает ради своей выгоды. В нем нет совести. Ягодкин перед тобой лебезит, пока ты ему нужна. Но как добьется своей цели, то унизит, растопчет тебя. В нем нет сердца, нет и совести. Тарас Михайлович как хамелеон, который в зависимости от ситуации меняет свою окраску. Он завистник и карьерист. Ягодкин ради достижения своей цели пойдет на все. Запомни это, Елена. Не верь ему и не будь с ним откровенна. И перепроверь все его действия по отношению к тебе».

Второй же голос ее, напротив, успокаивал и говорил:

«Мужчина Ягодкин, конечно, сложный, но не такой уж опасный. И если ты будешь его перепроверять, то профессор тебя выгонит, поскольку тайно ты этого сделать не сможешь, а явно – он не позволит. Тарас Михайлович амбициозный, но он же в любом случае мужчина, а ты женщина, да еще красивая и умная. Так найди к нему ключ, научись открывать и закрывать тайны его сердца. Если ты захочешь, то сумеешь. Ты же видишь – Ягодкин к тебе неравнодушен. Он тебя, как Дмитрий или как Николай Иванович, никогда не сможет полюбить, но в плену сердца твоего профессор желает быть. Воспользуйся этим. Ты силь-

нее, умнее его. В тебе цветущая молодость, незаурядный ум, редкая красота. Так взнуздай его своими неординарными качествами и повелевай им в свое удовольствие...»

Прервав ход мыслей в Елене, взбунтовавшийся следующий голос заговорил:

«Не смей порочить себя. Береги свою честь и достоинство. Бог дал тебе ум, красоту и талант для того, чтобы ты ими не извлекала для себя корысть, а трудилась, своим примером являла бы честность, доброту, была строгой и помогала людям. Ты та единица, которая должна стать впереди нолей. И помни: нолей много, а без единиц они ничего не значат. Но единицам дорога выпадает тернистая, сложная. Ее не одолеет слабый. Она подвластна только сильному, милостивому, открытому и честному человеку. И если ты из этих качеств потеряешь хотя бы одно, то встанешь в ряд нолей...»

Голова у Елены разболелась от давящих противоречием голосов, которые кричали, подначивали, звали ее ко злу, греховности. Но сквозь них далеко в подсознании она слышала властный голос, призывающий ее ко смирению. И лишь под утро, устав от гомона внутренних голосов, Елена забылась в тревожном сне.

Ее сон был прерван стуком Ягодкина в дверь. Извинившись за ранний визит, он сказал:

- Елена Васильевна, как я вам вчера говорил, мне надо выполнить просьбы друзей. Сейчас поеду в магазины, выполню их заказы и к отходу поезда приду в гостиницу. Поезд наш когда из Киева отправляется?

- В пятнадцать часов, Тарас Михайлович.

- Тогда я сюда забегу где-то около тринадцати для того, чтобы собраться. Вещи я с собой не беру. После магазинов я упакуюсь и зайду за вами.

- Хорошо, Тарас Михайлович.

И Ягодкин отправился, как понял читатель, не в магазины, а, в первую очередь, к Станиславу Владимировичу. Они вновь в кабинете у начальника научно-производственного отдела расстелили скатерть-самобранку, выпили коньячку и продол-

жили разговор на вчерашнюю тему.

- Станислав Владимирович, вы не забыли сыну показать диссертационный материал?

- Принес его домой и показал сыну. Денис посмотрел и сказал, что эту тему он потянет и сможет по ней защититься, если вы, Тарас Михайлович, не возражаете.

- Ну что вы, Станислав Владимирович, я же его с этой целью и привез.

- Тогда, как я понимаю, для вас нам осталось только подготовить кресло директора института. А что мы будем делать с Ямшиковым?.. Тарас Михайлович?

- Не знаю... На пенсию его, может быть, отправить?..

- Нет, Тарас Михайлович, на пенсию такого авторитетного ученого отправлять нельзя... Пусть он поработает... Как вы думаете? Давайте сделаем рокировку: Анатолия Валентиновича назначим на ваше место, а вас на его... Пойдет такой вариант? Легче для всех такую перестановку сделать... А дальше дело покажет. Если не будет Анатолий Валентинович вмешиваться в ваши дела, то пусть работает сколько пожелает, а если будет нос совать не туда, куда надо, - уволим. Сейчас время для смещения Ямшикова наиболее удачное. Недавно, вы же знаете, назначен новый заместитель министра Иванов Сергей Данилович. В его ведении находятся кадры. Я думаю, Тарас Михайлович, в моей просьбе он мне не откажет. Сергей Данилович ведь мой кум, я ему помогал в его назначении. Полагаю, и мне он ответит взаимностью. А когда, Тарас Михайлович, мы определим защиту сына?

- Мне бы было удобно, Станислав Владимирович, осуществить защиту, когда я стану директором. Тогда легче будет договориться и с оппонентами, и с ведущей организацией, и с местом защиты. Так что, дружище, это в немалой степени зависит и от вас.

- В этом месяце, я думаю, мы вопрос с вашим назначением, Тарас Михайлович, решим.

- Тогда, Станислав Владимирович, я сумею помочь и организовать защиту в конце июня.

- С понедельника заместитель на работе будет, а приезжает он из Таллина в воскресенье. Я пойду его встречать на железнодорожный вокзал, проведу до дома, и у него обсудим все наши планы. А в понедельник я вам, Тарас Михайлович, или на работу, или домой позвоню и сообщу результат беседы.

Тарас Михайлович, наполненный черными чувствами, которые согревали его нечестивую душу, отправился по магазинам. Для отвода глаз он купил различные подарки, в том числе и наливную ручку с золотым пером для Анатолия Валентиновича, и поспешил в гостиницу к условленному часу.

- Елена Васильевна, спешу вам доложить, что я прибыл. Исколесил весь Киев, но ничего путного не нашел. Вот жене только платье купил и сыну спортивный костюм, а заказы друзей не выполнил. Считаю, что попусту только время потратил, - сообщил Ягодкин. - Вы, Елена Васильевна, надеюсь позавтракали?

- Да, Тарас Михайлович.

- А сейчас пойдете в буфет перед дорогой перехватим.

- Я еще не голодна.

- Дорогая Елена Васильевна, аппетит приходит во время еды. Дорога дальняя. Нужно нам с вами фактически и пообедать, и поужинать. Поезд приходит в Донецк под утро. Так что пойдете!

Уловив начальственный тон профессора, Елена без дальнейшего сопротивления пошла с ним в буфет. Там они подкрепились и кое-что взяли в дорогу.

Всю дорогу в поезде начальник отдела живоленно говорил то с Еленой, то с Натальей, молоденькой девушкой, которая ехала с ними в одном купе.

- Наташа, по какому случаю вы жалуете к нам в Донецк?

- Я еду к родителям. Соскучилась за ними

очень. В Киеве я учусь в политехническом институте.

- На каком же курсе вы изволите учиться? - кокетливо и слащаво продолжал расспросы Ягодкин.

- На четвертом.

- О! Так вы через год уже заканчиваете институт? Куда будете распределяться?

- Не знаю. Нас еще не распределяли. Но, кажется, предварительно всех отличников будут распределять в научно-исследовательские институты.

- А вы на отлично учитесь?

- Да. Думаю диплом с отличием получить. А там как получится.

- Нам отличники нужны. Правда, Елена Васильевна? - обращаясь к ней, продолжал Тарас Михайлович. Елене не хотелось вступать в беседу, и она лишь утвердительно кивнула головой.

- Ну вот видите, - не унимался Ягодкин, - даже Елена Васильевна согласилась. А она у нас строгая и зря слов на ветер не бросает. Наточка, а где работают ваши родители?

- Мама - учительница, а папа - главный конструктор машиностроительного завода. Он вот в мае собирается защищать кандидатскую диссертацию.

- Это Мирон Иосифович ваш отец?

- Да, - гордо ответила Наташа.

- О! Я знаю Мирона Иосифовича. Мы с ним вместе учились в одном институте. Только я шел на два курса впереди...

Елена тоже знала Мирона Иосифовича и подумала: «Мирон Иосифович хороший, ответственный конструктор и прекрасный человек. Он не раз помогал мне оформлять рационализаторские предложения, когда я работала токарем на том заводе. Возможно, ему нужна будет какая-либо помощь, и я с радостью помогу ему. Надо ему позвонить».

Елена отвлеклась от разговора Ягодкина и Наташи, она погрузилась в мир воспоминаний о работе на заводе, о людях, которые окружали ее там.

Анализируя деятельность на заводе и в научно-исследовательском институте, Лена пришла к выводу, что работники завода грубее, но они светлее душой, более открыты, трудолюбивее, чем сотрудники института. Институтские работники, как ей показалось, белоручки, часто делают вид, что они очень заняты, а сами попусту разбазаривают рабочее время.

Она долго была погружена в воспоминания о пробежавших годах, пока ее не окликнул Тарас Михайлович:

- Елена Васильевна, вы вновь задумались? О чем это вам так сладко мечтается? Лучше давайте чайку попьем да тормозки осилим, - острил начальник отдела.

После ужина Ягодкин размяк, его клонило ко сну. Это не ускользнуло от наблюдательного взора Елены, и она предложила разостлать постели и лечь отдыхать. Все попутчики не возражали, поскольку было уже около девяти часов вечера и всем надоел дежурный, обыденный, трафаретный разговор, который помогает пассажирам коротать время в поездах.

В Донецк поезд прибыл по графику. На освещенной платформе Елену уже поджидал Дмитрий. Увидев ее еще в вагоне, он проворно подбежал к двери, взял вещи и подал ей руку, помогая сойти со ступенек. Дождавшись, когда жена с ним сойдет, с нежностью поцеловал ее, и они пошли к машине, которую супруг нанял.

- Ишь, Дмитрий, какой ты рыцарь! Тут тебе и встреча, и рука поддержки, и машина стоит в ожидании. Ну прямо как в кино, - довольная, заметила Елена.

- Как же, как же! Жenuшку дорогую я встречал, которая больше трех суток отсутствовала. Я за тобой, Леночка, очень соскучился, - расплываясь в счастливой улыбке, шутил и острил Дмитрий.

- Как там Игоречек? Как вы в мое отсутствие поживали? Я вам гостинцы привезла. Тебе изумительную сорочку, а Игоречку конструктор и шта-

нишки.

- Игоречек спит. Тетя Паша у нас ночует, а то я побоялся его оставлять одного.

- Правильно, муженек мой, сделал. Я тоже за вами соскучилась. Этот Киев такой шумный, извел меня своей суетой. Времени попусту столько забирает.

- Вы хоть успели зарегистрировать твои открытия?

- Кажется, зарегистрировали, - не совсем уверенно ответила Елена.

- Я тебе сейчас, Леночка, подогрею супчика и чаек сделаю.

- Не нужно. Пойдем спать. Не будем шуметь. Еще только пять часов утра.

Дмитрий ловкими движениями завел будильник на семь утра, и дружная семейная пара продолжила прерванный сон.

Тарас Михайлович по приезде пришел на работу к девяти, пригласил к себе Елену и любезно предложил:

- Елена Васильевна, пойдете к директору и доложим о результатах нашей командировки.

- Анатолий Валентинович, - радостным голосом сообщал Ягодкин, - мы с Еленой Васильевной ваше распоряжение выполнили. Тему докторской для Елены Васильевны в министерстве утвердили, и ее открытия зарегистрировали в Государственном комитете по делам изобретений и открытий. Так что Елена Васильевна получит на свои открытия авторский диплом. А вам в честь такого памятного дня я привез ручку с золотым пером и хочу вам ее подарить, - он положил ручку на стол директора.

Тот кивком поблагодарил профессора и сказал:

- Я рад, Елена Васильевна, еще раз поздравить вас с таким великим событием! Год не вечность, пробежит быстро и вам вручат авторский диплом. Это очень здорово. Вы у нас гений. В вашем возрасте я не помню, чтобы кто-нибудь в нашем Донбассе вносил в науку такие серьезные предложения. Я счаст-

лив за вас и горд вашими успехами. А теперь идите и готовьте по диссертационной теме эксперименты.

Видя сияющие глаза Анатолия Валентиновича, Елена повеселела. На душе у нее стало светлее. Гнетущая тоска исчезла. И она подумала:

«Зря я так нехорошо думала о Тарасе Михайловиче. Наверное, процедура регистрации открытий и утверждения темы диссертации так и должна проходить. Анатолий Валентинович так открыто рад этим новостям. Ему же не впервые слушать о подобных вещах. И если бы здесь было что-то не так, он непременно бы заметил и сказал».

Анатолий Валентинович действительно сказал бы, если бы что-то заподозрил. Но он душой был чист, радовался чужим успехам не меньше, чем своим, и ему чуждо было чувство зависти, поэтому он и не заметил коварства и лжи в действиях и словах начальника отдела. А Ягодкин без зазрения совести продолжал чинить свои подлые дела против директора института и Елены. Он позвонил в министерство Станиславу Владимировичу, который ему сказал:

– Тарас Михайлович, я говорил с тем, с кем вам обещал. Он согласен. На следующей неделе будем вызывать его сюда для беседы.

Получив эту информацию, от Малинина, Ягодкин понял, что Ямщикова будут вызывать в министерство для разговора о его смещении с должности директора. И эту должность предложат ему. От волнения у него пересохло во рту и вспотели ладони. Карьерист уже столько лет мечтал о кресле директора. И вот он на пороге осуществления своей мечты. От напряжения Ягодкин встал и нервно заходил по своему кабинету.

Сообщение из министерства не заставило себя долго ждать. Буквально на следующий день пришла телефонограмма на имя директора института о том, что он приглашается с отчетом о проделанной работе по научным темам за первый квартал текущего года.

На подготовку к отчету у Анатолия Вален-

тиновича было в запасе три дня. Все отделы недоумевали: ранее отчеты о выполнении научных тем они готовили к десятому числу, а это вдруг требуют ко второму апреля. Поэтому все сотрудники отделов в эти дни работали до позднего вечера, чтобы выполнить распоряжение министерства.

В назначенный срок Ямщиков зашел со своими отчетами к начальнику научно-производственного отдела Малинину. Тот внимательно прочитал данные отчета, повздыхал, словно этими вздохами он пытался выразить свое неудовлетворение от прочитанного материала, и начал:

– Анатолий Валентинович, что-то вы стали сдавать... В отчете, что представили, имеется масса ошибок. Эффективность от разрабатываемых тем стала падать.

– Да будто бы мы идем на уровне прошлого года, а эффективность намного выше и даже два откры...

Но Станислав Владимирович, прервав директора на полуслове, продолжал:

– Вот именно, что будто бы, а на самом деле институт стал планы не выполнять, ученые увольняются, процент защищающихся сотрудников снизился, дисциплина падает. В чем дело, Анатолий Валентинович? Вы или работать не хотите так, как надо, или года уже берут свое? Может, мы для вас подумаем о другой должности? Ведь вам уже шестьдесят восемь лет, скоро будет шестьдесят девять. А на вашу должность назначим молодого, энергичного, вашего ученика, бывшего вашего докторанта Ягодкина Тараса Михайловича. А вас переместим на его должность, то есть назначим начальником первого отдела. Там работа хотя и ответственная, но объем выполняемых административных нагрузок значительно меньше.

Ямщиков психологически не был подготовлен к такому предложению. От неожиданности он в первые минуты не знал, что ответить Станиславу Владимировичу, но начальник от-

дела все напирал на то, что ему необходимо передать портфель директора института Ягодкину. Собравшись с мыслями, Анатолий Валентинович сказал:

- Станислав Владимирович, если вы считаете целесообразным назначить на мою должность Ягодкина, а меня на его место, то я, в принципе, согласен. Но Тарас Михайлович хотя и мой ученик и его я назначал на должность начальника первого отдела, но он несколько, как бы сказать, амбициозен, эгоистичен, не всегда объективен, тяжело с ним будет коллективу работать. Вот если бы вы предложили на должность директора института Пирогова Ивана Захаровича, то коллективу было бы с ним интересно работать. Иван Захарович - доктор технических наук, профессор, ему сорок три года. Он очень энергичный, требовательный и честный человек.

- Я передам, Анатолий Валентинович, ваше мнение министру. А вы сейчас напишите заявление о переводе вас с должности директора института с пятого апреля на должность начальника отдела. Одно заявление напишите на должность начальника первого отдела, как вы сказали, на место Ивана Захаровича, а другое - на место Тараса Михайловича. И министр, кого сочтет нужным, того и назначит на должность директора института. Но я ему непременно доложу о вашем мнении по поводу Ивана Захаровича.

- Да я ему сам скажу, Станислав Владимирович. Думаю к нему сейчас зайти.

- Его нет, Анатолий Валентинович. Он вместе с заместителем министра по кадрам Ивановым Сергеем Даниловичем улетел сегодня в Москву на совещание и будут они только послезавтра.

- Жаль, что так получилось, - с печалью сказал бывший директор института. Станиславу Владимировичу от этих слов и грустного взора Анатолия Валентиновича стало как-то неловко, неуютно. И он, с одной стороны, чтобы в определенной степени снять с себя вину и как-то объяснить свое поведение, виновато улыбаясь, промолвил:

- Вы уж извините меня, Анатолий Валентинович, за эту незавидную миссию. Но года бегут неумолимо... И всему свой срок...

- Я понимаю вас, Станислав Владимирович, - как-то сразу сторбившись и постарев на несколько лет, ответил Ямшиков и, подав на прощанье руку министерскому начальнику, вышел из его кабинета. На душе у него было горько, и он подумал:

- Вот бежал, спешил все вперед. Хотел многое успеть, да и сделал немало. Фактически на голом энтузиазме создал научно-исследовательскую лабораторию, затем сумел отрастить ей крылья и дал ей полет свободного и мощного института. И наш институт теперь является одним из ведущих научно-исследовательских институтов в Украине. Да... Оно идет вверх и вширь, рожденное мною детище. Но я... падаю вниз, и мое дитя оказалось бессильным защитить меня. А кто в этом виноват: я, коллектив или вся система и механизм существующего государства?

Профессор не находил ответа на эти вопросы. Боль сжимала его грудь, ему хотелось рыдать. Он украдкой смахнул набежавшие слезы. Поехал на железнодорожный вокзал, купил билет в Донецк и просидел в ожидании поезда два часа на скамейке у третьей платформы, обдуваемый морозным ветром.

Когда пришел поезд, он зашел в купе. Расстелил постель, ни с кем не разговаривая, с закрытыми глазами пролежал молча до трех часов утра, пока поезд не прибыл в Донецк. На перроне его водитель, как прежде, не ожидал. Боль и тоска еще сильнее сковали его грудь. Он тихо побрел по заметенным снегом дорогам домой и лишь к шести часам, измученный до изнеможения, позвонил в дверь, которую открыла ожидавшая жена.

- Анатолий, что с тобой? Ты почему такой измученный? И так поздно приехал?

- Зина, я не приехал, а пришел. Меня никто не встретил. Я шел с вокзала пешком. И больше меня водитель возить не будет. Я не директор... Меня уволили...

- За что, Анатолий?
- За старость, Зиночка...
- Ну ты не расстраивайся...Садись, я тебя сейчас согрею, напою и накормлю, - захлопотала возле дорогого и любимого мужа Зинаида Ивановна.
- Зина, мне не хочется почему-то ни есть, ни пить, я хочу в постель.

Супруг лег в постель, его жена, подавленная случившимся, села возле него на стул, нежно поглаживая его руку. Он забылся в тревожном сне... А к девяти часам утра проснулся. Его щеки пылали нездоровым румянцем. Испугавшаяся жена померила ему температуру. Его тело горело. Температура достигала тридцати девяти градусов. Зинаида Ивановна срочно вызвала скорую помощь. Осмотрев его, врач установил, что у Анатолия Валентиновича двустороннее воспаление легких. Скорая забрала больного, и его положили в третью городскую больницу.

ГЛАВА XIV

Зинаида Ивановна очень испугалась за супруга и хотела тоже сопровождать его в скорой помощи, но ее не взяли. Тогда она быстро собралась и поехала в больницу вслед за скорой. Добравшись на автобусе до больницы, спросив в санпропускнике, где находится Ямщиков, она поднялась к нему в палату. Возле него хлопотал врач. Он не разрешил пока Зинаиде Ивановне здесь присутствовать.

Состояние здоровья Анатолия Валентиновича ухудшалось. На его губах, вокруг носа высыпал герпес. Лицо горело лихорадочным румянцем. Дыхание стало учащенным, усилился сухой мучительный кашель, появилась резкая боль в грудной клетке. Пульс участился до ста двадцати ударов в минуту. Больному срочно ввели внутримышечно пенициллин. Через некоторое время ввели внутримышечно стрептомицин, но состояние больного все

ухудшалось, появилось психическое возбуждение. Анатолий Валентинович стал бредить. Правда, бред его был скорее похож на излишние глубоким обиды незаслуженно оскорбленного человека. Воспаленными губами он шептал:

– Зина... Зиночка... За что они так? Меня как мальчишку отчитывал Малинин то за невыполнение плана, то за неэффективный результат наших научных тем, то за нарушение трудовой дисциплины. А сам же знал то, что он говорит, неправда. Наш институт идет в числе первых по всем показателям. Но он даже и слушать меня не захотел. Прервал меня, как самого пустого болтуна, на полуслове. Стыдно-то мне как, Зиночка... Зиночка... Кто же это так меня подставил? И по чьей указке или просьбе оболгали?.. Неужели Тарас Михайлович так постарался ради директорского кресла? И причинил мне безмерную боль. Зиночка, но мы же его привечали как сына. Он мой ученик. Я его выучил, помог ему написать кандидатскую диссертацию и столько вложил своего труда при написании его докторской диссертации. Отдал ему свои научные разработки. У самого у него не получалось, я его пожалел. Мне казалось, что он старается. Тарас Михайлович всегда, как мне казалось, был учтив, предусмотрителен. И я-то думал: помогу ему, достойный будет ученик. А он втоптал меня в грязь. Это точно Ягодкин затеял мое увольнение. Я это по лицу и речи Станислава Владимировича определил. Какой же подлый мой ученик, этот Тарас Михайлович... А фамилия у него такая сладкая, и он соответственно этой фамилии на людях себя показывает добрым, предупредительным и честным человеком, а за глаза, выходит, такое вот зло чинит ради своей корысти. Зиночка... Как же я его не рассмотрел... И дал ему дорогу руководителем быть... Я же его и назначил начальником отдела. Мне и так хотелось ему это кресло директора передать, но честно, достойно, за его труд. В последнее время

я заметил, что он не сможет быть им, так как к людям у него не было теплоты. Ягодкин стал черствым, но под своей наносной любезностью прятал свое нерадивое отношение к людям. И прятал так, что даже я, его учитель, этого не заметил и продолжал ему доверять. И теперь, Зиночка, при выгодной для него ситуации, он бросил меня хуже, чем в пропасть. Он предал меня.. Растоптал в грязи.. Низменно поиздевался надо мной. За что, Зиночка?.. За мою доброту, порядочность к нему... Какой подлый человек будет управлять моим детищем, которое я растил двадцать три года.. Помнишь, Зиночка? У истоков создания нашего детища, нашего института стояла и ты. Тогда ты работала старшим научным сотрудником в нашей научно-исследовательской лаборатории. И без конца проводила экспериментальные исследования, которые необходимы были для развития лаборатории и благодаря которым лаборатория смогла перерасти в ведущий научно-исследовательский институт. Помнишь, какая это была радость? Как все работники новоиспеченного института ликовали? Многие из них и сейчас работают.. Теперь Ягодкин из-за своего самолюбия, тщеславия и корысти многих поувольняет. Зиночка! Не ожидал я.. Какая же низменная душа оказалась у моего ученика! Как тяжело будет сотрудникам работать под его руководством. Простите меня, мои уважаемые сотрудники.. Я просмотрел, и нечестивый Тарас Михайлович пробрался к власти..

Врач, видя тяжелейшее состояние Анатолия Валентиновича, ввел ему еще антибактериальные препараты и разрешил для Зинаиды Ивановны рядом с супругом поставить кровать, чтобы она сама ухаживала за ним. Жена круглосуточно находилась возле мужа, а в то время, когда Зинаида Ивановна ходила в магазины, чтобы купить для больного фруктовую минеральную воду, сок, морс, лимон и другие продукты, необходимые при этом заболевании, а также когда уходила домой, чтобы пригото-

вить бульон или горячее молоко с содой, вместо нее возле Анатолия Валентиновича находилась медсестра. Но дня через три Зинаида Ивановна приспособилась и прямо в палате кипятила молоко с содой, чай с лимоном, с малиной и через каждые два часа поила мужа.

Постельный режим, хороший уход, высококалорийная, богатая витаминами пища благоприятно влияли на состояние здоровья супруга. Он постепенно стал выздоравливать. К нему разрешили пропускать посетителей. Правда, Зинаида Ивановна тщательно следила, чтобы посетители не утомляли больного. И если их приходило много, она им сама рассказывала о состоянии Анатолия Валентиновича и к нему не пропускала. Так она поступила и по отношению к Тарасу Михайловичу, который пришел к больному с букетом цветов по истечении одиннадцати дней уже будучи директором института.

Новость о назначении Ягодкина директором научно-исследовательского института обрушилась на сотрудников как гром среди ясного неба. Многие восприняли нового директора с неудовлетворением, но, зная, что он мстителен, свое мнение не высказывали.

Тарас Михайлович тоже не только предполагал, но и знал, что многие работники института не хотят находиться под его руководством. Он решил во что бы то ни стало, хотя бы временно, расположить их к себе. Директор стал заискивать перед ведущими работниками института, демонстрируя демократию во взаимоотношениях между начальниками и подчиненными.

Он очень боялся, как бы не раскрылась ситуация с диссертацией и открытиями Михайловой. Ягодкин понимал, что если эта его подлость в отношении Елены Васильевны обнаружится, то его не только сместят с должности директора, но смогут привлечь к уголовной ответственности. Получив должность директора института, он должен продержат Михайлову у себя на работе девять месяцев, по истечении которых его смогут признать автором ее открытий. Поэтому он пе-

ред Еленой рассыпался в своих любезностях и в планах реализации деловых предложений больше, чем перед кем-либо. Однажды он, пригласив ее к себе, сказал:

- Елена Васильевна, вы очень организованный, деловой, энергичный человек. Как вы смотрите на то, что я предложу вам должность начальника первого отдела?

- Так на этой же должности работает Анатолий Валентинович! - с волнением ответила Елена.

- Во-первых, Ямщиков болеет, во-вторых, он уже, в силу состояния своего здоровья, не хочет трудиться в этой должности.

- Нет! Тарас Михайлович, решать такие вопросы в отсутствие Анатолия Валентиновича совершенно некорректно. И, кроме того, какой из меня руководитель? Я молодая, неопытная, да еще и не доктор наук. Кстати, Тарас Михайлович, вы прочитали мою диссертацию?

- Не до конца, Елена Васильевна... Эти перемены с назначением на должность директора совершенно выбили меня из колеи... Но обещаю, что в ближайшее время все прочитаю... Но вы не беспокойтесь... Время же еще есть... Вам надо сначала получить диплом на ваши открытия и лишь затем выходить на защиту диссертации. Помните, нам с вами сказали в Государственном комитете по изобретениям и открытиям, что диплом вам выдадут где-то через год? Вот тогда и выйдем на защиту... Так будет легче вам защититься и авторитетней. И для института это будет весомей. Поэтому, Елена Васильевна, я бы вам советовал не спешить. Сейчас вам следует больше уделять внимания содержательности исследования экспериментальных выводов и доказательству достоверности заявляемого научного положения. И по новой теме, что я привез вам позавчера из министерства, надо серьезно поработать. Если, Елена Васильевна, у вас по теме да и не по теме, вопросы будут, вы не стесняйтесь, заходите ко мне по-приятельски. Я же ваш не только директор института,

но и непосредственный научный консультант по вашей докторской диссертации. Так что прошу вас любезно, не забывайте обо мне и являйте передо мной ваше присутствие, – расплываясь в лстивой улыбке, сказал Ягодкин.

Соискательница вышла из кабинета нового директора института в подавленном состоянии. Елене не понравилось, что Ягодкин не спешит с защитой ее докторской диссертации. Он фактически настаивает на ее защите не раньше, чем через год. «А за год много воды утечет... Но деваться некуда – он начальник, а я подчиненная...», – подумала она. Ей очень хотелось по этому вопросу посоветоваться с Ямщиковым, но к нему пока его супруга никого в палату не прискакала.

Сотрудники института глубоко переживали болезнь бывшего директора института. Они догадывались, что их уважаемый руководитель заболел не только из-за простуды, а и из-за того, что он психологически не смог перенести такое внезапное, безосновательное оскорбление, связанное с его беспардонным перемещением на низшую должность.

Елене всем сердцем хотелось утешить своего руководителя. После разрешения она уже несколько раз была у него, видела его тяжелое состояние. Вчера ей Зинаида Ивановна сказала, что ему становится легче, он понемногу начинает есть. На следующий день, купив яблоки, лимоны, виноградный сок, Лена пошла в больницу к Анатолию Валентиновичу. Поднявшись на второй этаж, подойдя к его палате, Лена робко постучала в дверь. Открыла Зинаида Ивановна, радостно сказав:

– А, Леночка! Проходи...

– Здравствуйте, Анатолий Валентинович и Зинаида Ивановна! Можно я вас обоих поцелую?

– Конечно, можно, – сказал Учитель, сидящий на кровати в спортивном костюме.

– Лена, по-родственному поцеловав своего руководителя и его жену, в смущении не знала, о чем говорить дальше.

– Присаживайтесь, Елена Прекрасная, на стул и рассказывайте, какие в институте новости.

Лене очень хотелось многое сказать своему Учителю, но, видя его болезненное состояние, она посчитала неуместным именно сейчас рассказывать о своих проблемах и, улыбаясь, лишь сказала:

– Какие там новости! У нас все по-старому. Вас, Анатолий Валентинович, ждем, когда же вы придете в институт? Переживаем за ваше здоровье.

– Ничего, Леночка, потихоньку выкарабкиваюсь. Скоро, я думаю, уже выпишут меня из больницы. Вот упрашиваю врачей, а они говорят, что только через недельку-другую выпишут. Но здесь, благодаря моей Зинаиде Ивановне, терпимо находится. Она полбиблиотеки из дома сюда перетаскала, все хочет, чтобы мне тут было уютно и не скучно, – ласково глядя на свою жену, сказал Ямщиков.

– Как там у тебя, Лена, дела идут с диссертацией?

– Продвигаются, Анатолий Валентинович, – боясь сказать правду, чтобы не разволновать своего руководителя, ответила Елена.

– А как там Дмитрий и Игорек поживают?

– Игорек в этом году у нас в первый класс идет, а Дмитрий в июне оканчивает институт. Так что у нас этот год богат на события.

–хлопот в доме прибавится, когда сын в школу пойдет, – вклинилась в разговор Зинаида Ивановна. – Наш внук Алексей уже в третьем классе, а дочка Ирина все с ним сидит, уроки ему помогает выполнять. Вы не разбалуйте так своего Игорька. Он буквы у вас знает?

– Игорек уже немного читает. Но занимается без особого усердия. Ему бы все какие-нибудь домики из конструкторского набора собирать. Этим делом он занимался бы часами.

– Продолжателем будет семейной традиции на радость мамы и папы, как в нашем роду. У нас вот я, Анатолий Валентинович, дочка и зять – все инженеры. Мы думаем, и внучек Алексей им будет.

– Да нет, Зинаида Ивановна, он у нас мечта-

ет поваром быть, - смеясь, сказал супруг.

Елена с Анатолием Валентиновичем и Зинаидой Ивановной несколько минут еще поговорили на темы, не касающиеся институтских проблем, затем Лена, попрощавшись, ушла. Она чувствовала, как глубоко профессор переживает свое смещение на низшую должность, поэтому, боясь неосторожным словом обидеть его, избегала на эту тему говорить и вела беседу обо всем и ни о чем. Лена всем сердцем хотела, чтобы ее руководитель скорее в полной мере физически и психологически окреп и безболезненно влился в коллектив в новом качестве.

Ямщиков пришел в институт лишь через два с половиной месяца. Но полностью выздоровевшим он себя не чувствовал, поэтому оформил все причитающиеся ему не использованные ранее отпускные дни, которых насчиталось более трех месяцев, уехал на все лето на дачу и вместе с супругой там трудился. Дача у него была маленькая, земли было всего четыре сотки. Домик был тоже небольшим, всего семнадцать квадратных метров. Прожив на даче весь отпуск, в начале сентября Анатолий Валентинович вышел работать в институт в новом качестве - в качестве начальника первого отдела.

Собрав всю свою волю в кулак, он пошел на прием к своему бывшему ученику и подчиненному. Ягодкин за эти шесть месяцев уже изрядно успел привыкнуть к новой должности. Но пока еще старался сохранить устоявшиеся в институте порядки. Новшества особых не вводил. Но уже чувствовалось, что бутоны корысти созрели и вот-вот должны лопнуть и обдать сотрудников института своей затхлостью беспредельного давления злого, исходящего из лукавых уст и действий, властелина института. И этот запах особо чувствовался в приемной директора института, куда зашел Ямщиков.

- Здравствуйте, Валентина Ивановна. Как вам при новом директоре работается?!

- Анатолий Валентинович, здравствуйте! С выходом вас. Да ничего... - многозначительно посмотр-

рев на бывшего директора, ответила секретарь. – Он у себя. И у него никого нет.

– Тогда, Валентина Ивановна, я зайду к нему.

Открыв дверь, Анатолий Валентинович увидел вальяжно сидящего в новом черном кожаном кресле Ягодкина. В его глазах профессор заметил сверкающий блеск, растворившийся в месиве гордости, радости, превосходства и уничижающего покровительства.

– Входите, Анатолий Валентинович. Как отдыхалось?

– Отдыхать – не работать, – отшутился Анатолий Валентинович. – Как дела идут в институте?

– Дела – как сажа бела, – язвительно ответил на вопрос Ямщикова директор института, тем самым показывая свое превосходство над ним.

– Вот скоро в командировку поеду, в Москву... А вы, Анатолий Валентинович, уже познакомились с темами и исследованиями, которые будет вести ваш отдел?

– Еще не успел...

– Вам помочь?

– Не нужно... Я сам, Тарас Михайлович, справлюсь.

– Ну, тогда, как любил говорить Хрущев: «За работу, товарищи!»

– За работу, так за работу, – грустно ответил профессор и вышел из кабинета.

Не ожидал он такого отчужденного, ледяного приема от своего ученика. От обиды сердце невыносимо зангло. Превозмогая боль, начальник собрал всех сотрудников своего отдела на короткое совещание. Расспросил, кто чем занимается и когда завершаются сроки сдачи по каждой теме.

Обращаясь к старшему научному сотруднику, кандидату технических наук Потапову Данилу Григорьевичу, спросил:

– Почему не все сотрудники отдела присутствуют на совещании?

– Трое уволилось, Анатолий Валентинович, а Михайловой нет. Она на заводе, в научно-исследовательской лаборатории экспериментировать индук-

ционную нагревательную установку...

- А что же, работнички мои, вы такие молчаливые? Обидел вас кто или что случилось?

- Нет, Анатолий Валентинович, никто нас не обижал. Работы много... - опустив глаза, сказал за всех Данил Григорьевич.

Начальник отдела уловил в речи Данила Григорьевича нежелание вести в присутствии всех беседу, а тем более откровенно говорить о злободневных проблемах института. Поэтому больше он не стал никому задавать вопросы и сказал:

- Уважаемые коллеги, мы сегодня провели не большое совещание. Основные вопросы рассмотрели. Я ознакомился с тем, кто чем занимается. Если у кого возникнут проблемы, вопросы, то прошу заходить ко мне, будем решать их в рабочем порядке.

Отыскав в кабинете старые отчеты, воскресив в памяти темы каждого отдела, в том числе теперь уже и своего, руководитель не обнаружил одной темы. Пригласил к себе уже знакомого читателю Данила Григорьевича, которого в отсутствие Ямщикова Ягодкин назначил временно исполнять обязанности начальника первого отдела.

- Данил Григорьевич, куда же подевалась тема по иницилирующим взрывчатым веществам?

- Мы ее прекратили, Анатолий Валентинович.

- Как, прекратили? Разработка этой темы очень необходима в военной технике и взрывном деле. Тем более, как помнится мне, в институте уже фактически разработали новый состав смеси порошков гремучей ртути, хлората калия и трехсернистой сурьмы.

- Уважаемый профессор, эти смеси, по указанию директора института, мы передали в другой научно-исследовательский институт.

- А в какой институт?

- Не знаю.. - пряча глаза, боясь сказать правду из-за гнева Ягодкина, ответил Данил Григорьевич.

Анатолий Валентинович знал цену исследовательским материалам и понял, куда и за какие

интересы Тарас Михайлович продал тему и ее наработки. И с грустью подумал: «За шесть месяцев Ягодкин столько уже успел наломать дров! Я пятьдесят лет собирал все по крупичкам и создал имя нашему институту, а он за три года все разметет и останется только воспоминание о силе и мощи родного детища. А может быть, мне уйти из него в другой институт?.. А то я не выдержу, глядя на все это. Но все же нужно, наверное, осмотреться... Подумать... Уйти я всегда успею. Возможно, тут и не так плохо, как мне показалось в первый день работы. Завтра придет Михайлова. Она мне все новости и правду скажет. Она, я думаю, не побоится Тараса Михайловича, и мне Лена не слукавит и расскажет все как есть на самом деле».

На следующий день в девять часов Елена была за своим рабочим столом. Начальник отдела пригласил ее в свой кабинет и спросил:

– Вы почему, Елена Васильевна, о своих открытиях молчите? И о ходе подготовки к защите докторской диссертации ничего не говорите?

– Не о чем, Анатолий Валентинович, говорить! Про открытия ни звука, по диссертации так же ничего хорошего не могу сказать.

– Как это вас следует понимать, Елена Васильевна?

– Как есть, Анатолий Валентинович, так и принимайте.

– Да скажи ты мне человеческим языком, – строгим голосом потребовал начальник.

– Глубокоуважаемый Учитель, я почти уже как год, по просьбе Тараса Михайловича отдала ему свою диссертацию. А он ее еще до сих пор не прочитал. Я ему несколько раз не только намекала, но и говорила, что пора уже ее мне вернуть. Он же все говорит: «Не дочитал, завтра принесу, в конце месяца». Но воз и ныне там.

– Надеюсь, вы, Елена Васильевна, ему не оригинал отдали?

– И беда-то в том, что оригинал! Ягодкин меня

очень торопил и сказал, чтобы я ему показала рукописный текст диссертации. Посмотрев, что мой почерк разборчивый, Тарас Михайлович мне сказал, что печатать текст не нужно, он его и от руки почитает. Я и отдала...

– Вы сейчас же, Елена Васильевна, пойдете к Тарасу Михайловичу и в строгой форме потребуете от него, чтобы он вам текст диссертации вернул независимо от того, прочитал он ее или нет. Ступайте!

– Анатолий Валентинович, да Ягодкин меня не примет. Сегодня неприемный день.

– Что вы, Елена Васильевна? Какие могут быть приемные дни по возврату вашей работы? Идите и сидите в приемной, пока он вас не примет.

Ямщиков чуть ли не силой выпроводил Елену к Ягодкину. Ее долго не было... Наконец, Лена явилась. Лицо ее было бледным. Она села на стул и безутешно заплакала.

– Леночка, что случилось?

– Диссертацию Ягодкин потерял... – сквозь слезы ответила Елена.

– Да вы что?! Как так можно?! Тут что-то не то! Елена, он ее не потерял! Ягодкин в корыстных целях диссертацию использует или уже использовал, а вам он сказал неправду. Боже ты мой! Что творится! Какой беспредел в подлости! Какое чудовище этот Ягодкин! – взволнованно выкрикивал Анатолий Валентинович. Его шея, лицо и руки стали от волнения покрываться красными пятнами.

Ему было беспредельно жаль Елену. Ямщиков чувствовал себя виноватым перед ней. Это по его просьбе Тарас Михайлович стал у Елены научным консультантом по докторской диссертации.

За сотворенное Ягодкиным зло и коварство Анатолию Валентиновичу хотелось побегать к нему и разобраться с ним методом кулачного боя. Он был похож на разъяренного мустанга, пронзенного копьем наездника.

Слегка успокоившись, он подошел к Елене, обнял ее и ласковым голосом сказал:

- Не плачь, Леночка, мы что-то с тобой придумаем. Я помогу тебе всем, чем смогу. Успокойся... Пойдем по домам... Утро вечера мудренее.

Пришло утро, но оно не принесло успокоения. Душа, закрыв ставни от чужих глаз, рыдала. Разве что взор выдавал Елену своей теснившей душу глубокой печалью. В таком состоянии и застал ее начальник отдела.

- Леночка, а по диссертации, случайно, тезисного варианта не осталось?

- Я весь черновой материал, в том числе и тезисный, выбросила.

- Если вы даже и не выбросили бы его, то он сейчас не нужен, поскольку Тарас Михайлович имел предостаточно времени, чтобы воспользоваться им в полную мощь. Вероятно, за это время по вашей диссертации кто-то уже защитился. И плагиатство мы с вами, Леночка, как бы ни стремились, не докажем. Вам придется брать новую тему диссертации и работать.

- Не хочу, Анатолий Валентинович, я писать диссертацию заново. Я устала и физически, и морально.

- Что вы, Леночка? Вы же очень талантливая. Вам останавливаться нельзя. Тем более, скоро вам придет подтверждение на ваши открытия. Вы возьмите за основу диссертационного исследования часть аэродинамического сопротивления крыла. Сделайте теоретические выкладки, а в качестве приложения представите результаты открытия. За счет открытия у вас фактически львиная доля работы уже выполнена. За пять-семь месяцев усердной работы докторскую диссертацию можно закончить.

Елена слушала Ямщикова, но ее мысли были сосредоточены на вопросах: «На каком основании Ягодкин с ней так мог поступить? Как он мог украсть у нее ее труд? Как можно находиться в подчинении такого низменного и падшего человека?»

Елена вчера вечером при беседе с Настей, с которой раньше работала на машинострои-

тельном заводе, узнала, что ее знакомый Денис Малинин три месяца назад защитил диссертацию на аналогичную тему. Тогда Елена поняла, что диссертация не пропала, а на каких-то выгодных условиях Ягодкин отдал ее Малинину. И тот защитился.

«Как это бесчеловечно! Как после этого с ним работать?!» – подумала Елена.

И она вдруг резким голосом сказала:

– Анатолий Валентинович, я не могу больше здесь работать. Я испытываю глубочайшую неприязнь и отвращение к Ягодкину.

– Необходимо, Елена Васильевна, над этим хорошо подумать. Уволиться всегда успеете.

– А что тут думать, Анатолий Валентинович?! Я просто не смогу работать в подчинении такого мерзкого человека.

Елена взяла ручку и быстро написала заявление о своем увольнении из института. Взяв это заявление, она пошла к Ягодкину. В кабинете он проводил совещание с начальниками отделов. Секретарь не разрешала ей входить к директору, но Михайлова, не послушав секретаря, резким движением открыла дверь и вошла в кабинет, сказав:

– Тарас Михайлович, я не хочу с вами работать! Подпишите мое заявление об увольнении.

– В чем дело, Елена Васильевна?

– В том, что вы, Тарас Михайлович, подлый человек! Вы взяли у меня диссертацию, держали ее у себя чуть ли не год. Мне сказали, что потеряли, а вчера вечером я узнала, что по моей диссертации защитился известный вам человек.

– Вы что за бред несете, Михайлова?! Я вас привлеку к суду за оскорбление чести и достоинства!

– У вас, Ягодкин, нет ни чести, ни достоинства! Вы мерзопакостный человек!

Директор побагровел, злобно схватил заявление Елены и подписал его, еще не осознавая того, что это он делает в нарушение своего плана, который разработал против Елены и Анатолия Валентиновича, крича обезумевшим голосом:

- Ты, сволочь, об этом еще пожалеешь! Я тебе покажу, как меня оскорблять! Ты не только своей диссертации, но и авторский диплом на открытие не увидишь как собственных ушей! Пошла из кабинета вон!

Елена, держа заявление дрожащими руками, направилась к выходу. Неожиданно перед ней распахнулась дверь, и в кабинет ворвался возмущенный Ямщиков со словами:

- Как вы посмели открытия Елены Васильевны зарегистрировать на свое имя? Я об этом только сейчас прочитал в «Ежегоднике»! Это недопустимо!.. Это, Тарас Михайлович, подло!.. Я буду писать опротестование в Государственный комитет, что автором открытий являетесь не вы, а Михайлова! Как вы посмели воспользоваться нашим доверием к вам и так коварно нас всех обмануть?! Это беспрецедентный факт недозволительности! Вы мошенник!

- Что ты орешь, старый маразматик?! Тебе какое дело? Хочешь, чтобы я тебя выпер из института? Тебе не все равно, кому принадлежат открытия? Или твою любовницу обидел? За сладкую любовь ей свои открытия подарил, а я их себе оприходовал?! Идите вон из моего кабинета!..

От услышанных слов профессору сделалось плохо. Его лицо покрылось багровыми пятнами, на лбу выступил пот, дыхание стало хриплым. Он потерял сознание. Анатолия Валентиновича на скорой помощи увезли в больницу. Состояние здоровья ухудшалось. Его парализовало, и он не мог говорить.

Узнав о состоянии здоровья Ямщикова, Ягодкин испугался. Однако переживал он не о том, что причинил невыносимую боль своему бывшему руководителю, а о том, что профессор может быстро выздороветь и легко разоблачить его как по докторской диссертации, так и по открытиям, которые принадлежали не ему, а Михайловой, поскольку Анатолий Валентинович был не только опытным ученым, но и хорошо знал всю процедуру защиты диссертации и порядок выдачи дип-

лома на открытия. И, конечно, он, если вздоревеет, поедет в Высшую аттестационную комиссию по рассмотрению диссертационных дел и в Государственный комитет по выдаче авторского диплома на открытия и будет опротестовывать авторское право на открытия Ягодкина и присвоение ученой степени Малинину Денису Станиславовичу.

Директор института хотя и в меньшей степени, но опасался и того, что Елена бесстрашно может вступить в бой и отстаивать свои права. Он проклинал себя за то, что не сдержался и раскрыл свой внутренний грязный мир не только в присутствии Елены, Анатолия Валентиновича, но и начальников отделов. Чтобы как-то урегулировать ситуацию и направить ее в нужное для него русло, Ягодкин срочно собрал вновь всех начальников отделов и вкрадчиво-виноватым голосом сказал:

- Вот ведь, коллеги, как плохо бывает, когда нервы сдают от неожиданной ложной информации, поданной в оскорбительной форме. Вы свидетели, как вначале Елена Васильевна меня оклеветала в том, что якобы я взял ее какую-то докторскую диссертацию и присвоил этот труд. Вы представляете, до чего она дошла? Посудите сами, для чего мне ее диссертация?! Я же сам доктор наук, второй раз защищаться мне, как вы знаете, не нужно. И, кроме того, Михайлова никак не могла за такой короткий срок написать диссертацию. Это же докторская, а не научный доклад. За год ее никак не напишешь. Возможно, что-то у нее с головой произошло? Потому Елена Васильевна такой бред несла. Дома, наверное, с Анатолием поругалась или не нашла общий язык с Анатолием Валентиновичем. Теперь же он стал ее непосредственным начальником. И надо же, в первый день учинили такой скандал. Чем же Михайлова так раздраконила Ямщикова, что он как бешеный ворвался в кабинет и набросился на меня? Правда, здесь я и сам немного виноват. Я до некоторой степени суеверный и

поэтому почти что никому не говорил, что я сделал два открытия – одно по аэродинамическому сопротивлению крыла, а другое по индукционной нагревательной установке для сквозного нагрева металлических заготовок перед горячей обработкой давлением. Об этих открытиях, разумеется, знал Анатолий Валентинович. Они для регистрации направлены в Государственный комитет. Он у меня просил, чтобы одно открытие я оформил на Михайлову. Ей, мол, легче будет писать диссертацию. У них же с Михайловой роман. Вот он за нее и бегаёт. Смешно, в семьдесят лет ударять за такой юной кралей как Михайлова. Из-за нее, вы обратили внимание, как обезумевший, он бросился на меня, что я не смог стерпеть и немного охладил его. А иначе он бы бросился на меня с кулаками драться. Я думаю, если я вас попрошу быть моими свидетелями, то вы не откажете мне. И скажете правду о том, как Михайлова и Ямщиков оклеветали меня, оскорбляли в вашем присутствии.

– Конечно, Тарас Михайлович, мы вас в обиду не дадим и за вас встанем горой, – сказал Николай Максимович, начальник второго отдела. Остальные начальники сидели опустив головы и молчали.

– Вот и прекрасно, уважаемые коллеги, что вы меня понимаете. Приятно работать с такими мудрыми сотрудниками. Поэтому не случайно мы в этом месяце перевыполнили план. Я изыщу возможность и каждому здесь присутствующему выдам премию в размере двойного месячного оклада. А когда мне вручат авторский диплом на открытия, думаю, что вы не откажете мне и вместе со мной разделите мою радость. И мы обмоем это дело, за мой счет разумеется, в ресторанчике. И еще я вам, друзья, хочу сказать, что к нам едет с новой темой, которая включена в министерский план, начальник научно-производственного отдела Малинин Станислав Владимирович. Он сам эту очень выгодную тему отстаивал для нас в министерстве. Столько он за эту тему побегал, но,

спасибо ему превеликое, нас обеспечил очень интересной и высокооплачиваемой работой. Без него, без его поддержки наш институт так бы не лидировал. На этом наше с вами короткое совещание закончено. И если у вас ко мне нет вопросов, то все вы свободны, идите трудиться дальше. По дороге, Иван Федорович, пригласи ко мне начальника отдела кадров.

Через пять минут к Тарасу Михайловичу вошел запыхавшийся Петр Терентьевич.

- Вызывали, Тарас Михайлович?

- Не вызывал, Петр Терентьевич, а приглашал по поводу Михайловой. Она сдала вам свое заявление об увольнении?

- Да. Оно лежит у меня на столе. И я подготовил проект приказа о ее увольнении и вам, Тарас Михайлович, принес на подпись.

- С ее увольнением надо подумать. Сгоряча она его написала, а я, не разобравшись, что ее до увольнения довел своей бранью Ямщиков, подписал. А работник она ценный, тем более ответственная, думает защищать докторскую диссертацию, поэтому пусть работает. Она свое заявление не зарегистрировала в журнале?

- Михайлова, Тарас Михайлович, не сдавала свое заявление на регистрацию, а сразу принесла его мне.

- Вы, Петр Терентьевич, сейчас спуститесь в свой кабинет и возвратите мне заявление об увольнении Михайловой. Я подумаю, что с ним делать, а потом вам сообщу. Но вас прошу, Михайловой скажите, что никакого заявления от нее вы не брали и не видели. И тем более нельзя говорить, что вы его отдали мне. Поскольку, сами понимаете, Михайлова сгоряча написала, но работник она хороший, поэтому и нецелесообразно ее увольнять.

Но, как понял читатель, Елену Ягодкин не хотел увольнять никак не из побуждения позаботиться о ней, а, напротив, навредить ей и обезопасить себя. Работая в этом институте, она не сможет поехать без его разрешения ни в Государственный комитет, ни в министерство, ни в Высшую аттестационную комиссию, чтобы опроверг-

нуть авторство на открытия Ягодкина и доказать свое авторство на открытия и на диссертационное исследование, присвоенное Малининым Денисом Станиславовичем.

Однако Елена и не думала в этот период о себе, своих открытиях и диссертации. Ее душа скорбела об Учителе. Она видела, в каком тяжелом состоянии находится ее руководитель, и от терзания не находила себе места.

Осложняло ситуацию еще и то, что за Анатолием Валентиновичем нужен был постоянный уход, а тут, как на грех, и Зинаида Ивановна занемогла. А их дочь Ирина не имела возможности ухаживать за отцом, поскольку месяц назад родила дочь, которую в честь бабушки назвали Зинаидой.

При таком стечении обстоятельств и зная, что она подала заявление об увольнении и его Ягодкин подписал, Елена предложила свои услуги по уходу за больным. Зинаида Ивановна с радостью приняла ее помощь. И Елена с зятем Анатолием Валентиновичем, Яковом, поочередно дежурили у его постели.

Здоровье Ямщикова не улучшалось. Парализованная рука падала как плеть. Он с грустью смотрел на Елену. Речь его фактически невозможно было разобрать. Больной пытался не в полной мере парализованной другой рукой помогать выразить то, что он хотел сказать. Профессор иногда брал карандаш и пытался что-то написать, но его текст нельзя было разобрать. Елена, рассматривая его записи, однажды поняла среди множества непонятных каракулей слово «суд». Она долго размышляла над этим словом и, как ей показалось, наконец поняла, что хочет Анатолий Валентинович ей сказать. Она подумала:

«Учитель пытается мне сказать, чтобы я шла в суд и обжаловала преступные действия Ягодкина. Но как можно бросить Анатолия Валентиновича в такое тяжелое для него время и заниматься своими проблемами, когда жизнь очень дорогого мне человека находится на волоске! К тому же болеет Зинаида Ивановна. Нет, этим сейчас я за-

ниматься не буду».

Исходя из этого, она сказала Учителю:

- Анатолий Валентинович, вы считаете, что надо идти в суд и оспаривать незаконные действия Ягодкина, который присвоил мои открытия и диссертацию?

Услышав эти слова, обрадованный профессор закивал головой, давая понять Елене, что именно это он и имеет в виду. А Елена продолжала:

- К чему спешить, Анатолий Валентинович? Еще успею. Да и очень он мне неприятен, этот Ягодкин. Уж очень он грязный своими действиями и омерзительный. Если я с ним свяжусь, то хотя и косвенно, но все равно коснусь его грязи, и она зарает меня. Он такой нечистоплотный и такой низменный, что связываться с ним, Анатолий Валентинович, это ниже моего достоинства. И поэтому я не хочу обращаться в суд. Если Господу угодно, то Он мне поможет. И, возможно, другим путем воздаст мне за мой труд. Я хочу сейчас только одного: чтобы вы, мой дорогой Учитель, скорее поправились и приступили к работе.

От этих слов у больного на глазах выступили слезы, и он полуздоровой рукой попытался погладить Елену. А она от умиления сама вдруг расплакалась. Чтобы скрыть свои слезы, порывисто встала со стула и пошла готовить для своего Учителя ужин. Подогрев на плитке, Елена из ложки протертым супом кормила Анатолия Валентиновича, когда дверь открылась и в палату вошел мужчина лет шестидесяти, среднего роста, коренастый, аккуратно, но не вычурно одетый. Нагнувшись над кроватью профессора, он по-дружески его поцеловал и сказал:

- Что же это такое, Анатолий Валентинович? Вы чего это вздумали болеть?! Надо выздороветь. Болеть в нашем возрасте некогда. Я на днях узнал о вашем недуге, говорил с вашим лечащим врачом. Он мне насоветовал добыть, как он выразился, исключительно важное на данное время для организма лекарство. Я его разыскал в Москве, и мне мой друг Тарасов Федор Кузьмич это лекар-

ство передал. Так что, дорогой Анатолий Валентинович, хватит болеть, будем выздоравливать.

Заметно повеселев от встречи с другом, больной глазами показал на Елену.

- Что Анатолий Валентинович хочет сказать, вы поняли?.. Наверное то, чтобы мы с вами познакомились... Меня зовут Александр Анатольевич, а фамилия моя Федоров. Я возглавляю научно-исследовательский институт, родственник институту Анатолия Валентиновича. А вы кто?.. Как вас зовут?..

Елена, посмотрев на Александра Анатольевича и увидев, что она действительно с ним никогда не встречалась, ответила:

- Я - Елена Михайлова, бывшая аспирантка Анатолия Валентиновича.

- О, Елена Васильевна, я так о вас много слышан от моего друга. Знаю о том, что вы своими открытиями сделали целую революцию в научно-техническом прогрессе. Диплом на открытия получили?

- Нет, не получила...

- А когда получите?

- Не знаю, Александр Анатольевич.

- Что же это вы, Елена Васильевна, так неуверенно отвечаете?

- Да так... - задумчиво ответила Михайлова.

- Говорить надо много об этом, а говорить по сути нечего.

- Вы, Елена Васильевна, что же это так философски отвечаете?! Как вам работается у Ягодкина?

- Не работаю я уже больше там...

- Почему же?

- Не захотела.

- Где же сейчас вы трудитесь?

- Пока нигде...

- Тогда куда же предполагаете поступить?

- Не знаю...

- Елена Васильевна, что с вами? Анатолий Валентинович говорил о вас как об энергичной, оптимистичной и жизнеутверждающей личности. А я

перед собой, напротив, вижу такого пессимистичного человека. Если вы за свое трудоустройство переживаете, то я рад предложить вам должность старшего научного сотрудника. Как вы на это смотрите?

Михайлова посмотрела на своего Учителя. Глаза Анатолия Валентиновича, их блеск, выражали согласие и радость от их общения и предложения его друга.

- Видите, Елена Васильевна, Анатолий Валентинович одобряет ваш выбор. Так что приходите завтра или послезавтра. Все и обговорим.

- Можно, Александр Анатольевич, мне подумать над вашим предложением и через неделю вам сообщить свое решение?

- Конечно, можно, Елена Васильевна, - и, обращаясь к Ямшикову, он сказал:

- Я побежал, Анатолий Валентинович. Мне на днях предстоит командировка в Иркутск. Но я там буду денька два-три. После командировки к вам забегу. А вы поправляйтесь.

И он, пожав руку другу и Елене, ушел.

Принесенное им лекарство оказалось эффективным. Анатолий Валентинович стал потихоньку поправляться. К нему стала возвращаться речь. Правую руку паралич отпустил. Он стал свободно ею писать, держать чашку. Радости Елены не было предела.

Лена тоже, как и врачи, считала, что принесенное Александром Анатольевичем лекарство помогло Анатолию Валентиновичу, но в то же время она уповала и на то, что это все Господня милость. Бог помог ему освободиться от недуга. Врачи никак не предполагали, что Ямшиков восстановит здоровье. Он был абсолютно безнадежен. И лекарство, которое достал Александр Анатольевич, они вводили без всякой надежды на выздоровление, поскольку даже с более легким исходом геморрагического инсульта больные не выздоравливают. А это произошло чудо, профессор стал заметно лучше себя чувствовать. И Елена считала, что это благодать Божья. Поэтому она еще глубже уверовала в Господа и стала чаще ходить в

Храм и усерднее в Нем молиться. И все просила Творца спасти Анатолия Валентиновича.

Ей так хотелось, чтобы ее Учитель выздоровел и они смогли бы вместе еще поработать. Елена часами молилась и просила Господа жалиться над ней и вернуть здоровье Анатолию Валентиновичу, который был так добр ко всем и столько много хорошего сделал людям. А его так безжалостно, жестоко оскорбил и унизил его ученик.

Елена не проклинала в молитвах Ягодкина, а просила Господа, чтобы Он простил ученика Анатолия Валентиновича, напоил его прозрением и направил бы его на честный путь, на дорогу спасения души, и чтобы он пришел и извинился перед Учителем, покался... Это успокоило бы Анатолия Валентиновича и придало бы ему сил. Хотя в душе Ягодкин у нее вызывал отвращение и неприязнь. Елена никак не хотела его видеть, но в то же время в ней теплилась надежда, что это чувство в себе она сможет подавить. И все это удерживало ее от обращения в суд и опротестовывания незаконно присвоенных им ее открытий и оспаривания взятой у нее мошенническим путем диссертации, по которой защитился Малинин.

Но Ягодкин, видать, так оброс греховностью, что честь и совесть в нем не пробуждались. Он дождался, когда наконец истек год и ему пришло извещение, что он признан автором открытий, к которым, как знает читатель, Тарас Михайлович фактически никакого отношения не имел. Однако он, получив долгожданное извещение, взял его и горделиво поехал в Государственный комитет, где ему выдали диплом на открытие и единовременное вознаграждение, которым директор поделился с Виталием Николаевичем. По приезду Ягодкин учинил грандиозный банкет по обмыванию диплома и насыщался речами подобных ему льстецов. А честные и добросовестные на банкет к нему под разными предлогами не пошли. Если же не имели возможности отказаться, то скромно угощались, не произнося высокопарных тостов. Но таких у него на банкете было немного.

Елену же Ягодкин, разумеется, не пригласил. Как только он получил извещение о признании его автором открытий, в тот же день уволил ее по собственному желанию. И Михайлова поступила работать в научно-исследовательский институт в качестве старшего научного сотрудника к Александру Анатольевичу Федорову.

Однако Елену Тарас Михайлович не оставил в покое. Однажды он заметил, что она пошла в Церковь, которая находилась недалеко от его дома, немедленно об этом сообщил в Комитет государственный безопасности, и над ней стали осуществлять негласный надзор.

Работая у Федорова, Елена не горела душой к научно-исследовательской деятельности. Маяк, который освещал ей дорогу и вел в глубину знаний, погас. В душе стало зябко. Озноб покрыл своим пессимистичным одеялом путь жизни. И путь знаний в ней не звенел и не раскрывался в полную мощь. Посеянное ею зерно научного познания взошло и зацвело, но было грубо вырвано, выкрадено и низменно использовано грязной и корыстной рукой Ягодкина.

Елена от лелеянной по ночам науки ждала не только цветения, но и богатых плодов открытий, которые ей и народу должны были принести ощущение радости, удовлетворения душевных и материальных потребностей. Но ничего такого не произошло. Напротив, душа опустошилась, интерес к жизни иссяк. На работу она стала ходить нехотя, для нее день казался размытой тенью, которая преследовала ее мрачностью, куда не могли пробиться лучи яркого солнца. И жизнь для нее становилась пыткой чудовищного давления зла, ханжества, двуличия, корысти, лицемерия, которые сдавливали Елену и тот ее чистый, искрометный мир, что жил в ней.

Ее внутренний мир не выдержал всей грязи, которая потоком обрушилась на нее с кручи омерзительного измерения и заливала горный источник, бьющийся в ней чистотой человеческого счастья.

Елена теряла смысл жизни. Все доводы Дмитрия, сестер, братьев, Анатолия Валентиновича, Александра Анатольевича не пробивали стену опустошения в ее душе.

Она не могла восполнить энергию крылатой жизни, которая бы вновь воспарила прозрачностью человеческих отношений, откровенностью и распахнутостью зова босоногого детства. А без этих качеств ни люди для нее, ни она для них не могли приносить желания розового счастья, которое цементирует стержень души, давая ей цветение, усладу и стремление парить в голубой дали, от которого вырастают крылья и хочется выше и выше взвиваться и жить, даруя людям счастье.

Елена пыталась вникнуть в научные темы, разрабатываемые институтом. Она радовалась, что с нею рядом уважаемый ею Учитель. Однако она не могла от него набраться той энергии, которая была ей необходима в этот момент. Елена верила в то, что жизнь цветет благодаря силе, душе самого человека или того, кто значительно сильнее и в минуты уныния способен подать руку спасения и напитать духовным источником энергии.

Возле Елены такого человека не было. В Церковь она теперь боялась идти. Борясь за спасение жизни Анатолия Валентиновича, Елена, рискуя быть замеченной, все же ходила в Храм, где слезно просила Господа помочь ее Учителю. Поскольку в тот момент желание спасти профессора было сильнее, чем страх.

И Господь смилостивился и исцелил безнадежно больного Анатолия Валентиновича. Страх за жизнь Учителя брал верх и над опустошенностью души Елены. Она, гонимая болью за его жизнь, прячась, пошла в Церковь и молилась усердно, испрашивая выздоровления руководителю, забыв о себе. Сейчас Елена сникла, теперь она нуждалась в озабоченном вдохновении Господнего тепла, которое бы ее согрело и напоило интересом к жизни. Елена знала, что эту благодать она сможет получить только в Церкви искренним прошением, пронизанным глубокой верой в то, что она просит

у Господа.

Мучаясь от истощения духовной силы и в то же время боясь, что в Церкви ее увидят и будут затем позорить на работе, Елена совершенно потерялась. И она тайно стала молиться дома. Ей как будто бы стало легче. Но Елена знала, что без совершения исповеди в Божьем Доме и таинства, очищения души не наступит. И духовная сила не обнимает душу, и не понесет ее на крыльях легкости и истинного интереса к жизни. Поэтому, пересилив страх, она стала чаще ходить в донецкую Церковь, в ту, где, как ей казалось, ее никто не знает, поскольку Она находилась на окраине города, противоположной той, где жила Елена.

Как помнит читатель, ранее Лена с сестрой, а затем одна посещала Церковь в Харьцызске, где ее действительно никто не знал. Но эта Церковь уже года два как не функционировала. Крыша в ней обрушилась, полы сгнили, стены осыпались. И она зияла скорбью, простирая свой остов в сердца людей. Но народ все по-прежнему безмолвствовал, он был словно слеп, отчего и пожинал грозди греховных плодов, которые питали души мракобесием, чиня грязные дела, подобные делам Ягодкина.

ГЛАВА XV

Тарас Михайлович, получив авторский диплом на открытия, признания, какого он ожидал среди ученого мира, не получил. Директор института в полную мощь не мог их рекламировать, потому что в глубине души боялся Михайловой. Она мешала ему, сковывала его свободу. Он не мог провести научно-практическую конференцию, поскольку опасался, что Елена придет на конференцию, выступит и расскажет, что не он, а она является автором этих открытий. В своем выступлении Елена сумеет не только изложить основные положе-

ния своих исследований, но и обосновать их дальше в более совершенной форме. И у присутствующих на конференции ученых сразу же исчезнут все сомнения в том, что автором открытий является не Ягодкин, а именно Михайлова. Исходя из этого, Елену Тарас Михайлович решил убрать с дороги, чтобы она не мешала ему жить. Ягодкин разработал план. И стал сам тайно следить за Михайловой, выжидая ситуацию, которая бы помогла в осуществлении его коварного замысла.

Он изучил режим ее работы и маршрут, куда она и к кому ходит. Знал приблизительно, в какие дни она посещает Церковь. И однажды, дождавшись, когда Елена зашла в Храм, он тайно последовал за ней и встал позади нее. А Елена, не обращая ни на кого внимания, поставила зажженные свечи в золотистые подсвечники и, встав перед иконой Спасителя, стала читать молитву «Отче наш», «Достойная есть», и затем она молитвенно стала спрашивать:

***Господь, от мучений меня защити,
От злодеяний помощи мне уйти.***

***Ниспошли мне, Боже, спокойствие
В мое сердце болью продрогшее.***

***Дай всецело предаться воле Твоей,
Напой смиреньем меня поскорей.***

***Направь меня, Боже, на праведный путь,
Чтоб свечу Твою не мог дьявол задуть.***

***Какое бы горе меня ни давило,
Какая бы новость меня ни пленила,***

***Научи принять со спокойной душой,
Что все послано это - только Тобой.***

***Дай перенести утомления дня,
А в слабости - душе подари огня,***

**Чтобы стерпеть я все муки смогла,
От Заветов Твоих не отошла.**

**Прости меня, Боже, и не отринь.
Иисусе Христе, Господний Сын.**

Милостивый Господи, Царь Небесный, ну почему?! – продолжала Елена скорбно взывать и испрашивать у Спасителя:

**Беда спешит за бедою,
И входит в мой дом.
Изнемогаю душою.
Я виновна ли в том?**

**Почему Ты разгневался,
Господь, на меня?
Я, как веточка, сделалась,
Стала я без огня.**

**Ты прости меня, Праведный.
От хулы защити.
И услышь голос жалобный.
Не дай в горе уйти.**

**Помоги мне очиститься.
Дай огнем засверкать.
И с прощением свидетелься,
Чтоб душою сиять.**

Избави, Господи, меня от человека злого, сохрани меня от коварного притеснителя Тараса Ягодкина, – и Елена вновь стала усердно молиться, говоря:

**Укрой меня от Тараса, Господь.
Раскрой его нечестивую плоть.
Его речи сладкие, словно бы мед,
А за глаза – клевету все он льет.**

**Защити от Тараса злобливое,
От врага – хитреца пугливого.**

**Его же зло, Бог, направь на него,
Чтоб жгучей болью опалило всего.**

**У пропасти жизни я, Боже, стою.
Тебя, Вседержитель, душою молю!**

**На Тебя, Всевышний, я уповаю.
И на помощь Тебя призываю.**

**Спаси, Господь! Своей силой укрой.
И верни мне, Боже, сердцу покой.**

Господи, мне хочется, как царю Давиду, посылать сердцем своим Тебе покаянные псалмы, в которых бы Ты услышал мою, испепеленную Ягодкиным, душу. Она исстрадалась, опустошилась и не может, как прежде, радоваться жизни. Господи, дай мне силы, ибо Ты Владыко Всемогущий. Я не могу, как прежде, гореть желанием жизни, работать с наслаждением. Подари мне прежнее прилежание, работоспособность, усердие в поиске и осмыслении научных идей. Помоги мне, Господь, освободиться от обиды и скорби, нанесенной Ягодкиным. Помилуй меня, Иисус Христос, и вдохни в меня силу духа, которая бы окрылила меня высотой и размахом новых открытий. Ниспошли мне, Боже, усладу и интерес к жизни. А то я своей безысходной отрешенностью извела дорогих мне людей. Я не хочу наполнять страданиями их души. Услышь меня, Всевышний Творец, и прими сердцем посылаемые молитвы Тебе, и напои меня Своей благодатью.

Затем Елена перекрестилась, приложилась к Господней иконе и иконе Богоматери, подошла к батюшке, и исповедалась. На душе у нее давящая боль словно отступила, и ей сделалось светлее и уютнее. Выйдя из Храма, она поспешила домой.

Тарас Михайлович, видя и частично слыша молитвы Елены, был ошарашен чистотой прошения, искренности и скорби Михайловой. Он понял всю глубину своего злодеяния, которое причинил Елене и подумал: «Не выдержит всей боли, что я ей при-

чинил, и будет жаловаться на меня во все инстанции. Скорее с ней надо разделаться, и в то же время не помешает написать на нее письмо в Комитет государственной безопасности и в областной комитет коммунистической партии о том, что Михайлова - член партии, а ходит молиться в Церковь. Пусть-ка ей займутся, может быть, они упекут ее в тюрьму и мне тогда не нужно будет с ней возиться. Да и Федорову попадет, что такая кадра у него работает».

Федоров, в отличие от Ягодкина, был человеком, как и Анатолий Валентинович, честным, добрым, наблюдательным и отзывчивым. Елена у него работала уже продолжительное время. Но вела себя замкнуто, наукой не особо интересовалась, коллег сторонилась. Ее непосредственный начальник и, как мы знаем с вами, читатель, Учитель огорчался, видя ее в таком состоянии, но никак не мог ее зажечь работой. А руководитель знал, как Елена могла плодотворно трудиться и какие выдавать научные новеллы. Но какие бы перспективные и интересные темы ни предлагал ей Учитель, Елена оставалась к ним равнодушной. Не зная, как помочь Михайловой, Анатолий Валентинович обратился к директору:

- Александр Анатольевич, что мне делать? Елена Васильевна прямо-таки впала в депрессию. Ничем не интересуется. Этот кровопийца Ягодкин совершенно лишил ее интереса к жизни и работе. Как-то надо ей помочь, но у меня не получается. Александр Анатольевич, как друга прошу, помоги, пожалуйста, пробудить в ней интерес и обрести себя. Она необыкновенно тонкая натура, чистая, как горный родник. Талантливейший ученый. А какая сердечная, то ты уж и сам знаешь. Помнишь, когда я лежал в больнице, она, бросив работу, за мной целый месяц ухаживала как родная дочь?

- Плохо, Анатолий Валентинович, что мы не уговорили Елену Васильевну обратиться в суд на этого подлеца Ягодкина. Возможно, выиграли бы

дело о признании авторства на открытия Михайловой и потребовали бы ее диссертационный материал у него. А сейчас срок исковой давности истек. Вот если бы мы документ один откопали, который уличил бы Тараса Михайловича, и сумели бы по этой теме в нашем институте провести научно-практическую конференцию с приглашением авторитетнейших ученых мира, то процесс можно и выиграть.

- Но для этого, Александр Анатольевич, необходимо, чтобы Елена Васильевна заинтересовалась глубоко этой проблемой и выступила бы на конференции в развитии проблемных исследований. И надо, чтобы она была доктором технических наук, а не кандидатом... Давайте ее сюда пригласим и об этом скажем. Может быть, она воспрянет духом.

Секретарь Ольга Ивановна по телефону вызвала Елену Васильевну в кабинет директора. Вскоре в кабинет вошла Михайлова.

- Присаживайтесь, Елена Васильевна, и рассказывайте, как у вас продвигаются научные исследования, - сказал директор.

- Не очень хорошо, Александр Анатольевич.

- А почему же так?

- Не могу себя заставить. Такую опустошенность в душе чувствую, что сил нет ни на какую работу. Я, Александр Анатольевич, прошу прощения, это, наверное, нехорошо, но чтобы как-то заставить себя работать, я должна вдохнуть прежние силы. Поэтому и стала в Церковь ходить, молиться. Возможно, Господь, услышит мое прошение и излечит от этого недуга. В периоды невероятной боли в душе, жизненного кризиса, опустошения и ощущения безысходности я и раньше ходила в Храм. И, как правило, после этого мне становилось легче. Может быть, и на этот раз Бог мне поможет. Признаться, я дня три как начала копаться в справочнике по электротехнике. Меня там заинтересовала тема: «Индукционный нагрев». По этой теме я нашла интересные работы ведущих ученых. Например, профессор

Бабат Геннадий Иванович излагает в своей монографии неожиданно новый подход индукционного нагрева металла. Но, как мне кажется, это идет в противоречие с высокочастотной электротермией, что изложено в справочнике Александра Борисовича Куволдина. Поэтому, если вы, Александр Анатольевич, позволите мне заняться этим исследованием, то я бы охотно согласилась.

- Конечно, я согласен, - восторженно сказал директор. - Эта тема всегда была актуальной, но сейчас с развитием научно-технического прогресса она особенно представляет большой интерес для развития промышленности. Я очень рад, Елена Васильевна, что вы наконец нашли тему, которая вас заинтересовала и разработка ее крайне необходима. Эта тема объемная. Чтобы процесс пошел быстрее, вам бы надо два - три помощника. Как вы считаете, если я дополнительно назначу помогать вам Терехина Виктора Петровича и Чайкина Андрея Андреевича? Вы не будете возражать?

- Это как Анатолий Валентинович скажет. Он же мой непосредственный начальник. Если он не возражает, то и я разделяю его точку зрения, - улыбаясь, ответила Елена.

- Ну, вы, Елена Васильевна, и дипломат... Разумеется, ваш выбор темы и предложение Александра Анатольевича совершенно правильны. Я только «за» обеими руками за такое решение, - сияя глазами, радостным голосом воскликнул профессор.

- Вот и слава Богу, что у нас по этому вопросу единое мнение. Так что будем работать. И если, Елена Васильевна, у вас ко мне вопросов нет, то я желаю удачи, творческих успехов в разработке этой темы и написании докторской диссертации.

Поблагодарив, Елена вышла из кабинета, а Анатолий Валентинович остался у Александра Анатольевича и, обращаясь к директору, сказал:

- Я тоже верующий в душе, да и вы, как я знаю, также не атеист. Но за Елену Васильевну я боюсь. Уж больно она открыто ходит в Церковь. Узна-

ют кэзгэбэшники, обкомовские и райкомовские коммунисты – загрызут и ее и нас с вами.

– А что тут плохого, Анатолий Валентинович, что человек в Храм ходит? Она же там не бесчинствует, не сквернословит, а Богу молится. Кается, хочет чище, лучше стать. Просветлеть душой, успокоиться, набраться духовной силы, которая ведет к пониманию, искоренению зла и других пороков, преследующих человека. Я считаю, пусть себе ходит в Храм. От этого нам, ей и в целом обществу только лучше будет.

– Так-то оно так, Александр Анатольевич, да многие коммунисты, которые засели в разных ветвях власти и управления совершенно противоположную точку зрения имеют. И несдобровать нам всем, если они о посещении Храма Михайловой узнают.

А лихо, вытекающее из злопыхательства оголтелых атеистов, уже стучало к ним в окно. Через несколько дней после их доброжелательной беседы по поводу веры и отношения Елены к Церкви директора института вызвали в областной комитет коммунистической партии Украины, и секретарь зачитал письмо следующего содержания:

«Довожу до Вашего сведения, уважаемый Сергей Николаевич, что ранее у нас работала старшим научным сотрудником кандидат технических наук Михайлова Елена Васильевна. За аморальное поведение она была уволена. Сейчас она работает в научно-исследовательском институте, где директором является доктор технических наук, профессор Федоров Александр Анатольевич.

С Михайловой, когда она работала в нашем институте, я сам неоднократно беседовал о ее крайне низком идеологическом уровне. Она является ярким антимарксистом. В ней глубоко проросли корни религиозного мировоззрения. Михайлова работает в научно-исследовательском институте у Федорова, исследует научные проблемы в области промышленности. Но как она сможет выявить прогрессивные зерна в науке и совершить что-то

полезное для нашего народа, если она верующая?

Надеясь на помощь религии, она обрекает не только себя на духовное рабство, но и окружающих ее людей. Такие, как Михайлова, позорят наше общество и нашу партию. И ей не место в научно-исследовательском институте, поскольку она идет по пути религиозных представлений. С таким мировоззрением она вводит науку в заблуждение и никогда не сможет постичь глубину и суть исследуемого явления, поскольку религиозное мировоззрение никак не совмещается с научным мировоззрением.

Директор научно-исследовательского института Тарас Михайлович Ягодкин, доктор технических наук, профессор».

Закончив читать письмо, секретарь, обращаясь к Федорову, спросил:

– Так что же мы будем делать с Михайловой? И что она за человек? Как она с религиозным мировоззрением защитила кандидатскую диссертацию?

– Сергей Николаевич, в этом письме Тарас Михайлович, как мне кажется, сгущает краски. Елена Васильевна очень общительная, знающая и старательная работница. И нет в ней никакого религиозного мировоззрения. Возможно, в Церковь Михайлова и зашла из-за любопытства, так что тут такого? В нашем институте говорят, что Тарас Михайлович за Еленой Васильевной приударял, а она не ответила ему взаимностью и уволилась из его института. И он решил сочинить на нее это письмо. Кстати, я сам принимал Михайлову к себе в институт и смотрел ее трудовую книжку. В ней было написано, что уволена она по собственному желанию, а не за аморальное поведение.

– Если так, Александр Анатольевич, то возьмите это письмо. Проконтролируйте ситуацию. На всякий случай побеседуйте с Михайловой. И через недельку доложите мне о результатах вашей с

ней беседы.

Директор не ожидал, что от такого письма отделается легким испугом. За такие «разоблачительные» письма работника, как правило, исключали из партии и увольняли, а на руководителя, где работает данный «нарушитель», налагали партийное взыскание, вплоть до строгого выговора с занесением в личную карточку.

Возвратясь на работу из обкома партии, Федоров пригласил к себе Ямщикова. Зачитав ему письмо, стал с ним советоваться:

- Анатолий Валентинович, как же нам поступить? Секретарь обкома потребовал, чтобы я побеседовал с Михайловой насчет ее религиозного мировоззрения и через неделю дал ему свое заключение.

- Здесь надо поступить очень тактично, поскольку Елена Васильевна только-только начинает выходить из своего депрессивного состояния, а мы опять на нее ушат грязи выльем. Она, Александр Анатольевич, уже точно не выдержит. Но вы представляете, какой же этот Ягодкин дерьмовый человек! Какой он пасквильный и низменный руководитель! Как я ошибся в выборе своего ученика, - сокрушенно покачал головой Ямщиков.

- Но нельзя же, Анатолий Валентинович, не ознакомить Елену Васильевну с письмом? Ей все же нужно его показать, так ведь?

- Конечно... Михайлову с письмом ознакомить необходимо, но давайте это сделаем послезавтра. Глядишь, за это время мы помудреем и сумеем деликатно все ей преподнести, - и добавил: - Вот времена пришли... В Церковь, в Святыню люди не могут сходить... Человек рождается свободным, а мы диктуем, куда ему ходить, а куда не сметь и заглядывать. Даже туда, что наши пращурь, родители называли Домом очищения души от скверны и грязи, где можно насыщаться теплотой, раскаянием, напитаться чистотой отношений, добротой и сердечностью.. Благодаря таким, как Михайлова, наш свет только и держится... Лишь такие, как она, способны оплот, силу и мощь

нашего государства растить и умножать. А мы таких, как Елена Васильевна, должны, словно какую нечисть, с работы выгонять...

Елена не догадывалась, что Тарас Михайлович за ней слежку устроил и такое недоброе письмо в обком партии направил, но она несколько раз видела где-то вдали от себя Ягодкина. Заметив его, не желая с ним встретиться, Елена всегда стремилась быстро уйти и потеряться среди народа. Она постепенно втягивалась в свой прежний, насыщенный трудолюбием ритм. Выбранная тема вызывала в ней познавательный интерес. Ученая много думала и исследовала явления нагрева токопроводящих тел за счет возбуждения в них электрических токов переменным электромагнитным полем.

Ей никак не удавалось выяснить пропорциональную зависимость индукционного нагрева от размеров и физических свойств проводника, чтобы составить иную формулу, отличную от приведенной в монографии Бабата. Елена знала, что в проблеме хорошо разбирается директор института, и она решила пойти к нему.

– Александр Анатольевич, разрешите у вас проконсультироваться? – войдя в кабинет, спросила она у директора.

– Не возражаю... Что у вас за вопрос?

– Я по теме индукционного нагрева. Меня интересует частота и напряженность электромагнитного поля.

– Это, Елена Васильевна, зависит от многих факторов, – и профессор с увлечением рассказывал наиболее распространенные процессы использования индукционного нагрева, приводил различные точки зрения по этим проблемам. В дискуссии они и не заметили, что давно уже закончился рабочий день.

– Ой, Александр Анатольевич, вы меня извините, уже восьмой час вечера, а я вас все задерживаю.

– Ничего, Елена Васильевна, нужно же было нам с вами эти проблемы обсудить. Вы, я гляжу, глупо вошли в исследуемый материал. Начали уже

выводить свои формулы. Очень интересные и перспективные сделали выводы по выделяемой мощности в нагреваемом объекте. А в душе директор подумал: «Сейчас, наверное, удобное время рассказать Михайловой о письме» – и неуверенно начал:

– Я, право, не знаю, с чего и начать... Но, Елена Васильевна, сразу скажу, что я разделяю ваш подход в отношении к Церкви... Это я вам говорю и потому, чтобы вы не расстраивались, поскольку, вы знаете, с такими убеждениями, как у нас с вами, не очень много людей. Есть и такие, например, как Ягодкин, которые следят, кто ходит в Церковь, и доносят в разные инстанции. Он, вероятно, вас видел в Церкви и по этому поводу написал письмо на вас в обком партии.

Директор достал лежащее в столе письмо и начал его читать. Елена внимательно слушала руководителя и не проронила ни слова. Однако лицо ее заметно побледнело. Закончив читать, Федоров сказал:

– Вас ни в коем случае мы не будем ни увольнять, ни на собрании рассматривать. Я уже был по поводу этого письма и сказал секретарю обкома, Сергею Николаевичу, что в письме – сущий бред. Елена Васильевна у нас абсолютно не такой человек. Она добросовестная, отзывчивая и великая труженица. И дальше немножко я слукавил, сказав, что вы ни в какую Церковь не ходите, а если и ходили, то лишь из-за любопытства, посмотреть, что в ней находится. Поэтому я вас прошу, вы пока не посещайте Храм. А если уже очень душа попросит, то поезжайте подальше от Донецка. Хорошо, Елена Васильевна? А то эти рьяные атеисты загрызут, засыпят нас с вами своими кляузками.

– Спасибо вам, Александр Анатольевич, за сердечное внимание и поддержку. У меня, как я вам с Анатолием Валентиновичем уже говорила, в душу возвращается покой и радость жизни. С похищенными диссертацией и открытиями я свыклась. Мне стало легче. Господь, верно, смилостивился

надо мной. И сотворенные действия Ягодкина меня перестали угнетать...

Я не то чтобы забыла, как Тарас Михайлович низменно и коварно со мной поступил, но, во всяком случае, его подлость меня не давит сейчас до саднящей боли. И это благодаря Богу, вам и Учителю. Вы создали мне здесь такой теплый микроклимат, окружили меня таким вниманием, что мне стало крайне стыдно чахнуть. А тут Господь еще меня и благодатной мыслью осенил в выборе научной темы. Она мне интересна. Если вы не возражаете, я по ней буду собирать материал и для докторской диссертации.

- Отлично, Елена Васильевна! Я рад, что вас наконец посетило творческое вдохновение. А вы об этом говорили Ямщикову?

- Нет не говорила. Обстоятельства как-то не складывались.

- Ему непременно надо рассказать. А то он за вас очень переживает. Он, Елена Васильевна, чувствует свою вину перед вами за то, что вам Ягодкина в научные консультанты определил. Говорил, если бы он сам был научным консультантом или прикрепил Пирогова Ивана Захаровича, то этого бы не произошло. Сейчас Пирогов, кстати, уехал в Киев. Его назначили заместителем директора одного из ведущего Киевского научно-исследовательского института. Я с ним недавно встречался, и он вам передает привет.

- За переданный привет Ивану Захаровичу спасибо... А что касается, Александр Анатольевич, выбора научного консультанта, то напрасно себя упрекает Анатолий Валентинович. Как моя покойная мама говорила: «Что Бог ни творит, то все к лучшему». Значит, в этом что-то спрятано. Вероятно, разгадка придет позже. И мы поймем, почему именно при наличии таких прекрасных людей, как мой Учитель или Иван Захарович, мне судьба подарила Ягодкина.

- Прозорливая вы у нас, Елена Васильевна, как великий пророк. Приятно с вами общаться. По суждениям вам словно не двадцать восемь лет, а

все семьдесят.

– Ого, Александр Анатольевич, сколько много лет вы мне даете, – смущенно улыбаясь, сказала Елена. Затем попрощалась и, не заходя в свой отдел, вышла на территорию института.

На улице уже стояла глубокая темень. Территория института плохо освещалась. И если бы не находившаяся вблизи трамвайная остановка, с которой в институт проникал свет, то было бы тяжело идти по ухабистой тропинке. Дождавшись трамвая, Елена поехала домой.

– Мама, ты почему же так поздно явилась? Уже десять часов. Где ты была?

– На работе, сыночек. Давай будем ужинать. А папа где?

– На работе до такого позднего часа ты уже давно не задерживалась.

– Ты знаешь, Игоречек, меня мысль осенила по теме очень интересная, но она у меня вызвала сомнения. Так я пошла к директору Александру Анатольевичу, и он мне помог разобраться. Вот почему я и задержалась. А где же все-таки отец?

– Папа пошел на минутку к соседу дяде Пете, он его позвал отремонтировать телевизор.

– Игорек, а что у нас на ужин?

– Борщ и макароны, папа наготовил.

– Чудесно... Тебе, Игоречек, насыпать борщ?

– Насыпать, только немного. Я борщ уже с папой ел.

– А какие оценки мой мальчик принес сегодня?

– Пятерку и двойку...

– А двойку за что отхватил?

– Вот какая ты, мама?! Не спрашиваешь, за что я пятерку получил, а за двойку сразу спрашиваешь? Так я сам скажу, пятерку я получил по физкультуре, двойку – за то, что не выучил стихотворение. Просто я его забыл выучить, но сегодня я его уже почти знаю наизусть.

– Ой, Игоречек, ну что же так плохо? Нехорошо забывать домашнее задание.

– А ты, мама, всегда помнила и не получала двоек?

- Если честно, сынок, то и забывала, и двойки получала... Правда, насчет двоек было редко. Ты же знаешь, аттестат за десять классов у меня с отличием и на пятерки я закончила институт.

- А мой друг Андрей говорит, что учиться на пятерки мальчишкам не нужно. Пусть девочки, зубрилки, их получают. А ты, мама, как считаешь?

- Я, Игоречек, думаю, что и мальчики должны на пятерки учиться. Пятерка - это наивысшая оценка, она определяет твои способности, трудолюбие и твой ум. Если ученик получил пять - значит, он умный. Он глубоко может познать мир и быть летчиком, космонавтом, хорошим инженером, ученым, учителем. Ты же не захочешь, чтобы кругом брали на работу только девушек, а юношей отставляли на задний план?

- Конечно, нет.

- Тогда надо стараться и учиться на пятерки.

- Мама, и моя подружка Надя на одни пятерки учится, а я нет. Значит, когда мы вырастем, она на мне не женится?

- Не знаю, Игоречек... Только в этом случае надо говорить не «не женится», а «замуж не выйдет», поскольку девушки замуж выходят, а молодые люди женятся. Понял?

- Да чего же тут не понять? Мама, я Надю сегодня нечаянно толкнул, она упала и расплакалась. Я к ней подбежал и стал ее поднимать, а она меня дураком назвала и стукнула. Тогда я ее за косичку дернул. И она еще громче заплакала. А Татьяна Кирилловна увидела и меня за это в угол поставила. Как ты считаешь, кто прав - я, учительница или Надя?

- Сыночек, сложный ты мне вопрос задал, давай вместе порассуждаем. Надя, вероятно, не знала, что ты ее нечаянно толкнул, потому и обиделась. И она посчитала, что за себя надо постоять, вот и ответила тебе обидным для тебя словом, и ударила за причиненную боль. Как ты считаешь, в этом случае она права?

- Права... - смущенно ответил Игорек.

- Ну так вот... Давай теперь рассмотрим действия вашей учительницы Татьяны Кирилловны. Она должна не только вас всех учить, но и воспитывать, прививать вам уважение друг к другу. А особенно привить учтивое отношение мальчика к девочке. От природы юноша всегда сильнее девушки и нехорошо, когда сильный бьет слабого. Вот Татьяна Кирилловна, когда тебя поставила в угол, это и имела в виду. И чтобы ты, постояв в углу, осознал свой проступок и в дальнейшем не совершал бы подобного. Она как учительница отвечает в школе за всех вас, и ей хочется, чтобы вы все росли милыми, хорошими и добрыми. Следовательно, Татьяна Кирилловна это сделала не ради своего интереса, а ради того, чтобы ты, Игоречек, не вырос плохим и недобрым молодым человеком.

- Так значит, и она права?! Не прав, получается, только я?! А как же мне, мама, в этом случае надо было поступить?!

- Тебе, Игоречек, нужно было подойти к Наде, помочь ей подняться и извиниться. И смириться с тем, что она тебя назвала плохим словом и ударила. Но ей непременно объяснить, что ты причинил ей боль не намеренно, а по неосторожности. У Нади тогда на душе даже при боли было бы легче. И она бы сожалела, что тебя ударила. Понял?

- Понять-то я, мама, понял. Но если я так буду поступать, то меня только и будут колотить и колотить как девчонки, так и мальчишки.

- Но если они тебя будут, как ты говоришь, колотить, и колотить намеренно, то им сдачи, Игорек, давать надо.

- Вот и правильно я Федьке тогда врезал. Он хотел с моей Надей сесть за мою парту, так я его столкнул, а он меня в глаз ударил, а я ему в грудь боксанул. Правильно я сделал?

- А как ты сам, Игорек, считаешь? Мы же с тобой уже подобную ситуацию рассмотрели, теперь ты сам ответь!

- А что тут рассматривать? Конечно, я, мама, прав. Как папа говорит, что никому нельзя

позволять отбивать любимого человека. За любовь надо стоять грудью. И за нее надо драться. Он мне говорит, что за тебя он сражался до конца и победил. И я свою Надю никому не уступлю. И за нее замуж выйду. Ой нет, женьюсь.

– Кто это там жениться собирается? – спросил пришедший от соседа Дмитрий.

– Я, папа!

– На ком же?

– На Наде.

– А не рановато ли, сынок? Тебе же через месяц исполнится только девять лет.

– Так я не сейчас женюсь, а когда мне будет, как и тебе было, восемнадцать лет.

Дмитрий с искринкой в глазах переглянулся с улыбающейся Еленой и сказал:

– Леночка, я сегодня премию получил и тебе вот подарочек купил, посмотри.

– Папа, а мне купил?

– И тебе купил. Хотел его в день рождения тебе подарить, да вот, как видишь, не выдержал. И сейчас отдаю.

– А ты, папа, не переживай... На день рождения вы вместе с мамой еще что-нибудь мне подарите.

– Видал, какой шустрый? – довольным голосом ответил отец. Он достал из шкафа и подал Елене светло-сиреневый шерстяной свитер, а Игоречку большущую коробку, на которой было написано «Футбол».

Игорек с восхищенными глазами взял коробку, быстро ее раскрыл и стал рассматривать футбольную игру. Елена в свою очередь примерила свитер и ласково поцеловала мужа.

– Игорек, а ты почему меня за подарок не целуешь?

– Бегу, папа, бегу... – и счастливый Игорек с разбегу чмокнул отца в щеку, сказав: – Папа, пойдём сыграем в футбол.

– Уже, Игоречек, очень поздно. Вон смотри... двенадцатый час ночи...Завтра, как я приду с работы, тогда и сыграем.

- А можно я эту игру на кровати возле себя положу?

- Футболистов во сне не подавишь?

- Так я им защиту поставлю. Крышкой закрою.

- Ладно. Только ложись скорее, - и Дмитрий разобрал для сына кровать, аккуратно свернул покрывало. Игорек быстренько с коробкой юркнул под одеяло. И счастливая семья Михайловых вскоре забылась спокойным сном. Но в семь часов они по зову будильника все как по команде встали и стали готовиться к трудовому дню. Первой из квартиры ушла Елена, поскольку ей до работы было добираться дольше всех. Перед выходом Дмитрий сказал ей:

- Леночка, ты сегодня так долго не задерживайся на работе, пойдем к Ольге в семь часов и поздравим ее с днем рождения.

- Дима, я постараюсь. Ну а там - как получится. Может быть, меня Александр Анатольевич пошлет в заводскую лабораторию эксперимент проводить. А в этом случае процесс эксперимента, сам знаешь, от меня не зависит. Но вы с Игоречком, если я задержусь, идите, не дожидаясь меня. А я приду прямо к Ольге.

Рабочий день у Елены выдался удачным. Она при рассмотрении электромагнитного поля при индукционном нагреве использования тока низкой, средней и высокой частоты и при исследовании питания индукторов токами средней и высокой частоты использовала не только машинные и статистические преобразователи, но и применила новый вид ламповых генераторов, что значительно повлияло не только на качество плавки металлов, но и сделало более эффективным процесс использования индукционного нагрева. И Елена конечно же не попала на день рождения к своей подруге Ольге. Она домой приехала лишь в двенадцатом часу ночи, когда Дмитрий и Игорек были уже дома. Сын спал, а муж, волнуясь, ожидал жену. Услышав щелчок от поворота ключа в замке, он подхватился и поспешил к двери. Едва переступив

порог, одухотворенная Елена обхватила его руками за шею и радостно сообщила:

- Димочка, мне сегодня невероятно повезло. Я хотя и не сделала переворот в научном мире, но новеллу в индукционном нагреве нашла. Ты меня извини, что я не попала на день рождения к Ольге. Зато сейчас давай обмоем мою находку и Ольгин день рождения заодно.

- Леночка, поздно уже.

- Ой, Дмитрий! У нас с тобой такой счастливый день, а ты «поздно»... Неси, что у нас есть!

- У нас, дорогая, ничего нет, кроме самогонки.

- А самогонка, это что тебе, недостойный напиток?

Супруг не стал спорить и бранить жену, что он хотел сделать по приходе Елены, за ее позднее возвращение, а захваченный огнем счастья жены, начал быстро ставить на стол все, что у них было к ужину. Налив самогонки в стопки, Елена сказала:

- Я сегодня самый счастливый человек в мире. Бог смилостивился надо мной и вдохнул в меня новаторскую мысль. Дима, я вновь ожила и почувствовала интерес к жизни. Ты прости меня. Я тебя очень извела своим безразличием к жизни, которое Ягодкин обрушил на меня. Но теперь все прошло, и я теперь вновь словно приобрела крылья. Во мне проснулся зов, наполненный великим смыслом жизни. Спасибо тебе, мой дорогой муженек, в этом и твоя большая заслуга. Если бы не ты, то я едва бы все эти мучения вынесла.

Выпив стопку до дна, раздуманная от переполнивших душу чувств восторга, радости и благодарности, она подошла к мужу и поцеловала его чистым и проникновенным поцелуем. Поцелуем, который являет в себе умиление, раскаяние, нежность, откровение, но не рождает страсть.

В эту ночь они сидели за скудным ужином, но Елене казалось, что у них королевский стол. И радости ее не было предела. Она восторженно рассказывала Дмитрию о своей находке в индукционном нагреве токопроводящих тел за счет возбуж-

дения в них электрических токов переменным электромагнитным полем при зонной плавке. И лишь около трех часов ночи уснула, утомленная, но в то же время окрыленная зовом своей научной новеллы.

Но утром Елена пришла в институт, как всегда, без опозданий. Доложила о результатах своих экспериментов Анатолию Валентиновичу и Александру Анатольевичу. Ученые, посмотрев на выведенную Еленой формулу и схему, засомневались.

– Елена Васильевна, не может быть, чтобы новый ламповый генератор, который вы предлагаете, давал такой эффект, – сказал директор.

– Да, это совершенно неожиданный в науке вывод, сделанный вами по поводу индукционного нагрева совершенно бесконтактным способом передачи электроэнергии в нагреваемое тело с непосредственным преобразованием ее в тепловую. Но в то же время схема установки с использованием индукционного нагрева принципиально новая, что действительно может повысить эффективность при плавке металла. Все это, Елена Васильевна, еще раз необходимо проэкспериментировать, что-то и мне не верится. Поэтому, если Александр Анатольевич не возражает, пойдете и в заводских условиях на основании ваших выводов проведем эксперимент, – предложил Анатолий Валентинович.

– Я не только не возражаю, но горю желанием все это увидеть своими глазами, поэтому я тоже пойду с вами, – ответил директор института.

В заводских условиях, уже по накатанной дорожке, открытой Еленой, они провели эксперименты, и их удивлению и восхищению не было предела.

– Я до сих пор не верю, что ваши новые выводы и схема настолько эффективны. Но факт – упрямая вещь! Эксперимент показал реалию громадного экономического эффекта при плавке металла. Ну как это могло случиться? Мы, опытные ученые, это не увидели, работая над этим вопросом столько лет! А вы, Леночка, так просто сели

и сотворили чудодейственную формулу и схему – и результат готов!

– Это не новелла, как вы сказали, а это великое открытие в индукционном нагреве. Леночка, ваш вывод взаимосвязан с ранее сделанными вами открытиями с индуктивным сопротивлением и индуктивной нагревательной установкой.

– А говорят, Бога нет. Есть Господь, коль Он дал возможность Елене Васильевне провести параллель взаимодействия и фактически дать толчок к новым открытиям, основанным на ваших, Елена Васильевна, предыдущих выводах. Теперь Ягодкин не открутится и будет разоблачен, – ликвидал директор, и ему вторил Анатолий Валентинович.

– Это грандиозно, невероятно, но это факт. Вы наша умница, наш гений. Господь за все ваши мучения, Елена, вам воздал. Теперь мы проведем научно-практическую конференцию с приглашением ведущих ученых по этой проблеме, в том числе и Ягодкина. И позадаем ему вопросы из тех открытий, которые он у тебя украл, в динамике реализации и перспективном их развитии – явно он не ответит. И будет позорно уличен в воровстве ваших трудов.

– Вам, пока не подготовите весь тезисный prospect, не следует материал публиковать в научных изданиях. Затем, Елена Васильевна, сразу нужно в нескольких журналах сделать публикации по основным выводам данной темы. Чтобы такие, как Ягодкин, не воспользовались вашими идеями. А то потом ищи-свищи...

– Анатолий Валентинович, ну что же вы так пугаете Елену Васильевну? Не все же в нашем государстве такие ученые, как Ягодкин.

– Не все, но когда обожжешься на молоке, то спешить дуть и на воду...

– В какой-то степени я тоже с вами согласен. Мы пока об этом открытии говорить нигде не будем, даже в отделе. Дадим Елене Васильевне месячный срок, пусть она за это время сделает теоретическое обоснование, подготовит приложения, а потом эти выводы и результаты предадим

широкой огласке. И сразу же проведем научно-практическую конференцию. Как вы, Анатолий Валентинович и Елена Васильевна, смотрите на такое решение?

– Я, Александр Анатольевич, с вами совершенно согласен. А вот как считает Елена Васильевна?

– В процессуальном вопросе публикации основополагающих идей я мало что смыслю, потому и попалась на удочку Тараса Михайловича, а вот насчет теоретического обоснования и подготовки предложений думаю, что в месячный срок я улочусь.

– Вот и прекрасно, – довольный таким разрешением всплывшей проблемы, сказал директор института.

Елена целыми днями и до глубокой ночи вновь была охвачена своими научными идеями и работала без устали. Выполнение задания, которое ей поручил директор института и Анатолий Валентинович, двигалось к завершению. Она в тезисной форме подготовила весь план исследования индукционного нагрева токопроводящих тел за счет возбуждения в них электрических токов переменным электромагнитным полем. Написала четыре статьи, в которых изложила основополагающие выводы, формулы, схемы. И все они были разосланы в ведущие научные журналы. По этой же теме в институте была определена дата проведения научно-практической конференции и разосланы приглашения в ведущие научно-исследовательские институты, ученым предприятий, занимающимся исследованием этой темы, и руководителям предприятий, которые заинтересованы в рассмотрении данных тем.

Получив приглашение на научно-практическую конференцию, Ягодкин был очень удивлен. Он не знал, как ему поступить. Не идти на конференцию ему было нельзя, так как обсуждалась проблема, сопряженная с украденными им у Михайловой открытиями. И для того, чтобы работать дальше, он должен знать ход ее развития. А идти ему также было небезопасно, поскольку при выс-

туплении ему могут задать вопросы, на которые он не способен будет ответить. При всех «за» и «против» Ягодкин, проанализировав ситуацию, решил все же идти на конференцию.

И вот наступил долгожданный день научно-практической конференции. О ее проведении волновались и директор института, и Анатолий Валентинович, но больше всех все же переживала Елена.

Ямщиков и Федоров долго обсуждали вопрос: кому выступать с докладом на конференции? И решили: не выступать директору нельзя, но и не хорошо излагать идеи Михайловой, поэтому он обозначит только актуальность проведения научно-технической конференции, а Елена сделает основной доклад по рассматриваемой теме. Анатолий Валентинович же выступит в конце с анализом вскрытых в целом проблем всех ученых.

Елена тщательно и всесторонне готовилась к своему докладу. Она просмотрела и все выводы по выкраденным Ягодкиным открытиям. По сценарию Лена должна была выступать после Ягодкина.

После выступления Федорова слово дали Тарасу Михайловичу. Он живо поднялся на сцену и встал за кафедру. Окинул зал, в котором было человек пятьсот. Ученые приехали из всех уголков Советского Союза, некоторые ученые были приглашены и из-за рубежа. Тараса Михайловича от такого количества ученых обуял страх. И он неуверенно, не вскрывая по существу проблемы, которая обсуждалась на конференции, говорил минут двадцать. Многие ученые читали в журнале «Ежегодник» извещение о том, что Ягодкин совершил открытия по индуктивному сопротивлению в аэродинамической части крыла и по индукционной нагревательной установке. Ему стали задавать вопросы. Ягодкин не был готов к ответу, поскольку он не осмысливал глубину исследований, изложенных в открытиях, сделанных не им, а, как знает читатель, Михайловой. Поэтому ни на один вопрос он не дал вразумительного ответа, чем поверг уче-

ных в сомнение по поводу его авторства на открытия.

И вот предоставили слово Михайловой. Она была одета в подаренный Дмитрием светло-сиреневый свитер и такого же цвета юбку. Выглядела скромно, но свитер и юбка, плотно облегающие фигуру, придавали ей необыкновенную изящность. Елена была стройной, сиреневый цвет одежды оттенял ее лицо майским цветением. Волосы, волнисто уложенные, словно золотистый букет роз, обрамляли ее красивый лоб. Ее голубые, с лазоревым отливом, глаза горели откровением. Она в эту минуту была необыкновенно хороша. Ее юность, как парящая птица, звала взлететь высоко и насыщаться простором небесных зорь.

Первые слова своего доклада Елена произнесла с волнением, заглядывая в текст. Но постепенно в ней крепла уверенность. Она со знанием дела осветила всю глубину исследуемой темы, приоткрыла завесу своего вывода. Затем распахнуто донесла до ученых суть своих открытий не только по индукционному нагреву мощности, выделяющейся в проводнике, но и блестяще ответила на все вопросы, которые задавались ранее Ягодкину по аэродинамическому сопротивлению крыла и индукционной нагревательной установке.

Ученые с нескрываемым любопытством слушали ее ответы и задавали новые и новые вопросы по исследуемым темам, на которые Елена словно пописаному отвечала не только четко, но и с аргументированными выводами, чем привлекла внимание и присутствующих промышленников. Они очень заинтересовались новинкой и желали внедрить ее на практике, потому просили докладчицу некоторые данные написать на доске. Лена взяла кусочек мела, подошла к доске и наглядно показала экономический эффект от реализации своих открытий, чем полностью повергла в стыд Ягодкина, показав его некомпетентность, незнание вопросов, которые он освещал.

Среди присутствующих были ученые, которые понаслышке знали, что автором открытий индук-

ционной нагревательной установки и аэродинамического сопротивления крыла является не Ягодкин, а Михайлова, и что именно у нее он выкрал их, и обманным путем зарегистрировал в Государственном комитете право авторства на себя. После выступления Елены это не вызывало сомнения не только у них, но и у остальных ученых. Удостоверяясь в своих предположениях, они еще и еще задавали Михайловой вопросы, а она, как из неиссякаемого источника, выдавала ученым и руководителям промышленных предприятий развернутые взаимосвязи науки и практики освещаемых проблем из имеющихся открытий, которые она способна помочь воплотить в производственную деятельность и от которых предприятия будут иметь большую прибыль.

Выступление Елены вместо запланированных пятнадцати минут длилось около двух часов. Наконец присутствующие под гром восторженных аплодисментов отпустили ее с кафедры.

Затем не по сценарию выступил Анатолий Валентинович. Он не мог удержаться, чтобы при благоприятно сложившейся обстановке не раскрыть подлость Ягодкина. И он после своих предложений по обсуждаемым проблемам доложил присутствующим ученым и руководителям о том, как обманным путем Ягодкин выкрал у Михайловой ее открытия.

– Тарас Михайлович, – начал он, – к великому моему стыду, являлся моим учеником и работал под моим руководством. Многие из присутствующих здесь знают, что я был директором научно-исследовательского института, а он в этом же учреждении начальником отдела. В его отделе работала Михайлова. Она сделала открытия по изложенным выше темам. И вы сами слышали, как она отвечала и как отвечал Ягодкин. Я, учитывая, что Елена Васильевна неопытна в оформлении документации права авторства на открытие, обязал Тараса Михайловича помочь ей. И он наряду с оформлением заявки на Михайлову тайно подготовил заявку

на свое имя и поехал вместе с ней в Государственный комитет по делам изобретений и открытий...

Так Анатолий Валентинович с абсолютной убедительностью разоблачил лукавые действия Ягодкина.

После его выступления слово попросил Плетнев Николай Иванович, член академии наук. Он возмущенно сказал:

– Я являюсь, как вы знаете, уважаемые коллеги, членом комиссии Государственного комитета по делам изобретений и открытий, и по возвращении в Киев немедленно дам публикацию об опровержении права авторства на открытие Ягодкина. А вы, Елена Васильевна, подготовьте все документы, на этот раз уже на свое имя, и не стойте за дверью, а заходите с ними ко мне в двадцать первый кабинет. После опровержения авторства Ягодкина на открытия будем оформлять право авторства на вас.

Ученые, присутствующие на конференции, глупо возмущались подлым поступком Ягодкина. Говорили о необходимости подготовить документы о привлечении его к уголовной ответственности и возвращении поощрительного вознаграждения, которое он получил мошенническим путем. В речах выступающих звучали и такие слова: «Не место таким проходимцам в рядах ученых и профессорского состава!», «Ягодкин, сдайте диплом на открытия и возвратите их законному владельцу – Михайловой Елене Васильевне! За ее компетентность, профессионализм мы все готовы подписаться!», «Ягодкин, вам не место на конференции! Выйдите из зала!».

Тарас Михайлович, съевшись от позора, который неожиданно на него обрушился, покинул зал под возмущенные возгласы присутствующих. Он проклинал себя за то, что до сих пор не убрал Михайлову и дал ей возможность выступить, хотя и не в своем институте, а у Федорова. Наливаясь гневом, злобно шептал:

– Еще посмотрим, чья возьмет! Я не дам тебе,

стерва, оформить документы. Ты их не успеешь со своим маразматиком Анатолием Валентиновичем подготовить! Я свой промах завтра или послезавтра залатаю. И никто не подкопается. Да что «завтра – послезавтра» поджидать, я свой план осуществляю сегодня же. Пусть эта тварь только выйдет.

Он сел в машину, заехал в то место, где его было не очень видно, а для него выход из института хорошо просматривался. И стал ожидать, когда Елена после окончания конференции отправится домой. В гневе он не замечал, как бежало время. В таком состоянии Ягодкин несколько раз прокручивал план своей мести. И каждый раз в него включал все новые и новые элементы. Директор утопал в остервенелом возбуждении, в воспаленной злобе, шипя как змея, жалил такими ненавистными словами Елену: «Сейчас убью эту ненавистную мне сволочь. Как она, падаль, могла оттолкнуть меня, доктора, профессора. Ей ли было брезговать мной. Без году неделя как стала кандидатом, а мнение о себе как об академике... Любая женщина передо мной расстилается в сладкой любви и считает за великое благо поговорить со мной. А эта стерва льнет к этому свиному Ямшикову. Ну я тебе устрою... Если тебя тогда не добил и ты не сдох, то с тобой все же рассчитаюсь, сумею тебя преждевременно вперед ногами вынести. Вместе будете на том свете наукой заниматься...»

В голове Ягодкина одна злобная мысль сменялась другой. Желчность заливала его разум рекой. Он словно обезумел от нее, дрожал от ненависти предвкушения расправы над выбранными жертвами. И его взор непрерывно следил за дверьми входа в институт. Он заметил, что движение у дверей оживилось. Из института стало выходить много народа. Ягодкин понял, что конференция закончилась.

Из своего укрытия он увидел, как вышли ученые и гурьбой пошли на остановку, но среди них Михайловой не было. И лишь позже, через час, вышла Елена. Она тоже прошла на остановку и села в подъехавший трамвай, ко-

торый следовал по направлению к ее дому. Ягодкин последовал на своей машине за ней. Доехав до своей остановки, Елена вышла и медленным шагом пошла. Улучив момент, когда Елена осталась одна и вблизи нее народа не оказалось, Ягодкин на повышенной скорости помчался прямо на нее.

Но здесь случилось непредвиденное. Позади Михайловой по дорожке, очень быстро бежал молодой мужчина, одетый в синий тренировочный костюм. Поравнявшись с Еленой, видя, что на них наезжает машина вишневого цвета, он с силой наотмашь толкнул ее от себя. Елена пролетела несколько метров в сторону и упала. Она очень ударила головой, свезла кожу на боку, ногах и руках до глубоких ран и лежала без сознания. Недалеко от нее лежал с переломанными ногами и ребрами спортсмен, на которого наехал Ягодкин вместо Елены.

Увидев, что он задавил вместо нее неизвестного мужчину, а Елена лежит без движения, Ягодкин резко развернулся и помчал в противоположную сторону от места преступления. Подбежавшие люди вызвали скорую помощь и милицию. «Неотложка» и милиция прибыли незамедлительно, почти одновременно. Окровавленных спортсмена и Елену повезли в больницу.

ГЛАВА XVI

Работники милиции по горячим следам сразу выяснили, что автомашина «Волга» вишневого цвета за номером ДОН 23-29 принадлежит Ягодкину Тарасу Михайловичу, и по установленному адресу последовали к ее владельцу. Хозяин автомашины оказался дома. Он был бледен, руки у него дрожали. Сотрудники милиции представились. Это были следователи Ивушкин Леонид Николаевич и Рассухин Александр Иванович. Пригласили понятых, и Ивушкин, обраца-

ясь к хозяину, начал допрос:

- Ваши фамилия, имя, отчество?
- Ягодкин Тарас Михайлович.
- Год рождения?
- Тысяча девятьсот восемнадцатый.
- Где работаете?
- В научно-исследовательском институте.
- В качестве кого?
- Директора.
- Автомашина «Волга» вишневого цвета за номером ДОН 23-29 вам принадлежит?
- Да.
- Где вы, Тарас Михайлович, были сегодня?
- В институте, на научно-практической конференции.
- Вы туда ездили на автомашине?
- Нет. Я туда добирался своим ходом, то есть на троллейбусе, затем на трамвае.
- Вас кто-нибудь видел, когда вы ехали общественным транспортом?
- Не знаю.
- Вас видел кто-нибудь на научно-практической конференции?
- Меня видели многие. Я там выступал с докладом.
- Где ваша автомашина?
- Она стоит в гараже.
- Пойдемте, Тарас Михайлович, осмотрим вашу автомашину.

Они все вышли и пошли в гараж. В гараже стояла автомашина «Волга» вишневого цвета за номером ДОН 23-29. На передней части капота и на правом крыле были заметны вмятины и частично содрана краска. Леонид Николаевич вновь продолжил допрос:

- Тарас Михайлович, кто мыл машину?
- Я ее сам недавно помыл, собирался поехать к другу.
- Вмятина когда появилась на автомашине? И при каких обстоятельствах содрана на капоте и крыле краска?
- Это было так давно, что я уже не помню, при каких обстоятельствах это произошло.

Поняв, что Тарас Михайлович не раскаивается в содеянном преступлении и не думает говорить правду, а, напротив, стремится направить следствие на ложный путь, следователь срочно для осмотра автомашины вызвал эксперта.

Эксперт, осмотрев машину, заметил клочок ткани, который висел внизу бампера, зацепившись за напайку. В присутствии понятых он снял этот клочок ткани и положил в прозрачную коробочку. Затем осмотрел место, где была содрана краска, и сказал:

– Леонид Николаевич, краска содрана не более трех часов назад. Но для уточнения нужно это исследовать в лабораторных условиях.

– Хорошо, – ответил Ивушкин, – мы автомашину направим на соответствующую площадку. – И начал расспрашивать Ягодкина. Но Тарас Михайлович больше на поставленные вопросы отвечать отказался. Тогда следователь дал ему подписать протокол допроса, взял с него подписку о невыезде из города и вручил повестку в милицию явиться к нему в четырнадцатый кабинет в девять часов утра следующего дня.

Отправив машину Ягодкина на экспертизу, Леонид Николаевич направился в больницу, куда поместили Елену и спортсмена. Там он выяснил, что интересующие его больные находятся в тяжелом состоянии. Спортсмен – в реанимации, а Елену поместили в девятую палату. Дежурный врач не разрешил следователю пообщаться со спортсменом, с Еленой же дал возможность поговорить, но очень недолго. Зайдя в палату, следователь увидел Елену. У нее были забинтованы голова, ноги и руки. И он понял, что Елена очень тяжело травмирована. Леонид Николаевич вежливо представился, извинился за беспокойство и спросил:

– Если можно, то, по мере возможности, расскажите о себе: кто вы и как произошло это происшествие?

– Я, Елена Васильевна Михайлова, работаю старшим научным сотрудником в научно-исследовательском институте. Сегодня в нем проходи-

ла научно-практическая конференция, я на ней присутствовала. После ее окончания села на трамвай и поехала домой. Доехав до остановки, я пошла пешком. Метров за двести от остановки со мной поравнялся бегущий молодой человек лет двадцати пяти, резко меня толкнул от себя. Падая, я увидела, как автомашина наехала на него. Автомашина была вишневого цвета, как у Ягодкина Тараса Михайловича. Мне показалось, что за рулем был он сам. Если бы молодой человек меня не оттолкнул, то под колесами автомашины была бы я, а не он.

– Елена Васильевна, вы не предполагаете, по каким соображениям на вас стремился наехать Ягодкин?

– Я не знаю... Может быть, оттого, что сегодня на конференции Тарас Михайлович был разоблачен в том, что похитил у меня открытия и оформил на них право авторства на свое имя.

– Вы с ним были в каких отношениях?

– В нормальных.

– Я прошу прощения за не совсем скромный вопрос. Как мужчина он к вам приставал?

– Нет.

– Все, товарищ следователь, ваше время исчерпано, – сказал вошедший врач. – Больной нужно делать уколы, и ей необходим полный покой. Она устала... Придете завтра и все расспросите, что вас интересует.

Следователь пришел к Елене на следующий день. Ее состояние было немного лучше. Он выяснил все детали, которые его интересовали. Через трое суток ему разрешили короткое свидание со спортсменом. Его состояние здоровья было крайне тяжелым, врачи усердно боролись за его жизнь.

При встрече с Леонидом Николаевичем он слабым голосом сказал:

– Меня зовут Олегом Григорьевичем Никитиным, мне двадцать семь лет. Я занимаюсь легкой атлетикой... На улице Некрасова, когда я поравнялся с неизвестной мне девушкой, на нас пыталась наехать вишневого цвета маши-

на... Я сильно оттолкнул в сторону девушку. Дальше ничего не помню, что произошло...

Поблагодарив, Леонид Николаевич вышел от потерпевшего. Ему было совершенно ясно, что Тарас Михайлович умышленно совершил преступление. Оно, в первую очередь, было направлено против Михайловой, а Никитин оказался там при случайном стечении обстоятельств. Но Ягодкин в этом не сознавался, хотя показания свидетелей и вещественные доказательства подтверждали злонамеренность совершенного им преступления. Для полнейшего расследования и окончательного определения вины и меры наказания необходим был суд, который должен был состояться двадцать седьмого июля 1970 года.

На второй день после совершения преступления Ягодкин был заключен под стражу. Исполнять обязанности директора научно-исследовательского института назначили Анатолия Валентиновича.

Возвратясь в родное учреждение, директор стремился улучшить положение дел, которое сложилось в институте. Все сотрудники были шокированы совершенным хищением открытий у Михайловой и преступлением Тараса Михайловича. Они поняли его беспредельную злобность, порочность и невероятную корысть, перешедшую в умысел убийства Елены.

Сотрудникам института очень хотелось помочь Елене. В душе они благодарили Олега, который ценой своей жизни спас ее, и предлагали сдать свою кровь для него и нее, лишь бы улучшилось их состояние здоровья.

Состояние здоровья Олега Никитина было еще критическим. Он впадал в беспамятство. Множественные переломы, как открытые, так и закрытые, сопровождалось повреждением прилежащих мягких тканей, что вызывало у больного сильную боль. Но у врачей была надежда, что он выйдет из кризиса. Его молодой организм боролся за жизнь.

У Елены свезенная при падении на боку, ногах и

руках кожа стала постепенно заживать переломов у нее не было. Однако при падении Елена сильно ударилась головой о каменистую землю. Осмотрев больную, врачи установили, что у нее закрытая черепно-мозговая травма. У нее очень болела голова, были головокружение, тошнота, но рефлекторная деятельность не угнетена. Она потеряла сознание сразу после травмы. Это продолжалось около двух часов, но впоследствии в беспамятство она уже не впадала. Память работала четко, и по истечении двух месяцев активного лечения Елена приступила к работе.

По возвращении Михайловой в институт Анатолий Валентинович пришел к Федорову и сказал:

- Как вы смотрите на то, дорогой Александр Анатольевич, чтобы Елена Васильевна вернулась в мой институт? У меня есть вакантная должность начальника отдела.

- Вы что, Анатолий Валентинович?! Я Михайлову не отпущу. Кто же темы будет завершать? Если дело за должностью, то и у меня намечается должность начальника отдела. Иван Семенович Загоруйко, начальник отдела, переводится в Днепропетровск. Я ее хочу поставить на его место.

- А как же я? Сейчас пришла масса заявок на внедрение предложений Михайловой. И кто же их будет внедрять? Без нее же некому! В институте у меня такая запущенность. Я сижу с утра до поздней ночи, а все никак не могу справиться с навалившейся на меня массой дел. Помогите мне, Александр Анатольевич.

- Ну, уважаемый директор, знаешь, чем взять меня. Своими жалобами. Но что же мы с тобой об этом говорим в отсутствие Елены Васильевны?

Через некоторое время по приглашению Федорова зашла Елена. Обращаясь к ней, директор сказал:

- Елена Васильевна, вот Анатолий Валентинович спрашивает меня, чтобы я отпустил вас к нему работать на должность начальника отдела.

- Какой из меня начальник отдела? У меня же нет организаторских способностей. Анатолий Валентинович, я не смогу руководить отделом.

- Сможете, Елена Васильевна! Вы это доказали своим выступлением на научно-практической конференции. При выступлении у вас было столько такта ведущего, а не ведомого, уверенности, самообладания, профессионализма, что я любовался вами и думал: «Какие способности у человека, нехорошо ее под колпаком держать». Вас на свободу нужно выпускать. Тем более по вашим предложениям пришло так много заявок от руководителей предприятий. А кроме вас эти предложения в производственный процесс реализовать никто не сможет. Это же ваши открытия, так что вам и внедрять.

Елена, посмотрев на обоих директоров, была в растерянности. Как Анатолий Валентинович, так и Александр Анатольевич ей были очень дороги. Она их обоих очень уважала. На том предприятии за ней значатся открытия, а здесь она тоже является автором интересной темы. И она знала, что без нее Федорову будет очень тяжело. Подумав, Елена предложила следующее:

- Александр Анатольевич, а что если я пойду работать к Анатолию Валентиновичу на полную ставку и у вас останусь на половину ставки? Тогда я оба вопроса смогу решать одновременно.

- Разумное предложение, - подхватив мысль Михайловой, сказал Учитель.

- Предложение разумное, да хватит ли у вас, Елена Васильевна, здоровья? Вы же совсем недавно из больницы выписались. Как вы себя чувствуете?

- Да будто бы нормально, Александр Анатольевич. Иногда шум стоит в голове, а так ничего.

- Тогда, Елена Васильевна, отпускаю вас на новую должность к Анатолию Валентиновичу. Кстати, вы не забыли о том, что в народном суде завтра состоится рассмотрение уголовного дела Ягодкина?

- Нет. Я получила повестку, что приглашаюсь в суд на двадцать седьмое июля к десяти часам, -

сказала Михайлова.

- А я тоже на этого подлеца свидетельствовать должен, - с возмущением сказал Ямщиков. - Так что завтра в десять часов в суде встретимся.

Двадцать седьмого июля в десять часов председательствующий судебного заседания Тургенев Вадим Тихонович открыл судебное заседание и объявил, что будет слушаться дело о совершении Ягодкиным Тарасом Михайловичем преступления, направленного на совершение покушения на умышленное убийство Михайловой Елены Васильевны, причинение Никитину Олегу Григорьевичу тяжких телесных повреждений в результате дорожно-транспортного происшествия, а также совершение подсудимым мошенничества и нарушения авторских прав.

Вадим Тихонович объявил, кто из участников судебного разбирательства присутствует, установил личность подсудимого, выяснил, когда вручена Ягодкину копия обвинительного заключения, сообщил состав суда и разъяснил подсудимому его право на отвод кого-либо из состава суда.

Отвода со стороны подсудимого Ягодкина на состав суда не поступило. Председательствующий разъяснил права и обязанности подсудимому и лицам, принимающим участие в деле.

По окончании подготовительных действий Вадим Тихонович объявил о начале судебного следствия, зачитал обвинительное заключение, после чего было предоставлено право подсудимому дать показания по поводу его обвинения.

Тарас Михайлович давал свои показания нечетко, вину свою полностью не признавал, стремился в своем рассказе излагать детали и факты, которые не относились к данному делу, поэтому председательствующий вынужден был прервать подсудимого и предложил говорить ему по существу и четко отвечать на поставленные вопросы.

- Подсудимый, вы признаете себя виновным в покушении на убийство Михайловой Елены Васи-

льевны? – спросил председательствующий.

– Нет, не признаю.

– Почему же вы ее преследовали? Почему вы ехали на своей машине за трамваем, в котором находилась Михайлова, а когда она на остановке вышла из трамвая и пошла по направлению к дому, вы резко ее догнали и пытались на нее наехать?

– Михайлову я не преследовал. Я ехал по маршруту трамвая, но не знал, что в этом трамвае ехала Михайлова. С моей стороны угрозы совершить убийство Михайловой не было, и наезд я на нее не совершал, – ответил Ягодкин.

– Почему же вы направили свою автомашину на Никитина и причинили ему тяжкое телесное повреждение? – продолжал спрашивать Вадим Тихонович.

– Я не знаю, почему Никитин бросился под мою машину. Я ехал тихо, но он буквально бросился под колеса. Я всеми силами стремился избежать беды, но не смог.

– Почему же вы, подсудимый, причинив тяжкие телесные повреждения, не оказали помощь потерпевшему?

– Потому, что Никитин оказался негодяем. Он не только сам бросился, но и толкал под машину Михайлову. А она от него вывернулась и хотела бежать. Тогда Никитин изо всех сил ее толкнул, и Михайлова, пролетев несколько метров, упала.

– Так почему же вы тогда Михайловой не оказали помощь, видя, что она ударилась?

– Думал, что ничего серьезного с ней не произошло, – продолжал изворачиваться Ягодкин.

– Подсудимый, вы желаете еще по существу обвинения что-нибудь добавить? – спросил председательствующий суда.

– Пока нет, – ответил Тарас Михайлович.

Затем слово для дачи показаний было представлено потерпевшим Михайловой и Никитину. Они в суде дали такие же показания, какие дали ранее следователю Ивушкину. Никаких дополнительных ходатайств ни Елена, ни Олег суду не заявили.

По делу Ягодкина проходила свидетельница Сметанина Светлана Николаевна, которая пояснила суду следующее:

- Я уже много лет прекрасно знаю Ягодкина Тараса Михайловича. Помню, это было двадцать седьмого апреля. Я находилась на больничном, но чувствовала себя хорошо. Мне в этот день закрыли больничный лист, и я шла из больницы. Вижу, недалеко от моего дома, вблизи научно-исследовательского института, стоит машина Тараса Михайловича. Думаю, ну почему же она здесь находится? А потом подхожу ближе и вижу, что в машине сидит и сам Ягодкин. «Здравствуйте, Тарас Михайлович», - говорю ему, а он мне не очень дружелюбно отвечает: - «Здравствуйте». Я словно не замечаю его нежелания со мною разговаривать и продолжаю спрашивать: «Это вы чего здесь стоите? Пойдемте ко мне в гости. Чайку попьем...» А Тарас Михайлович отвечает: «Не могу... Я здесь на конференции в институте был, но вышел чуть пораньше. Сейчас она должна закончиться... Я поджидаю важного гостя, должен его отвезти. А ты иди домой, а то смутишь моего гостя». И я подумала: «Видал, гонит меня. Что-то тут не так. Дай, думаю, за ним прослежу». Незаметно для него обошла вокруг и стала на остановке. Стою, ему меня не видать, а мне его видно. Где-то минут через пятнадцать из дверей института стал выходить народ. Я подумала, что закончилась конференция. Слежу за Тарасом Михайловичем, но к нему никто не подходит. Уже весь народ, что из института вышел, разъехался. А он все сидит в своей машине, и к нему никто не подходит. Это еще больше распекло мое любопытство. У меня в голове пронеслась мысль: «Наверное, он какую-то краю подцепил и ее ожидает...» А по нему сохнет моя подруга, Тюленина Ирина Романовна. Я ей все говорю: «Зачем он тебе сдался, бабник такой». А она мне не верит. Чтоб ей это доказать, я решила стоять до победы... Уже устала ждать... Мерзнуть начала, а к Ягодкину все никто не подходит. Вдруг вижу, к

остановке подходит Михайлова. Она меня, наверное, не знает, а я ее хорошо знаю. Я ее несколько раз у нас на заводе видела. У нас на заводе о ней много говорят... Говорят, что она какие-то открытия сделала, а Ягодкин их себе приписал. Гляжу на Михайлову и зависть, хотя, как говорят, белая, но все же в душе встрепенулась. И я подумала: «И открытия делает, и к тому еще такая красивая. Недаром мужики по ней сохнут...» Мне Ирина говорила, что и Ягодкин за Еленой улепетывает. Да Михайлова, как говорят в народе, на него ноль внимания и фунт презрения.

- Светлана Никитична, - прервал ее председательствующий, - отвечайте по существу.

- А я разве, уважаемый суд, говорю не по существу? Так вот... Я гляжу на Михайлову и вдруг меня пронзило: «Может быть, Тарас Михайлович Михайлову поджидает? А я мешаю... Но он меня на остановке не видел». Однако я зашла за остановку, на всякий случай спряталась от Михайловой, но за ними обоими наблюдаю. Вижу, подходит трамвай, Михайлова пошла к его открывающимся дверям. Тарас Михайлович тоже незаметно двинуться стал. Я тогда со всех ног бросилась из своего укрытия и молниеносно на передние двери трамвая вбежала, словно вихрь, даже водитель на меня заругался. Когда я бежала, то показалось, что Ягодкин меня не заметил. Я ловко пробралась к окну и стала незаметно наблюдать. Машина Ягодкина ехала по асфальтированной дороге за нами. Через семь остановок Михайлова вышла. Я умышленно немножко задержалась в дверях трамвая, нагнулась, будто что-то ищу. Вижу, машина Ягодкина проехала вперед. Тогда я вышла и стала на остановке. Смотрю, Михайлова пошла наискосок, а я все продолжаю стоять, затем медленно все же пошла за ней. Машина Ягодкина впереди меня едет, и похоже, что меня Тарас Михайлович не замечает. Я и старалась держаться так, чтобы они меня не заметили, даже воротник плаща вверх подняла и шляпу нахлобучила. Вдруг вижу, мимо меня бежит вроде бы

спортсмен, мужчина лет тридцати по направлению к Михайловой. Он догоняет ее, и в этот момент на них накатывает на машине Ягодкин. В эту долю секунды мужчина сильно толкает Михайлову, и она, словно пролетев по воздуху несколько метров, падает, а Ягодкин сбил этого мужчину и тут же уехал прочь. Я тогда побежала к этому мужчине и к Михайловой. Они оба были без сознания.. А тут еще подбежали с противоположной стороны три человека. Одна из них, женщина, побежала звонить. Видя, что скорую вызвали, я в страхе пошла на остановку. Подошел трамвай, я уехала домой. И целую ночь не могла от увиденного заснуть. Все думала: за что это Ягодкин хотел задавить Михайлову? Если бы мужчина ее не оттолкнул, то, наверняка бы, он ее убил. А сам прикидывался таким внимательным, любезным, предупредительным, казалось, что и мухи не обидит. А тут на тебе, что сделал! Какой подлец! На следующий день после работы я пошла к Ирине и рассказала ей все это. Выслушав весь мой рассказ, Ирина сквозь слезы и говорит: «Света, Ягодкин задавил моего двоюродного брата. Я прошу тебя, Света, пойди в милицию и расскажи все, что ты видела. Ты видишь, какой он ужасный человек, его нельзя прощать». Я долго не соглашалась, а потом все же не устояла перед ее слезами и просьбами, пошла в милицию и все им, как и вам, рассказала.

После Сметаниной суд заслушал еще четырех свидетелей, которые проходили по делу Ягодкина. Рассмотрев всесторонне все доказательства, председательствующий суда Тургенев закончил судебное следствие и слово предоставил прокурору Новицкому Юрию Кузьмичу. Прокурор в своей обвинительной речи сказал следующее:

– Уважаемые судьи, судебное разбирательство показало, что Ягодкин Тарас Михайлович виновен в совершении преступлений, которые квалифицируются статьями Уголовного кодекса УССР. В частности, подсудимый покушался совершить умышленное убийство Михайловой Елены Васильевны. Из материала дела, судебного

расследования и показаний свидетелей умышленная вина Ягодкина доказана полностью. Он именно желал смерти Михайловой, намереваясь убить ее посредством своей автомашины. С этой целью подсудимый, заняв удобную позицию, подждал Михайлову в собственной машине несколько часов. У него было время осмыслить свои преступные действия, которые он намеревался осуществить против потерпевшей. Однако он не раскаялся, а, напротив, более тщательно готовился к убийству Михайловой. Все его действия сопровождались признаками совершить убийство потерпевшей. И он бы реализовал свой преступный план, если бы эту беду не отвел сильный, мужественный и очень добропорядочный человек – Никитин Олег Григорьевич. Он, рискуя жизнью, спас Михайлову Елену Васильевну. Подсудимый, видя, что Никитин закрыл собою Михайлову, все же не остановился, а на своей машине ехал и на Никитина, и на Елену Васильевну. Только благодаря молниеносной реакции Олега Григорьевича, который фактически вытолкнул Михайлову из-под колес автомашины удалось предотвратить убийство Михайловой. У подсудимого, на основании заключения автотехнического эксперта, была возможность вывернуть руль машины и не наезжать на Никитина, но он не свернул в сторону, а все-таки пытался убить Михайлову, а коль рядом с ней оказался Никитин, то и его. Он совершил второе тяжкое умышленное преступление, которое было опасно для жизни Никитина. В результате совершенного Ягодкиным умышленного преступления Олегу Григорьевичу и Елене Васильевне причинен вред их здоровью. Вследствие этого Никитину, согласно судебно-медицинской оценке, были причинены открытые и закрытые переломы костей, а у Михайловой имело место сотрясение головного мозга. Эти тяжкие телесные повреждения причинили потерпевшим муки и страдания. Никитин находится и по настоящее время в больнице, а Михайлова была на

стационарном лечении около двух месяцев. В данном случае, я полагаю, умышленное тяжкое телесное повреждение по многим признакам вытекает из покушения на убийство. Умысел Ягодкина был направлен на убийство Михайловой. Что же касается Никитина, то умысел Ягодкина не был первоначально направлен на убийство Олега Григорьевича. Но для того, чтобы достичь своей цели – убить Михайлову, а в этот момент возле нее находился Никитин, подсудимый стремится уже задавить их обоих. Однако в силу обстоятельств вместо убийств причиняет Никитину и Михайловой тяжкие телесные повреждения. И в этом случае его действия квалифицируются как покушение на умышленное убийство, выразившееся в причинении тяжких телесных повреждений, которые влекут за собой лишение свободы Ягодкина с изоляцией его от общества как лица, представляющего повышенную опасность. При вынесении приговора Ягодкину я бы просил уважаемый суд обратить внимание на то, что в действиях подсудимого имело также место совершение мошенничества и нарушение авторских прав, предусмотренных статьями Уголовного кодекса Украины. Ягодкин воспользовался доверием со стороны Михайловой Елены Васильевны. Это четко прослеживается в эпизоде поездки в Государственный комитет для оформления авторских прав на открытия. Подсудимый мошенническим путем злоупотребил доверием потерпевшей. Он с целью обмана оставил ее у дверей кабинета, сказав Михайловой, что без нее он скорее справиться со сдачей документации. Сам же, зайдя в кабинет, тайно от нее оформил авторское право на открытия не на ее имя, а на свое. В результате этого мошенничества получил от Государственного комитета вознаграждение в размере ста тысяч рублей, которые я прошу суд истребовать от подсудимого и перечислить в доход государства. Кроме того, прошу суд на основании имеющихся материалов в судебном

разбирательстве и дачи показаний свидетелей о присвоении Ягодкиным авторства на чужое открытие, принадлежащее Михайловой, усилить ему меру наказания за совершенные преступления по совокупности статей Уголовного кодекса УССР и лишить его соответственно дипломов на открытия. Учитывая, что во всех действиях подсудимого имеется конкретный состав преступления и все эти преступления, а именно: покушение на умышленное убийство Михайловой Елены Васильевны, Никитина Олега Григорьевича, что выразилось в причинении им умышленного тяжкого телесного повреждения, мошенничество, совершенное Ягодкиным и, наконец, нарушение им авторского права, квалифицируются статьями Уголовного кодекса Украины, за данные совершенные преступления по совокупности статей лишить Ягодкина Тараса Михайловича свободы сроком на десять лет.

По окончании речи государственного обвинителя Новицкого Юрия Кузьмича председательствующий предоставил слово защитнику Севастьянову Андрею Ефимовичу.

— Уважаемые судьи, прокурор в своей речи раскрыл общественную опасность, противоправность совершенных подсудимым деяний. Вина Ягодкина в преступлениях, направленных на совершение покушения на убийство, мошенничество, нарушение авторских прав, в судебном разбирательстве определена. Но мне хотелось бы подойти к рассматриваемым преступлениям и к лицу, совершившему эти преступления, с позиции защиты и смягчающих обстоятельств. Как видно из материалов дела и судебного разбирательства, Ягодкин Тарас Михайлович, доктор технических наук, профессор. Он за свою трудовую жизнь внес много рационализаторских предложений, которые являлись новыми и полезными для предприятий, благодаря которым созданы или изменены конструкции изделий, технологии производства и применения техники либо состава материала. Но человеческий мозг не способен постоянно рож-

дать все новые и новые идеи. Однако предприятия, производства требуют изменений, диктуемых научно-техническим прогрессом. Наша природа, как известно, посылает на свет Божий ведущих и ведомых людей, в том числе и в сфере науки. У ведущих людей науки их мозг при нормальной его эксплуатации постоянно способен выдавать на-гора свежие идеи, дарить человечеству множество открытий. А таких ведущих рождается только два процента. И в это число вошла Михайлова Елена Васильевна. Девяносто же восемь процентов ведомых, но и им надо предлагать человечеству новеллы. Похоже, что в этот процентный состав входит Ягодкин Тарас Михайлович. Природа его наделила умом, красотой и тщеславием. Его красота привлекает к себе внимание женщин. Ум заставляет осмыслить окружающий мир, а тщеславие не терпит плестись в конце колонны ученых. Но сколько ни бился Тарас Михайлович, ни одна прогрессивная научная идея его уже в последнее время не посещала. И тут появилась очень одаренная Елена Васильевна, которая эти рационализаторские предложения выдает чуть ли не каждую неделю, и в двадцать восемь лет делает открытия, над которыми целые научные коллективы, школы бились десятки лет. Михайлова же это делает даже как-то словно нехотя и, на первый взгляд, без особого труда. К тому же Елена Васильевна очень красива. По ней сохнет, как сказала свидетельница Сметанина Светлана Никитична, множество мужчин. В том числе ею заинтересовался и Тарас Михайлович, пользующийся вниманием у женщин. Однако Михайлова его отвергла. Конечно же, она задела самолюбие Ягодкина. У него помимо его воли зрела к ней, с одной стороны, зависть, а с другой – злоба отверженной любви. Столкновение этих сил вырабатывали в нем противоречие чувств. И это противоречие взрастило в нем чувство корысти по пути наименьшего сопротивления, которое росло,

словно снежный ком. Человеку очень сложно удержаться под давлением все нарастающего кома. Именно в такой ситуации Ягодкин и оказался. В нем корысть стала, как раковая опухоль, поедать его добропорядочность. Ведь говорит же о нем его бывший руководитель, Анатолий Валентинович, что Ягодкин был добрым, честным, и он его назначил начальником отдела. В своем отделе Тарас Михайлович был ведущим ученым. Но тут появилась Михайлова, она заметно стала его подминать своим научным потенциалом, затмевать и размывать Ягодкина как личность. Его внутренний мир не был готов к этому. Врожденные во всех нас пороковые качества: гордость, тщеславие – в нем вышли из норм дозволенного. Гордость и тщеславие обросли болезненным самолюбием. Он должен был сделать открытие, но его ум ему был не подвластен. Ягодкин не спал ночами. Тарас Михайлович работал день и ночь, но открытия его не осенили. И когда он увидел, насколько легко Михайлова разрешила проблемы по аэродинамическому сопротивлению крыла и индукционной нагревательной установке, то он заболел выплескивающейся через край порочной завистью. Его ум, воспитанный завистью, корыстью, неожиданно для него самого принял решение забрать у Михайловой Елены Васильевны ее открытия и путем мошенничества право авторства оформить на свое имя, чтобы спасти себя в научном кругу как личность. Сделав это, Ягодкин осознал, что он нарушил авторское право и если это раскроется, то его ожидает уголовная ответственность. Именно это заставило его пойти на более тяжкое преступление, то есть убить Михайлову. Но возможно этого бы и не произошло. Но тут, как известно суду, его мошенничество и оформление открытия Михайловой на свое имя обнаружилось на научно-практической конференции. Ягодкина обличили в некомпетентности, профессиональной непригодности и явно обнаружилось, что он совер-

шил преступление, за что практически и был изгнан учеными из зала конференции. Тарас Михайлович словно обезумел, приняв, подстрекаемый больным самолюбием, роковое решение убить, как ему казалось, виновницу всех его бед, Михайлову. И он как затравленный зверь сидел в засаде, обуреваемый этой мыслью. У него в это время было явно воспаленное воображение. Хотя он и не находился в состоянии аффекта, однако элементы неадекватности в нем все же присутствовали, что и привело его к совершению этих преступлений. Поэтому, исходя из анализа изложенного, прошу уважаемый суд при вынесении приговора учесть рассматриваемые обстоятельства и не выносить ту жестокую меру наказания Ягодкину Тарасу Михайловичу, предложенную государственным обвинителем.

После речи защитника Севастьянова председательствующий объявил судебные прения законченными и предоставил подсудимому последнее слово. Ягодкин к концу судебного разбирательства изменился. В его глазах злобные искры исчезли. Он, вероятно, осмыслил всю тяжесть своего преступления, которое раскрылось ему более явственно в судебном разбирательстве полностью доказательств. Расчувствованный речью своего защитника, он сказал:

— Я признаю себя виновным в совершении мною тяжких преступлений. Я действительно мошенническим путем оформил на себя право авторства на открытия, которые принадлежали Михайловой Елене Васильевне. Признаю себя виновным и в том, что я хотел убить Михайлову, но все не находил возможности это сделать. А когда меня на научно-практической конференции разоблачили, сказав, что не я автор открытий по аэродинамическому сопротивлению крыла и индукционной нагревательной установке, а Елена Васильевна, то я ее решил убить в этот же день после конференции. Точнее, я ее хотел задавить машиной, которой управлял. С этой целью я ее подждал возле института. Когда Михайлова

села в трамвай, я последовал за ней. После того, как она вышла на своей остановке, улучив удобный момент, я резко поехал к ней с целью убить ее. Но здесь ее неожиданно оттолкнул подбежавший мужчина. Как позднее выяснилось, это был Никитин Олег Григорьевич. Увидев, что Никитин толкнул Михайлову и она упала навзничь, сильно ударившись, я подумал, что Елена Васильевна погибла. Во всяком случае, мне так показалось. И, чтобы замести следы, а точнее убрать свидетеля, я решил убить Никитина, поэтому и резко наехал на него своей машиной... Если можете, простите меня Елена Васильевна, Олег Григорьевич за то, что я совершил в отношении вас такие злобные преступления... Я глубоко раскаиваюсь, что столько причинил вам мук и страданий... Я честным трудом буду стараться искупить свою вину... В момент совершения преступления я словно обезумел... Мне очень стыдно и горько за то, что я натворил... Простите...

По окончании предоставленного Ягодкину последнего слова суд удалился в совещательную комнату для вынесения приговора.

Суд, оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению и основывая свои выводы на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, учитывая чистосердечное раскаяние подсудимого, признание им своей вины и руководствуясь законом, приговорил Ягодкина Тараса Михайловича к семи годам лишения свободы.

На этом же заседании по ходатайству Государственного комитета по делам изобретений и открытий был рассмотрен вопрос о лишении его авторских прав на открытия. Ягодкина обязали возвратить полученное единовременное вознаграждение в сумме ста тысяч рублей в доход государства как незаконно присвоенное им при рассмотрении права авторства на открытия.

Когда Елена выслушала приговор суда и узнала меру наказания, вынесенную Ягодкину, ей ста-

ло жаль его. Ей не хотелось, чтобы Тараса Михайловича лишали свободы. Она бы помогла ему в науке по мере возможности. Он выглядел жалким и исхудавшим. Потупленный взор, молящий о прощении, проникал в душу и давал надежду верить в искренность его раскаяния. У Елены защемило сердце, ей хотелось утешить Тараса Михайловича. И она подумала: «Если настолько он тщеславен, то почему же он по-честному не обратился ко мне? Мы бы вместе с ним нашли выход. У меня же много в голове разных идей, которые нуждаются в исследовании. И мы бы в них непременно нашли рациональное зерно».

Но Елена не знала, что порок тщеславия, да если он еще и оброс болезненным самолюбием, и заключается в том, что он не способен распахнуться добротой, ответить честностью и взаимопониманием. Этому пороку необходим определенный период времени, в течение которого бы порочное качество переродилось, став в ряд добропорядочности или, напротив, как не излечившееся, обросло толстой оболочкой злобности, мстительности и беспредельной зависти, круша на своем пути разумное восприятие человеческой жизни на земле. И этим, вероятно, руководствовался и суд, вынося меру наказания. Поэтому по истечении апелляционного срока приговор в отношении Ягодкина вступил в законную силу. Семилетний срок лишения его свободы покажет глубину души и искренность раскаяния по совершенным преступлениям Тараса Михайловича.

Елену Государственный комитет после вступления приговора в законную силу пригласил к себе. На ее имя был выдан авторский диплом на открытие и единовременное вознаграждение в размере ста тысяч рублей, которые по сложившейся в то время традиции и по желанию Елены были перечислены в детский фонд.

ГЛАВА XVII

В должности начальника отдела Елене очень много приходилось выполнять организаторской работы, с которой она успешно справлялась. Она имела подход к сотрудникам отдела. Как руководитель Елена быстро снискала к себе уважение. В ее требовательности и строгости прятались уважение, сердечность к людям, а сотрудники, как ни прятала Елена эти качества, постепенно их распознали и пользовались ими в своих интересах. И часто строгость ее воспринималась подчиненными в виде формы, а не содержания. Но требования Елены выполнялись безапелляционно. Сотрудникам было интересно с ней работать, поскольку Михайлова давала им возможность исследовать все новые и новые темы. Она зачастую оставалась на работе до позднего часа, но по отношению к сотрудникам не нарушала трудового законодательства и отпускала их домой. Но сегодня и она по окончании рабочего дня спешила, чтобы навестить своего спасителя Никитина. Он еще до сих пор находился в больнице, но чувствовал себя значительно лучше.

Елена частенько приходила к нему в перерыв трудового дня, а чаще всего по окончании работы и в выходные дни. Олег по натуре был скромным, любил шахматы, по специальности был инженер. Никитин лишь год тому назад закончил тот же Донецкий политехнический институт, в котором когда-то училась и Елена. При разговоре об институте у них беседа всегда проходила бойко, оживленно и во взаимопонимании. Особенно разговор лился рекой при воспоминании о профессорско-преподавательском составе. Но сегодня у них беседа не ладилась. Олег последнее время стал ее стесняться, восторгался ею, но все больше робел. Вот и сейчас, смущенно глядя на Елену, он восхищенно думал:

«Ей только двадцать девять лет, а она имеет уже два открытия. Елена известный ученый не

только на Украине, но и за рубежом, она всего только на два года старше меня, а мыслит в свои годы, словно мудрец. Если бы я не видел ее лица, то никогда бы не поверил, что в ее возрасте люди могут так жизненно рассуждать... Это просто невероятно... И как хорошо, что я ее спас. В свои лета, имея такие ученые титулы, ведет себя просто, открыто, но все же подчеркнуто любезно. Если бы мне повезло встретить такого человека, который имел хотя бы пятьдесят процентов того, что имеет она, то я был бы самым счастливым человеком во Вселенной. Но, увы и ах... Видать, Бог любит избранных...» Прервав ход своих мыслей, Олег спросил:

- Елена, а ты счастлива? Тебе эти открытия дали великую радость? Только скажи правду, я очень тебя прошу. Мне почему-то так хочется это услышать от тебя.

- Не знаю, Олег, счастлива я или нет... Это, наверное, зависит от того, как счастье понимать... И какими мерками его мерить... Счастье - это понятие обтекаемое, такое емкое и такое многогранное, как алмаз. Одна грань засверкает, кажется, как она сияет!.. Какой в ней необыкновенный цвет радуг! И так хочется прижаться к этой грани, раствориться в ней и пламенеть, наслаждаясь ее совершенством. Но вдруг видишь, что алмаз имеет тридцать шесть граней, а ты ярко увидел только одну грань. А остальные остались в душе зовом познаний, которые, соединяясь в соцветие, с нарастающей непреодолимой силой манят в нечто неосязаемое и заветное. И вчерашняя ярко выраженная радость заслонила постижение чего-то другого, более совершенного. И если я себя буду рассматривать в этом понимании, то я счастливая. Но этот вечный зов к совершенству устилает мой путь не ландышами и не ромашками, а шипами и терниями. Ступая на них, я чувствую боль, страх и смятение. Но зов познания сильнее и боли, и страха, и смятения, он аккумулирует их в себе работой. И она изнуряет меня до последних сил, ли-

шая радости отдыха, и тяготит бессонными ночами в достижении поставленной цели, за которой уже видятся следующие грани алмаза, такие же прекрасные. От ощущения достигнутого желаемого я как будто счастлива. Но в следующую же минуту это счастье отвергается новым поиском, и непомерный труд лишает меня простого общения с друзьями, родными. Оттого мне становится грустно. Тогда в такие минуты я несчастлива. Во мне очень развит зов стремления к совершенству. Но ты же сама знаешь, что совершенству нет предела. А кто пытается открывать страницу совершенства, тот для себя открывает неисчерпаемый труд. Так вот суди, Олег, сам, если соединить мои части воедино – счастлива я или нет?

– Ты, Елена, таким сложным языком здесь говорила, что, признаться, я не совсем все понял. Но душой почувствовал, что не очень ты счастлива. Но как можно себя не чувствовать счастливой, когда имеешь два авторских открытия?

– Олег, открытия – это уже пройденный этап. Они мне дороги, но я увлечена уже другой работой, не менее важной. Сейчас я усиленно работаю над докторской диссертацией. И считаю, что то, над чем я сейчас работаю, представляет для промышленности не меньший, а, на мой взгляд, больший интерес. И, кроме того, мои открытия как-то давят на меня словно бы какой-то моей виной по отношению к тебе. Не было бы этих открытий, Ягодкин бы не причинил столько боли тебе. Ясно, что он на тебя бы не наезжал, но ты случайно оказался рядом со мной. И он вместо меня наехал на тебя, потому что ты совершил рыцарский поступок – меня оттолкнул, а сам попал под машину. Еще раз сердечное тебе спасибо. Из-за меня ты лежишь в больнице уже около пяти месяцев. Твоего благородного поступка я никогда не забуду.

– Ну что ты, Елена! На моем месте так поступил бы каждый мужчина.

– Как же, каждый! Ягодкин тоже мужчина, но...

– Ягодкин не мужчина, а подлец и преступник.

- Возможно, он и не был бы преступником, если бы не мои открытия. В этой части мои открытия тоже как-то давят на меня виной. Они вызвали у него зависть, корысть, и он не совладел с собой и похитил их у меня. Когда его воровство было обнаружено, то он хотел замести следы и убить меня.

- Так разве же после этого он не тварь, не преступник?! Елена, кого ты оправдываешь?! Ягодкин тебя убить хотел, столько тебе причинил нестерпимой физической боли. Вон, больше двух месяцев из-за него в больнице лежала. И морально как он тебя унижал?! Да я бы его за одно только это послал туда, где Макар телят не пас. Выходит, из-за этой «вины» ты не захотела за открытия сто тысяч рублей получать?

- Частично из-за этого... А частично из-за того, что эти открытия вместо ожидаемой радости принесли мне столько душевного опустошения. Они пришли ко мне через такие мучения, что когда я стала обладательницей авторского диплома на открытия, то у меня в душе словно бы для радости не осталось места. Как бы тебе, Олег, это точнее сказать?... Я переболела, что ли, всем этим. И язвы душевной болезни, как раковая опухоль, разъели во мне стремление быть собственницей этих денег. Они меня не грели... И мне хотелось их вложить во что-то светлое, радостное, которое ассоциировало бы во мне и мне от их блага давало какую-то радость и умиление. Вот почему я и решила перечислить деньги в детский фонд. Дети, да ты и сам, Олег, об этом знаешь, непорочны. От них веет радостью, неутомимой энергией, чистотой, откровенностью. Когда об этом я думаю, то на душе у меня становится светлее, радостнее. Я как бы загораюсь источником их лет и детской распахнутостью, что меня окрыляет, умиляет и дает силы жить. В целом все это и послужило основой для принятия мною такого решения...

- Д-а-а-а... - протяжно, с задумчивым взглядом сказал Олег. - Мне, Елена, тебя не понять... Ты со своими понятиями и рассуждениями как не от

мира сего.

- Никакой, Олег, я тебе не пришелец. Просто еще в детстве я очень набедствовала, часто была голодной. И это тоже в немалой степени повлияло на сознание, волю, умозаключение. Ну да ладно! Хватит об этом. Ты лучше скажи, когда тебя выпишут?

- Говорят, недельки через две.

- Олег, теперь же ты не сможешь бегать и участвовать в соревнованиях?

- Отбегал и отучаствовал я свое, Елена.

- А как ты, Олег, воспримешь предложение работать научным сотрудником в нашем институте? В наш отдел по штатному расписанию добавишь двух научных сотрудников. Подучишься, войдешь в научные темы отдела. А там, глядишь, и захочешь написать кандидатскую диссертацию. Я тебе по подбору материала да и по другим вопросам при написании диссертации помогу.

- Если возьмете, то я с охотой соглашусь. Но я же, Елена, наверное, бездарный. Научными исследованиями я не занимался, хотя дипломную работу в институте сдал на отлично.

- Бездарные, Олег Григорьевич, не выполняют дипломные работы на пятерку. Значит, ты спосібный. До встречи в нашем институте.

Однако следует сказать читателю, что никаких вакантных должностей научных сотрудников в отделе не было. Это Елена по доброте своей души и из чувства благодарности за спасенную Олегом жизнь предложила ему работу. Теперь она усиленно стремилась изучить все предложения руководителей предприятий, которые желали бы разработать тему по интересующим их проблемам. И выход Елена нашла. К приходу в институт Олега был заключен договор с машиностроительным заводом на выполнение научно-исследовательской темы сроком на пять лет.

Олег добросовестно стремился вникнуть в те задачи и цели, которые перед ним ставились. Елена как руководитель отдела доброжелательно ему помогала, не считаясь ни со временем, ни со своей большой нагрузкой,

связанной с выполнением административных функций, ни с тем, что она заканчивала работу над докторской диссертацией. Деловые и чистые отношения с Анатолием Валентиновичем, а также уют, который царил в домашнем очаге, способствовали плодотворной деятельности в работе и в написании диссертации, которую Елена представила своему научному консультанту.

Прочитав диссертацию, руководитель сделал несколько замечаний, которые в течение недели Еленой были устранены. Он рекомендовал работу к защите. Для дачи оценки соответствия диссертации Михайловой на соискание ученой степени доктора наук были назначены оппоненты: доктор технических наук, профессор Ларин Илья Нестерович, доктор технических наук, профессор Ганин Геннадий Сергеевич и доктор технических наук, профессор Шерстнев Олег Константинович, а также ведущая организация – Луганский научно-исследовательский институт. Защита диссертации должна была состояться в Харьковском научно-исследовательском институте, где функционировал специализированный Совет по защите докторских диссертаций.

Елена очень волновалась по поводу защиты. Она, как и подобает в этом случае, за месяц до установленного дня защиты разослала автореферат согласно перечня в соответствующие учреждения, ведущим ученым, в библиотеки и иные организации, предусмотренные нормативным актом Высшей аттестационной комиссии. Дней через пятнадцать-двадцать от ведущих ученых из научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений и от руководителей предприятий к ней стали поступать положительные отзывы на ее автореферат на соискание ученой степени доктора технических наук. Она также получила положительный отзыв и от ведущей организации. Обобщив весь полученный материал, изложенный в отзывах, Елена тщательно стала готовиться к защите, которая должна была состояться в конце декабря.

Выехав в Харьков за три дня до защиты, Елена просматривала свою диссертацию, представленные на автореферат отзывы, писала свое выступление. Доклад получился на семнадцать страниц. Зная, что при защите соискателю дают, как правило, всего-то минут пятнадцать-двадцать, Елена сократила свой материал до девяти страниц. Кроме своего выступления она переживала и за кворум, поскольку погода стояла морозная и была гололедица, близился Новый год, оппоненты и члены специализированного Совета из других городов по разным причинам могли и не приехать. А если не будет кворума или оппонентов, то защита не состоится.

Но вечером, к счастью Елены, все члены специализированного Совета, которые проживали в других городах, прибыли. Приехали и ее оппоненты – один из Киева, другой из Москвы – для которых Елена забронировала места в гостинице.

День двадцать восьмого декабря был морозным и светился огнями, предвосхищая жителей Харькова радостью новогоднего праздника. На улицах, привлекая к себе мальшей своей красотой и сказочностью, горели радугами огней новогодние елки. Была украшена елка и в научно-исследовательском институте, где должна была проходить защита. Но Елена праздничного убранства не замечала. Она была наполнена тревогой и страхом за предстоящую защиту. Задолго до десяти часов соискательница уже была в зале, где должны были проходить диссертационные обсуждения. На этот день было назначено две защиты: первая – Михайловой Елены Васильевны на соискание ученой степени доктора технических наук и вторая – Коваленко Виктора Леонидовича на соискание ученой степени кандидата технических наук.

Пробило десять часов. Председательствующий объявил о наличии кворума членов специализированного Совета и предоставил слово для выступления Елене. Встав за кафедру, она чувствовала в себе дрожь, но внешне выглядела спокойной. И только при внима-

тельном взгляде можно было заметить, что она волнуется и у нее дрожат руки. Выглядела Елена совершенно юной. Голубой костюм, специально пошитый Тамарой для этого дня, подчеркивал ее стройную фигуру. Матовость кожи лица придавала Елене восхитительную нежность цветущей вишни. Щеки, покрытые волнительным румянцем, с еще большей силой оттеняли белизну ее лица. Голубые глаза, разливаясь лазоревым цветением, смотрели проникновенно в зал. Присутствующие заметили яркую красоту диссертантки, и им не терпелось услышать ее доклад, чтобы через него понять глубину или поверхность ее мышления по обсуждаемой проблеме. Обращаясь к присутствующим в зале, свою речь она начала следующими словами:

- Уважаемый председатель, уважаемые члены специализированного Совета, коллеги, гости и аспиранты! Позвольте мне высказать свои выводы и предложения по актуальной проблеме индукционного нагрева токопроводящих тел за счет возбуждения в них электрических токов переменным электромагнитным полем. В настоящее время, - продолжала диссертантка, не заглядывая в подготовленный доклад, - учитывая динамическое развитие научно-технического прогресса, существующий индукционный нагрев нуждается в принципиально новых схемах, которые я предлагаю в диссертационном исследовании.

Елена подошла к чертежам, которые были подготовлены ею и развешены в зале для всеобщего обозрения, и начала показывать выведенные ею новые формулы, схемы. Голос ее звучал четко, отдавая звоном серебра, мысль была ясная, аргументация основывалась на эффективном промышленном применении. Теоретические вопросы были связаны с конкретной применительной деятельностью. Ее выступление было насыщено предложениями, которые в ее устах звучали обоснованно и интересно.

По окончании доклада Елене задавали множество вопросов, на которые она блестяще отвечала. У присутствующих не возникло со-

мнения, что Михайлова заслуживает присуждения ей искомой степени доктора технических наук. Особенно глубина рассматриваемой проблемы раскрылась всесторонне после представленных отзывов ее оппонентов – профессоров Ильи Нестеровича, Геннадия Сергеевича, Олега Константиновича, которые осветили не только актуальность, своевременность рассматриваемой проблемы, но и показали большую прибыль для государства от внедрения диссертационного исследования Михайловой.

Кроме оппонентов выступали и члены специализированного Совета, которые высоко оценили представленную диссертационную работу соискательницы, поэтому не случайно все члены Совета единогласно проголосовали за присуждение Елене Васильевне искомой степени доктора технических наук. Через некоторое время Президиум Высшей аттестационной комиссии рассмотрел материал диссертационного исследования и признал, что излагаемая тема работы актуальна и соответствует требованиям докторской диссертации. И Михайловой решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР была присуждена ученая степень доктора технических наук. Наконец все мытарства, связанные с защитой, к радости Елены завершились и через полгода ей в торжественной обстановке выдали диплом доктора наук.

Но и после написания докторской диссертации Елена не ослабила ритм трудовой жизни, а, напротив, стремилась активизировать работников не только своего отдела, но и способствовала в целом росту плановых показателей института. Институт в два раза повысил экономический эффект по сравнению с предыдущим годом. Елена своим энтузиазмом, находчивостью, высокими профессиональными знаниями, интуицией ученого разрабатывала все новые и новые темы и предлагала научные новеллы, которые руководители предприятия охотно внедряли в развитие тяжелого машиностроения, получая от этого высокую прибыль.

Ямщиков наблюдал за деятельностью своей ученицы и радовался ее устремленности, добродетельности, великому трудолюбию и одержимости:

- Елена Васильевна! Вы уже созрели в руководители более высокого ранга. Вам бы уже нужно возглавлять не отдел, а в целом институт. Мне уже вот скоро исполняется семьдесят два года. Как вы смотрите на то, чтобы вам выступить в новой роли - в роли директора нашего института?

- Что вы, Анатолий Валентинович, какой из меня руководитель?! У меня нет организаторских способностей, я завалю всю работу в институте.

- Вы, как мне помнится, точно также говорили, когда я предлагал вам работать в должности начальника отдела. И отказывались так, что я еле-еле вас уговорил. А сейчас, Елена, вы прекрасно справляетесь. Ваш отдел один из лучших, а был по всем показателям чуть ли не на последнем месте. С вашей энергией и трудолюбием вам управление институтом будет по плечу.

- У меня в отделе хорошие показатели благодаря тому, что вы, Анатолий Валентинович, рядом. Я постоянно чувствую вашу поддержку. А без вас я растеряюсь и наделаю массу ошибок в работе.

- Нет. В силу вашего природного ума ошибок вы, Елена Васильевна, не допустите. И, кроме того, вы имеете уже навыки руководителя и обладаете глубокими профессиональными знаниями. Вы же имеете два открытия, а третье, по вашей скромности, вы не захотели оформлять на себя, а подарили его отделу. У вас больше сотни рационализаторских предложений. Так что из вас выйдет отличный руководитель. Соглашайтесь, Елена Васильевна. Я на первых порах вам в управлении институтом буду помогать в должности вашего заместителя. Директорскую ляжку, мне тянуть уже тяжело. Командировки меня изматывают, от них сердечко пошаливает. А в качестве заместителя директора мне на различные совещания ездить будет не нужно. Пожалейте

меня, мне действительно тяжело уже быть директором. Поэтому я в министерстве буду ставить вопрос о своем уходе с этой должности. Я откажусь, а нам назначат кого-нибудь вроде Тараса Михайловича Ягодкина. Тогда не работа будет, а сплошные муки. И все хорошие наши наработки в один момент рухнут... О вас в министерстве я уже мосты наводил. Там не против вашего назначения.

- Анатолий Валентинович, можно мне хотя бы дня три подумать. Моя сестра Тамара работает на трикотажной фабрике главным инженером, мне бы с ней хотелось посоветоваться.

- Я не против. Поезжайте к сестре. И в понедельник скажете мне свое решение.

Елена поехала в часто посещаемый ею Шахтерск, в котором, как не забыл читатель, живут не только сестра Тамара с Михаилом, но и еще три замужние сестры и два женатых брата. На семейном совете родня долго обсуждала новость, привезенную младшей сестрой. И сообща они решили, что Елена сможет работать в должности директора института. В том числе это предложение поддержала и сестра Тамара, однако сказала:

- Очень тяжел хлеб первого руководителя. На первый взгляд кажется, что директором быть легко и просто. Но, Лена, это совершенно не так, поскольку вся ответственность за деятельность института лежит на директоре. Он отвечает как за план, так и за трудовую дисциплину всего коллектива. Идеологическая инфраструктура тоже должна отвечать взглядам политики государства. И за ее соответствие отвечает директор. А ты же у нас, сестренка, рождена поэтической натурой. Следовательно, тебе присуща демократия. А демократия в управлении предприятием, учреждением, организацией не очень приветствуется. В управлении у нас приветствуется императивность и беспрекословное подчинение. Но зато в тебе есть и другие качества, которые немаловажны в управлении институтом - это твоя жизненная мудрость, врожденная дипломатия, пронца-

тельность, любовь к народу, не говоря уже о твоём высоком профессиональном уровне и неиссякаемом трудолюбии. Помнишь, Елена, как тебе мама говорила, что если ты чего-то захочешь, то горы свернешь, а если не захочешь, то никому не позволишь собой командовать и заставить тебя поступить по-иному. Следовательно, сестричка, вся власть в твоих руках по принятию решения. Но ты, я уверена, уже приняла решение, а с нами его обсуждаешь, чтобы проверить, как мы мыслим, и в то же время себя перепроверяешь, так как знаешь – мы тебе всегда говорим правду, без лести и без прикрас, чего чужие не всегда скажут.

Откровение Тамары несколько смутило Елену. В ней действительно уже зрело решение. И лишь для полного вызревания своего ответа Елена приехала к родне на большой совет, поскольку знала: здесь она обретет уверенность в самой себе через призму их рассуждения. Это ее радовало и согревало. Елена в кругу своей родни набиралась сил, уверенности и познавала о себе правду. Но на этот раз в ней осталось еще много сомнений. Она до конца не была в себе уверена. Но все же решила дать согласие на заключение трудового договора в качестве директора научно-исследовательского института.

В первые дни своей директорской деятельности, приняв дела и получив наставления от Анатолия Валентиновича, Елена пошла в библиотеку, чтобы изучить научные труды и нормативные акты, касающиеся профессиональных качеств всех руководителей предприятий, учреждений и организаций. Ее в первую очередь интересовало, какие требования она обязана предъявить к себе как к директору, какие права и обязанности должны иметь она и ее подчиненные. Елена ознакомилась с интересными работами и правовыми актами, в которых ученые и юристы четко установили критерии оценки профессиональных качеств работников. Получив такую информацию на интересующие ее вопросы по подбору и расстановке кадров, Елена уже имела некоторые свои

представления в этом направлении. Она пошла в кабинет своего Учителя.

- У меня, Анатолий Валентинович, возникло множество вопросов. Можно с вами их обсудить? - улыбаясь, спросила Елена.

- Конечно, Елена Васильевна, можно. Какие у вас там вопросы? Давайте сообща порешаем, - добродушно ответил Ямщиков.

- Я была в библиотеке, набрала много книг, в которых излагаются критерии оценки деятельности руководителей. Из них и нормативных актов я поняла, что как директору мне необходимо очень много постигать, развивать в себе личностные качества в гуманистическом направлении.

- Елена Васильевна, - прервав ее, сказал Учитель, - если вам развивать личностные качества, то кому же тогда их в себе не развивать? И какие они тогда должны быть у работников? Вы и честная, и добросовестная, и трудолюбивая, и обходительная, и сердобольная, и скромная, и корректная. Одним словом, все ваши положительные личностные качества, которыми вы обладаете, не перечислить. Хорошо, если бы такими качествами, хотя бы и не в полной мере, обладали все наши руководители. Я имею в виду начальников отделов. Для института это было бы здорово. При наличии таких качеств у руководителей мы бы быстро повысили эффективность труда как в отделах, так и в институте в целом.

- Кроме личностных наши сотрудники должны обладать прежде всего высокими деловыми качествами, и чтобы заниматься исследовательской работой, как правило, должны иметь ученую степень доктора или кандидата наук. В нашем же институте, Анатолий Валентинович, добрая половина сотрудников не имеет таковых, что отражается на эффективности труда и получении прибыли от разрабатываемых институтом тем.

- Этот вопрос не так прост. У наших сотрудников, имеющих ученую степень или не имеющих таковой, разница в заработной плате мизерная, а подчас и совсем никакая. А без материальной заинтересованности, Елена Васильевна, этот

вопрос трудно решаем.

- А если установить дифференцированные надбавки к заработной плате? Я имею в виду для докторов - одни, для кандидатов - другие, а для сотрудников, не имеющих ученые степени, надбавки не предусматривать.

- Я в свою бытность этот вопрос в министерстве, Елена Васильевна, поднимал, но положительно его не смог решить. Может быть, с вашей легкой руки удастся разрешить эту проблему?

- Так вы считаете, что можно попробовать?

- А почему бы и нет? Спрос, как говорят, не ударит в нос.

- Тогда нам у себя на месте нужно навести порядок по части конкретной заинтересованности самих сотрудников. С этой целью необходимо разработать для каждого работника должностную инструкцию. В ней четко определить, какие права и обязанности имеет по данной должности сотрудник. Кроме того, необходимо разработать и должностные инструкции для начальников отделов и положения на отделы, в которых предусмотреть и материальную заинтересованность работников. Я имею в виду, Анатолий Валентинович, конкретно дать развернутым планом в положении о заработной плате все показатели и при их выполнении предусмотреть процентную надбавку или, можно ее назвать, процентное поощрительное вознаграждение.

- Это интересная мысль, Елена Васильевна. С этим предложением можно обращаться в министерство. Только его необходимо подготовить на юридической основе.

- Анатолий Валентинович, для нашей же категории введена периодическая аттестация работников. Именно посредством аттестации и можно определить соответствие деловой квалификации работника занимаемой им должности. Нормативный акт, на основании которого введена периодическая аттестация работников, дает нам правовую базу. Если сотрудник хорошо трудится, то повышать ему заработную плату или его ежемесячно премировать, исходя из дос-

тигнутых показателей трудовой деятельности.

– Пожалуй, в этом есть рациональное зерно. Я тоже раньше над этим много размышлял, но, как видите, только и того... Я рад, Елена Васильевна, что вас осенила такая прогрессивная мысль. Теперь ее осталось хорошо обосновать и, во-первых, довести до коллектива нашего института, а во-вторых, представить аргументированное предложение в министерство.

– Тогда этот вопрос нам необходимо рассмотреть на нашем общеинститутском собрании. А как вы считаете, Анатолий Валентинович, не назовут меня выскочкой? Без году неделя как на этой должности, а такое, мол, реформаторство вводит?

– Ну что вы, Елена Васильевна, нет... Конечно, не назовут... Ведь вы же стремитесь в первую очередь заинтересовать наш коллектив, чтобы они добросовестно трудились. И каждый будет заинтересован повысить свой профессиональный уровень и улучшить результаты трудовой деятельности, поскольку он от этого получит дополнительную заработную плату. А откуда и прибыль возрастет в целом по институту, что даст определенный экономический эффект и будет способствовать развитию учреждения. Из того, что вы хотите сделать, прослеживается простая арифметика. И с решением этой задачи, которую вы хотите вынести на общее собрание института, каждый сотрудник, думаю, согласится.

Охваченная новым кругом вопросов, которые ей теперь приходилось решать как в административной деятельности первого руководителя, так и ученого, представляющего интересы в отрасли научно-исследовательской деятельности института, Елена растворилась всей своей энергией в работе. Она неустанно внедряла новые и новые идеи в управленческую сферу и в развитие научно-технического прогресса. Постоянно ездила на интересующие ее научно-практические конференции, совещания, симпозиумы. И сегодня она прибыла в Киев на научно-практическую конференцию по вопросу совершенствования токарных станков. На эту конференцию прибыло много не только научных

работников, но и руководителей предприятий. И как была удивлена Елена, когда она в кругу членов, приглашенных на конференцию, в фойе увидела Снегирева Николая Ивановича.

- Николай Иванович! Какая неожиданная встреча!

- Елена Васильевна! Здравствуйте! Сколько лет, сколько зим мы с вами не виделись?!

И бывший наставник порывисто поцеловал Елену прямо у всех на виду. В том поцелуе была радость встречи и загубленное чувство, которое искрами осыпало и опалило лицо Елены, отчего она мгновенно покрылась стыдливым румянцем. Но Елена сумела справиться с собой, подавить вспыхнувшее пламя чувств и, радушно улыбаясь, спросила:

- Вы на конференцию прибыли? И в качестве кого, Николай Иванович, ученого или руководителя, вы здесь являете представительство?

- Я же, Леночка, помните, вам когда-то говорил, что сделал открытие? На основании этого открытия заставили меня подготовить доклад, сделать выводы и дать предложения, что в конце концов переросло в диссертацию. Я собрал весь этот материал воедино и защитил по нему кандидатскую. Теперь я кандидат технических наук и работаю в Луганске директором машиностроительного завода. Выходит, на эту конференцию я приехал в качестве и ученого и руководителя предприятия. А вы, Елена Васильевна, как поживаете? Чем занимаетесь? И на каком основании вы прибыли сюда?

- Меня интересует конференция с научной точки зрения. Я, Николай Иванович, в конце прошлого года защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук и являюсь директором Донецкого научно-исследовательского института.

- Вот это да-а!.. Вот это здорово! Елена Васильевна, ожидал я от вас успехов, но не таких плодотворных! Вы меня своей новостью сразили наповал! Я безмерно рад за вас.

- Николай Иванович, пойдёмте! Все члены

конференции уже пошли в актовй зал, - прервав его речь, сказала Елена.

В конференционном зале было много народу. Николай с Еленой сели вместе на задних рядах. Они несколько минут сидели молча, взволнованно глядя друг на друга, но говорить не решались. Уже третий выступающий закончил свою речь. В зале ему громко аплодировали. Но ни Николай, ни Елена не слышали, о чем говорили докладчики, они растворились в воспоминаниях друг о друге. Николая переполняли нахлынувшие чувства, которые выплескивались в сиянии ласкающих глаз. Ему до боли хотелось коснуться рук Елены. Он ощущал, как от нее веет жаром скрытых чувств, которые ему хотелось в ней обнажить и насладиться ими. Но, спохватившись, он испуганно подумал: «Что я делаю? От радости встречи я охмелел и теряю рассудок. Разве могу я приблизить эту мысль о Елене? Она, работая токарем, еще тогда меня отвергла, когда я был значительно моложе. А сейчас она такая же прекрасная, да еще доктор наук и директор. Нужен ли я ей? Сколько уже пролетело лет?» - и он, забывшись, что сидит на конференции, вслух спросил:

- Сколько лет прошло, Елена Васильевна, как мы с вами виделись в последний раз?

- Одиннадцать, - шепотом ответила она.

- Точно, одиннадцать... Мы с вами встретились, когда вы из Донецка приехали в Шахтерск к матери, а я как раз уезжал в Луганск. Помните, при встрече я вам сказал, что меня назначили главным конструктором машиностроительного завода?

- Помню... Николай Иванович, давайте пока помолчим, а то на нас начинают люди оглядываться, мы мешаем им слушать выступающих.

- Понял... Молчу...

Но ему еще и еще захотелось задавать ей вопросы и самому поделиться с ней своими новостями. Он еле дождался перерыва и предложил:

- Через дорогу находится ресторан... Пойдемте, Елена Васильевна, там покушаем? Там народу сейчас мало. Нас обслужат быстро.

- Не возражаю.

В ресторане молодая кареглазая официантка подала им меню и обслужила согласно сделанного ими заказа. Съев салат из свежих огурцов, бифштекс, Снегирев смущенно спросил:

- Елена Васильевна, позвольте в честь нашей неожиданной встречи заказать коньячка?

- А как же конференция? С запахом нехорошо там находиться. Тем более мне, женщине.

- Мы по чуть-чуть, Елена Васильевна.

- Но только по капушечке, - глядя на смущенно просящего Николая, сказала Елена.

Он заказал двести граммов коньяка. Официантка либо не поняла, либо по рассеянности, но вместо двухсот граммов принесла поллитровую бутылку.

- Позвольте предложить этот тост за вас. Вы, мне кажется, стали еще красивее, чем были. Ваши черты лица обрели необыкновенную мягкость, а взор стал еще пронизательней. Ваша фигура такая же стройная, какой и была. Я по-прежнему пленен вашей красотой и безмерно рад нашей встрече. Все эти годы очень много думал о вас. Не проходило и дня, чтобы я не вспоминал вас. И вдруг сегодня вас, дорогая Елена Васильевна, лицезрею..

После этих слов он залпом выпил полную стопку. Елена последовала его примеру. Немного закусив, она сказала:

- Я тоже рада нашей встрече и хочу вам сказать слова признательности за то, что вы в мои юные годы многому меня научили. Николай Иванович, вы для меня были личностью и образцом для подражания.

- Помилуйте! Какой же я для вас образец?! Я в тридцать лет работал токарем и лишь закончил институт, а вы? Вы в тридцать лет уже доктор наук, директор института! Видано ли такое?! Какой я для вас образец?! Это вы незаурядная личность, это вы пример для подражания не только для прекрасного пола, но и для мужчин. Я восхищен и пленен вашим трудолюбием, вашей стойкостью, вашей твердой жизненной позицией и горд тем, что вы когда-то были моей

ученицей. И это моя ученица! Сумела превзойти в десятки раз своего учителя. Поэтому, Елена Васильевна, я не могу удержаться, чтобы еще не выпить за такого дивного гения, как вы.. И вас призываю поддержать меня.

- Вы так лихо, но не совсем объективно ораторствовали в мой адрес по поводу моих достоинств, я этого совсем не заслуживаю. Однако давно уже закончился перерыв и нам час тому назад нужно было бы находиться в зале. И похоже, что вы захмелели. Бутылка стоит почти пустая. Как нам правильно поступить?

- Елена Васильевна, я же не виноват, что официантка меня не послушала и принесла коньяку вместо двухсот граммов все пятьсот. Не пропадать же добру? - пошутил директор и продолжил: - Ваша правда, Елена Васильевна, я на радостях немножко перебрал. А давайте не пойдем на конференцию?

- Не знаю, что и сказать. Не пойти нехорошо и идти в таком раскрепощенном состоянии, наверное, тоже плохо. Но лучше все же нам с вами, Николай Иванович, пока остаться здесь. Коль остаемся, то теперь спешить нам некуда. Давайте закажем еще чаю. Пока принесут бодрящего напитка, - улыбаясь, сказала Елена, - расскажите мне, как ваш сын, дочка.

- Про какую дочку вам, Елена Васильевна, рассказать? У меня же их теперь две. Старшей, Людмиле, уже исполнилось семнадцать. Она заканчивает школу. Учится неплохо, думает в этом году поступать в медицинский институт. Сын... Вадик закончил летное училище. В прошлом году женился. Сейчас с женой живут в Мурманске. Младшенькую дочку я назвал в честь вас - Леночкой. Ей уже исполнилось семь лет. Такая растет бедовая, мальчишкам спуску не дает. Она чем-то похожа на вас. Словно вы ее мать. Когда мы с вами расстались, я так тосковал за вами.. Места себе не находил. Много думал о вас. Чтобы как-то отвлечься, очень много старался работать. Но все равно ваш образ у меня из головы не выходил.

Я иной раз свою жену называл вашим именем. И когда родилась девочка, то я однозначно сказал жене, что в честь вас назову дочку Леночкой. Жена возражать не стала. После бракоразводного процесса она стала вести себя смиреннее. Да я на нее, признаться, и мало обращаю внимания. А вот Леночка – это особый разговор. Мне кажется, в ней есть какая-то ваша частица. Старшая меня даже немножко к ней ревнует. Но Леночка такая шалунья и умненькая, чувствует, что я ее балую, а старшая на нее сердится. А та хочет словно бы сгладить все это, подойдет к Людмиле, обнимет ручонками и скажет: «Люда, ты у нас такая красивая, мама говорит – как папа, поэтому я тебя люблю больше всех». «И больше папы?» – скажет Люда, а младшая ответит: «Нет, папу я люблю больше – больше всех». Так Людмила и прозвала Леночку «больше – больше всех». Признаться, я ее тоже очень люблю.

– Тоже больше – больше всех? – пошутила Михайлова.

– Похоже, что так. Но дети все пока растут неплохими. А как у вас в семье? Сколько у вас детей?

– У нас растет один сын. Назвали мы его Игорем. Ему в мае вот уже исполнится десять лет. Мне тоже порой кажется, что он больше отца любит. Дмитрий очень хорошо к нему относится, в основном он с ним занимается. Дмитрий и в детсад, и из детсада последний год его забирал, и в школу отводил, а встречала его тетя Паша, добрая такая женщина. А я вечно занята. Игоречек со мной все любит беседовать. Философствует, как старичок. Меня понемногу воспитывает за то, что я поздно с работы прихожу или допоздна дома за какой-нибудь научно-исследовательской темой засиживаюсь. Сердится, что никуда меня нельзя вытянуть и что везде им приходится ходить с папой. Все говорит, что когда он женится, то своей Наде не разрешит работать.

– Ишь ты, какой рассудительный ваш Игорек. А Дмитрий имеет высшее образование?

- Он закончил тот же Донецкий политехнический институт, что и мы с вами. Сейчас работает конструктором на машиностроительном заводе.

- На днях у вас же был юбилей?

- Да. Седьмого апреля мы с сотрудниками немало на работе отмечали мое тридцатилетие.

- Когда мы с вами познакомились, то мне было тридцать лет, а сейчас мне скоро уже исполнится сорок пять... Года так неумолимо бегут... Как вы смотрите на то, чтобы мы с вами немного отметили ваш юбилей? Тридцать лет - это еще звенящий юностью юбилей. Его без внимания оставлять нельзя... Потом побегут года, наполняемые зрелостью, мудростью... Одним словом, с юга повернут на север...

- О вас этого не скажешь. Вы такой же юный, стройный, интересный и, похоже, бежите еще на юг, а не на север, - улыбаясь, сказала Елена.

- Нет уж, Елена Прекрасная, срываюсь в осень... Вот если вы на меня обратите внимание, авось и весной зацвету. Ну так как? Мы ваш юбилей отметим? Вы мне так ничего и не ответили. Можно, я сейчас закажу кое-что к столу?

- Нет мы уже хмельные и изрядно здесь сидим! Пойдемте лучше подышим воздухом, а там видно будет, - сказала Елена.

Апрельскому дню еще далеко было до заката. На улице было тепло, солнечно и тихо. Елена была в светло-голубом плаще, без головного убора. Напоенная новостями бывшего наставника, встревоженная памятью лет, она выглядела восхитительно - прекрасной. Снегирев не мог от нее отвести взор. И спросив разрешения, он взял Елену под руку, и они, затерявшись среди народа столичного города, медленно побрели в сторону гостиницы «Москва».

По пути они заметили большой сквер, свернули в него, нашли уютную лавочку, сели. И вдруг Николай Иванович увидел цветочников. Извинившись перед Еленой, оставив ее одну на несколько минут, бегом, совсем как мальчишка, побежал к ним, купил охапку самых лучших роз и мигом явил

свое присутствие перед Еленой со словами:

- Елена Васильевна, я сегодня безмерно рад и счастлив, что встретил тебя такую же прекрасную, зовущую, строгую и в то же время ласковую, словно утренняя заря, влекущую, как и пятнадцать лет тому назад. Позволь мне поздравить тебя с тридцатилетием и пожелать, чтобы ты и в сто лет лучилась красотой и здоровьем. И прими от меня, моя ученица, цветы моего сердца, которое от счастья цветет так же ярко и сочно, как эти розы, наполняя меня половодьем чувств, вознося на вершину блаженства несказанной радости от нашей встречи.

И он, не обращая внимания на идущих, трепетно и нежно поцеловал Елену в щеки и губы, пробуждая ее к весеннему зову, укутанному запретом разности лет и женатого человека.

- Спасибо, Николай, за такие чудесные розы и теплые слова. Но ты стал, однако, такой смелый! Столько людей, а ты со своими открытыми нежностями... - сказала Елена, неожиданно назвав его не Николаем Ивановичем, а просто Николаем и на ты. И он незамедлительно перешел на такую же форму обращения. Но читатель уже заметил, что бывший наставник в своем волнительном состоянии уже говорил ей ты.

- Милая моя! Леночка! Кроме тебя я здесь никого не вижу. Ты собою затмила для меня весь мир. Я этой встречи ждал, искал, мечтал пятнадцать лет. И на закате своей жизни такая нечаянная радость.

- Николай, ну что ты говоришь! Заладил о своем закате! Для мужчины сорок пять лет - как для женщины двадцать, - смеясь, сказала Елена.

- Так значит ты, моя ненаглядная, своими годами бежишь впереди меня. По твоей арифметике тебе уже скоро будет пятьдесят с гаком, - с искринкой в глазах шутил Снегирев.

Он был насыщен весенними апрельскими всплохами дня и переполнен чувствами встречи. Они все глубже и глубже проникали в его душу и там пламенем любви вырывались с жаром неистраченных чувств. А их за эти годы накопилось столько

много, что они не могли вмещаться в груди и горящими искрами пробивались наружу.

– Леночка, я тебя безмерно все это время любил и люблю. И никому я не дарил слов признания. За все эти годы моя душа никого так и не позвала, кроме тебя. Я тебе посвятил множество стихов. Послушай:

*Ленусенька, моя родная!
Мосты любви ты возведи.
Своей безгрешностью, святая,
Меня ты, грешного, прости.*

*Ты мое счастье и отрада,
И вдохновенье, и полет,
Души измученной услада
И утешенье от невзгод.*

*Верни скорей во мне спасенье,
Своим прощеньем напои.
И воскреси ты умиление –
Пусти в объятия свои.
Я так устал от стужи лютой,
От одиночества души.
Молю, клубок ты наш распутай,
Единством доли обвяжи.*

*Не разминись с моей судьбою,
Себя во мне не отними.
Тобой согрет, как день зарею,
Навек любовью обними..*

Когда я писал это стихотворение, Ленусенька, я знал, что мы с тобой встретимся. Мне хотелось в это верить. Это стихотворение, представляя тебя перед собой, я читал в течение одиннадцати лет сотни раз. И вот сейчас, воочию, я его тебе рассказываю. Это словно в сказке. Но это наяву, Леночка! Мне, признаться, даже как-то не совсем верится. Ущипни меня... Чтобы я понял, что это не сон...

– Я тоже о тебе все годы вспоминала, стремилась не думать о тебе, но мысли неудержимо рва-

лись к нашим встречам, - и вдруг она осеклась, испугавшись того, что сказала...

И Николай, засветившись распахнутой радостью от услышанных слов, с нежностью взял руки Елены и вновь стал читать стихотворение, которое он давно написал, и в то же время стал говорить пламенные слова, которые рождались в эти минуты:

*Я твоему так рад пареню.
Оно давно во мне живет,
И мне дарует вдохновење,
В хоромы радостей ведет.
Спасибо, милая Елунья,
Соловушка души моей.
Головушка любовью буйна,
Хмельна от верности твоей.*

*И я боюсь вдруг оступиться,
Тебя навеки потерять.
С тобой хочу я к зорям взвиться,
И счастьем неба полыхать.*

*И никогда не расставаться,
Сияньем солнышка ласкать.
В единстве душ хочу купаться,
В веках с любовью пребывать.*

*Я твоему так рад гореню,
Которое весной цветет.
Даруя высоту пареня,
В мир счастья нас с тобой ведет.*

Моя ты зорянушка! Признаюсь тебе, что у меня были минуты отчаянья. И я поддавался унынию, скорби, что жизнь моя течет без тебя. В такие минуты я не в силах был терпеть боль, обращался к Богу и просил у Него помощи, и свое состояние души я выплескивал в стихотворениях... Вот одно из них:

*Кружится в поле ветер хлесткий,
И снег летит из-под копыт.*

*Дала ты, доля, путь мне жесткий,
Он весь ухабами изрыт.*

*И я бегу, извивши ноги,
Кровавая ранами свой след,
Кругом вздымаются пороги,
И никнет в плаче белый свет.*

*Нет сил, Господь, уже бороться,
Рыдает горем моя грудь.
От боли в жилах кровь печется,
И нет надежды боль задуть.*

*Ты пожалей меня, Всесущий,
Свою мне руку протяни.
И дай удел судьбины лучший,
И все печали скорони.*

*Бушует ветер в поле хлесткий
И пыль летит из-под копыт.
Дала ты, доля, путь мне жесткий,
Он весь несчастьями изрыт.*

Ленушка, мне так хотелось, чтобы судьба подарила нам встречу. Я тебе очень много писал писем, которые остались неотправленными. Я не раз приезжал в Донецк. Думал, авось нечаянно встречу тебя. Ожидал тебя возле машиностроительного завода. Однажды не выдержал и обратился в отдел кадров, где ты работала, но там мне ответили, что ты уволилась. Обратился в паспортный стол, но и там мне сообщили, что Михайлова Елена Васильевна в Донецке не проживает. Как-то встретил твою сестру, Тамару, у нее хотел спросить. Но она мне не сказала, где ты живешь. А мне так хотелось тебя увидеть и сообщить, что я

*Все также пламенем стгорая,
Я сердца памятью горю.
Тропюю верности блуждая,
Ищу зашедшую зарю.*

*Ты где, мечты моей надежда?
Куда судьбина увела?
Ведь я люблю тебя как прежде!
Куда ты, Леночка, ушла?*

*Найдись, откликнись, дорогая.
И к счастью двери распахни.
Тобой болею я, родная,
Мое ты горе схорони.*

*Я без тебя в тоске завяну,
Печалью сердца изойду.
А твоей весточкой - воспряну,
К тебе надеждою взойду.*

*Все так же пламенем объятый,
К тебе родимая, парю,
Мой путь твоей судьбой устланный -
Тебя, как прежде, я люблю.*

В опускающейся вечерней прохладе Николай, прижав Елену к груди, склонился к ее пышным белокурым волосам и душевно зашептал:

*Лены волосы пахнут пшеницей,
А осанка - березки степной.
Ну, а очи - яснее зарницы,
Излучают души непокой.*

*Как люблю я в очах тех купаться,
Постигая заветный полет,
И стремленьем твоим насыщаться,
От которого радость цветет.*

*От чего так на сердце усладно,
И душа умиленьем парит,
Тебе счастье хочу неустанно
Я на крыльях любви приносить.*

*Твои волосы пахнут пшеницей,
А осанка - березки степной.
Ну, а очи - яснее зарницы,
Излучают души непокой!*

Склоняясь над Еленой, как мать над своим ребенком, Николай восторженно, с проникновенной нежностью продолжал:

– Моя же ты Леночка!..

*Люблю тебя, как травы солнце,
Как мать очаг свой дорогой.
Как рожь усладистое поле,
Согретое небес зарей.
Все в тебе мило и зовуще:
И взор, и радости полет.
Так красотой глядят влекуще
И поят дыханьем высот.*

*И нету сил от них отринуть,
Спешу душой к тебе свернуть,
Хочу преграды в бездну скинуть
И верности крылом взмахнуть.*

*Люблю тебя, как небо – солнце,
Как странник песню под луной.
Пошли, Господь, мне дар в оконце –
Укрой единою судьбой.*

– Николай, у тебя такие чистые, проникновенные стихи. Они срываются с твоих уст с необыкновенной нежностью, откровением. В них пылает дивный свет любви, который проникает в душу, освещая все ее уголки, изгоняя скорбь и печаль, даря распахнутую любовь сердца, от которой становится сладко, нежно, но и очень тревожно. Одновременно хочется любить и плакать. Слушая тебя, я думала: а сколько таких же, как мы с тобой, любят друг друга, но по иронии судьбы не могут быть вместе... – сказала Елена, желая Николая и себя отвлечь от набежавших искрометных чувств. Но Николай, словно поняв замысел Елены, сказал:

– Дорогая Леночка, ты меня извини, я, наверное, закоренелый эгоист... Меня не интересуют другие. Меня влечешь только ты. О других, общих проблемах у меня нет желания говорить. Я хочу чувствовать тебя, ласкать, нежить и толь-

ко тебе говорить слова любви. Леночка, как во мне гулко бьется сердце! Мне кажется, я весь превратился в сплошное пульсирование моего сердца, которое наполнено единым желанием - ощущать тебя. Я больше не в силах сдерживать свои пламенные чувства любви, которые сжигают меня, волнуя до изнеможения, пробуждая во мне зарево пылких страстей...

Николай, прервав свою речь, обнял Елену и со всею страстностью своего изболевшегося сердца под покровом ночи целовал ее. И лишь только месяц был свидетелем их пылкой любви, разделенной усадными взаимными поцелуями, которые прятали в толще запретных лет. Чувства с силой вулкана пробили, казалось бы, этот непосильный пласт и неудержимым фонтаном взвились из сердечных недр всею глубиною их силы любви.

- Остановись, Николай! Что мы делаем?!

Елена почти с силой оттолкнула Николая, с трудом подавив свои взбунтовавшиеся чувства. Ей вновь, как когда-то, сделалось стыдно. Но в этот стыд пробилась желанная нежность, усада, которые, словно живой нектар, нивелировали его страстью горящих взаимных чувств. И они нашли поддержку друг в друге, несмотря на запретный закон брачных уз.

- Пора идти. Уже поздно. Ты, Николай, в какой гостинице остановился?

- В гостинице «Москва».

- Я тоже там поселилась.

- Может быть, пойдём немного посидим в ресторане и все-таки отметим твой день рождения? Леночка, сегодня семнадцатое апреля, всего десять дней прошло от твоего юбилея, а через десять дней, если ты не забыла, будет мой праздник.

- Тогда, Николай, совместно и отпразднуем. А сейчас какой ресторан? Уже около одиннадцати часов. Пойдемте отдыхать.

- Ленусенька, а можно я к тебе в комнату приду? У меня в номере есть что выпить и имеется кое-что поджидать.

- У меня у самой, Колюшка, есть все необходи-

мое для ужина. Но я устала и хочу побыть одна. А ты без меня поешь.

Для Снегирева было совершенно неожиданно слышать из уст Елены, как она нежно его назвала Колюшкой. От этого ему еще больше хотелось побыть в номере Елены и продолжить разговор с обворожительной зорянушкой хотя бы часок. Но Елена была непреклонна. Она опьянела от чувств. Ей хотелось разобраться в себе и побыть одной.

Зайдя в свой одноместный номер, Елена разделась, нырнула в свою сорочку и легла на кровать. Спать абсолютно не хотелось. В голове бродило множество противоречивых мыслей. Одни ее бранили, другие ласкали, третьи презирали, а четвертые утешали. Раздираемая противоречивыми чувствами, она так и не смогла уснуть. Рано утром, не дожидаясь поезда, она уехала домой автобусом. Напрасно Николай долго стучал к ней в номер, желая пригласить Елену на завтрак. Спустившись вниз к администратору, он узнал, что Михайлова из номера съехала рано утром. Николай сразу разгадал ее мысли. Он понял, что она уехала в Донецк, несмотря на конференцию, которая должна закончиться лишь завтра, только лишь из-за того, что боится встречи с ним.

Гонимый тревогой, любовью и в определенной степени своей виной за пылкость чувств, проявленных к Елене, Николай не смог оставаться дольше в Киеве. Он также вслед за ней попутными автобусами поехал в Донецк. Ему было грустно и обидно за то, что Елена, как девчонка двенадцать лет тому назад, вновь сбежала от него тайно. Но желание видеть ее взяло верх над всеми иными чувствами. И он поздней ночью приехал в Донецк, с трудом поселился в гостиницу. Принял душ и хотел немного подремать, но сон не шел к нему на встречу и не дал бодрости духа, а все больше и больше вселял в него страх и смятение в том, что Еленушка не захочет его видеть. Вместе с тем Снегирев четко понял, что Лена глубоко и пылко любит и любила его все эти годы. Но он знал и великую силу духа и стойкость ее характера.

«Она, — подумал он, — способна жертвовать со-

бой во имя других людей. И это ее сильное качество возьмет над всем верх. Ведь я боюсь ее строгости, сдержанности. Елена и при великом цветении чувств вновь сумеет себя сдерживать и отвергнуть меня».

Но на этот раз Николай ошибся. Елена спешно покинула Киев именно потому, что испугалась сама. Она боялась, что накопившиеся чувства возьмут над ней верх. И Михайлова уехала домой, чтобы как-то охладить свои чувства и успокоиться, поскольку за пятнадцать лет в ней зовущих чувств любви к Николаю накопилось столько, что они стали ей неподвластны. И в присутствии Николая при его распахнутости души, поэтической яркой речи они особенно стали ей неподконтрольны. И каково же, уважаемый читатель, было велико ее удивление, когда в девять часов утра к ней в кабинет вошел ее бывший наставник.

– Доброе утро, Елена Васильевна. Позвольте узнать, почему это вы сбежали с конференции? – вручая букет алых роз, игриво спросил Снегирев.

– Николай, – растерянно и протяжно произнесла Елена, не отвечая на приветствие и заданный вопрос, – как это ты здесь оказался?

– Так же, Ленусенька, как и ты. Автобусами, а кой-где и такси, – улыбаясь, ответил Николай. – Я уже в гостинице устроился и, к своему счастью, разыскал беглянку. Но еще не завтракал. И был бы рад вместе с тобой откусать.

– Но я не могу, – взмолилась Елена, – у меня плотный график работы.

– Ничего не знаю. Работа подождет, во-первых, потому что ты должна была выйти на работу только послезавтра, а эти дни у вас, Елена Прекрасная, заполнены командировкой в городе Киеве. И вы, как я понимаю, обязаны были находиться на научно-практической конференции. И, во-вторых, я твой гость, а гостей голодными не оставляют, – задорно, как мальчишка, шутил Николай. – Так что, Еленушка, – продолжал он в том же тоне, – прошу со мною отзавтракать. А иначе я не сдвинусь с места и не дам тебе возможности вести прием. Понятно?

- Даже очень понятно, - справившись с волнением, весело ответила Елена. - Только куда же мы пойдем? Меня здесь многие знают. Это же тебе не Киев, где мы уселись в ресторане и распивали коньяк, кто сколько хотел. А здесь увидят и скажут, что во время работы Михайлова расхаживает по кафе или по ресторанам с красивыми мужчинами.

- А мы ни в кафе, ни в ресторан не пойдем, а отправимся ко мне в номер. Я там стол накрыл. Собирайтесь живенько, Еленушка, нас на остановке ожидает такси.

- Какой же ты шустрый, братец!

- В этой жизни иначе нельзя, - и он достал из шкафа темно-голубой Еленин плащ, помог ей надеть его, приговаривая: - Прощу, моя зорянушка, ручки ваши в рукавчики одеть... И не капризничать... Я и пуговицы тебе помогу застегнуть, и поясочек завязать бантиком...

- Где же это вы, молодой человек, так научились игривой лихости? - довольная творимыми легкими шалостями Николая, спросила, улыбаясь, Елена.

- Когда Леночку-дочку одеваю. А ты у меня тоже, как дочка, такая же красивая и, как она мне говорит, «больше-больше всех любимая».

Николай, шагнув впереди Елены, открыл дверь, и они, окрыленные счастьем взаимной любви, весело и беззаботно поехали в гостиницу. На душе у них было легко, ласково и по-юношески светло. Они оба забыли, что они директора, солидные люди. Любовь их сделала распахнутыми, милыми и доступными восприятию окружающего их мира в розовом цвете, где цветет сирень, абрикос, ландыши и поют соловьи. И эта гармония звенящей нежностью забирает их в плен ясноокого счастья и в крылатость зовущей любви.

- Вот, Леночка, мы и приехали, - не дав как следует опомниться ей от натиска возвышенных чувств, сказал Снегирев.

Они поднялись на третий этаж гостиницы. Зашли в номер. Комнатка была маленькой, но уютной. В ней находилась деревянная двуспальная

кровать, небольшой диван, шкаф, стол и два стула. Стол был красиво сервирован. На нем стояли коньяк, шампанское и всевозможные бутерброды, салаты из свежих помидоров и огурцов, яблоки. Искусно веночком в тарелках разложен сыр, лимоны и пирамидкой возвышались голубцы.

- Где это ты, уважаемый наставник, такое богатство и такую красоту взял?

- Секрет, Леночка! Пойдем, моя королева, ручки помоем, а то нехорошо с грязными ручками за стол садиться.

- Мой ты кудесник, чего это ты так разребячился?

- Слово какое интересное - «разребячился».. Леночка, его надо в наш с тобой словарь поэзии занести. В нем есть оттенок босоногого детского зова, цветущей нежности и рыцарской смелости. Я за такое волшебное слово непременно должен чмокнуть тебя в щечку.

Он по-отцовски ласково поцеловал ее в щеку, помыл ей руки, вытер их полотенцем, взял ее на руки и, словно ребенка, понес к столу. Елена не сопротивлялась. В какой-то миг она действительно ощутила ласку отца, которую никогда не познала, кроме как в мечтах. А тут наяву ее нес сильный и могучий мужчина. Она прижалась к его груди, нежно обняв его за шею. Но это чувство мгновенно переросло хотя и в чистый, но далеко не дочерний зов любви.

- Ваше Величество! Что прикажете вам налить, шампанского или коньяка?

- Коньяка, мой подданный слуга, - шутливо, в тон Николаю, ответила Елена.

Они весело болтали, Елена боялась пустить разговор в другое русло. Ей не хотелось, а точнее, она боялась, что не совладеет с собой и растворится в его пламенеющей заревом, насыщенной чувствами яркокрылой любви. И поэтому игривый ребяческий тон, сменяющийся непритязательной заботой, витал в комнате.

Но вдруг Николай заметил, что Елена встревожилась. В ней появилось волнение, которое ее слов-

но сковывало, мешало ей раскрыться всею красотою ее дивной души. Ему показалось, что Елена его любит как-то по-особенному. Ее любовь чистая, как родниковая вода. И этот родник под лучами солнца блестит, сохраняя свою первозданность всею глубиною своего потока. Но стоит только хлынуть дождю, как родник, возмущенный его потоком, теряет свою первозданную суть.

И как родник отвергал дождевой разлив, так и Елена боялась чувственного разлива, который в ней и в Николае достиг апогея. Поэтому она и поспешила покинуть номер гостиницы и уйти от него. Ей, чтобы обрести над собой волю, в этот момент как никогда необходим был чистый воздух, наполненный силой чувств.

- Николай, спасибо за королевский стол. А теперь прошу - не задерживай меня. Я хочу уйти. И прошу - не провожай меня, уезжай, пожалуйста, сегодня домой. Хочешь, я тебе дам свою машину? Предоставь мне, Колюшка, возможность побыть наедине с собой.

- Хорошо, Леночка, я сегодня же отправлюсь в Луганск. Твоя машина мне не нужна. Мне есть на чем уехать. Но ты пообещаешь, что мы встретимся с тобой через десять дней и отпразднуем твоё тридцатилетие, а мое сорокапятилетие?

- Обещаю... - и Елена порывисто поцеловала Николая в губы, резко повернулась, не оглядываясь, вышла из номера и медленно побрела по направлению к своему институту. На душе у нее было неуютно, она чувствовала, как ее одновременно теснят боль, стыд, радость и любовь. Ожидаемое одиночество не принесло ей облегчения, а напротив, оставшись наедине с собой, Елена поняла всю глубину своих чувств, которые в ней, помимо ее воли, набирали все большую мощь. От этого ей хотелось рыдать всею болью неразрешенности своей любви.

ГЛАВА XVIII

Душа Елены Васильевны, словно птица в клетке, стремилась найти выход и воспарить в небо, но лишь билась о ее стенки, рая крылья, и падала в вязкую боль тоски. Борьба чувств теснилась узами родного очага. Елене так хотелось в эти минуты увидеть свою мать, поведать ей свои сокровенные тайны души. Она была уверена, что мать непременно бы помогла ей найти правильное решение, но, как знает читатель, ее самый дорогой человек умер. И ей до боли захотелось побывать на могилке матери. Почувствовать и вдохнуть воздух, наполненный воспоминаниями о любимом человеке и обнять выбивающуюся из толщи земли нежность, укрытую лаской материнских чувств... И, быть может, разобраться во сне, который ее очень волновал, поскольку он тоже касался матери. Она, как ей показалось, Лену в чем-то упрекает.

Дождавшись выходного дня, Михайлова уехала в Шахтерск. Ей так же очень хотелось встретиться с сестрами, братьями, по которым она очень скучала. Но больше всех она все так же продолжала любить свою сестричку Тамару. Вот и сегодня Елена ей везла не только свою сердечную боль, но и красивую темно-синюю шерстяную кофту.

Приехав в Шахтерск, купив прекрасный букет роз, которые пробуждали в ней трепетность и благоухание любви, Лена направилась на могилку матери. Она с нежностью дочери поцеловала выгравированный на гранитном памятнике портрет, поставила букет в железную вазу, вмонтированную в бетон, глубоко залитый в землю. Налила воду, которая стояла рядышком в литровой банке, заботливо оставленной Тамарой. «Она словно чувствовала, что я приеду сегодня и приду к маме», — подумала Елена. Попросила, крестясь в молитвах, Господа помянуть ее любимую мать в Царствии Небесном. Затем дочь села на скамейку

за столик, находившийся возле памятника, но ей не сиделось. Она встала, вновь подошла к памятнику, обняла его, прижалась своей щекой к портрету матери и замерла в молчании. Память чувств воскресила в ней нежность матери, ее любовь, которую она до последних дней отдавала без остатка своим детям.. И совершенно забывала о себе, словно жила она только для детей. От этого на душе у Елены сделалось еще горше, сердце пронизывали мысли, которые с грустью говорили в ней:

«А вот ты не такая, как твоя мать. Ты слабая. Влюбилась и не можешь подавить в себе любовь, а точнее - не хочешь. Твоя мать разве не была живым человеком и ей не знакома была чувственность природного зова нежности любви к мужчине?.. Разве она не была красавицей?.. Ты же помнишь мать? Она была наполнена чистотою чувств к вам и видела только вас. Ваша мать хотела вас видеть счастливыми, чтобы вы все сумели выжить в то тяжелое время, не потеряв себя, имея волю и стойкость характера. Но ты это словно забыла и видишь себя в себе, в своей любви, идущей навстречу твоим дням. Нужно меньше думать о себе, а больше трудиться. Труд лечит от всех душевных ран. Уметь надо довольствоваться тем, что дается судьбой, и помнить: судьба не живет одним днем. Жизнь состоит из множества дней. Каждый день несет свое горе и радость, они пронизываются основой самой жизни. И чего в них больше - познается ощущением твоего восприятия проходящих дней через призму характера. Сумей все это понять, увидеть и оседлать свои чувства, вырывающиеся за пределы дозволенных границ. Всепозволительность души ломает стержень, на котором она зиждется. Сломанный стержень хотя и может срастись, но он непременно будет отдавать раной момента его излома...»

И вдруг Елена ощутила абсолютное молчание. Все мысли в ее голове замерли. Как она ни стреми-

лась напрягать их, они в ней померкли, и голос, говоривший в ней, умолк. Елена еще несколько минут постояла в глубоком молчании, растворившись сама в себе и в окружающем мире, затем, еще раз поцеловав портрет матери, медленно направилась к Тамаре. Тамара, как всегда, была очень рада ее приезду.

- Как хорошо, что ты приехала! Леночка, твой приезд всегда для нас праздник. А почему ты сегодня приехала без Игорька и Дмитрия? - спросила Тамара.

- Я не надолго. Завтра утром я рано буду уезжать, поэтому, чтобы было тебе меньше хлопот, решила приехать одна.

- Что ты, Лена!.. Какие такие хлопоты? Я же Игорька и Дмитрия тоже люблю. Они в нашей семье никому не в тягость, а напротив, Олег все спрашивает, когда Игорек приедет. Узнает, что Игорька нет, расстроится.

- А где Олежек?

- Они вместе с Михаилом ушли к его двоюродной сестре...

- Тамара, я тебе вот кофту привезла... Примерь...

- Ой, сестричка, балуешь ты меня. Она мне впору. Смотри... И как идет к лицу... Ну прямо прелесть... Дай я тебя поцелую за такой чудный подарок. А ты что-то грустненькая.

- Я к маме на могилку зашла. Там мысли навелись несколько странные. А сейчас хочу тебе рассказать сон, который меня очень тревожит... Он связан с мамой и ее памятником... Снится мне мама. Она идет ко мне навстречу уставшая, грустная и говорит: «Лена, я тебя всегда считала очень умной, а ты, выходит, не всегда стремишься вникать в то, что делаешь...Что это вы на меня навалили столько камней, а креста никакого не поставили? Ты же должна знать, что усопшим не памятники нужно ставить, а кресты. Раз уж памятник мне поставили, то хоть на него крест прикрепите. И почему это вы меня водкой поминаете? Залили вы меня ею. Скоро, похоже,

утопите... И не поминайте меня в пост, в пятницу и в среду скоромной пищей. А то смотри, что от вашей бездумности и неверия мне приходится есть...» Представляешь, Тамара, мама мне показывает и подает, а я беру в свои руки словно какую-то нечисть. Мне сделалось не по себе, а мама продолжает: «Вот видишь... Тебе смотреть на все это мерзко... Так зачем же всем этим вы меня поминаете? Ты скажи всем остальным сестрам и братьям, чтобы поминали меня в посты, пятницы и среды только постным и без водки. Поняла?» Я глянула на маму. Взор у нее оставался грустным. И мама была подавлена. Подняв свои глаза на меня, она строго сказала: «Не забудь этот сон рассказать... Не забудь...» Я смотрю на маму, а она удаляется, удаляется от меня. И я проснулась... Станный сон. Да, Тамара? Нам надо, действительно, водкой маму не поминать и в посты, пятницы и среды нужно поминать постным. Где бы это почитать? В Святых Книгах? Да где их взять. Спросить надо у старцев, они точно знают, как в этих случаях поступать, но где их найти?

- Лена, жуткий ты сон рассказала. А вдруг это правда? Мы частенько то Вероника, то Татьяна, то Алексей, то Андрей, то Мария - все к ней сами или со своими семьями бегаем... И все ее там водкой да разной скоромной пищей поминаем, в том числе и в посты, и по средам, и по пятницам. И, кроме того, еще нальем водки в стопку и поставим на могилку, мол, пусть маму нашу чужие люди помянут. И креста у нее нет... Завтра же заставлю Михаила выточить и отшлифовать крестик металлический на шахте - там у них есть токарный станок и шлифовальный - и прикрепим к памятнику. Если так не получится, то придумаем что-то другое.

- Да, Тамара, я очень тебя прошу, любимыми способами, но крестик на могилке нужно поставить. И не будем больше маму поминать скоромным и водкой в посты. Выполним пожелания мамы, выказанные во сне. А вдруг это вещий сон?

- Я с тобой, Лена, согласна. Я этот сон обязательно расскажу сестрам и братьям. И когда ты в следующий раз приедешь, мы все соберемся. А ты еще раз этот сон всем и расскажешь.

- Хорошо... Знаешь, Тамара, сегодня, когда стояла возле могилки у маминого памятника, в моей голове проносились несколько необычные мысли, и такие, что я в них запуталась. А все, наверное, оттого, что я встретила с Николаем Ивановичем и заглушенная к нему любовь вспыхнула во мне очень ярким пламенем. Тамара, скажи, а ты все так же сильно любишь Михаила, как прежде? У тебя есть страх потерять его?

- Как тебе сказать... Я Михаила люблю, но любовь у меня к нему уже несколько иная. Она в чувственном выражении не такая острая, но надежнее стала в отношениях. Я в нем стала увереннее. Мне кажется, и он во мне не сомневается. Но все равно, если его долго с работы нет, то я вся извожусь. Хотя я в него верю, но чувство страха меня не покидает. Я ему верна, думаю, и он мне отвечает взаимностью. Во всяком случае, Леночка, мне другого мужа не нужно. Я счастлива с Михаилом и в своем выборе не раскаиваюсь. Мне с ним весело, уютно. На работе некоторые мужчины на меня хотя и бросают взгляд, но во мне они не разжигают ни любопытства, ни страсти любви. К чужим мужчинам я абсолютно спокойно отношусь. Вот только стало меня волновать, что Миша частенько стал домой приходиться пьяным. Но я думаю, что это временное явление.

- Ты знаешь, Тамара, я становлюсь совершенно другой. И отношение к Дмитрию в последнее время меня как-то стало угнетать. Его речь, поведение беспричинно меня раздражают. Я не знаю, что мне с собой делать. Я боюсь, чтобы я не наделала каких-нибудь глупостей. Может быть, мне с Дмитрием расстаться?

- Не знаю, Лена, что тебе и посоветовать. Мне кажется, что этого делать не следует. Николай красивый, видный, умный. Но у него трое детей.

А, как говорят в народе, на ворованном счастье свое счастье не построишь... Этот вопрос сама должна решить... Послушай свой внутренний голос, может быть, он тебе подскажет, как поступить.

- Когда я была на могилке, мой внутренний голос бичевал меня. Он говорил, что я себя лишь люблю, нужно мне меньше думать о себе, а больше трудиться. В пример во мне мое сознание все маму ставило. Тома, я все понимаю, но без Николая мне не мил белый свет. Жить мне стало пусто и совершенно не интересно.

- Дорогая моя сестричка, не переживай. Все наладится. Вот увидишь. Ты, Леночка, у нас сильная, умная, волевая. Ты найдешь правильное решение, только не спеши. Потерпи...

Сестры долго откровенничали между собой, пока не пришли Олег с Михаилом. Но тоска, которая поселилась в душе Елены, не развеялась. Она приехала домой без облегчения в сердце. Кипучая деятельность в работе стала заметно терять установленный Еленой темп. Она становилась рассеянной и грустной. Это, в первую очередь, заметил ее сердобольный Учитель.

- Что-то случилось, Елена Васильевна? Вы выглядите не совсем здоровой. Но у нас с вами прекрасные новости. Знаете, Леночка, Харьковский авиационный завод заинтересовался вашим открытием в части аэродинамического сопротивления крыла. Нам этот завод прислал проект договора на крупную сумму для научного исследования. Будем мы с ними его заключать? - спросил Анатолий Валентинович.

- Нужно подумать, Анатолий Валентинович... Рассчитать силы института... Под этот договор тогда необходимо пригласить дополнительных работников.

- Да что с вами? Каких дополнительных работников? Мы справимся имеющимся коллективом. Вы у нас одна чего стоите! Такую даете производительность, что на нас всех хватит, - ободряюще сказал Ямщиков.

- В данный момент у меня нет ни сил, ни же-

лания работать. В душе пусто и безрадостно.

– Я знаю, что с вами происходит не совсем ладное. Вы вот уже несколько дней приходите на работу в глубокой задумчивости и печали. Леночка, какие у вас возникли проблемы? Давайте их вместе решать.

– В этой проблеме вы мне не можете помочь. Она личного характера. Мне стыдно вам признаться, но я безумно влюбилась. И не в силах эту любовь унять. Она меня доводит до изнеможения, не дает мне работать. Я теряю смысл жизни. Эта любовь давняя, ей уже скоро будет пятнадцать лет. Но раньше я могла управлять собой. Не давала расти любви, глумилась ее. Не позволяла себе с тем человеком встреч. Как было ни тяжело, но я была способна уйти от него. А сейчас, Анатолий Валентинович, не могу. Я словно обезумела. Смотрю на строчки текста представленных бумаг, а в них вижу образ, речи этого человека. Иду по улице во всех сотрудниках ищу черты его. Он тоже меня любит и еще давно предлагал мне выйти за него замуж. Но он был женат и у него было в то время уже двое детей, а сейчас трое. Я с ним одиннадцать лет не виделась... И вот на научно-практической конференции в Киеве с ним неожиданно встретилась, и от желания видеть его вновь моя душа разрывается на части. На меня словно какое-то наваждение нашло. Я ничего не могу с собой поделать. Моя любовь, которую я держала под замком, словно мстит мне, вырвавшись наружу, изводит меня до безумия. Я хочу, Анатолий Валентинович, пойти в Церковь, помолиться, возможно, мне будет легче. Иначе я теряю смысл жизни. Неимоверная боль разъедает мою душу глубокими ранами до дна. Я становлюсь безразличной ко всему, меня ничто и никто не интересует. И нет во мне силы бороться со всем этим. Я хочу видеть только его... В нем словно сосредоточился весь интерес и весь смысл моей жизни. Я разумом понимаю весь свой бред, а с сердцем

ничего не могу поделывать. Вот почему я хочу пойти в Церковь. Возможно, Господь даст мне благодать и укрепит меня в силе и я смогу противостоять этой неимоверной обезумевшей во мне любви к женатому человеку...

– Детка моя, Леночка, вам нельзя идти в Церковь. Я вам не говорил, но меня буквально неделю тому назад вызывали в КГБ и расспрашивали о вас. Интересовались по поводу вашего отношения к Богу. Спрашивали, ходите ли вы в Церковь, есть ли у вас в институте верующие работники и как вы к ним относитесь. Я, естественно, все отрицал. Но они показали письмо от нашего сотрудника Долина Никиты Тимофеевича, которому вы отказали в назначении его на должность начальника отдела. С ним надо осторожно, он на всех нас «стучит» в Комитет государственной безопасности. Боюсь, что он написал и в обком партии, так что в скором времени вас или меня по этому поводу вызовут, а могут и обоих... Так что за вами сейчас слезка, поэтому я прошу вас, повремените. Давайте я пойду и помолюсь за вас. Если меня увидят в Церкви и за это уволят, то для меня это уже и не такая беда. Я уже старый, потрудился вволю, и дома посижу. А вы молодая, вам работать и работать. Тем более, разве можно меня с вами сравнить? Вы талантище, таких людей, как вы, природа дает человечеству очень редко. Вас надо беречь, а тем более я вас люблю как дочь. И мне очень больно, что вы в такой скорби. А можно, я поговорю с тем человеком, чтобы он к вам не приставал и не беспокоил вас?

– Он очень интеллигентный человек, не нахальничает и сам, как мне кажется, Анатолий Валентинович, переживает за все происходящее между нами не меньше моего, поэтому не нужно ничего ему говорить. Спасибо вам, дорогой Учитель, за сочувствие, поддержку. Я очень вам признательна за вашу сердечность и доброту. Я, наверное, сейчас пойду домой, может быть, посплю. Несколь-

ко ночей подряд я лежу с открытыми глазами и сон меня не берет.

- А вы, Елена Васильевна, зайдите в аптеку и купите димедрол. Эти таблетки от бессонницы мне помогают.

- Хорошо, Анатолий Валентинович, куплю.

Приняв таблетки, Елена действительно забылась, но сон был непродолжительным. Выглядела она бледной и неуравновешенной, и от зоркого взгляда сына это не ускользнуло. Вечером, когда Елена встала с постели после короткого отдыха и, задумчиво подперев руками голову, сидела за столом, Игорек сказал:

- Мама, ты что заболела? Такая невеселая ходишь уже который день.

- Да, сынок, что-то мне нездоровится.

- Я тебе сейчас пледом укутаю ноги, - и он ловко побегал в спальню, достал из шкафа плед и старательно укутал Елену.

- А теперь тебе, мама, лучше?

- Лучше, сынок, - она посадила Игорька к себе на колени, нежно обняла. Игорек прижался к ней со всей своей детской непосредственностью и, не обращая внимания, что сидеть ему в таком положении не совсем удобно, гладил руку матери. От трогательной заботы сына и его детской любви ей стало на душе несколько легче. Неожиданно из ее глаз потекли слезы. Они бежали по щекам Елены и крупными каплями падали на руки сына.

- Что с тобой? Мамочка, не плачь... Я тебя очень люблю. Кто тебя обидел? Скажи мне. Я его побью. Не дам никому тебя обижать. А может быть, у тебя головка болит? Скажи, мамочка, не молчи... - плачущим голосом спрашивал сын... Матери не хотелось говорить ни о чем, и они долго молча сидели, обнявшись, в глубокой печали, пока в квартиру не вошел Дмитрий.

- Ой, а что это вы в потемках сидите?! И такие грустные, - супруг с нежностью поцеловал жену и сына и начал бойко рассказывать новости прошедшего дня, аппетитно ужиная.

Елена, слушая не представляющие для нее интереса новости, подумала: «Какой же Дмитрий

поверхностный, а весь разговор его сводится только к обывательской теме. Он совершенно неспособен понять мой внутренний мир со всеми моими противоречиями. Муж меня слушает, но никогда не слышит того, что лежит за пределами моего разговора. Подстрочный текст ему непонятен. Он неспособен найти не только меня в себе, но и по настоящему проанализировать свои поступки, четко определить свое место в этой жизни. Дмитрий просто плывет по течению. А Николай совершенно иного склада человек. Он и находчивый, и смелый, и трудолюбивый, и ведущий, а не ведомый, как супруг. С ним мне как в пятнадцать лет было интересно, так и сейчас в тридцать лет я с ним чувствую себя, как в сказочном мире. И вновь ощущаю себя, словно мне пятнадцать лет. Николай пленит меня своей красотой, своими изящными и возвышенными поэтическими словами. Какие прекрасные стихи он мне подарил! Мне кажется, я бы его слушала и слушала целую вечность и его журчащая и чистая, как родник, речь никогда бы меня не утомляла. И резкая противоположность – Дмитрий. Я ему и мать, и отец, и жена. А я хочу хоть какой-то миг почувствовать себя просто женщиной и наслаждаться природной сладостью, зовущей сердцем мужчину, который жаждет взаимности. Николай своим рыцарским величием способен увлечь, дать мне полет и окрылить меня весенним половодьем чувств. А Дмитрий, он хотя тоже добрый человек и очень любит меня, но с ним я не постигну высоты чувств, не обрету крылья, а буду лишь прозябать в пучине остудной осени, согреваемая непосильным трудом. Когда только ежедневный изнурительный труд даже с очень хорошими результатами, то и он не в радость. За всю свою сознательную жизнь я помню только одну работу, которая превратила меня в покорную рабу. А где же в ней прячется счастье? Неужели я рождена только для работы, а не должна работать, чтобы прекрасно жить? Как

же сложно в моей жизни все перепуталось... И почему судьба не послала мне такого же, как Николай, но свободного и неженатого? Ведь в природе не только он наделен такими качествами, которые отвечают моему зову. А послала мне совершенно иного человека - Дмитрия, который мне достался как какой-то довесок к чему-то большому. Но он тоже мог бы иметь женщину, которая отвечала бы его простым и поверхностным устремлениям. Таких женщин очень много. Но влюбился Дмитрий именно в меня. И получилось наоборот: я стала довеском того, чего у него не хватает. И я, выходя, превращаюсь в нечто для себя, а для него становлюсь тем, чем он способен дополнить себя. Но он в таком качестве тоже несчастлив. И тяготится такими отношениями... Сегодня Дмитрий меня почему-то особенно раздражает своим причмокиванием в еде, прихлупыванием поглощаемого чая. У Николая я этого не замечала... Когда он ел, то, наоборот, умилял меня своими движениями губ. И все это, наверное, просто потому, что по непонятным причинам есть в человеке не то, о чем я думаю, а нечто большее, недостижимо для нашего сознания. Я нашла массу достоинств у Николая и кучу недостатков в Дмитрие. И поэтому за достоинства, как мне кажется, я люблю Николая и из-за недостатков далека от Дмитрия. Однако сколько в жизни примеров, когда женщина любит мужчину с куда более весомыми пороками. И еще как любит! И, возможно, эти пороки есть и в Николае, а я за завесой своих чувств не вижу их. Меня так безмерно влечет к нему, что я потеряла сон, интерес к жизни, стойкость духа, а грежу лишь о нем и днем и ночью. И кто? Я, Елена Михайлова, которую всегда ставили в пример в чистоте семейных отношений. Но я в данном случае, как самая непристойная женщина, не могу дождаться завтрашнего дня, чтобы с Николаем встретиться. Нет, надо ставить точку во всех наших с ним отношениях. У меня есть

любящий и любимый сын, любящий меня и терпимый мною муж. Я прожила с ним вот уже скоро двенадцать лет, по-своему была довольна. Никому не перешла дорогу. А встречи с Николаем не сулят ничего хорошего и для его семейных отношений. Он женат и имеет троих детей. Хотя старшие двое уже большие, но появилась третья – Леночка, а она еще очень нуждается в отцовской ласке. Завтра я при встрече обо всем ему скажу. И мы нашим отношениям положим конец.

Елена почти до утра то ли философствовала, то ли увещевала себя, то ли настраивала свой дух нестигаемой воли, чтобы устоять перед Николаем.

Но все было тщетно. Над всеми рассуждениями верх взяли чувства, разливаясь широкой полноводной рекой, способной смыть все препятствия, которые попадают на ее пути.

В условленный день к определенному часу Елена поспешила в волнительном состоянии в номер гостиницы к Николаю. Он ее ожидал с большим нетерпением. И когда послышался еле уловимый стук каблучков лаковых туфель Елены, Николай не выдержал и открыл дверь. Она быстро зашла в комнату. Николай пылко обнял ее и, целуя, нежно зашептал:

– Леночка, зорянушка моя, какая ты обворожительно красивая! Мне кажется, на свете по обаянию, уму и красоте нет подобных тебе в мире. Как же в тебе эти качества так все гармонично соединяются и переплетаются с твоей прекрасной душой. Ты – мой ангел, который своей чистотой для таких вот грешных, как я, освещает путь. И дает возможность осознать неземную красоту во всей ее прелести. Ты для меня источник жизни, вершина счастья, глупина чувств и радуга чистых и ярких нег. Как пламенно я тебя, моя отрадушка, люблю! Я так благодарен судьбе, что она все же свела меня с тобой и дает мне несказанную радость видеть тебя, ласкать, целовать необыкновенно красивое личико, твои золотые, пахнущие пер-

возданностью волосы, ощущать этот гибкий волнительный стан, подобный вечно притягивающей своей белоснежностью юной березке. Лебедушка ты моя синеокая! Как я пленен тобой! Твоим взором бездонной глубины, который неудержимо влечет меня к тебе и дает возможность видеть в нем источник ярkokрылой и обворожительной любви. Усладушка ты моя не сказанная! Твоя цветущая улыбка, твои трепетные губки дарят мне неизмеримую сладость распахнувшихся чувств, которые способны ощутить всю прелесть и наслаждение страсти любви.

- Отпусти меня, Николай. А то зацелуешь до смерти, - разруганная, как красное яблоко, умолятельно-нежно попросила Елена.

- Нет, мое солнышко, не отпущу. Я безмерно счастлив и хочу счастьем поделиться с тобой. Позволь хоть чуток еще чувствовать тебя в своих объятиях, ощущать биение твоего сердца и впитать в себя твою необыкновенную нежность.

- Колушка, мне очень грустно, я пришла сказать, что мы должны с тобой расстаться и больше не встречаться. А то мне очень тяжело, я вся исстрадалась и не нахожу себе места. Мне от каждой встречи все сложнее и сложнее становится с собой справиться. После обмывания наших юбилеев я совершенно потеряла голову. Ты такой ласковый, нежный, мне с тобой хорошо, но после каждой встречи я очень болею душевно и нравственно. Я своим счастьем обворовываю твоих детей. Краду любовь у твоей жены. Лгу Дмитрию...

- Но между нами абсолютно чистые отношения, Леночка. В чем же мы обворовываем детей и лжем твоему Дмитрию?

- Ты хочешь сказать, что твоя жена знает о том, что ты сюда каждую неделю приезжаешь ко мне на свидание, или я говорю Дмитрию, что с тобой встречаюсь?

- Конечно, она не знает. Но если ты разрешишь, то я ей расскажу.

- Для какой же это цели?

- Как для какой, моя зорянушка? Чтобы с ней

развестись. Если ты согласишься за меня выйти замуж, то я ни перед чем не остановлюсь. Мне без тебя белый свет не мил. Я готов с тобой на любых условиях продолжать наши отношения, лишь бы тебя видеть, слышать, чувствовать. Для тебя я вынесу любые муки, жертвы.

– Но у меня же, Колюшюшка, сердце есть. И оно любит тебя без остатка. Я не выдержу... Я не смогу находиться между тобой и Дмитрием. У меня иссякают все силы и я теряю интерес ко всему. От бессилия я на днях рыдала, не смогла сдержать слез в присутствии сына. Моя личная боль переходит на моего ребенка и травмирует его. От противоречия чувств, печали, когда я не сдержалась и плакала, Игорек, обняв меня, рыдал вместе со мной. Так дальше продолжаться не может. Я не только люблю тебя, но и сына. И у тебя же кроме взрослых детей есть маленькая дочка, которой ты еще очень нужен.

– Не бросай меня. Мы научимся скрывать свои чувства. Леночка, не спеши с решением. Давай повстречаемся хотя бы еще месяц. Может нам обоим станет легче, наши чувства притупятся, и мы с тобой не будем так страдать. Отрадушка моя, пожалей меня. Я пятнадцать лет страдал. Мне жизнь была хуже каторги. И теперь тебя я нашел, в моей душе загорелся свет, а ты его тушишь. Неужели тебе не жаль меня?

На глазах у него появились слезы. Николай их не стал скрывать, они падали и на лицо Елены, которое он целовал дрожащими губами. Лена не в силах выдержать этих пыток плакала вместе с ним.

– Ну что же нам делать? Я без тебя не могу и с тобой быть вместе не могу. Как же нам жить, Колюшка?

И они обнявшись стояли посреди комнаты, не находя решения. Их сердца гулко бились. Души, подавленные печалью, скорбели. Сникшие чувства не парили, а, словно срубленные осенью стебли, остудно сиротели, грустью покрывая взор влюбленных. В них словно вошла отрешенность. Истер-

занные и обессиленные, они разошлись.

Но не прошло и дня, как Николай вновь умолял Елену о встрече. И она, не в силах отказать, снова приходила на свидание. Снегирев все так же трепетно ласкал, целовал Елену, и она отвечала взаимностью и, как всегда, не оставляла в сердце Николая надежды на познание в ней тех глубинных чувств, что приносили успокоенность и умиротворение, но порывали нить запретного плода. А Елена всеми силами стремилась сохранить платоническую любовь и благочестие к Николаю.

Но они чувствовали в себе и желания, и вождения, которые возгорались великим заревом и уносили их в мир розовых садов, даруя им цветение и усладное парение. Однако когда эти чувства доходили до запретной черты, они гасились влюбленными, и в них чувства, доведенные до апогея, падали в холодное нравственное поле, и это доводило их до нервного истощения и в то же время вело к все более сильному зову постижения запретного плода, подстрекаемого страстью любви.

Поселившиеся в Елене противоречия разъедали ее глубоко нравственную, утонченную, поэтическую душу. Они все прочнее прорастали в ее сердце, а любовь становилась все ярче и желанней. Она уже в течение дня не могла без того, чтобы не видеть или не слышать хотя бы голоса Николая. И если не поступал звонок от него из Луганска и он не мог приехать, то Елена сама из Донецка звонила ему на работу. Ей так не хватало ласковых, необыкновенно сочных слов родного человека, которые согревали ей сердце. И Николай, окрыленный пониманием и ответственностью, приезжал или звонил Елене, посвящая ей все новые и новые слова признания в прозе или стихах.

Елена тоже ярче распахнула свою душу открытием и стихи любви к Николаю лились из нее, как из рога изобилия. Но были стихи, в которых кроме любви веяло неразрешенностью, скорбью и тревогой. В такие минуты Николай изо всех сил старался взбодрить и утешить Елену. Но в после-

днем ночном разговоре по телефону после его нежных и проникновенных слов в ответ он вдруг услышал:

– Колюшка, я так устала от нашей любви, от ее неразрешенности, мне становится невыносимо тяжело, потому что я все чаще и чаще стала чувствовать:

***Словно мир отрешен предо мною,
Глазом бездны глядит пустота,
Словно дьявол играет душою,
Раной в сердце легла маета.***

Поэтому я прошу тебя, мне пока не звони... И не приезжай. Я сама тебе позвоню. Дай мне возможность побыть одной и разобраться со своими чувствами.

– Леночка, отрадушка моя, послушай, я...

Но Елена не стала слушать Николая. Она поспешно положила трубку на рычажок телефона и пошла прилегла на кровать. Было уже поздно.

Игорек и Дмитрий уже давно спали, но ей не спалось. Елену до мучительной боли донимали обличительные мысли, которые наперебой спешили сказать ей о несправедности ее пути. И она подумала:

«Действительно, я несправедно живу. Недостойно себя веду. Полюбила женатого человека, у которого трое детей. Отбиваю Николая у жены. Она же его тоже любит и, возможно, не в меньшей степени, чем я. И у меня же есть муж. Дмитрий неплохой, добрый человек. Что мне еще надо? Вот именно, что еще нужно для счастья человеку?!»

Вдруг на смену этой мысли услышала в себе грозный голос совести, который продолжал: «Вспомни, как ты рыдала, когда читала книгу Теодора Драйзера «Сестра Керри»? Как ты бичевала Керри за то, что она отбила и увела у детей и жены Герствуда? А что делаешь ты сама? Ты печешься только о себе! Скорбишь о порочной страсти, забыв о благочестии! Себялюбие у тебя стоит на первом месте! Ты распутница! Ты подвер-

жена лишь своим изменным страстям! Опомнись, что ты делаешь? Где твой стыд, совесть, нравственные качества, которые ты стремилась постичь в их чистоте? Возьми себя в руки! А ты, блудница, бросаешь мужа, бежишь или звонишь Николаю, которого сама же и развратила. Ты не должна его видеть! Почему ты себя распустила до такой греховности? Тебе не место в этой жизни с таким грехопачением».

Бичуемая голосом совести, Елена рыдала и искала себе оправдание:

«Но я ведь очень люблю Николая. Мне без него нет никакого интереса жить. Я боролась со своей любовью много лет и в один момент не сдержала себя. Через одиннадцать лет, когда увидела его, я считала, что совершенно все свои чувства к нему убила, поэтому и дала им волю. А они, как тесто на дрожжах, всходили все больше и выше. И наступил момент, когда чувства вышли из-под контроля моей души, и я не в силах сдерживать их в себе и заставить уняться. Я понимаю, что не должна отбивать Николая у его жены и сиротить детей. Это жестоко, это безнравственно. Но что делать? Мне жизнь без него не нужна. Она мне в тягость, мне легче умереть, чем не встречаться с ним. Для меня это великая пытка жить и не видеть его. А если я стану видеть его, то уже не в силах буду не приблизить Николая всей глубиной своих чувств, которые во мне буйствуют великой страстью любви. Лучше мне умереть, чем так жестоко мучиться самой и заставлять страдать других. А умру, то сохраню благочестие, верность Дмитрию. Николай переболеет мною и будет жить в кругу своей семьи. Единственно перед кем я виновата останусь, это перед своим сыном. Игорек останется без матери, ему только десять лет. Но Дмитрий хороший отец, любит Игорька, он будет о нем заботиться. Если я останусь живой, то я с Дмитрием разведусь, а сыну это будет тяжело, и это может тогда травмировать душу Игорь-

ка. Он такой утонченный, проникновенный, сердечный и любит отца, наверное, не в меньшей мере, чем меня. И если Игорьку оставаться без одного из родителей, то лучше уйти из жизни мне. Такой выход для всех лучше. Мне им всем перед смертью надо написать письмо».

Не в полной мере осмысливая, что с ней происходит, Елена, раздираемая противоречивыми чувствами, которые довели ее до глубокого нервного истощения, взяла ручку, нашла конверты, листки бумаги и начала писать:

«Дорогой Дмитрий, я по-своему тебя любила и ты прости меня за то, что я уйду из жизни. Я хочу умереть, потому что до сих пор люблю Николая Ивановича. Я три месяца тому назад с ним случайно встретилась в Киеве на научно-практической конференции, и с тех пор мы с ним постоянно созванивались и встречались. Моя любовь к нему стала настолько сильной, что я больше не способна без него жить. Но он женат, у него трое детей. Я не хочу у них забирать отца. И тебя обижать не хочу. Я не преступила черту дозволенного в отношениях с Николаем. Кроме поцелуев, между нами больше ничего не было.

Я тебя, Дмитрий, очень прошу: прости меня за то, что причиняю тебе боль. Я на тебя оставляю нашего сына, заботься о нем, не обижай его. Я уйду из жизни с верой, что ты хороший отец. И моя смерть для всех нас – лучший вариант. Прощай. Еще раз прошу простить меня и душой взываю – береги сына».

Дрожащей рукой Елена положила письмо в конверт, подписав его на имя Дмитрия, затем взяла следующий лист бумаги и начала писать письмо для Николая.

«Мой дорогой Коленка! Я приняла решение уйти из жизни. Я так устала жить в этих саднящих противоречиях нашей любви. Ты мой и ты не мой. При сложившихся условиях без боли в моей душе ты никогда моим весь без остатка не будешь. А другим моя душа тебя не принимает. От

маеты и страдания я извелась. Мне легче умереть, чем так жить.

Прости меня за это прощальное последнее стихотворение, в котором я выразила свое состояние души в последние минуты жизни.

**От боли хочется зарыться
В остуду чахлого крыла,
К тебе навстречу не стремиться
И не давать душой тепла.**

**Такой я болью изнываю,
Что рвется в сердце блага нить,
Слезами горьких мук рыдаю.
И не хочу я больше жить...»**

Лихорадочно сворачивая письмо, Елена, даже не прочитав его, положила в конверт, на котором подписала «Для Николая Ивановича Снегирева». Затем встала, взяла острый нож и занесла его над левой частью груди, чтобы вонзить его в сердце. И как раз в эту долю секунды она услышала пронзительно-испуганный крик сына:

– Ма-ма!

От крика рука Елены дрогнула, и нож вместо груди вонзился в руку. Кровь из руки полилась ручьем. Елена потеряла сознание и гулко рухнула на пол. Она лежала в луже крови. Прибежавший на крик Игорька и грохот от падения Елены Дмитрий от испуга не знал, что делать. Игорек, рыдая, взял кружку со стола, стал умывать мать водой. Дмитрий, несколько оправившись от шока, быстро взял жгут и крепко перетянул руку возле предплечья. Кровь из вены престала так сильно хлестать, но тонкой струйкой продолжала литься на пол. Дмитрий вызвал скорую помощь. Она приехала незамедлительно.

Елену в бессознательном состоянии забрали в больницу. Дмитрий, вызвав тетю Пашу, взял такси и поехал к Елене.

Войдя в палату, Дмитрий увидел бледное, осунувшееся лицо жены. Она потеряла очень много крови. Увидев мужа, Елена виновато и с глубокой грустью посмотрела на него. Он, безмерно обрадованный, что она спасена,³⁹² ласково спросил:

– Леночка, как самочувствие?

– Ничего, – еле слышным голосом ответила Елена. – Врачи спасли... На руку наложили швы...

И еще тише спросила:

Рассказ

ПОДАРОК

У преуспевающего бизнесмена Романова Андрея Петровича и его супруги Ольги Семеновны сегодня праздник. Их, обожаемый, единственный, сын Аркадий зачислен студентом Харьковской юридической академии. Они все втроем так много мечтали об этом. И вот мечта осуществилась.

По этому поводу Ольга Семеновна накрыла богатый стол. Андрей Петрович не поскупился – выдал жене огромную сумму денег. Стол ломился от яств. Красная икра была изящно уложена на специально выпеченные слегка сдобные пшеничные коржики, напоминающие круглое крошечное печенье. И икра горела, как мак, привлекая к себе внимание гостей. Здесь же была и черная икра, и заливное. Колбаса разных сортов великолепно уложена в красочный букет на больших золоченых тарелках. Рядом лежали свежезажаренные румяные окорочка и молочные поросята, издавая ароматнейший запах, вызывая у гостей аппетитное желание насладиться увиденным.

Стол также изобилдовал разнообразием блюд из овощей и фруктов. Красочно выделялись на нем в необыкновенных бутылках коньяк, водка, различных сортов вина, которые гармонично вплетались в яркий ансамбль праздничного стола.

Чувствовалось, что хозяйка дома знала толк в сервировке. А сегодня стол у нее был особенно великолепен и выглядел, как чарующее произведение искусства.

Довольная Ольга Семеновна стала зазывать гостей за стол. Андрей Петрович пригласил на семейное торжество только самых близких и именитых людей города.

На званый вечер явились: директор машиностроительного завода, председатель горисполкома, крупный бизнесмен, народный депутат Украины. И еще два заместителя Андрея Петровича.

Гости чинно сели за стол на разные, сделанные из бука, стулья. Поочередно поздравляли Андрея Петровича, Ольгу Семеновну и Аркадия с приятным событием в их жизни. Как водится, традиционно желали новоиспеченному студенту здоровья, благополучия, счастья, отличной учебы и непременно после окончания академии дорасти до генерала или генерального прокурора.

Неожиданно директор завода Иван Федорович спросил у Андрея Петровича:

– А где Аркадий будет жить? В общежитии или в частном секторе?

– Да нет. Я Аркадию подарочек приготовил. По улице Сумской присмотрел на пятом этаже двухкомнатную квартиру за 12 тысяч долларов, – восторженно ответил Андрей Петрович.

– А не рановато ли Аркадию делать такие подарки и давать возможность жить одному? – выразила сомнение председатель горисполкома Любовь Александровна. – У вас Аркадий сам никогда не жил, а был всегда под опекой вас или бабушек. Ему же только семнадцать лет!..

– Справится. Он у нас навыки самостоятельности имеет, хоть и молодой. Да и умом Аркадий не обделен, – гордо ответил Андрей Петрович. – Он же у нас школу закончил с золотой медалью. Не пьет, не курит. На улицу не любит ходить. Все за книгами корпит. И в Харькове хочу, чтобы ему никто не мешал заниматься в академии. Пусть штурмует науки в полную меру. Надеюсь, что он и академию закончит с отличием.

Андрей Петрович замолчал. Наступила неловкая тишина. Затем, как бы в продолжение мысли Андрея Петровича, народный депутат Украины Николай Павлович добавил:

– Ты прав, Андрей Петрович, если волков бояться, тогда не надо и в лес ходить. И мы вот, депутаты, в

Киеве живем без жен, без семьи и ничего с нами не случается. Правда, частенько в гостиницу поздно приходим. Но «левая сторона» – делу не помеха. Мужик должен расти мужиком, а не маменькиным сынком. Не стоит Аркадию в общежитии прозябать. Там сейчас не очень уютно. Это не то что когда мы жили.. Время было другое и в общежитиях порядки иные.. Да и при твоих средствах, Андрей Петрович, обречь единственного сына на нищенское житье, без элементарных удобств, без тепла, было бы, мягко говоря, не гуманно.

Остальные гости, не вступая в дискуссию, дружно поддержали мнение хозяина дома и Николая Павловича.

Слыша весь этот разговор, радостный Аркадий размечтался о том, как он один, без опеки родителей, будет жить. Непременно купит себе музыкальный центр, видик, телевизор, компьютер. Будет пользоваться любыми программами, входить в интернет и смотреть любые программы, даже те, которые сейчас отец запрещает...

Уставшие от работы и от застолья, которое уже продолжалось более трех часов, гости, слегка захмелевшие, стали прощаться.

Довольные проведенным вечером, супруги Романовы проводили их до калитки. Там по-приятельски расцеловались. И гости сели в ожидавшие их дорогостоящие иностранные автомашины последнего выпуска – «мерседесы» и «ауди» – и разъехались по домам..

На следующий день рано утром Андрей Петрович выехал в Харьков. Оформил документы на покупку двухкомнатной квартиры и, довольный быстрым оборотом дела, явился домой в свой Алчевск, где проросли его родовые корни.

В конце августа квартира в Харькове уже сияла от произведенного евроремонта. И была меблирована так, как и мечтал Аркадий.

В течение сентября он познакомился со студентами из своей группы. Ему очень хотелось пощеголять перед своими однокашниками свободой и роскошью своей двух

комнатной квартиры.

Сегодня, наконец, было решено, что новоиспеченные друзья после занятий явятся к нему. Аркадий по дороге прихватил хлеба, сыра, колбасы, водки, шампанского.

Приехав, студенты по-деловому оценили богатую квартиру приятеля. Быстро в ней освоились. Включили музыкальный центр. По-походному накрыли на стол. Девочкам хозяин квартиры предложил налить шампанского, а себе и другим юношам налил водки. Ему хотелось показать перед студентами свою бывалость в распитии крепких спиртных напитков, хотя он сегодня вообще впервые пробовал вкус водки. Дома ему родители не разрешали пить не только водку или коньяк, но и вино. Лишь по большим праздникам в начале одиннадцатого класса ему, как исключение, на семейных торжествах стали наливать неполный бокал шампанского.

Выпив залпом стограммовую рюмку водки, Аркадий почувствовал в груди разлившуюся теплоту, от которой напряженность, стеснение, скованность как-то сразу исчезали и хотелось веселиться.

Почти не закусив, Аркадий и его друзья вновь выпили за незабываемую дружбу и «величественный пражской статус» кривца.

После четвертой выпитой стопки студенты уже мало что осмысливали. Они во всю мощь под аккомпанемент «Караоке», приплясывая, стали горланить заплетавшимися языками современные песни.

Уже был двенадцатый час ночи, а шум в квартире все не унимался, становясь, наоборот, все разухабистей и нетерпимей. Вдруг сосед громко постучал в дверь с требованием прекратить безобразие.

Навстречу соседу вышел Аркадий и истерическим голосом закричал:

– Брысь отсюда! Это моя квартира. Ее мне мои предки подарили! Поэтому в ней я что хочу, то и делаю. Хочу – танцую, хочу – пою, хочу – на подоконнике ногами болтаю.

Качаясь, Аркадий тут же взобрался на подоконник

раскрытого окна и свесил ноги на улицу. Внезапно он по качнулся вперед и стал падать. Поднял руки вверх, словно пытаясь за что-то уцепиться, но перед ним, кроме воздуха, ничего не было. И он камнем полетел с пятого этажа на землю...

Через несколько секунд внизу раздался глухой стук от ударившегося об асфальт Аркадия и послышался вырвавшийся из его уст стон.

На утро убитые горем, терзаемые раскаянием за свой бездумный подарок, ставший причиной смерти их единственного сына, Андрей Петрович и Ольга Семеновна забрали из больницы бездыханное тело Аркадия.

29.06.2002 г.

Рассказ

ЦВЕТЕНИЕ ЧУВСТВ ЛЮБВИ

Наталья голубила своего возлюбленного всей своей глубиной чувств, которые солнечно, как майское утро, лучились из ее души. Ей было ласково, нежно и трепетно. Ее возвышенная натура полноводно разливалась в волнах любви. Царственно, как невеста накануне свадьбы, она была наполнена счастьем предвкушения полета в синеокую гладь, где никто не сможет мешать ее радости, умилению, любви и взаимной святости и чистоты двуединых отношений, дарованных природой, искрометно ярких и трепетных чувств.

Зовущая своим необыкновенным порывом чувств Наталья, словно фея, наполняла возле себя пространство неземным ощущением. Ее душа восхищалась осязаемой красотой окружающей природы и сливалась с нею. Настолько в ней ярко отражалась непорочная первозданность природной свежести, что сама она как бы являла душу природы, олицетворяя ее царство, блеск и гармонию.

В ней сочетались редкие качества, переливаясь в своем цветении, даруя наслаждения утонченности, небесной лазурности, сияющей чистоты, распахнутости чувств, которые безудержно манили в свои объятия любви. Такое созвездие ее внутреннего чарующего мира, ее необычайная легкокрылость пленили и умиляли суровое сердце ее возлюбленного. Он, как мальчишка, в свои сорок семь лет окончательно потерял голову от ее горящего юного порыва неистраченных чувств.

Особенно сегодня, в свой день рождения, она выглядела восхитительной от озарения праздничного настроения

и ослепительных сочных черт лица. Ее голубые глаза, как озера, открыто смотрели на него и своей глубокой пронзали нежностью его душу. Ему с ней было настолько отрадно и желанно, что не было мочи отвести от нее взор. Он готов был подарить ей весь мир и себя без остатка. Все его существо было обращено к ней.

Наташа магически действовала на него. Он при ней, словно ночная фиалка, являл свое цветение. Только с ней он мог всецело раскрыться щедростью чувств, быть свободным, наслаждаться жизненным размахом и впитывать бесшабашное наслаждение радости ощущения женщины.

В такие минуты он не мог понять себя, задавая неоднократно себе вопросы о том, как он, директор такого крупного завода, который управляет многотысячным коллективом, твердый, волевой и непреклонный в своих решениях, в ее объятиях чувствует себя шалуном, способным сотворить различные, чуть ли не детские, фокусы, исполнять ее любые капризы, от которых ему становится необъяснимо весело, по-юношески задорно и безумно мило.

Девятнадцатилетняя Натали своей крылатостью чувств увлекала его настолько глубоко и полновластно, что он всецело растворялся в ее мире весны и сам становился ее частью. Когда он касался ее губ, то ему казалось, что воедино у них сливаются не уста, а души, способные взаимопроникновенно разлиться чистотой чувств в те далекие и потаенные уголки души, которые, кроме них, не доступны никому на свете. От этого ощущения их счастье становилось настолько лучезарным и безмерным, что им хотелось навеки остаться в нем и еще более ярко умножить свое счастье на желанные единения, согревая его пылкостью любви, рвущейся мощным потоком из источника цветения чувств.

23.06.2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Роман «Свеча судьбы»

Глава I.....	3
Глава II.....	22
Глава III.....	54
Глава IV.....	69
Глава V.....	81
Глава VI.....	100
Глава VII.....	119
Глава VIII.....	134
Глава IX.....	159
Глава X.....	179
Глава XI.....	198
Глава XII.....	221
Глава XIII.....	240
Глава XIV.....	269
Глава XV.....	294
Глава XVI.....	321
Глава XVII.....	341
Глава XVIII.....	374

Рассказы

Подарок.....	393
Целение чувств любви.....	398

Литературно-художественное
издание

Лазор
Лидия Ивановна

СВЕЧА СУДЬБЫ

Роман
Рассказы

Под редакцией автора

<i>Художественный редактор</i>	Лазор Лидия Ивановна
<i>Консультант</i>	Лазор Валерий Васильевич
<i>Технические редакторы</i>	Борцова Анна Владимировна Лямзенко Елена Сергеевна Холод Елена Александровна
<i>Компьютерная верстка</i>	
<i>Ассистент технического редактора</i>	Лазор Игорь Валерьевич
<i>Компьютерный набор</i>	Лазор Иван Валерьевич
<i>Художник</i>	Яресько Вадим Иванович

Сдано в набор 20.01.03г. Подписано в печать 25.03.03г.
Формат 84/108х32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. 21,0. Усл. кр.-отт. 24,87. Уч.-изд. л. 21,71.
Заказ 512 . Тираж 5000.

Цена договорная.

Издательство «Янтарь»
91016, Луганск, ул. Коцюбинского, 2

Лазор Л.И.

Л 17

Свеча судьбы. - Луганск, 2003. - 400 с.

ISBN 966-678-086-0

Роман «Свеча судьбы» - первая книга прозы Лидии Ивановны Лазор. Он глубоко пронизан поэтической тонкостью чувств, что дает возможность многограннее понять психологию действующих лиц. В нем особенно ярко и проникновенно раскрыт образ благородной и целеустремленной главной героини Михайлѳовой Елены Васильевны. Великая любовь матери сформировала в ней трудолюбие, чистые и добрые качества. Стезя жизни простирается к ней терниями, через которые она стремится пройти, ниспосылая свою израненную душу для излечения и ее укрепления в Господнюю Обитель.

Лидия Лазор - широко известный поэт. Ее перу принадлежит тринадцать поэтических сборников. За вклад в развитие литературы и научной деятельности она награждена в 2000 г. - орденом «Рождество Христово», в 2001 г. - орденом «Княгиня Ольга», в 2002 г. - дипломом «Лауреат литературной премии имени Владимира Даля».

Лидия Ивановна является академиком Международной академии информатизации, членом-корреспондентом Академии правовых наук, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Украины, деканом юридического факультета Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля. В 1998 г. она признана женщиной - ученым года. Результат ее научной деятельности составляет около 200 научных работ.

ISBN 966-678-086-0

ББК 84 (4Укр - 4Луг) 6-44